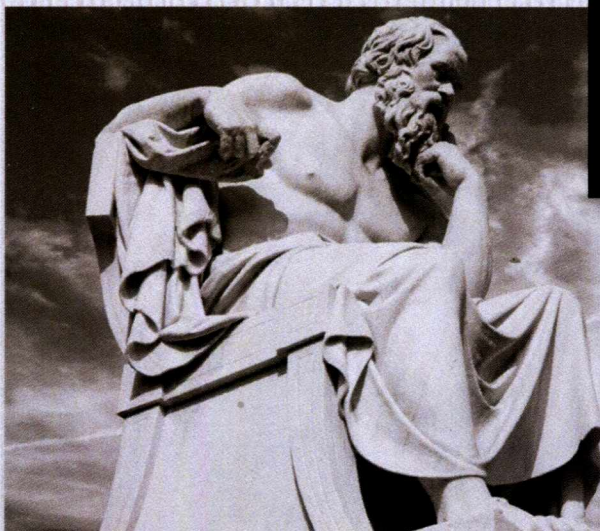

ISSN 2075-1613

Том 40

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

УО «ВГУ имени П.М. Машерова»

ВИТЕБСК
2024

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова»

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

УО «ВГУ имени П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

2024 • Том 40

УДК 378.4(476.5)(06)
ББК 74.583(4Бей-4Вит)6я54
Б54

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 1 от 24.10.2024.

Редакционная коллегия:

В.В. Богатырёва (главный редактор),
Е.Я. Аршанский (зам. главного редактора),
А.Н. Дулов, И.П. Зайцева, А.П. Косов, А.Г. Кохановский, Е.В. Крикливец,
А.С. Лаптёнок, В.А. Маслова, А.М. Мезенко, С.А. Моторов, И.В. Николаева,
С.В. Николаenko, О.М. Ростовская, Э.И. Рудковский,
В.П. Старжинский, С.П. Стренковский

Редакционный совет:

П.А. Водопьянов (Беларусь), И.А. Королева (Россия), А.А. Михайлов (Россия),
Е.Ю. Муратова (Беларусь), В.Н. Никитин (Россия), Н.Л. Пушкарёва (Россия)

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»»
включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований
по историческим, филологическим и философским наукам

Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова» : сборник научных трудов / Витеб.
гос. ун-т; редкол.: В.В. Богатырёва (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова,
2024. – Т. 40. – 184 с.

УДК 378.4(476.5)(06)
ББК 74.583(4Бей-4Вит)6я54

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

История

Дубровко Е.Н. Британский взгляд на роль Польши в Европе в контексте Женевской конференции 1932 года	7
Кежа Ю.М. Спусташэнне зямель Русі князямі Рурыкавічамі (XI – сярэдзіна XIII ст.)	13
Бубенько Т.С. Культурно-хронологические горизонты городища Бураково: взгляд сквозь призму времени	18
Куимова Н.А. Земская избирательная система в белорусских губерниях	29
Шкирандо Ф.И. Витебский белорусский педагогический техникум (1924–июль 1941 г.)	34
Некрасевич Ф.А. Роль рекрутской повинности в реализации политики по привлечению евреев к земледелию (на примере Витебской губернии (1827–1865 гг.))	42
Журавская О.С., Мацевич М.В. Сотрудничество Беларуси и ОАЭ в сфере передовых технологий и инноваций	46
Шрамук Е.П. Этапы становления рабоче-крестьянской инспекции РСФСР в 1917–1920 гг.	53
Нікіфаровіч М.А., Дулаў А.А. Першыя полацкія князі: да праблемы навуковай рэканструкцыі біяграфічных звестак	59

Философия

Ростовская О.М., Рудко Е.А. Свобода и необходимость в индивидуальном и социально-историческом измерениях	67
Далимаева Е.О. Отношение студентов к вопросам, связанным с этическими аспектами использования современных технологий	71
Голубев В.А. Феномен лидерства в контексте истории философской мысли	78
Кутузова Н.А. Методологические проблемы формирования системы международных индексов и индикаторов	86
Давлятова Е.В. Основные теоретические модели глобальной безопасности: социально-философский анализ	93

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Мезенка Г.М. “Мужчинскае” і “Жаночае” ва ўрбананіміі малых гарадоў памежжа (на матэрыяле назваў вуліц гг. Івацэвічы і Гайнаўка)	99
Алимпиева Е.В. Приглагольные лексические средства экспликации значений способов действия русского глагола при переводе на немецкий язык	105
Бартош Ю.В., Алимпиева Е.В., Яковлева-Юрчак Е.Н. Способы достижения эквивалентности при переводе поэтических текстов (на материале русского, английского, немецкого и французского языков)	111
Гладкова Г.А. Мастацкае адлюстраванне беларускай рэчаіснасці ў рамане І. Лажэчнікава “Унучка панцырнага баярына”	119
Зіманскі В.Э. Структурна-асацыятыўны аспект функцыянавання семантычнага поля ‘Вада’ ў беларускай паэзіі	124
Муратова Е.Ю., Малышева К.И. Быт человека как важнейшая составляющая культуры	137
Прищепа М.М. Функционирование урбанонимов, отражающих информацию растительного кода культуры, в топонимиконе Юго-Западной Англии	143
Сергеева В.В. Структурно-семантические особенности англоязычных терминов-эпонимов сферы искусственного интеллекта	149
Никитенко Т.В. Семантическая эволюция глаголов приобретения в свое распоряжение (типа вербовать)	153
Меньшенина И.А. Структурно-смысловая организация публикаций научного медицинского дискурса в свете задач прикладной лингвистики	158
Зайцева И.П., Степанов Д.А. Дискурсивно-контекстуальное осмысление лексемы <i>rease</i> в современном медиатексте (на материале британской прессы)	163
Мунир А.С. Новая модель коммуникативных стратегий	168

Рецензии

Рецензия на книгу В.А. Воронцова «Фундаментальная система языка и ее использование в семантических исследованиях» / В.А. Воронцов. – Казань: Логос-Пресс, 2024. – 200 с.	176
---	-----

CONTENTS

History

Dubrovko E.N. The British View of Poland's Role in Europe in the Context of the 1932 Geneva Conference	7
Kezha Yu.M. Devastation of the Lands of Russia by the Rurikovich Princes (11th – Mid-13th Centuries)	13
Bubenko T.S. Cultural and Chronological Layers of Burakovo Settlement: an Insight through the Prism of Time	18
Kuimova N.A. Zemstvo (Local Administration) Electoral System in Belarusian Provinces	29
Shkirando F.I. Vitebsk Belarusian Pedagogical Vocational School (1924–July 1941) ..	34
Nekrashevich Ph.A. The Role of Conscription in the Implementation of the Policy of Attracting Jews to Agriculture (on the Example of Vitebsk Province (1827–1865)) ..	42
Zhuravskaya O.S., Matsevich M.V. Belarus-UAE Cooperation in the Field of Advanced Technologies and Innovations	46
Shramuk Ye.P. The Stages of Formation of the Workers' and Peasants' Inspection of the RSFSR in 1917–1920	53
Nikifarovich M.A., Dulau A.M. The First Princes of Polotsk: on the Problem of Scientific Reconstruction of Biographical Information	59

Philosophy

Rostovskaya O.M., Rudko E.A. Freedom and Necessity in Individual and Social-Historical Dimensions	67
Dalimayeva Ye.O. Students' Stance on Issues Related to the Ethical Aspects of Modern Technologies	71
Golubev V.A. The Phenomenon of Leadership in the Context of the History of Philosophical Thought	78
Kutuzova N.A. Methodological Issues in the Formation of the System of International Indices and Indicators	86
Davliatova E.V. Basic Theoretical Models of Global Security: a Social and Philosophical Analysis	93

CONTENTS

Philology

Mezenka H.M. "Male" and "Female" in the Urbanonymy of Small Towns on the Borderland (on the Material of the Street Names of Ivatsevichi and Gainauka)	99
Alimpiyeva E.V. Non-Verbal Lexical Means for Explication of the Meanings of the Manners of Action of the Russian Verb Used in Translation into German	105
Bartosh Ju.V., Alimpiyeva E.V., Yakovleva-Yurchak E.N. Ways to Achieve Equivalence when Translating Poetic Texts (Based on the Material of Russian, English, German and French)	111
Gladkova A.A. Artistic Depiction of Belarusian Reality in I. Lazhechnikov's Novel "Granddaughter of the Armored Boyar"	119
Zimanski V.E. Structural and Association Aspect of Functioning of the Semantic Field of Water in Belarusian Poetry	124
Muratova E.Y., Malysheva K.I. Human Everyday Household Activities as a Most Important Component of Culture	137
Pryshchepa M.M. The Functioning of Urbanonyms Reflecting the Information of the Plant Code of Culture in the Godonymicon of Southwestern England	143
Sergeyeva V.V. Structural and Semantic Features of English Terms-Eponyms of the Field of Artificial Intelligence	149
Nikitenko T.V. The Semantic Evolution of the Verbs for Obtaining an Object (Such as <i>Verbovat</i>)	153
Menshenina I.A. The Structural and Semantic Organization of Scientific Medical Discourse Publications in View of Applied Linguistics Tasks	158
Zaitseva I.P., Stepanov D.A. Discourse and Context Comprehension of the Lekseme of Peace in Modern Mediatext (Based on the Material of the British Press)	163
Mounir A.S. New Model of Communication Strategies	168

Review

Review of the book by V.A. Vorontsov "Fundamental System of the Language and its Application in Semantic Research" / V.A. Vorontsov. – Kazan: Logos-Press, 2024. – 200 p.	176
--	-----

ИСТОРИЯ

Британский взгляд на роль Польши в Европе в контексте Женевской конференции 1932 года

Дубровко Е.Н.

Учреждение образования «Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины», Гомель

Цель статьи – выявить и охарактеризовать оценки, которые представители британского политического истеблишмента давали роли Польши в международных отношениях в контексте обсуждения вопросов о сокращении вооружений в 1932 году.

Материал и методы. Статья подготовлена на базе документальных и повествовательных источников, основные из них – материалы делопроизводства Кабинета министров, Форин оффис, Женевской конференции за 1932 г. В ходе работы применялись специальные исторические методы исследования: историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный.

Результаты и их обсуждение. Британские дипломаты основную задачу на конференции видели в предотвращении обострения франко-германских противоречий. При ее решении учитывались проблемы, происходившие из международно-го положения союзной Франции Польши, в частности, германо-польские противоречия. Британские дипломаты не исключали возможное в будущем силовое разрешение этих противоречий со стороны Германии. Военные круги указывали, что потенциал Польши достаточен для обороны при текущем соотношении вооруженных сил. Уступки Германии, направленные на достижение основной задачи, допускали увеличение роста рисков потенциальной угрозы для территории Польши в будущем.

Заключение. В ходе переговоров на Женевской конференции в 1932 году, с точки зрения британских дипломатов, Польша выступала в роли фактора, затруднявшего переговорный процесс, что вынуждало их к поиску формулы для недопущения срыва переговоров, в том числе способствующей росту риска потенциальной угрозы для Польши в будущем.

Ключевые слова: Женевская конференция 1932–1934 гг., Великобритания, Польша, международные отношения.

(Ученые записки. – 2024. – Том 40. – С. 7–12)

The British View of Poland's Role in Europe in the Context of the 1932 Geneva Conference

Dubrovko E.N.

Education Establishment "Francisk Skorina Gomel State University", Gomel

The purpose of the article is to identify and characterize the assessments that representatives of the British political establishment gave of Poland's role in international relations in the context of the discussion of arms reduction in 1932.

Material and methods. The article was prepared on the basis of documentary and narrative sources, the main of which are the materials of the Cabinet of Ministers, the Foreign Office, and the 1932 Geneva Conference. In the course of the work, special historical research methods were used: historical-genetic, historical-comparative and historical-systemic.

Findings and their discussion. British diplomats saw the main task at the Conference as preventing the aggravation of Franco-German contradictions. Its solution took into account the problems arising from the international situation of the French-allied Poland, in particular, the German-Polish contradictions. British diplomats did not rule out a possible future forceful resolution of these contradictions on the part of Germany. Military circles pointed out that Poland's potential was sufficient for defense with the current ratio of armed forces. Germany's concessions which aimed at achieving the main objective allowed for an increase in the growth of risks of a potential threat to the territory of Poland in the future.

Conclusion. During the negotiations at the Geneva Conference of 1932, from the point of view of British diplomats, Poland acted as a factor complicating the negotiation process, which forced them to find a formula to prevent the breakdown of negotiations, including allowing an increase in the risk of a potential threat to Poland in the future.

Key words: Geneva Conference of 1932–1934, Great Britain, Poland, international relations.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 40. – P. 7–12)

Первая половина 1930-х годов характеризовалась интенсивностью появления проектов, направленных на обеспечение мирной эволюции международных отношений. К их числу можно отнести «пакт четырех», советско-французское сближение, Восточный пакт, проведение конференции по сокращению и ограничению вооружений, которая начала работу в Женеве в феврале 1932 года. Названные проекты не смогли лечь в основу системы коллективной безопасности, которая бы успешно справилась с вызовами середины 1930-х годов.

Историки неоднократно обращались к осмыслению сути этой системы и причин того, почему складывавшаяся модель коллективной безопасности не удалось адаптировать к радикальному изменению внешних условий. При всём многообразии оценок выявляется, что в качестве ядра этой системы находился «концерт» держав. Решающее значение играли голоса политических элит нескольких стран, в частности, Великобритании [1]. В этой связи представляет несомненный интерес анализ и осмысление позиции британских политиков в ходе попыток формирования системы коллективной безопасности в начале 1930-х годов. В современной русскоязычной историографии больше внимания уделяется ситуации предвоенных лет, проблеме политики «умиротворения». При этом нередко присутствует острая обвинительная риторика, присущая советской историографии [2]. В современной английской исторической науке сохраняется интерес к анализу попыток обеспечения безопасности и разоружения в международных отношениях в начале 1930-х годов, а также позиции Великобритании. При этом появляются достаточно критичные оценки: Великобритания старалась возлагать ответственность за провал международных соглашений на других, мало делала для того, чтобы убрать основное противоречие межвоенного времени – германо-французское [3]. Ряд современных историков очевидно указывают на обструкционистскую политику, проводимую Великобританией [4]. Объяснение такой позиции традиционно для британской историографии связывается с тем, что для британских кабинетов доминантой была озабоченность поддержанием существующей имперской безопасности, выходящей за рамки идеи европейской безопасности [5].

При значительной разработанности в историографии вопроса о позиции Великобритании по проблеме обеспечения безопасности в Европе в первой половине 1930-х годов приходится констатировать, что не все ее аспекты нашли достаточное отражение в исследованиях историков. Традиционно акцентируется внимание на отношениях Великобритании с основными акторами – Германией, Францией, СССР. Цель представленной статьи – выявить и охарактеризовать оценки, которые представители британского политического истеблишмента давали роли Польши в международных отношениях в контексте обсуждения вопросов о сокращении вооружений в 1932 году,

то есть в ходе первой фазы работы Женевской конференции по сокращению и ограничению вооружений. Реализация заявленной цели призвана способствовать более глубокому пониманию ситуации, сложившейся в международных отношениях в центрально-восточноевропейском регионе в указанное время, адекватной оценке процессов, происходивших на территории компактного проживания белорусского народа.

Исходя из заявленной цели, необходимо дополнить обзор историографии, обратившись к наработкам польских исследователей. В их работах закрепился тезис, что 1930–1932 годы были «переломными» в польско-британских отношениях, после которых 1933–1934 годы ознаменованы началом их интенсификации [6, s. 314–317]. При этом даже в исследованиях 2010-х годов акцент сделан на отношениях Великобритании с Германией, игравшей первую роль в Европе для английского национального правительства [7]. Заявленная в этой статье цель исследования не нашла реализации в известных нам научных работах.

Материал и методы. Источниковая база исследования включает письменные документальные и повествовательные источники. Первый блок – это материалы делопроизводства Кабинета министров Великобритании (протоколы, меморандумы), документы Женевской конференции по разоружению, материалы делопроизводства Форин оффис. Это как архивные документы, преимущественно из оцифрованных фондов Национального архива Великобритании, так и опубликованные материалы. Второй блок включает воспоминания главы отдела военного министерства в британской делегации на конференции по разоружению А. Темперли, воспоминания советского посла в Лондоне И. Майского.

При проведении исследования автор стремился исходить из базовых принципов объективности и историзма. В ходе работы применялись специальные исторические методы исследования: историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный.

Результаты и их обсуждение. В начале 1930-х годов крупной международной площадкой для обсуждения вопросов обеспечения безопасности и разоружения стала международная конференция в Женеве по сокращению и ограничению вооружений, которая начала свою работу в феврале 1932 года. Подготовка к проведению этой конференции шла долго – подготовительная комиссия приступила к работе вскоре после Локарнской конференции в мае 1926 года, а закончила свою работу лишь в декабре 1930 года [7, s. 43].

Организация конференции стимулировала внешнеполитическое ведомство Великобритании к очередному раунду аналитической работы. Накануне визита 9 декабря 1931 года польской делегации в Лондон с целью изложить свою концепцию готовящейся конференции в Форин оффис были подготовлены два меморандума: по вопросу Гданьска и польско-германских отношений. Первый проводил мысль о том,

что Гданьск стремится в большей мере восстановить связь с Германией, второй рассматривал варианты улучшения польско-германских отношений либо посредством подписания восточного Локарно, либо посредством политического договора. Оговаривались варианты отказа Польши от права на часть территорий взамен на гарантию безопасности остальных, представления дополнительных гарантий Франции, чтобы союз с Польшей был не нужен, а на Польшу легче было оказывать давление. Указаны факторы, влиявшие на позицию Великобритании по вопросу германо-польских отношений: избегание перерастания конфликта за пределы локального, неприятие общественным мнением обязательств в отношении той части мира, где у Великобритании нет непосредственных интересов [6, с. 295–298]. Содержание этих документов не озвучивалось на встрече с польскими дипломатами, но в ходе нее глава Форин оффис Дж. Саймон поинтересовался, готова ли Польша для обеспечения условий для разоружения пойти на территориальные уступки. Глава польского МИД А. Залеский такой вариант исключил. В итоге в Форин оффис оформилось мнение, что в польско-советских отношениях существует возможность улучшения, подписания договора о ненападении, но не видно возможностей улучшения отношений с Германией [6, с. 302–303].

В качестве попытки дать оценку ситуации в Европе и помочь сформулировать декларативный документ о целях Великобритании в международных отношениях **1 января 1932 года** появился секретный меморандум. Он был подготовлен по просьбе главы Форин оффис дипломатом Р. Ванситтартом, занимавшим пост его постоянного заместителя. В рамках общей оценки ситуации в Европе британский дипломат обозначил место Польши. С одной стороны, связанные с польским государством проблемы британский дипломат называл в ряду острых политических проблем в Европе: «С политической точки зрения есть острые проблемы Силезии, Польского коридора, России и пограничных государств, Бессарабии, Вильно, Трансильвании, габсбургский вопрос <...> Истина заключается в том, что реальное разоружение вряд ли достижимо без морального разоружения, что означает пересмотр договора. Последняя форма разоружения сделала бы первую гораздо менее неотложной» [8, р. 88]. Второе, что обращает на себя внимание, Польша традиционно рассматривалась как французский сателлит, на которого Франция рассчитывала: «Ненасытный французский аппетит к “безопасности”, возможно, не будет удовлетворен. Она по-прежнему будет думать главным образом о поляках, во вторую очередь о югославах и чехах и, возможно, “немного, много и совсем не” о бедных и дряхлых румынах» [8, р. 91–92]. Правда, наличие этого сателлита, как и остальных, рассматривалось как недостаточное с точки зрения Франции для обеспечения её безопасности, потому делался вывод, что «с одной стороны, Франция все еще рассчитывает на нас (Великобританию. – *Е.Д.*), хотя и в более отда-

ленном смысле; она упорно и глупо ссорилась с двумя из трех наиболее “плодовитых” европейских стран, Германией и Италией, и часто с третьей, Россией, которую она подозревает в том, что та “точит зуб” на пару ее сателлитов, Польшу и Румынию. Она бы очень неохотно рассматривала постепенное охлаждение нашего отношения к Европе, под которым она понимает себя, поскольку это, в конечном счете, оставило бы ее наедине с этими более плодовитыми матерями детей» [8, р. 93]. В своих рекомендациях по вопросу о том, какую позицию должна занять Великобритания на конференции в Женеве, автор меморандума исходил из того, что Лондон не мог «поддержать подталкивание Германии в объятия России» [8, р. 88]. В качестве основной задачи момента предлагалось решить, «как при наименьших усилиях поддерживать результат временных и частичных решений. Это важно не только для внешней, но и для внутренней политики. На конференции по разоружению должно быть сделано все, чтобы предотвратить вспышки противоречий между Францией и Германией. Общественное мнение и Доминионы больше склонны к поддержке позиции Германии» [8, р. 88–94].

С указанными рекомендациями британская делегация прибыла на конференцию, первое заседание которой прошло 2 февраля 1932 года под председательством бывшего главы Форин оффис А. Гендерсона. Это было начало первой сессии, которая завершится 23 июля того же года. По свидетельству советского военного атташе, работа шла медленно и «непродуктивно», заседания проходили лишь с 10.00 до 13.00. «Остальное время используется для реализации интересов отдельных делегаций» [9, л. 28–31]. 9–23 февраля происходили общие выступления делегаций и вносились предложения, 24 февраля Конференция направила Общей комиссии все предложения делегаций, после чего до 23 июля пленарных заседаний не было. 5 февраля были озвучены предложения французской делегации т.н. «план Тардьё» [10, с. 42–47]. Франция делала акцент на проблеме безопасности, создании армии Лиги Наций. Без таких гарантий она соглашалась лишь на ограничение вооружений, исходя из потребностей каждого государства. Этих положений придерживалась и Польша, она также лоббировала идею «морального разоружения», одноименный меморандум польские дипломаты передали приглашенным на конференцию правительствам ещё в сентябре 1931 года через секретариат Лиги Наций [10, с. 32–33; 11, р. 66–68, 117–119]. А. Темперли в своей работе охарактеризовал эту ситуацию как наличие «французской группы»: «Малая Антанта и Бельгия поддерживали очень тесные отношения с Францией. Польша была гораздо более независимой, но в важных случаях можно было положиться на то, что она подчинится взмаху французского кнута» [12, р. 186].

В период этой сессии, следуя установке «предотвратить вспышки противоречий между Францией и Германией», британские политики пытались

выступать с компромиссными предложениями [10, с. 63–64]. В поисках приемлемых для противостоящих сторон формул одним из препятствий была Польша. Проблемы, проистекавшие из ее международного положения, постоянно приходилось учитывать при разработке проектов урегулирования. Например, 31 марта Дж. Саймон, выражая свое видение принципов соглашения в меморандуме, подготовленном для Кабинета, вынужден был искать ответ на идею Франции о невозможности дальнейшего разоружения без далеко идущих мер по обеспечению безопасности. В частности, разрабатывалась реакция на утверждения Парижа, что границы некоторых государств в Европе, например, Польши, небезопасны, что единственная форма гарантии безопасности – это заключение всеобъемлющего договора. Стремясь ответить на этот тезис и при этом избежать нежелательных обязательств, он сформулировал принцип невозможности «принять концепцию сверхдержавы, обычной функцией которой является выполнение функций международного полицейского». Взамен предлагался принцип «региональных гарантий между государствами на Европейском континенте» [13, р. 203]. Параллельно велась работа с немецкой стороной, в ходе которой также поднималась польская тема. В частности, посол в Берлине Г. Рамбольд 6 июня сообщал в Форин оффис о беседе с немецким дипломатом по вопросу о возможном вкладе Германии в систему безопасности: когда на вопрос, что Германия могла бы внести со своей стороны, министр иностранных дел Германии фон Нейрат сразу поднял вопрос о польском коридоре. Он подчеркнул, что «при нынешнем положении вещей политика Германии не направлена на обеспечение изменений, но, с другой стороны, совершенно невозможно, чтобы Германия рассматривала возможность сохранения существующей ситуации вечно». В ответ была предложена концепция договоренности на несколько лет, в течение которых между европейскими государствами будет заключено соглашение не проводить политику, рассчитанную на то, чтобы поднимать спорные политические вопросы [14, р. 283–284].

Выработать согласованную схему ограничения вооружений до лета 1932 года не удалось. 22 июля была озвучена Декларация о неучастии Германии в дальнейших работах конференции [10, с. 96–97]. Это означало фактическое окончание первой сессии. 23 июля была принята резолюция, отложившая очередную сессию конференции и оставившая в работе только ее бюро и комиссии [11, р. 268–271].

Уже через три дня правительство Германии заявило о присоединении к «пакту доверия», подписанному между Великобританией и Францией еще 13 июля и содержавшему заявление о намерении «работать друг с другом, а также с другими делегациями в Женеве для такого разрешения проблемы разоружения, которое было бы справедливым и выгодным для всех заинтересованных держав» [10, с. 30.]. Этот дипломатический шаг, а также успешный для Германии ход Лозаннской

конференции, повлекший снижение репарационных выплат, подтолкнули Польшу, стремившуюся к усилению своей позиции в международных отношениях, к подписанию 25 июля 1932 года известного пакта о ненападении с СССР. Данный шаг польского правительства не мог не получить оценку британских дипломатов. Как отметила польская исследователь М. Новак-Келбикова, факт польско-советского договора был принят без опасений, но и без энтузиазма. Он рассматривался как один из многих договоров, подписанных СССР с пограничными государствами [6, с. 313]. На это настраивала информация от британских представителей из Варшавы и Москвы. 28 июля британский представитель из Варшавы сообщал, что польское правительство надеется, что пакт поспособствует улучшению отношений Польши прежде всего с ее западными соседями [15, р. 240]. Британский представитель в Москве информировал, что на текущий момент СССР занят урегулированием отношений со всеми государствами, с которыми в недавнем прошлом у него были реальные или потенциальные разногласия, Польша лишь одна среди них [15, р. 246–247]. Очевидно, никакого ажиотажа и переоценки положения Польши этот дипломатический шаг не вызвал, он рассматривался как ее дипломатический маневр в отношениях с западноевропейскими государствами.

Гораздо больше внимание британских дипломатов привлекали действия Германии, которые становились все более решительными в деле отстаивания своей позиции, о чем свидетельствовал появившийся 29 августа германский меморандум о равноправии в вооружениях, врученный французскому послу в Женеве [10, с. 102–105]. Как результат, в подготовленном 29 сентября главой Форин оффис по запросу премьер-министра обзоре европейской ситуации большое внимание уделено именно теме Германии. В связи с ее осмыслением получил освещение и вопрос, касающийся Польши: «Польская граница (карта которой, как нам говорят, часто висит в комнате молодого немца, чтобы напомнить ему о ране в боку Германии), очевидно, является следующим элементом, который необходимо рассмотреть <...> нет никакой надежды на решение путем соглашения между Германией и Польшей или с помощью какого-либо простого логического решения. Поэтому, если планируется исправление этой ситуации, это будет силовое решение. Каковы признаки того, что Германия думает в этом направлении? Они приняли план, согласно которому немецкая молодежь должна пройти период физической подготовки под руководством военных. Хотя это делается во имя спорта, на самом деле это обеспечивает не только сырье для армейской подготовки, но и, вполне возможно, позволяет провести предварительную регистрацию» [16, р. 172]. Этот тревожный итог анализа подталкивал к поиску такого механизма продолжения переговоров о разоружении и безопасности, который с точки зрения Великобритании позволил бы обойти препятствия вроде вопроса о польско-германской границе.

В октябре 1932 года в Кабинете обсуждался вопрос о ходе конференции о разоружении, возможности возврата на нее Германии. Было принято решение, что, если Польша и Чехословакия займут «обструктивную позицию», желательно ограничить Конференцию, по возможности, Соединенным Королевством, Францией, Германией, Италией и Соединенными Штатами Америки. При этом премьер-министру и государственному секретарю по иностранным делам предоставлялась свобода действий в отношении возможного допуска других стран, таких как Польша и Чехословакия, «если на них будут сильно давить» [17, р. 243–244]. Таким образом, формулировался принцип принятия решений не с использованием площадки представительной международной конференции, а посредством переговоров между несколькими крупными государствами с обязательным присутствием Германии. Для его обеспечения, как показывает следующий цитируемый документ, британская дипломатия готова была на определенное пренебрежение позицией союзной Франции Польши. Глава Форин оффис 17 октября заявил Кабинету о «кризисе политики разоружения», который нес угрозу и международным делам, и внутриполитической ситуации. Он признавал, что правительство Германии нацелено на укрепление своей военной силы с целью решения вопроса о польской границе. Однако он придерживался позиции, что, если требование Германии будет быстро и публично удовлетворено, общественное мнение за пределами Германии будет настроено против ее перевооружения, и силы внутри Германии, которые настроены миролюбиво, будут иметь больший вес. «Более того, если Германия не будет возвращена на Конференцию по разоружению и соглашение не будет достигнуто в Женеве, нет ни малейшей перспективы какого-либо серьезного сокращения вооружений со стороны соседей Германии. Конференция, которая началась с того, что была нацелена на всеобщее разоружение, закончится увеличением вооружений и вероятностью возобновления войны» [16, р. 355]. То есть потенциальными рисками для Польши, по оценке главы Форин оффис, было допустимо пренебречь в пользу идеи общего мира и внутриполитической стабильности.

В то же время проводился анализ текущих рисков со стороны военного ведомства. Свою оценку положения в мире его представители – глава имперского генерального штаба и глава военного ведомства – дали в меморандуме от 28 октября. Авторы его пришли к выводу, что на текущий момент Франция с легкостью разобьет Германию со 100-тысячной армией. Что касается Польши, то ее роль в ситуации потенциального франко-германского конфликта – наблюдение за Советской Россией. При этом последняя не готова к наступательным действиям, занимается кризисом пятилетнего плана, а ее армия преимущественно из крестьян лояльна к правительству, но может быть эффективна лишь на своей территории. Даже в случае советского наступления Польша сможет

оказать сопротивление, имея армию хорошего качества, соглашение с Румынией о совместных действиях и соглашение с Францией. Указывалось, что французских призывников вряд ли удастся склонить к участию в боевых действиях в Восточной Европе, но некоторая военная помощь и достаточные поставки военного снаряжения будут получены. Сама Польша, по оценке авторов меморандума, не стала бы искать никаких военных авантюр далеко за пределами своих границ. Вмешательство Германии в советско-польскую войну представлено как маловероятное. Война между Польшей и Германией, в которой Россия не принимает участия, по мнению авторов, должна закончиться потерей Восточной Пруссии и военным поражением Германии. Подводя итоги, авторы резюмировали, что ситуация такова, что «Польша, поддерживаемая своими военными союзами, достаточно защищена либо от России, либо от Германии по отдельности, либо в составе коалиции» [18, р. 160–162]. Через несколько дней глава военного ведомства Д. Хог представил Кабинету меморандум в связи с обсуждением на международном уровне вопроса об ограничении и сокращении вооружений. Он изложил следующую позицию: Германия не собирается придерживаться соглашений типа пакта Бриана–Келлога, она не скрывает намерения избавиться от Версальского договора, следующей ее политической целью станет «исправление» польского коридора, изменение восточных границ, которые она считает несправедливыми, позже, возможно, и западных [17, р. 263–265].

Таким образом осенью 1932 года в британском военном ведомстве существовала оценка Польши, как государства, чьи вооруженные силы и военные союзы позволяли обеспечить защиту имеющихся у него территорий, а также не настроенного на новые территориальные приобретения. При этом положение ее абсолютно стабильным не представлялось ввиду ревизионистской позиции Германии.

Подобные оценки давали и отдельные политики, ближе знакомые с польскими проблемами в силу прошлого опыта своей деятельности. Например, в конце осени 1932 года советский посол И.М. Майский во время визитов к британским политикам встречался с Д. Ллойд Джорджем, который в ответ на заявление посла, что пятилетка будет успешной, если не будет войны, ответил, что никто не собирается воевать с СССР. «Французский солдат, пожалуй, еще выступит против немца, но воевать за Польшу? С какой стати? <...> Кто же еще вам может грозить? Польша? Но что она в состоянии сделать одна, да еще в обстановке отчаянных внутренних трудностей? К тому же Польша сейчас гораздо больше опасается столкновения с Германией, чем с вами» [19, с. 177].

12 декабря 1932 года была принята резолюция о равенстве прав в вооружениях, в том числе для Германии, декларировавшая обеспечение безопасности для всех стран Европы [20, р. 447]. Эта уступка в пользу требований Германии была направлена на достижение

цели по возобновлению работы конференции и означала для Польши рост риска потенциальной угрозы.

Заключение. В 1932 году британские дипломаты рассматривали Польшу как государство, чье международное положение связано с рядом острых политических проблем, вызванных неудовлетворением ее соседей итогами территориального размежевания с польским государством: проблема Силезии, польского коридора, польско-советского размежевания, статуса Вильнюсского региона.

Во время первой фазы Женевской конференции по оценкам британских дипломатов и военных наиболее остро стоял вопрос германо-польских отношений. Это было связано со стремлением Германии к ревизии ее восточных границ и подготовкой к варианту ее силового решения. На текущий момент военный потенциал Польши и наличие у нее военных союзников оценивались как достаточные условия для защиты ее территорий, однако требуемое Германией увеличение вооружений могло изменить расстановку сил в центрально-восточноевропейском регионе.

Ведение переговоров на площадке Женевской конференции рассматривалось как возможность не допустить бесконтрольное вооружение Германии и обострение ее отношений с Францией, потому предотвращение срыва конференции из-за отказа немецкого правительства от переговоров было целью британской дипломатии. В этом аспекте Польша выступала в роли фактора, затрудняющего достижение названной цели. Снижение влияния этого фактора осложнялось союзнической ролью Польши по отношению к Франции, что не позволяло Великобритании самолично эффективно оказывать давление на польское правительство. Разрабатывалась формула преодоления влияния польского фактора путем ограничения непосредственных участников переговоров на Конференции, что позволило бы добиться удовлетворения некоторых требований Германии, содержащих потенциальные риски для сохранения целостности текущей территории Польши.

Литература

1. Вершинин, А.А. Противоречия модели коллективной безопасности: современная историография об эволюции Версальской системы международных отношений в 1930-е гг. / А.А. Вершинин // Вестник МГИМО-Университета. – 2022. – № 15(2). – С. 108–140.
2. Дубровко, Е.Н. Английская «политика умиротворения» в исследованиях российских историков 2010-х годов / Е.Н. Дубровко // Гісторія Гомельшчыны ў кантэксце падзей Вялікай Айчыннай вайны 1941–1945 гадоў (да 75-годдзя Вялікай Перамогі): зб. навук. арт. / Гомел. дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны; рэдкал.: М.М. Мязга (гал. рэд.) [і інш.]. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2020. – С. 11–16.
3. Kitching, C.J. Britain and the Problem of International Disarmament 1919–1934 / C.J. Kitching. – London & New York: Routledge, 2003. – 232 p.
4. Davies, T.R. France and the World Disarmament Conference of 1932–34 / T.R. Davies // Diplomacy & Statecraft. – 2004. – Vol. 15, № 4. – P. 765–780.
5. Fleming, N.C. Cabinet Government, British Imperial Security, and the World Disarmament Conference, 1932–1934 / N.C. Fleming // War in History. – 2011. – Vol. 18, no. 1. – P. 62–84.
6. Nowak-Kiełbikowa, M. Polska – Wielka Brytania w dobie zabiegów o zbiorowe bezpieczeństwo w Europie 1923–1937 / M. Nowak-Kiełbikowa. – Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1989. – 587 s.
7. Jeziorny, D. Dyplomacja brytyjska wobec koncepcji paktu wschodniego (1933–1935) / D. Jeziorny. – Łódź: Wyd-wo Uniw. Łódzkiego, 2011. – 635 s.
8. Cabinet Papers Nos. 1 (32) to 50 (32) dated 1.1.32 to 27.1.32. – URL: https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-227.pdf (date of access: 24.10.2024).
9. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 558. Оп. 11. Д. 431.
10. Сборник документов по международной политике и международному праву. – Вып. IV. Лозаннские соглашения. Женевская конференция по разоружению Признание Маньчжоу-Го и др. / под ред. К.В. Антонова. – М.: Издание НКВД, 1933. – 200 с.
11. Conference for the Reduction and Limitation of Armaments. Conference Documents / League of Nations. – Vol. 1. – Geneva, 1932. – 281 p.
12. Temperley, A.C. The whispering gallery of Europe / A.C. Temperley. – London: Collins, 1938. – 259 p.
13. Cabinet Papers Nos. 101 (32) to 150 (32) dated 14.3.32 to 4.5.32. – URL: https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-229.pdf (date of access: 24.10.2024).
14. Cabinet Papers Nos. 151 (32) to 200 (32) dated 4.5.32 to 9.6.32. – URL: https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-230.pdf (date of access: 24.10.2024).
15. Documents on British foreign policy 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E.L. Woodward. – London, 1958. – Vol. 7. – 808 p.
16. Cabinet Papers Nos. 301 (32) to 350 (32) dated 13.9.32 to 15.10.32. – URL: https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-233.pdf (date of access: 24.10.2024).
17. Conclusions of meetings of the Cabinet. June 30 – November 9, 1932 – URL: https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124838mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-72.pdf (date of access: 24.10.2024).
18. Cabinet Papers Nos. 351 (32) to 400 (32) dated 20.10.32 to 22.11.32. – URL: https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-234.pdf (date of access: 24.10.2024).
19. Майский, И.М. Воспоминания советского дипломата. 1925–1945 гг. / И.М. Майский. – М.: Изд-во «Наука», 1971. – 712 с.
20. Conference for the Reduction and Limitation of Armaments. Conference Documents / League of Nations. – Vol. 2. – Geneva, 1935. – 736 p.

Поступила в редакцию 11.09.2024

Спусташэнне зямель Русі князямі Рурыкавічамі (XI – сярэдзіна XIII ст.)

Кежа Ю.М.

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск

У артыкуле разглядаюцца паведамленні пісьмовых крыніц аб выпадках ваенных нападаў князёў Рурыкавічаў на старажытнарускія гарады і землі. Мэтай даследавання з'яўляецца аналіз летапіснай інфармацыі, звязанай з выпадкамі рабавання ў XI – пачатку XIII ст. старажытнарускіх тэрыторый прадстаўнікамі правячай на Русі дынастыі.

Матэрыял і метады. Даследаванне праведзена на падставе вылучэння і аналізу дадзеных старажытнарускіх наратываў. У рабоце выкарыстаны агульнагістарычныя і спецыяльныя метады, у тым ліку параўнальна-гістарычны, гісторыка-сістэмны, метады гістарычнай антрапалогіі.

Вынікі і іх абмеркаванне. Сярод шматлікіх работ па гісторыі Старажытнай Русі, рабаванні тэрыторый разглядаліся ў кантэксце палітычнага супрацьстаяння князёў правячай дынастыі. Пры гэтым амаль не аналізаваліся асаблівасці дзеянняў агрэсараў (старажытнарускіх князёў), якія далёка не заўсёды можна патлумачыць палітычнай прагматыкай і матэрыяльнымі выгодамі. Артыкул дазваляе вылучыць акрамя ўласна прагматычных мэт агрэсіі, мэты ідэйна-сімвалічнага характару.

Заклучэнне. Ваенныя паходы Рурыкавічаў ажыццяўляліся галоўным чынам у кантэксце барацьбы за ўладу і сферы ўплыву. Апроч тыповых актаў гвалту і рабавання, войскі князёў рабуюць цэнтральныя храмы гарадоў, тым самым дэсакралізуючы і сімвалічна спусташаючы гарадскую прастору непрыяцеля. Некаторыя паходы з'яўляліся актам помсты кіраўніку за спустошаныя тэрыторыі ці за невыкананне раней заключаных дамоўленасцяў. Шэраг ваенных паходаў можна трактаваць як помсту выгнанных князёў гараджанам, калі спусташэнне гарадоў і гарадскіх наваколляў прадугледжвала нанясенне максімальнай шкоды супольнасці, якая пазбаўляла князя ўлады.

Ключавыя словы: Рурыкавічы, старажытнарускія землі, ваенная агрэсія, рабаванне і гвалт.

(Ученые записки. – 2024. – Том 40. – С. 13–17)

Devastation of the Lands of Russia by the Rurikovich Princes (11th – Mid-13th Centuries)

Kezha Yu.M.

Belarusian State University, Minsk

The article examines the reports of written sources about the cases of military attacks of the Rurikovich princes on ancient Russian cities and lands. The purpose of the research is the analysis of historical data related to robberies in the 11th – early 13th centuries. ancient Russian territories by representatives of the ruling dynasty in Rus.

Material and methods. The research was carried out on the basis of selection and analysis of data from ancient Rus narratives. The work uses general historical and special methods, including comparative-historical, historical-systemic, historical anthropology methods.

Findings and their discussion. Among the many works on the history of Ancient Rus, the looting of territories was considered in the context of the political confrontation between the princes of the ruling dynasty. At the same time, the actions of the aggressors (ancient Rus princes) were hardly considered, which cannot always be explained by political pragmatism and material benefits. The article makes it possible to highlight, in addition to the actual pragmatic goals of aggression, goals of an ideological and symbolic nature.

Conclusion. Military campaigns of the Rurikovichs were carried out mainly in the context of the struggle for power and sphere of influence. In addition to the typical acts of violence and robbery, the troops of the princes looted the central temples of the cities, thereby desacralizing and symbolically ravaging the enemy's urban space. Some campaigns were an act of revenge against the ruler for devastated territories or for non-fulfillment of previously concluded agreements. A number of military campaigns can be interpreted as the revenge of the exiled princes by the townspeople, when the devastation of cities and urban neighborhoods meant causing maximum damage to the community, which deprived the prince of power.

Key words: Rurikovichs (the Rurikovichs), ancient Russian lands, military aggression, robbery and violence.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 40. – P. 13–17)

Важнае значэнне ў асэнсаванні прыроды старажытнарускіх канфліктаў мае вылучэнне і аналіз летапісных паведамленняў аб рабаванні тэрыторый, апісанні агрэсій і гвалтоўных дзеянняў, з якімі сутыкаліся жыхары гарадоў і зямель Усходняй Еўропы. У наратывах па старажытнаруускай гісторыі дамангольскага перыяду (X – сярэдзіна XIII ст.) летапісныя паведамленні перадаюць шматлікую інфармацыю аб вясных сутыкненнях і спусташэннях тэрыторыі Русі.

Матэрыял і метады. Даследаванне праведзена на падставе вылучэння і аналізу дадзеных старажытнарускіх наратываў – Аповесці аб мінулых гадах (пачатак XII ст. – далей АМГ), Лаўрэнцьеўскага (1377 г. – далей ЛЛ) і Іпацьеўскага (пачатак XV ст. – далей ІЛ) летапісаў, а таксама Наўгародскага першага летапісу старэйшага і малодшага ізводаў (канец XIII ст. – далей НПЛ). У рабоце выкарыстаны агульнагістарычныя і спецыяльныя метады ў тым ліку параўнальна-гістарычны, фармальна-тыпалагічны, гісторыка-сістэмны, метады гістарычнай антрапалогіі.

Вынікі і іх абмеркаванне. Паводле аналізу летапіснага матэрыялу, стаўленне саміх князёў Рурыкавічаў да агрэсій на старажытнарускіх землях нельга назваць адназначным. З аднаго боку, забойства і ператварэнне ў рабоў аднаверцаў з пункту гледжання хрысціянскай свядомасці – несумненны грэх. З іншага боку, прызнаючы грахоўнасць падобнага роду дзеянняў, Рурыкавічы ў перыяд XI–XIII стст. ажыццяўляюць шматлікія ваенныя напады на старажытнарускія гарады і землі. Паведамленні летапісаў, дзе змяшчаюцца апісанні спусташэнняў і гвалту падчас гэтых нападаў, істотна пераважаюць над апісаннем ваенных набегав на старажытнарускія тэрыторыі суседніх уладароў і народаў.

У якасці паказальнага прыкладу можна прывесці ўспаміны Уладзіміра Усеваладавіча Манаха, якія ён пакінуў у сваім “Павучанні”. У пачатковай частцы твора князь у якасці настаўлення сваім сынам піша аб недапушчальнасці рабавання і гвалту на “сваёй” тэрыторыі: “куда же ходаше путем по своимъ землямъ . не дайте пакости дѣяти . втрокомъ ни своимъ . ни чужимъ . ни в селѣхъ . ни в житѣхъ . да не клати васъ начнутъ” [1, стб. 246]. Далей, апісваючы ўласныя ваенныя паходы, Манах паведамляе аб татальным спусташэнні зямель наўпрост яму не падпарадкаваных. Паказальна ў дадзеным кантэксце выглядае зніштажэнне Уладзімірам Усеваладавічам у 1084–1085 гг. Менска, а таксама яго паведамленне аб спаленні ваколіц Полацка і спусташэнні Полацкай зямлі [1, стб. 247, 248].

У большасці летапісных артыкулаў спусташэнні земляў Русі згадваюцца ў кантэксце барацьбы паміж князямі за ўладу і сферы ўплыву ў землях-княствах. У агульнай інфармацыі аб войнах паміж Рурыкавічамі можна вылучыць прымяненне наступных формаў гвалту: спаленне гарадоў і вёсак [1, стб. 303, 361; 2, стб. 487, 491, 506; 3, с. 227], забойства і (або)

паланенне насельніцтва [1, стб. 314, 361, 381, 386, 469; 2, стб. 296, 739, 746, 770, 772, 774; 3, с. 214, 220, 227, 281], знішчэнне пасаваў [1, стб. 310, 378; 2, стб. 332], угон жывёлы [1, стб. 361; 2, стб. 309, 643], рабаванне маёмасці гараджан або князя [2, стб. 333, 361; 3, с. 220].

У многіх выпадках старажытнарускія князі ў якасці дадатковай сілы выкарыстоўвалі качэўнікаў полаўцаў, што ў другой палове XI–XII ст. з’яўлялася распаўсюджанай палітычнай практыкай [1, стб. 200, 226, 303, 349, 429; 2, стб. 296, 507, 508; 3, с. 284]. Апроч полаўцаў, пры спусташэнні земляў у саюзніках рускіх князёў маглі выступаць іншыя качавыя народы: берандзеі, торкі і чорныя клубукі [1, стб. 332; 2, стб. 698].

У некаторых летапісных эпізодах паходы Рурыкавічаў звязаны з пазбаўленнем горада (аб’екта агрэсіі) высокага палітычнага ці рэлігійнага статусу. У 1066–1067 гг. полацкі князь Усяслаў Брачыславіч ажыццявіў паход на Ноўгарад. У НПЛ ст. паведамляецца аб паланенні жанчын і дзяцей, разрабаванні Усяславам наўгародскай Сафіі – зняццем званоў і вывазам царкоўнага начыння: “Приде Всѣславъ и взяъ Новѣгородъ, съ женами и съ дѣтми; и колоколы съима у святыя Софіе. О, велика бяше бѣда въ часъ тыи; и понекадила съима” [3, с. 17]. Па ўсёй верагоднасці, храмавыя званы і царкоўнае начынне, вывезенае з наўгародскай Сафіі, знайшлі сваё выкарыстанне ў Сафііскім саборы Полацка. Прыкладна ў гэты ж самы час (60–70-гг. XI ст.) Усяславам будуюцца полацкі храм святой Сафіі [4, с. 350]. Паралелі падобнага роду дзеянням знаходзяцца ў апісанні будаўніцтва царквы Багародзіцы (Дзясяціннай) Уладзімірам Святаславічам у 90-я гг. X ст. Кіеўскі князь выкарыстоўваў іконы і царкоўныя рэчы, вывезеныя з візантыйскага Корсуна, для ўпрыгожвання новабудаванага кіеўскага храма [1, стб. 122].

Узяцце Ноўгарада Усяславам у 1066–1067 гг. акрамя выключна прагматычных мэт – паслаблення галоўнага канкурэнта ў выхадзе на Балтыку, здабычы рабоў і матэрыяльных каштоўнасцяў – мела важнае ідэалагічнае і сімвалічнае значэнне. Спусташэнне мясцовага Сафійскага сабора, які выконваў ролю духоўнага цэнтра Ноўгарада і ўсёй Наўгародскай зямлі, насіла характар разбурэння хрысціянскай прасторы гэтага горада. Верагодна, дзеянні Усяслава былі накіраваны на імкненне зрабіць Полацк адзіным рэлігійным цэнтрам Паўночнай Русі [5, с. 78; 6, с. 15].

Найбольш выразнае сімвалічнае значэнне мелі дзеянні кааліцыі князёў пры штурме і спусташэнні Кіева ў 1169 г. Паход быў арганізаваны Андрэем Багалюбскім, кіраваў ім яго старэйшы сын Мсціслаў. Пасля трохдзённай аблогі Кіеў быў узяты і падвергся разграбленню. Інфармацыя пра гэты падзеі найбольш поўна адлюстравалася ў ЛЛ і ІЛ. Згодна з версіяй ЛЛ, войскамі княжацкай кааліцыі былі разрабаваны царквы і манастыры горада, вывезена царкоўнае начынне. Мсціслаў Андрэевіч, паводле

суздальскага летапісца, выступае зброяй боскага пакарання Кіева [1, стб. 354]. У прыватнасці, у летапісе гаворыцца аб “митропольчѣй неправде”, як найважнейшым граху, пад якой, хутчэй за ўсё, маецца на ўвазе царкоўны канфлікт 50-х гг. XII ст. [7, с. 36–36].

ІЛ змяшчае больш падрабязнае апісанне ўзяцце Кіева і больш дакладную інфармацыю аб яго спусташэнні. Паведамляецца аб спаленні шматлікіх цэркваў і Пячэрскага манастыра, разрабаванні сабора св. Сафіі і Дзесяціннай царквы, зняцці званоў з кіеўскіх храмаў, забойстве і паланенні насельніцтва, а таксама рабаванні маёмасці кіяўлян [2, стб. 545]. Паказальна, што пры рабаванні цэркваў летапісец згадвае аб зняцці званоў. Дадзены летапісны эпизод збліжае апісанне ўзяцця Кіева 1169 г. з паведамленнем аб спусташэнні Усяславам Брачыславічам Ноўгарада ў 1066–1067 гг. [8, с. 32–33].

Асэнсаванні кіеўскага і суздальскага кніжнікаў, адлюстраваныя ў ІЛ і ЛЛ, істотна адрозніваюцца. Кіеўскі летапісец спусташэнне “Маці гарадоў рускіх” апісвае як трагедыю, а ўчынкі войска Мсціслава Андрэвіча параўноўвае з дзеяннямі вавілонскага цара Седэкіі пры спусташэнні Іерусаліма. У гэтым сэнсе рабаванне Кіева адпавядае апісанню ўзяцця і абразы галоўнага біблейскага горада са згадваннем канкрэтных дэталей: забойствам жыхароў, вынасам храмавага начыння і царкоўных каштоўнасцяў (2 Пар. 36). Дзеянні па “выняцці” царкоўнай маёмасці і спусташэнні храмаў ускосна адпавядалі ідэйным памкненням Андрэя Багалюбскага, які ў перыяд свайго кіравання ва Уладзіміры на Клязьме (1158–1174) імкнуўся зрабіць свой горад новым палітычным і рэлігійным цэнтрам Русі.

Суздальскі летапісец, ляяльны да Андрэя Багалюбскага і яго сына Мсціслава, апісвае паход 1169 г. і дзеянні кааліцыйных войскаў як пакаранне кіяўлян за грахі (“за грѣхы ихъ”). У гэтым выпадку дзеянні князёў, якія руйнавалі кіеўскія галоўныя храмы – Дзесяцінную царкву і Сафію, сабор, цалкам карэлявалі з ідэйным абгрунтаваннем паходу, прадстаўленым у ЛЛ. Спусташэнне цэркваў і манастыроў Кіева, а таксама вываз царкоўных святыняў былі закліканы пазбавіць Кіеў сакральнага статусу галоўнага горада Русі, фактычна знішчыўшы яго галоўнае становішча сярод іншых старажытнарускіх цэнтраў, зводзячы яго да ўзроўню звычайнага гарадскога паселішча [9, с. 25].

У 1177 г. маштабнае спусташэнне вёскі Багалюбава ва Уладзіміра-Суздальскім княстве ў саюзе з полаўцамі ажыццяўляе разанскі князь Глеб Уладзіміравіч. Акрамя разрабавання царквы Раства Багародзіцы, згадаецца аб спаленні шэрагу іншых цэркваў, спусташэнні баярскіх сёл з паланеннем баярскіх сем’яў [1, стб. 383]. Акрамя ўскладання адказнасці за бяспачнасць і знішчэння хрысціянскіх святынь на полаўцаў, галоўным вінаватым у трагедыі ў Багалюбава прадстаўлены разанскі князь Глеб: “и тако Глѣбъ князь Ба҃ разгнѣви и сѣюу Бѣю” [1, стб. 383].

Спаленне Багалюбава, апроч нанясення матэрыяльнай шкоды, насіла і сімвалічнае значэнне – знішчэнне рэзідэнцыі уладзімірскага князя з галоўным храмам было заклікана, як і ў выпадку рабавання Ноўгарада ў 1066–1067 гг., і Кіева ў 1169 г., прадэманстраваць спусташэнне сакральнага аб’екта, звязанага з дзейнасцю Андрэя Юр’евіча Багалюбскага.

Некалькі спусташальных паходаў XI–XII стст. звязаны са зваротнымі дзеяннямі ў адказ на агрэсію і былі арганізаваны як акты помсты. Так, адказам на спусташэнне Ноўгарада Усяславам, стаў паход паўднёварускіх князёў Яраславічаў – Ізяслава, Святаслава і Усевалада на тэрыторыю Полацкай зямлі. У 1067 г. князямі быў спустошаны Менск. У ходзе нападу на горад, паводле АМГ, мужчынскае насельніцтва было знішчана, а жанчыны і дзеці звернуты ў рабства [1, стб. 166]. Асноўнай мэтай войска Яраславічаў было нанясенне зваротнага ўрону ўладанням Усяслава Брачыславіча. Апроч гэтага, паланенне насельніцтва дазваляла князям набыць дадатковы рэсурс у выглядзе рабоў.

Зваротныя паходы з мэтай помсты або пакарання контрагента за парушэнне дамоўленасцей ажыццяўляліся ў перыяд канфліктаў паміж князямі Полацкай зямлі і Уладзімірам Манамахам. Ва ўжо ўзгаданым “Павучанні” князь паведамляе пра спусташальны паход Усяслава Брачыславіча на Смаленск (вотчыну Уладзіміра), затым ідзе інфармацыя аб зваротным разбурэнні Уладзімірам Полацкай зямлі: “Всеславъ Смолнескъ вжже . и азъ всѣдъ с Черниговци . в двою коню . и не застахомъ въ Смолинскѣ . тѣм же путемъ по Всеславѣ . пожегъ землю и повоевавъ до Лукамля . и до Логожска . та на Дрюютьскъ воюае” [1, стб. 248].

Спусташэнне зямель праціўніка і зваротныя дзеянні як помста за нанесеную шкоду мелі месца ў працяглым супрацьстаянні за кіеўскі вялікакняжацкі стол паміж Юрыем Уладзіміравічам і яго пляменнікам Ізяславам Мсціславічам. У 1152 г. войскі Ізяслава Мсціславіча і яго саюзнікаў Ізяслава Давыдавіча і Святаслава Усеваладавіча спустошылі ўладанні Юрыя – Гарадзец Астроўскі, пры гэтым войскі кааліцыі князёў спалілі царкву Св. Міхаіла [2, стб. 446]. У адказ Юрый руйнуе некалькі гарадоў у Чарнігаўскай зямлі [2, стб. 459].

Пасля спусташэння Багалюбава ў 1177 г., чарга зваротных паходаў уладзіміра-суздальскіх князёў на Разанскую зямлю адбылася ў 1180-х – пачатку 1200-х гг. У 1187 г. уладзіміра-суздальскія князі Усевалад Юр’евіч, Яраслаў Уладзіміравіч, Уладзімір Юр’евіч і Усевалад Глебавіч узялі ў шматлікі палон і выпалілі вёскі Разанскага княства [1, стб. 407]. У 1207 г. Усевалад Юр’евіч руйнуе Разань і Белград Разанскі. Паход на сталіцу княства супраджаўся спаленнем горада і паланеннем разанцаў разам з епіскапам Арсеніем [1, стб. 434]. У наступным 1208 г. адбыўся чарговы паход Усевалада Юр’евіча на Разань, які зноў скончыўся захопам і спаленнем

горада, а таксама перасяленнем яго жыхароў ва Уладзімірское княства [3, с. 249].

Пад 1097 г. у АМГ змешчана інфармацыя аб паходзе братаў Васілька і Валадара Расціславічаў на Усевалаж – горад у Валынскай зямлі, уладаннях князя Давыда Ігаравіча. Горад быў спалены, а значная частка насельніцтва знішчана: “и наставши веснѣ приде Володаръ . и Васалко на Дѣда . и придоста ко Всеволожу . а Дѣдъ затворисѣ Володимери . внѣма же ставшима вколо Всеволожа . и воста копьѣмъ градъ . и зажгоста вгнемъ . и бѣгоша людѣ вгнѣ . и повелѣ Василко исѣчи всѣ . и створи мщенье на людехъ неповинныхъ . и прольѣ кровь неповинну” [1, стб. 267]. Прычынай паходу стала помста Васількі за асляпленне, якое было здзейснена раней па ініцыятыве Давыда. Пры гэтым паказальна, што сам Давыд Ігаравіч не пацярпеў, хаця ў далейшым і быў пазбаўлены Уладзіміра-Валынскага княжэння. Аб’ектам гвалту стала насельніцтва горада, якое, паводле летапісца, не было вінаватае ў асляпленні Васількі (“и створи мщенье на людехъ неповинныхъ”). У далейшым Васілька і Уладар аблажылі Давыда ва Уладзіміры-Валынскім і дабіліся выдачы баяраў, якія параілі Давыду асляпіць церабоўльскага князя. Баяры, у наступным, былі забіты [1, стб. 268].

У 1116 г. адбыўся канфлікт паміж Уладзімірам Манамахам і менскім князем Глебам Усяславічам. Глеб у выніку ваеннага паходу спустошыў Слуцк [2, стб. 282]. Зваротнымі дзеяннямі Манамаха быў паход на Менск, у выніку якога Глеб здаецца на літасць пераможцы і заключае дамову з кіеўскім князем. У 1119 г. Глеб парушае пагадненне, здзейсніўшы напад на ўладанні Манамаха. Рэакцыяй у адказ стаў чарговы паход Уладзіміра на Менск, паланенне Глеба Усяславіча і зняволенне яго ў Кіеве, дзе ён памёр у тым жа годзе [2, стб. 285].

У шэрагу паведамленняў гаворыцца аб ужыванні гвалту ў кантэксце супрацьстаяння князёў і гарадскіх супольнасцяў. У некаторых выпадках пасля выгнання князя, зваротнымі дзеяннямі экс-кіраўніка з’яўлялася спусташэнне гарадоў і гарадскіх наваколяў, а таксама расправа над гараджанамі.

У старажытнарускіх уяўленнях гарадскія аб’яднанні асэнсоўваліся як “калектыўныя асобы”, якія маюць уладу па аналогіі з князямі [10, с. 194]. Палітычная актыўнасць насельніцтва Кіева, Ноўгарада, Полацка, Галіча ва ўзаемаадносінах з князямі выяўлялася ў розных формах. Галоўным чынам, гэта былі дзеянні, звязаныя з пазбаўленнем уладара княжэння ці наадварот, запрашэнне (“пасажэння”) князя на стол. У некаторых выпадках пасля выгнання князя, зваротнымі дзеяннямі экс-уладара з’яўлялася спусташэнне гарадоў і наваколяў, г.зн. нанясенне максімальнай шкоды супольнасці, якая пазбавіла князя ўлады.

Упершыню падобныя дзеянні ажыццявіў Ізяслаў Яраславіч у 1069 г. Расправай над кіяўлянамі, якія выганілі князя, стала забойства і асляпленне людзей,

падазронах ва ўдзеле ў паўстанні [1, стб. 173–174]. У 1144 г. галіцкім князем Уладзімірам Валадар’евічам была здзейснена расправа над жыхарамі Галіча, якія ў перыяд адсутнасці Уладзіміра падтрымалі Івана Расціславіча Берладніка. Пасля штурму горада і ўцёкаў Івана многія жыхары Галіча (хутчэй за ўсё, прадстаўнікі баярства) былі знішчаны “казню злою” [2, стб. 317]. У 1158 г. Расціслаў Глебавіч пасля выгнання з Полацка спустошыў наваколлі горада, адводзячы жывёлу і рабоў [2, стб. 495–496]. У 1186 г. адбыўся канфлікт паміж смаленскім князем Давыдам Расціславічам і гараджанамі Смаленска, у выніку якога значная частка смаленскіх “лучших мужоў” была знішчана [3, с. 38].

Адно з самых буйных спусташэнняў Кіева каліцыйнымі войскамі пад кіраваннем Рурыка Расціславіча адбылося ў 1203 г. Паводле інфармацыі ЛЛ, маштаб спусташэння і гвалту не быў супастаўны з папярэднімі нападамі на старажытнарускую сталіцу: “акого же зла не было . ѿ крщеньѣ надъ Кыевомъ” [1, стб. 418]. Апісанне дадзеных падзей адлюстравалася ў ЛЛ і НПЛ. Паведамленне ЛЛ больш падрабязна і мае даволі выразныя біблейскія запазычаны. Узяцце Кіева параўноўваецца са спусташэннем Іерусаліма, пра якое згадваецца ў 78-псалме цара Давіда: “Боже! Придоша языци в достояние Твое и оскверниша церковь святоую Твою, положиша Иерусалима, яко овощное хранилище, положиша троупие рабъ Твоихъ брашно птицамъ небеснымъ, плоть преподобныхъ Твоихъ – зверемъ земнымъ, пролияша кровь ихъ, аки воду” (Пс. 78: 1–3). Паводле паведамлення ЛЛ, рабаванню падвергліся галоўныя кіеўскія храмы – Сафійскі сабор і Дзесяцінная царква. Спусташэнне суправаджалася зніштажэннем насельніцтва, дзе асабліваю ўвагу летапісец звяртае на забойства святароў, манахаў і манахак [1, стб. 418–419]. Некаторыя элементы паведамлення знаходзяць паралелі ў іншых летапісных артыкулах, якія апісваюць спусташэнні старажытнарускіх гарадоў. У прыватнасці, асноўны матыў – рабаванне горада язычнікамі, з паўтарамі некаторых фраз сустракаюцца пры апісанні нападу полаўцаў на Кіева-Пячэрскі манастыр у 1096 г. [1, стб. 232–234], рабаванні Кіева ў 1169 г. [2, стб. 545], і спусташэнні манголамі Уладзіміра на Клязьме ў 1238 г. [1, стб. 463–464].

Прычынай нападу на Кіеў 1203 г. сталі падзеі гадавой даўніны, калі Рурык Расціславіч быў выгнаны з кіеўскага княжэння сваім зяцем Раманам Мсціславічам. Кіяўляне, насуперак волі Рурыка адчынілі Раману гарадскую браму. Пачатак аблогі Кіева Рурыкам адбываецца у дзень уласных імянін, бо князь быў ахрышчаны ў гонар св. Васілія Кесарыйскага і на 1 студзеня прыпадае дзень памяці гэтага святога [11, с. 603]. Узяцце і рабаванне Кіева было абумоўлена не толькі імкненнем вярнуць сабе горад. Спусташэнне Кіева з’яўлялася своеасаблівай помстай кіяўлянам, якія пасля многіх гадоў княжэння Рурыка пагадзіліся прыняць яго апанента Мсціслава Уладзіміравіча [12, с. 165].

Заклучэнне. Прааналізаваўшы згаданыя ў летапісах выпадкі ваенных нападаў на старажытнарускія гарады і землі, а таксама дзеянні, якія гэтыя напады суправаджалі, мы можам адзначыць некаторыя асаблівасці ажыццяўлення ваенных агрэсій унутры старажытнарускіх зямель дамангольскага перыяду.

Ваенныя паходы на старажытнарускія землі князёў Рурыкавічаў ажыццяўляліся галоўным чынам у кантэксце барацьбы за ўладу і сферы ўплыву. Як правіла, вынікам ваенных нападаў становіўся захоп рабоў, жывёлы і харчавання, што дазваляла нападаючаму боку істотна папоўніць свае эканамічныя рэсурсы. У шэрагу выпадкаў дадзеныя вайсковыя кампаніі суправаджаліся знішчэннем мясцовага насельніцтва.

Пры спусташэнні Ноўгарада ў 1066–1067 гг., узяцці Кіева ў 1169 г. і нападзе на Багальова ў 1177 г., дзеянні нападаючых князёў насілі яскрава выражаны сімвалізм. Апроч тыповых актаў гвалту і рабавання (знішчэнне і паланенне насельніцтва, захоп каштоўнасцяў), войскі князёў рабуюць цэнтральныя храмы гарадоў, тым самым дэсакралізуючы і сімвалічна спусташаючы гарадскую прастору непрыяцеля.

Некаторыя паходы з’яўляліся актам помсты кіраўніку за спустошаныя тэрыторыі ці за невыкананне раней заключаных дамоўленасцяў. Шэраг ваенных паходаў можна трактаваць як помсту выгнанных князёў гараджанам, калі спусташэнне гарадоў і гарадскіх наваколяў прадугледжвала нанясенне максімальнай шкоды супольнасці, якая пазбаўляла князя ўлады.

Літаратура

1. Полное собрание русских летописей: в 10 т. – Ленинград: Изд-во Академии наук СССР. – 1926–1928. – Т. 1. Лаврентьевская летопись. – 379 с.
2. Полное собрание русских летописей: в 10 т. – СПб.: Типография М.А. Александрова, 1908. – Т. 2. Ипатьевская летопись. – 638 с.
3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. – 576 с.
4. Торшин, Е.Н. О строительных материалах Софийского собора в Полоцке и проблеме датировки памятника / Е.Н. Торшин // Труды Государственного Эрмитажа: Первые каменные храмы Древней Руси: материалы архит.-археол. сем-ра, Санкт-Петербург, 22–24 нояб. 2010 г. / науч. ред. Д.Д. Ёлшин. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. – С. 337–352.
5. Кежа, Ю.Н. Когда Волхов течёт вспять. Поход князя Всеслава на Новгород 1066 г. / Ю.Н. Кежа // Родина. – 2013. – № 5. – С. 76–78.
6. Емяльянаў, С.П. Рэлігійныя і палітычныя стратэгіі на еўрапейскай Поўначы X–XII стагоддзяў / С.П. Емяльянаў // Веснік Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя А. Гуманітарныя навукі. – 2015. – № 1 – С. 13–17.
7. Ковалёв, А.В. Военные кампании Андрея Боголюбского и их идеологическое оформление в летописании / А.В. Ковалёв // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. Вып. 3. – Минск: РИВШ, 2010. – С. 30–43.
8. Кежа, Ю.Н. «И колоколы съима у Святые Софие»: снятие храмовых колоколов в Древней Руси / Ю.Н. Кежа // Веснік Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя А. Гуманітарныя навукі. – 2023. – № 2(67). – С. 30–35.
9. Гайденок, П.И. Крушение мечты о Владимирской митрополии (о причинах церковно-политической неудачи Андрея Боголюбского) / П.И. Гайденок // История: факты и символы. – 2020. – № 1(22). – С. 35–50.
10. Лукин, П.В. Новгородское вече / П.В. Лукин. – М.: Индрик, 2014. – 608 с.
11. Литвина, А.Ф. Выбор имени русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропоники / А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский. – М.: Индрик, 2006. – 904 с.
12. Литвина, А.Ф. Династический мир домонгольской Руси / А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский. – СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2020. – 432 с.

Паступіў у рэдакцыю 16.09.2024

Культурно-хронологические горизонты городища Бураково: взгляд сквозь призму времени

Бубенько Т.С.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Несмотря на то, что городище Бураково открыто 90 лет назад и на нем в 60-е годы XX века проводились значительные по объему археологические исследования, памятник совершенно выпал из научного оборота, а его культурно-хронологическая привязка сегодня требует корректировки.

Цель статьи – синхронизировать культурно-хронологические горизонты городища Бураково, основываясь на современном понимании культурной ситуации в Витебском Подвинье в раннем железном веке с учетом хронологических правок времени бытования отдельных вещей из коллекций 1964–1966 гг.

Материал и методы. В основу статьи положены результаты работы предшественников и авторские наблюдения и на городище Новый Болецк – Бураково Городокского района Витебской области. При написании текста использовались методы, применяемые в исторических и археологических исследованиях, радиоуглеродный метод датировки.

Результаты и их обсуждение. Изучение культурного слоя на поселении, его состава и структуры позволило выделить как минимум три культурно-хронологических горизонта существования поселения в раннем железном веке. Планиграфия артефактов внутри каждого горизонта и анализ узкодатированных вещей дали возможность определить хронологические рамки отложения стратиграфических пластов и установить время предполагаемого заселения площадки городища.

Заключение. Городище Новый Болецк – Бураково возникло не позднее второй четверти – середины I тыс. до н.э. Древнейшие напластования фиксируются по краю верхней площадки городища и локально в западинах на нижней площадке. После гибели раннего поселка в IV–III вв. до н.э. на верхней площадке городища размещаются металлообрабатывающие комплексы. Недостаточная источниковая база не позволяет установить временные рамки существования поселка металлургов. Не позднее первых веков до н.э. – рубежа эр кузнечная обработка железа переносится на террасу в северной части городища. Последнему периоду жизни поселения соответствует верхний стратиграфический слой, который, судя по вещам, имеющим довольно четкие рамки бытования, образовался в промежутке между рубежом эр и IV в. до н.э.

Ключевые слова: днепро-двинская культура, городище, культурный слой, стратиграфический горизонт, хронологические индикаторы, штрихованная керамика, текстильная керамика.

(Ученые записки. – 2024. – Том 40. – С. 18–28)

Cultural and Chronological Layers of Burakovo Settlement: an Insight through the Prism of Time

Bubenko T.S.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

In spite of the fact that Burakovo settlement was discovered 90 years ago and that in the 1960-s considerable archeological research was conducted here the monument remained outside scientific circulation and its cultural and chronological identification needs correcting.

The research purpose is to synchronize the cultural and chronological identification of Burakovo settlement on the basis of the contemporary understanding of the cultural situation in Vitebsk Dvina River area in the early Iron Age considering chronological corrections of the time to which some objects from the 1964–1966 collections belonged.

Material and methods. The basis of the article is the predecessors' findings as well as the author's observations on the settlement of Novy Boletsk – Burakovo of Vitebsk Region Gorodok District. Methods used in historical and archeological research were applied as well as the radiocarbon method of dating.

Findings and their discussion. The study of the cultural layer of the settlement, its composition and structure made it possible to single out at least three cultural and chronological horizons of the settlement existence in the early Iron Age. The planigraphy of the artefacts inside each horizon and an analysis of narrow dated objects made it possible to identify chronological boundaries of the deposition of stratigraphic layers and to identify the time of the estimated settlement of the site.

Адрес для корреспонденции: e-mail: tanya.bubenko@mail.ru – Т.С. Бубенько

Conclusion. *Novy Boletsk – Burakovo settlement emerged not later than the second quarter – mid 1st millennium B.C. The most ancient layers are identified along the edge of the upper site of the settlement and locally in cavities on the lower site. After the early settlement died out in the 4th–3rd centuries B.C. metal processing complexes were located on the upper site of the settlement. The insufficient source base does not make it possible to identify the time boundaries of the existence of the metal workers' settlement. Not later than the first centuries B.C. – the turn of the eras blacksmith processing of iron was moved to the terrace in the northern part of the settlement. The upper stratigraphic layer which, according to the clearly identified objects corresponds to the last period of the life of the settlement, was shaped between the turn of the eras and the 4th century B.C.*

Key words: *the Dnieper and Dvina culture, settlement, cultural layer, stratigraphic horizon, chronological indicators, striped ceramics, textile ceramics.*

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 40. – P. 18–28)

Несмотря на то, что городище Бураково открыто 90 лет назад и на нем в 60-е годы XX века проводились значительные археологические исследования, памятник совершенно выпал из научного оборота, а его культурно-хронологическая привязка сегодня требует корректировки.

Цель статьи – синхронизировать культурно-хронологические горизонты городища Бураково на основе современного понимания культурной ситуации в Витебском Подвинье в раннем железном веке с учетом хронологических правок времени бытования отдельных вещей из коллекций 1964–1966.

Материал и методы. В основу статьи положены результаты работы предшественников и авторские наблюдения и на городище Новый Болецк – Бураково Городокского района Витебской области. При написании текста использовались методы, применяемые в исторических и археологических исследованиях, радиоуглеродный метод датировки.

Результаты и их обсуждение. Городище у бывшей деревни Бураково расположено в 2,5 км западнее дер. Новый Болецк Городокского района, к которой оно в настоящее время привязано, справа от автомагистрали на Езерище – граница России. Поселение занимает северную часть одиночно стоящего холма, высота которого не менее 16 м. Севернее городища расположено заросшее озеро, через которое протекает небольшая речушка, омывающая холм с восточной стороны. Объект имеет форму овала, вытянутого с севера-запада на юго-восток, склоны довольно крутые, более пологий спуск зафиксирован лишь севера-северо-запада. Площадка поселения расположена в двух уровнях, перепад высот между ними составляет 1,2–1,6 м. Размеры основной площадки 45 x 33 м, ширина расположенной с северной стороны террасы 26 x 33 м. По краю террасы имеется короткая валообразная насыпь высотой до 50–60 см, вторая чуть ниже по склону. Склоны холма поросли лиственными деревьями и орешником, площадка – крупным сосновым лесом.

Сегодня площадка городища представляет собой печальное зрелище. Северный относительно пологий склон городища поврежден траншеями и котлованом от блиндажа военного времени. Рядом с ними расположены незасыпанные раскопы К.П. Шута и траншея В.И. Шадыро. В центре первоначальной площадки городища – незасыпанный раскоп 1968 г. К.П. Шута

площадью 140 м², в 13 м южнее которого имеется траншея шириной 4 м, прорезавшая городище по линии восток-запад. Информацию об авторе данной прорезки, к сожалению, найти не удалось.

Городище Бураково впервые было обследовано А.Н. Лявданским в 1933 г. Из разрозненных данных, сохранившихся в фондах Института истории НАН, известно, что на городище была заложена траншея. Однако ее место и размеры выяснить, к сожалению, невозможно. Собранные А.Н. Лявданским материалы не были опубликованы, но позволили исследователю отнести городище Бураково, наряду с Загорцами и Девичками, к древнейшим поселениям Подвинья [1, с. 221].

С 1964 года планомерное изучение городища Бураково проводилось К.П. Шутом. В 1964–1966 гг. на нижней площадке – небольшой террасе в ее северной части – им было заложено три раскопа общей площадью 140 м² (рис. 1).

В 1968 году исследователь заложил раскоп площадью 140 м² на основной площадке поселения. Результаты исследований на площадке, к сожалению, ученый не успел изложить в итоговом отчете, коллекция также исчезла бесследно. Лишь предварительную информацию о раскопках последнего сезона К.П. Шута успел опубликовать в «Археологических открытиях 1968 года» (АО). Кроме площадки, были изучены оборонительные сооружения, расположенные на более пологих склонах (северо-западный и юго-восточный). Оборонительная система представляет собой два земляных вала и рвы. Основные работы по возведению укреплений, по мнению К.П. Шута, были произведены в начальный период существования поселения [2, с. 343].

В 1991 г. раскопки памятника были продолжены В.И. Шадыро, который траншеей прорезал нижнюю площадку поселения по линии запад–восток (траншея 120 м²) с целью продолжить изучение древнего рва, частично вскрытого К.П. Шутом (1966 г.) [3, с. 8].

В 2023 г. авторами статьи были зачищены стенки незасыпанного раскопа 1968 г. и взяты образцы золы для радиоуглеродного анализа. При зачистке южной стены в верхнем слое собраны фрагменты горшка, который удалось реконструировать. С верхним слоем связаны находки кусочков железных браслетов, шлаков (западная стенка) и железного псаля (восточная стенка).

В 2024 г. в 2,5 м от юго-западного угла Т.С. Бубенько был заложен разведочный шурф площадью 16 м²,

однако следов застройки западного края площадки на данном участке зафиксировать не удалось.

И все же обобщение и анализ результатов исследований предшественников и проведенные автором небольшие разведочные работы на памятнике позволяют в общих чертах реконструировать основные этапы жизнедеятельности поселения. Синхронизация напластований, исследованных на верхней площадке и террасе (нижняя площадка), затруднена из-за недостаточной источниковой базы, поэтому в статье стратиграфия верхней и нижней площадок дана порознь.

Верхняя площадка городища. Стратиграфию культурного слоя на основной площадке удалось восстановить благодаря зачистке стенок незасыпанного раскопа 1968 г. и разведочному шурфу, заложенному нами западнее раскопа. На верхней площадке городища зафиксировано два стратиграфических слоя, границей между которыми является мощный зольно-угольный слой (до 10–15 см). Образец, взятый нами для радиоуглеродного анализа из сгоревшего бревна в северо-восточном углу раскопа 1968 г., дал календарную дату 2240 ± 50 , что соответствует калибровочной дате 396–176 лет до н.э. (рис. 2).

Данная дата является временем гибели древнейшего стратиграфического слоя. По своему составу стратиграфический слой – 1 – супесь светло-серого цвета, в которой ближе к матерiku встречаются включения мелкого гравия. Данный слой зафиксирован в небольших западинах, которые видны в профилях раскопа 1968 г. и по краю верхней площадки. Мощность его колеблется от 10–15 см, увеличиваясь к краю площадки до 25–30 см.

В разведочном шурфе 2024 г. при зачистке предматерикового слоя найден железный черешковый наконечник стрелы, который по аналогии с ранними наконечниками лесостепных культур может быть датирован IV–III вв. до н.э. (рис. 3:1). На городищах днепровско-двинской культуры (Новые Батеки, Самсонцы, Демидовка) подобные наконечники характерны для нижних слоев (IV–III вв. до н.э.) [4, с. 126, рис. 20:6, 22:15].

Из зольного слоя происходит фрагмент железного браслета с сужающимся концом. Ширина дуги – 0,03–0,04 см, сечение плоско-выпуклое (рис. 3:2). С внешней стороны видна слабая имитация перекручивания. Железные браслеты с сужающимися концами и плоско-выпуклым сечением дуги известны среди

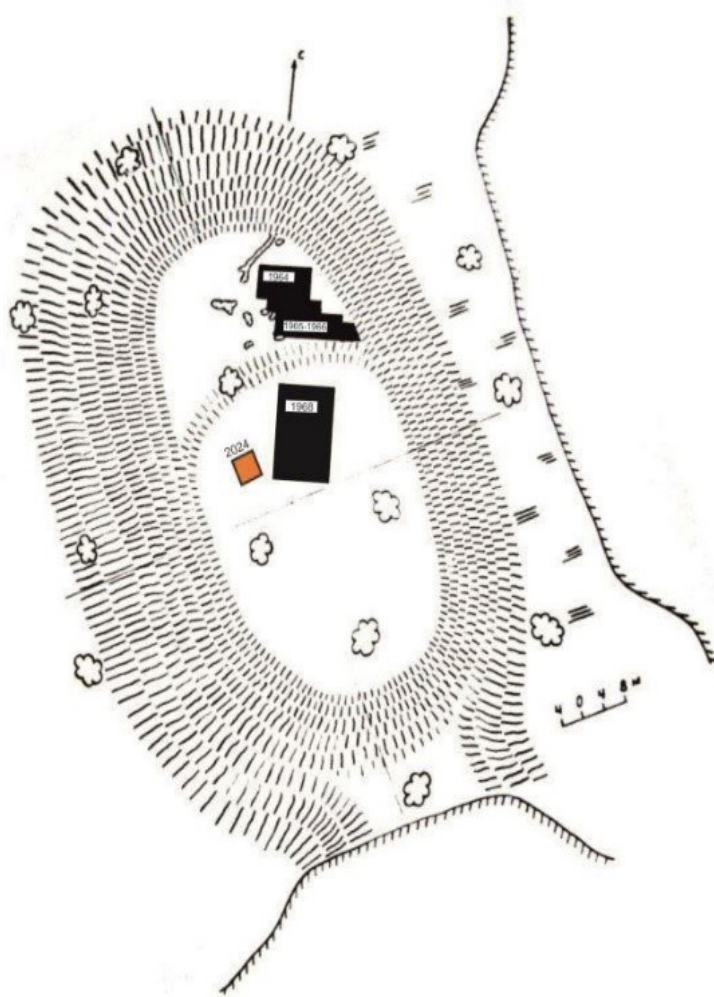

Рис. 1. План городища Новый Белецк – Бураково с локализацией раскопов 1964–1966, 1968 годов К.П. Шута

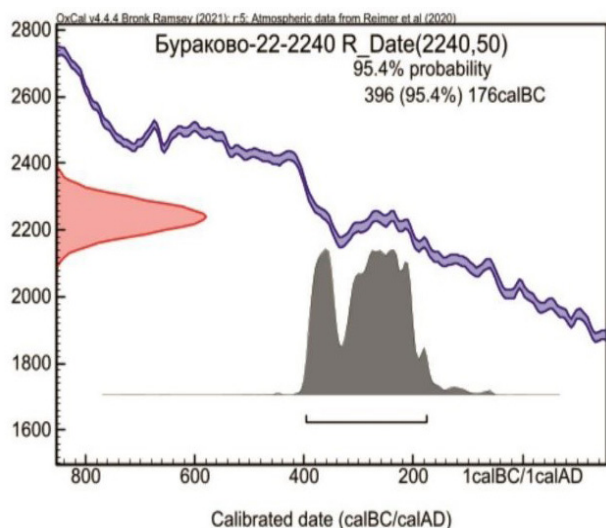

Рис. 2. Результаты радиоуглеродного анализа
зольного слоя в раскопе 1968 г.
Граница стратиграфического слоя – 1 и 2, глубина
0,5–0,6 м, квадрат 5

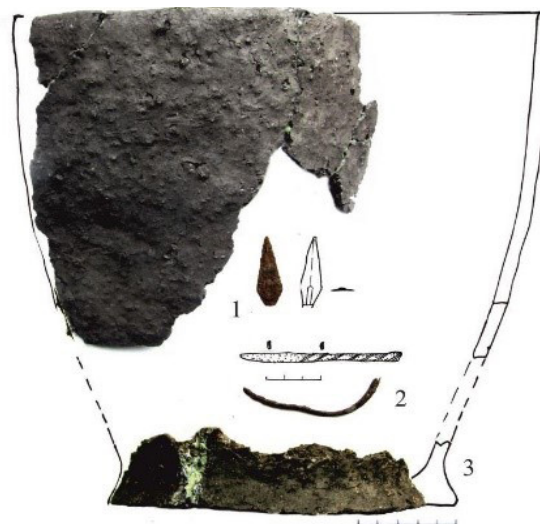

Рис. 3. Артефакты из стратиграфического слоя – 1 (1–2)
и слоя – 2 (3) на верхней площадке городища
Бураково: 1 – наконечник стрелы;
2 – фрагмент железного браслета;
3 – горшок (графическая реконструкция Т.С. Бубенько)

скифских древностей лесостепной зоны в V–IV вв. до н.э. (тип 6 по В.Г. Петренко) [5, с. 54, табл. 43:10].

Остается открытым вопрос, как соотносятся с описанным слоем углубленные в материк объекты, исследованные К.П. Шутом на верхней площадке городища. Из краткой информации, опубликованной в АО, в раскопе 1968 г. известно, что это остатки двух кузнечных комплексов, расположенных параллельно друг другу и большой оси городища.

Объект – 1, углубленный в материк на 0,3–0,4 м, располагался в двух метрах от северо-восточного угла раскопа. Судя по вошедшей в раскоп стенке котлована, ширина его была не менее 3 м, длина могла достигать 4–5 м. При расчистке заполнения объекта найден горн размерами 0,8 х 1,0 м, от которого сохранился глиняный бортик, рядом с ним лежало довольно много камней, которые, по мнению К.П. Шута, использовались для крепления меха [2, с. 344]. Кроме горна внутри объекта, найдено два каменных молота с перехватом и наковальня. Информации о характере культурного слоя в заполнении объекта нет.

Объект – 2 локализован в 4 м от вышеописанного и в двух метрах от юго-западного угла раскопа. Это был врезанный в материк на глубину 0,7–0,8 м прямоугольный котлован, с длиной стен не менее четырех метров. В нижней части углубления расчищен кузнечный горн по форме и размерам аналогичный горну из объекта – 1.

Стратиграфический слой – 2 мощностью от 25 до 50–60 см зафиксирован на верхней площадке поселения повсеместно. Он имел интенсивно черную окраску и содержал довольно много угля и золы, по структуре это довольно плотный грунт. В юго-западной части раскопа 1968 г. над горном в объекте – 2

расчищено четыре сменяющих друг друга каменных очага. По мнению Шута, это были наземные постройки жилого назначения [2, с. 344].

В нижней части слоя – 2 в разведочном шурфе 2024 г. расчищен угол сгоревшего объекта – 3¹, ориентированного стенами по сторонам света с отклонением 40° против часовой стрелки. Размеры вошедшей в шурф части строения – 2,1 × 1,3 м. Отсутствие ям от столбов позволяет предположить срубную конструкцию стен сооружения. Объект заполнен супесью черного цвета с большим содержанием угля и золы.

При зачистке стенок раскопа 1968 г. в данном слое найден развал горшка (рис. 3:3) и несколько фрагментов стенок, маловыразительные обломки круглодротовых железных браслетов и кусочки шлака. Практически полное отсутствие вещевого материала и исчезновение коллекции К.П. Шута не позволяют установить временные рамки существования стратиграфического слоя – 2 и синхронизировать его с напластованиями на нижней площадке городища.

При зачистке стенок раскопа 1968 г. в данном слое найден развал горшка (рис. 3:3) и несколько фрагментов стенок, маловыразительные обломки круглодротовых железных браслетов и кусочки шлака. Практически полное отсутствие вещевого материала и исчезновение коллекции К.П. Шута не позволяют установить временные рамки существования стратиграфического слоя – 2 и синхронизировать его с напластованиями на нижней площадке городища.

Нижняя площадка городища. С первыми поселениями, обосновавшимися на террасе севернее основной площадки, следует связывать **стратиграфический**

¹Продолжена нумерация объектов К.П. Шута

горизонт – 1, локализованный в северной части раскопа 1964 г. и в **западине – 1** в центре этого же раскопа. Это предматериковый слой светло-серой окраски с включением материкового песка, синхронный стратиграфическому горизонту – 1 на верхней площадке городища. К.П. Шут не выделяет данный слой, однако, информация о нем содержалась в отчетной документации и подтвердилась в ходе зачистки северной стенки (ссылка 1964 г.). Слой зафиксирован исключительно на склоне террасы, где мощность его вниз по склону увеличивается с 20–30 см до 50–70 см, а в корытообразной западине – 1 достигает 60 см. Кроме керамики, среди которой 18 венчиков (рис. 4), и костей животных, здесь найдены рабочая часть узколезвийного железного топора, бронзовая игла и костяная поделка виде долота [6, с. 6].

Вероятнее всего, тогда же была вырыта и конусообразная **западина – 2** у подножья верхней площадки. Ширина ее в нижней части не более 1,0 м, в верхней достигала 3–4 м, глубина увеличивалась в сторону восточного склона площадки от 0,4–1,2 м до 1,5 м. На имеющихся в отчете фото и разрезах видно, что

слой в нижней части западины на глубину 20–25 см гораздо светлее и содержит включения материкового песка [7, рис. 48]. От вышележащих напластований он отделен прослойками желтого песка (10–15 см). Локальные пятна светло-серого слоя имеются и на склонах западины – 2. Грунт при рытье западины сбрасывали на восточный склон террасы, в результате чего нижняя площадка расширилась на 2–3 м.

От вышележащего стратиграфического горизонта предматериковый слой – 1 отделяет мощная зольно-угольная прослойка (3–10 см), которая в местах отсутствия слоя подстилает материк.

Стратиграфический слой – 2 зафиксирован только в заполнении верхней части западины – 2, интерпретированной К.П. Шутом как древний ров [7, с. 22]. Данный слой перекрывал отложения предматерикового горизонта, мощность его достигала 0,5–0,7 м.

Западина – 2 была заполнена культурным слоем интенсивно черной окраски с большим вкраплением углей и золы. На уровне материка объект засыпан мощным слоем светло-серого песка и гравия (0,2–0,4 м), первоначально принятого К.П. Шутом за материк [7, с. 22].

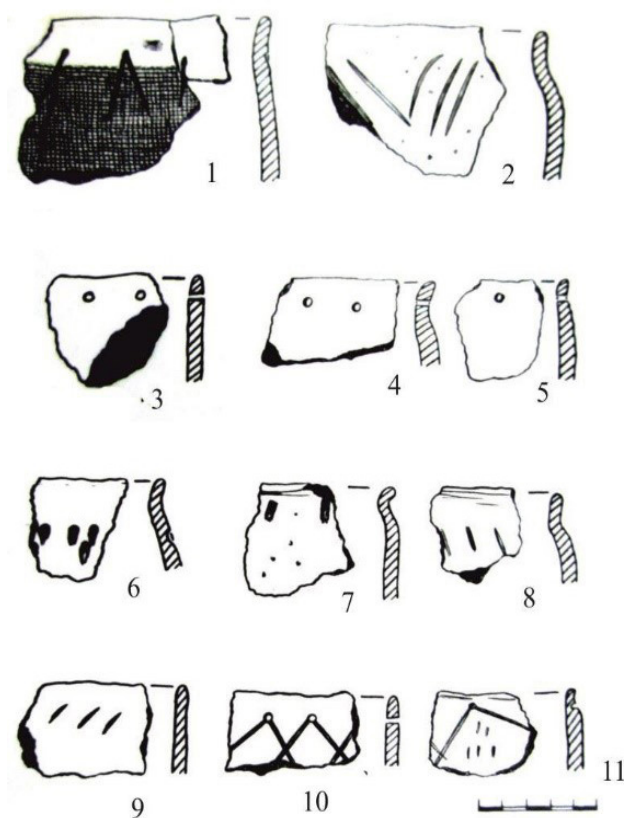

Рис. 4. Керамика из стратиграфического слоя – 1 (рисунок К.П. Шута). Нижняя площадка, раскоп 1964 г. [11, рис. 8; 12, 34]

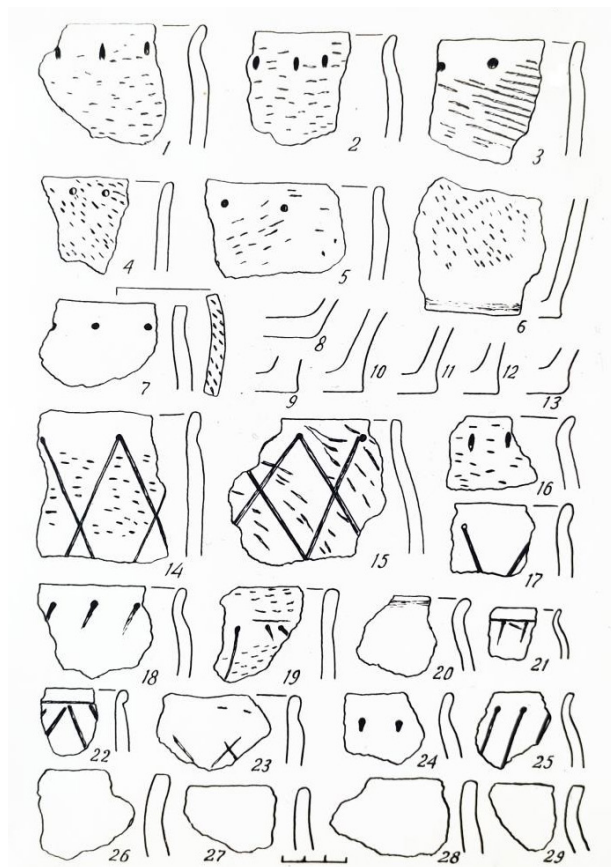

Рис. 5. Керамика из западины – 2, стратиграфического слоя – 2 (по К.П. Шуту). Нижняя площадка городища, раскоп 1966 г. [7, рис. 51]

В слое найдено много текстильной и гладкостенной керамики (рис. 5), костей животных и готовых изделий: три костяных наконечника стрел, долото, тупик, фрагменты двух костяных ножей, рукояти и др. (рис. 6: 1–17). Следов присутствия железа не обнаружено.

Комплекс артефактов из кости типичен для нижних слоев городищ дяковской и днепро-двинской культур периода финальной бронзы и раннего этапа железного века. В качестве хронологических индикаторов древнейшего слоя могут быть привлечены костяные наконечники стрел.

Двушпильный наконечник с ромбическим сечением пера длиной 13,5 см. Вытянутое треугольное перо длиной 8,3 см завершается двумя опущенными вниз шпорцами (рис. 6:3). Уплощенный черенок заканчивается острым лопаткообразным завершением. Подобные наконечники известны по материалам городищ Осыно, в нижних слоях городищ Новые Батеки, Демидовка и др. Е.А. Шмидт датирует их VI–V вв. до н.э. [8, рис. 10:2; 9].

Наконечник трехгранный с треугольным сечением пера круглой короткой втулкой, переходящей в упло-

щенный черенок. Общая длина наконечника 85 мм, длина пирамидального пера – 52 мм, ширина грани – 6,0 мм. Высота втулки – 20 мм, диаметр – 8,0 мм (рис. 6:4). Шпорцы слабо выражены. Можно предположить местное изготовление наконечника, поскольку втулка окончательно не оформлена. Подобные наконечники исследователи считают подражанием скифским трехгранным бронзовым стрелам VIII–IV вв. до н.э. [10, с. 30; 156].

Стратиграфический слой – 3 (по Шуту нижний слой – 2 и 1). На нижней площадке данный слой присутствует во всех раскопах, его мощность колеблется от 25–30, возрастая вниз по склону до 60–75 см. Это слой темно-серого цвета, содержащий значительное количество золы и углей. Из-за примесей окраска его близка к черной, что, по-видимому, и стало причиной путаницы в чертежах К.П. Шута за 1964 и 1966 гг. В результате проведенной нами зачистки северной стенки незасыпанного раскопа 1964 г. установлено, что данный слой отделен от стратиграфического слоя – 2 мощной зольно-угольной прослойкой. Верхняя граница донного слоя зафиксирована непосредственно под дерном.

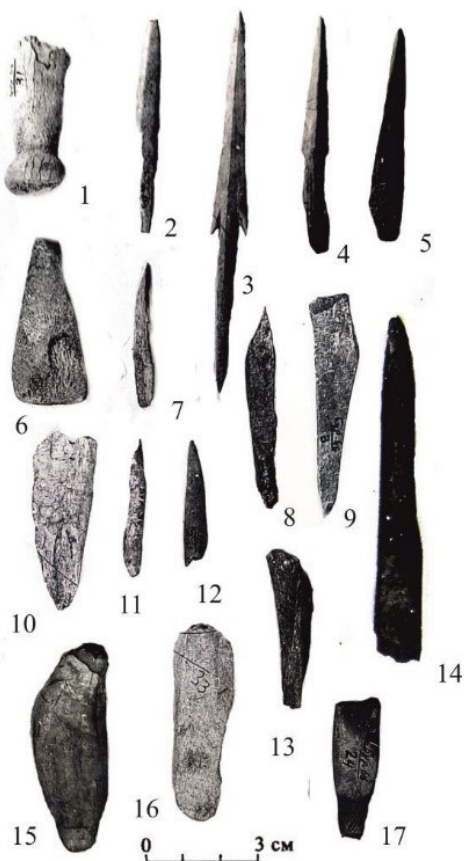

Рис. 6. Костяные изделия из стратиграфического слоя – 2, западина – 2.

Нижняя площадка городища, раскоп 1966 г.: 1, 16, 17 – костяные рукояти; 2–4 – наконечники черешковых стрел; 5, 9 – фрагменты костяных ножей; 6 – тупик; 7–11–13, – фрагменты костяных изделий; 14 – долото; 15 – клык животного [7, рис. 50]

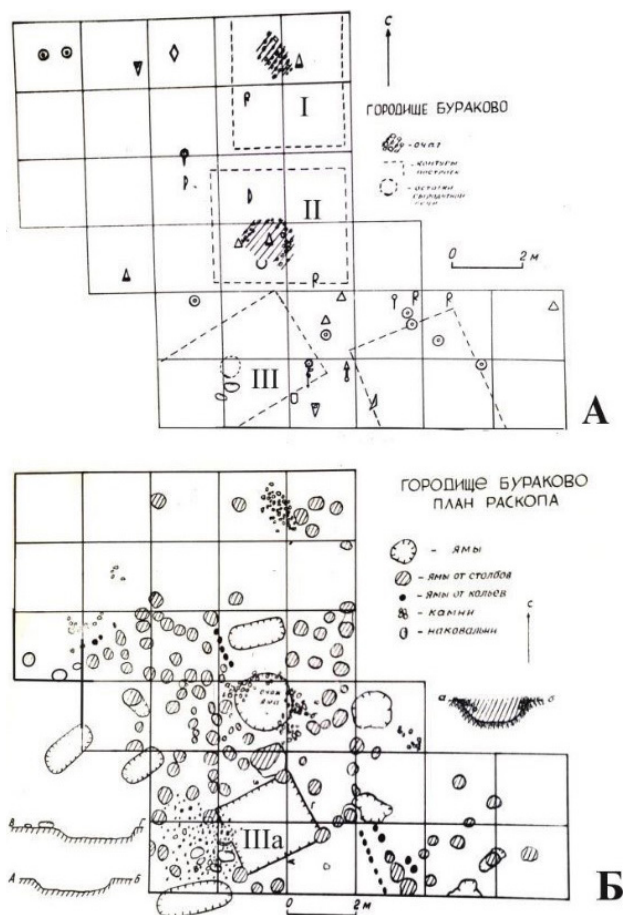

Рис. 7. Планы раскопов 1964–1966 гг. на нижней площадке городища: А – локализация построек I–III вв стратиграфическом слое – 3 (по К.П. Шуту); Б – объект III-а и материковые ямы после снятия слоя – 3 [11, рис. 27–28]

По наблюдениям К.П. Шута, ниже дерна до глубины 0,1–0,15 м идет «пахотный слой» рыхлой структуры с включением супеси и золы (слой – 1 по К.П. Шуту). Исследователь уверен, что данный слой не был поврежден перекопами и «все находки обнаружены в нем “in situ” [6, с. 6; 11, с. 17]. В слое найдено свыше десятка кусков глиняной обмазки, несколько отличная от нижнего слоя керамика. Однако с данным слоем совершенно не согласуется находка умбоновидной подвески, фрагментов навершия бронзовой булавки с ажурной головкой, тремя посоховидными железными булавками [11, с. 17].

В связи с вышеизложенным, возникает вопрос, все ли вещи находились in situ? Мы допускаем, что в верхние пласты раритеты могли попасть из нижележащих слоев в результате отсыпки грунта при рытье коммуникаций и ям военного времени. Последнее вполне объясняет присутствие в первом пласту артефактов, характерных для второй половины 1 тыс. до н.э. (фрагменты ажурной булавки, умбоновидная подвеска, булавка с петельчатой головкой).

Начиная с глубины 0,15–0,2 м, меняется структура слоя, он становится более плотным, а из-за включений золы и углей приобретает почти черную окраску, особенно в местах локализации объектов (слой – 2 по К.П. Шуту).

В стратиграфическом слое – 3 были вскрыты постройки 1–3, исследованные в 1964–1965 гг. (рис. 7А).

С нижним уровнем слоя следует связывать столбовую постройку – II (нумерация К.П. Шута), от которой сохранились угловые столбы и очаг с подочажной ямой. Постройка ориентирована стенами по сторонам

света, ее размеры 4,0 × 3,2 м. В центре сооружения с небольшим смещением к юго-западу расчищен развал очага, сооруженного в подочажной яме. Диаметр ямы 1,5 м, глубина – 0,5 м (рис. 7А).

Объект был заполнен однородным интенсивно черным культурным слоем с большой примесью горелых камней, мелких угольков, золы. В заполнении найдено много фрагментов керамики, среди которой встречается штрихованная и текстильная, кости животных. На уровне утрамбованного земляного пола найдены: бронзовая поделка из ромбической в сечении проволоки, черенок железного ножа, посоховидная булавка с эсовидным завитком, железный круглодротовый браслет, игла от пряжки и несколько невыразительных бронзовых и железных предметов [11, с. 18–19].

Судя по профилю северной стенки, в квадратах 3–4, частично 2 в слой – 3 в верхней его части был впущен объект, размерами не менее 2,1(?) × 3,0 м. В нижней части впускного котлована расчищен развал очага и утрамбованный земляной пол. Основание очага сложено в форме подковы из небольших камней диаметром 8–10 см в поперечнике, диаметр очага был около 0,9 м. При разборке очага найдено довольно много керамики, костей животных, куски глиняной обмазки. Заполнен объект слежавшимся гумусом с серого цвета, содержащим золу и супесь. Контуры описанной постройки нами и развал очага четко видны на фото 1964 г. и никак не согласовываются со столбовыми ямами постройки – I на планах К.П. Шута (рис. 7Б, 8).

К верхнему уровню стратиграфического слоя – 3, на наш взгляд, следует относить и железообрабатывающую мастерскую (постройка – III по нумерации

Рис. 8. Локализация наземной постройки – I в стратиграфическом слое – 3. Нижняя площадка, раскоп 1964 г. [11, рис. 4]

К.П. Шута), поскольку сам исследователь пишет, что признаки и мастерской проявились еще в слое первого раскопного пласта: «Необычное скопление шлаков и известняковых камней». Что касается характера культурного слоя и его окраски, то он также отличался от других участков раскопа: «Рыхлая темно-серая почва постепенно исчезала и вместо нее стала появляться все более плотная с интенсивно черным цветом масса, содержащая в себе грязноватый песок, шлаки, угли, золу, окалину и т.п.» [11, с. 20]. Как и объекты, вскрытые на верхней площадке поселения, она могли быть несколько углублена в грунт (0,2–0,3 м).

Постройка локализована над западиной – 1 в юго-западном углу раскопа 1965 г. Как и производственные комплексы на верхней площадке, она ориентирована параллельно длинной оси городища, т.е. с отклонением 40° по часовой стрелке. Размеры вошедшей в раскоп части объекта 4,2(?) × 3,0 м. Внутри и вокруг мастерской отмечается большое скопление шлаков и кричного железа, углей и окалины, обломков сыродутной печи и известняковых камней. Среди отходов были обнаружены два средних размеров камня с плоской хорошо зашлифованной поверхностью, а в 0,3 м севернее – основание сыродутной

печи (50 × 60 см). Вблизи печи найдены небольшие ошлакованные кусочки сопла [11, с. 19–20].

Внутри кузницы была исследована подквадратная яма размерами 2 × 2,5 м, которую К.П. Шут, по аналогии с мастерскими на городищах Кострица, Урагово, связывает с кузницей [11, с. 21].

Детальное изучение чертежей и текстов отчетов К.П. Шута позволяет усомниться в правильности первоначального вывода исследователя о принадлежности квадратной ямы внутри кузницы к данному сооружению, полностью вскрытому в нижней части слоя – 3 (рис. 7Б). Во-первых, по контуру углубления зафиксированы ямы от угловых столбов, а это подразумевает наличие внутри кузницы самостоятельной постройки. Во-вторых, кузница заполнена гумусом интенсивно черного цвета с включением золы, угля, окалины; яма же заполнена слоем темно-серой окраски с большой примесью крупного песка, мелких углей и золы. В этой на редкость плотной и очень бедной находками массе, кроме разбитого на три части камня, употребляемого, по предположению исследователя, в качестве молота, ничего не найдено [11, с. 21]. В-третьих, нижнее углубление отделено от собственно кузницы прослойкой желтого материкового песка, поверх которой и было

Рис. 9. Вещевой материал из стратиграфического слоя – 3. Нижняя площадка, раскопы 1964–1966 гг.:

- 1 – умбоновидная височная подвеска;
2 – трапецевидная подвеска; 3 – фрагмент лезвия топора; 4 – фрагменты ажурного навершия булавки;
5, 15–17, 21–23 – булавки посоховидные и фрагменты; 6 – бритва; 7 – жатвенный нож; 8–9 – серпы;
10–14 – пряслица глиняные; 18 – наконечник копья; 19 – рукоять серпа; 20 – поделка из бронзы

расчищено основание печи. Эта же прослойка уходит под камни – наковальни, что отчетливо видно на фото в отчете [11, рис. 29–30]. Учитывая вышеизложенное, можно предположить, что нижний объект мог быть производственной постройкой более раннего времени, на месте него позднее и была сооружена железодельная мастерская.

Хронологические индикаторы стратиграфического слоя – 3 дают широкие временные рамки существования верхнего горизонта. Присутствие в нем артефактов, характерных для второй половины – конца I тыс. до н.э., позволяет условно выделить внутри пласта два хронологических периода.

Втульчатый наконечник копья с пером в виде вытянутого ромба, который К.П. Шут по слою датировал III–IV вв. н.э. [11, с. 26, рис. 36, 6]. Длина наконечника 30 см, длина пера – 15 см, ширина – 3 см (рис. 9:18). Подобные наконечники с соотношением длины пера к длине втулки 1:1 и ширине пера 1:5 в «Частых» курганах датируются IV–III вв. до н.э. (отдел 2 тип 2) [12, с. 40–42]. Они известны в древностях зарубинецкой культуры (тип 2 по О.А. Радюшу), на поселениях культуры штрихованной керамики (Кашевичи) [13, с. 17, рис. 2:2]. В Чаплинском могильнике они датированы фазой латен D₂ (I в. до н.э. – начало I в. н.э.), в Кашевичах фазой B₂/C₁ – C₁ (150–250 гг. н.э. [14, с. 83]. Для балтийских племен подобные наконечники нехарактерны, в Литве они относятся к типу IV и встречаются в могильниках III–IV вв. н.э. [15, с. 27–29, рис. 8], этим же временем они датированы на Щербинском городище.

Жатвенный (серповидный) нож представлен фрагментарно: коротким черенком и частью слабоизогнутого лезвия (рис. 9:7). Близкие по форме экземпляры относятся к группе 1, вариант А по классификации Р.С. Минасяна, и датируются I–IV вв. н.э. [16, с. 78, рис. 2:1–10]. Такие ножи известны главным образом в днепровской части днепро-двинской культуры, в культуре штрихованной керамики [17, с. 84–85, табл. 24–25; 14, с. 80, рис. 46]. До некоторой степени близки им так называемые кривые ножи из городища Подгай в Верхнем Подвинье [18, рис. 42]. Подобные ножи были встречены и в нижних слоях городищ Витебского Подвинья (Кострица, Камень, Новое Село, Загорцы).

Серп архаичной формы со слабо изогнутым клинком, отделенным от рукояти со стороны режущей кромки. Соотношение длины клинка (AB) к высоте изгиба дуги (CD) равно 1/7,5 (рис. 9:8). По классификации Р.С. Минасяна, относится к типу 1Б, который бытовал в ареалах позднелужицкой, мощинской, днепро-двинской культур и почепской культур, где появляется в первых веках н.э. и бытует до V–VI вв. [16, с. 78, рис. 3].

Бритва имеет форму сильно изогнутого маленького серпа. Размеры ее небольшие: длина 7,5 см, ширина лезвия 1,3 см. Со стороны лезвия имеется плавно выраженный переход от лезвия к черенку, со стороны спинки переход едва заметен (рис. 9:6). Бритвы с изогнутым лезвием и прямым черенком в позднеримское время широко представлены в памятниках пшевор-

ской культуры, однако римские изделия имеют четко выраженные плечики. Нередкая находка бритв среди древностей днепро-двинской культуры в Смоленском Поднепровье (Самсонцы, Демидовка, Холмец), штрихованной керамики, где они датируются первыми веками н.э. [4, с. 126–127, рис. 19:9; 19, с. 102, табл. 21:7; 14, с. 84].

Посоховидные булавки сделаны из круглой проволоки с диаметром сечения в средней части от 0,3 до 0,5 см (рис. 9:15–1, 21). Их длина от 8 до 10 см. Булавки с эссовидным завитком небольших размеров в Верхнем Поднепровье были распространены с VI в. до н.э. по II–III вв. н.э. [21, с. 86, табл. 32, 1–3]. На городище Загорцы небольшие по размеру булавки с каплевидной головкой выпадают на период 209 г. до н.э. – 132 г. н.э. (календарные даты 2030±70 и 2120±40). По наблюдениям А.М. Медведева, на территории Витебского Подвинья посоховидные булавки получают распространение не ранее рубежа – I в. н.э. [20, с. 181].

Булавка с петельчатой головкой длиной 5,5 см изготовлена из нерасклепанной проволоки четырехгранного сечения, утончающейся к концам. Один конец закручен сбоку от стержня в небольшое колечко, образующее головку булавки (рис. 9:14). Стержень булавки не изогнут. Подобные булавки с петельчатой головкой на территории Белорусского Подвинья встречаются редко (Новое село, Бороники). На территории Украины они имели хождение в период финальной бронзы, известны на памятниках развитого этапа чернолесской культуры [21, с. 165]. Наибольшее распространение данный тип получил в V–IV вв. до н.э. на территории Правобережной Украины [5, с. 18]. Вполне вероятно, что традиция их ношения была заимствована у племен, населявших правобережье Среднего Поднепровья.

Трапецевидная привеска в форме слабо выраженной трапеции и небольших размеров 1,0 × 2,5 см (рис. 9:2). Подобные подвески встречаются в зарубинецких могильниках Припятского Полесья, в Белорусском Поднепровье они найдены на Уваровичском, Чаплинском и Щатковском городищах [22, с. 84, рис. 17: 20, 21].

Фрагмент ажурной головки от булавки подгорцевского типа длиной 6 см по внутренней дуге (рис. 9:4). Подобные украшения происходят с территории Среднего Поднепровья, где верхний предел их бытования не выходит за рубеж III вв. до н.э. А.А. Чубур основным ареалом распространения булавок с ажурной головкой считает территорию верхнеокской культуры и по совокупности датирующих факторов относит к VI–II вв. до н.э., оговариваясь при этом, что они могли доживать до рубежа эр [23, с. 117]. Булавки с территории Белорусского Подвинья (Витебск, Бураково) исследователь объединяет в западодвинский тип – 7 и связывает их с культурой штрихованной керамики [23, с. 118].

Умбоновидная подвеска размерами 6 × 3,5 см отлита по восковой модели в два приема. Украшение состоит из довольно крупного (2,4 см) умбоновидного щитка, имитирующего туго скрученную спираль, по внешнему

краю головка декорирована четырьмя крестообразно расположенными волутами (рис. 9:1). С тыльной стороны к щитку крепится довольно длинный стержень в виде петли, состоящей из трех декорированных насечками проволочек, веером расходящихся к внешнему краю и образующих ажурную фигуру. Внешний край петли ограничен перевитым кусочком проволоки, дополнительно стержень украшен двумя небольшими волутами: одна расположена над щитком, вторая – у основания. Подобные подвески известны в северо-восточной Беларуси на городищах Бороники Витебского района и Кисели-Дымокуры Толочинского района, где они датируются II в. до н.э. – I в. н.э. [24, с.16].

Литейная форма для отливки умбоновидных украшений найдена в нижнем слое городища Новые Батеки Смоленской области [8, с. 162, рис. 12:29]. По предположению Н.А. Кренке, умбоновидные подвески являются результатом синтеза скифских серег и более сложной формы височных украшений, характерных для лесной полосы Восточной Европы.

Массовый материал слоя – 3 – лепная гладкостенная керамика, характерная для городищ западного варианта днепро-двинской культуры, среди которой имеется небольшой процент посуды с отпечатком текстиля (6%) и штрихованной (9%). В нижней части слоя преобладают лепные тонкостенные сосуды баночной формы с прямым или загнутым внутрь краем венчика и слабопрофилированные горшки с короткой,

но заметно выраженной шейкой и слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 10).

Н.А. Лопатин, изучавший керамику городища Бураково, считает, что керамический комплекс верхнего слоя представляет собой вариант Заозерья со значительной долей ребристой керамики (рис. 11) [25, с. 122].

Сопоставление хронологических индикаторов и керамического материала из верхнего слоя дает довольно широкую дату II–I вв. до н.э. – III–IV вв. н.э.

Заключение. Анализ культурных напластований городища Новый Белецк – Бураково с использованием радиоуглеродного метода датировки и с учетом хронологических правок времени бытования отдельных артефактов позволил откорректировать и синхронизировать культурно-хронологические горизонты поселения и выделить основные этапы его жизнедеятельности. Первоначальное поселение возникло на одиночно стоящем высоком холме не позднее второй четверти – середины I тыс. до н.э. Древнейшие напластования фиксируются по краю верхней площадки городища и локально в западинах на террасе с северной стороны (нижняя площадка). Несмотря на искусственное происхождение западин, следов оборонительных укреплений не обнаружено. После гибели раннего поселения в IV–III вв. до н.э. на верхней площадке городища размещаются металлообрабатывающие комплексы. К сожалению, из-за недостаточной источниковой базы установить временные рамки существования поселения металлургов пока не представляется возможным.

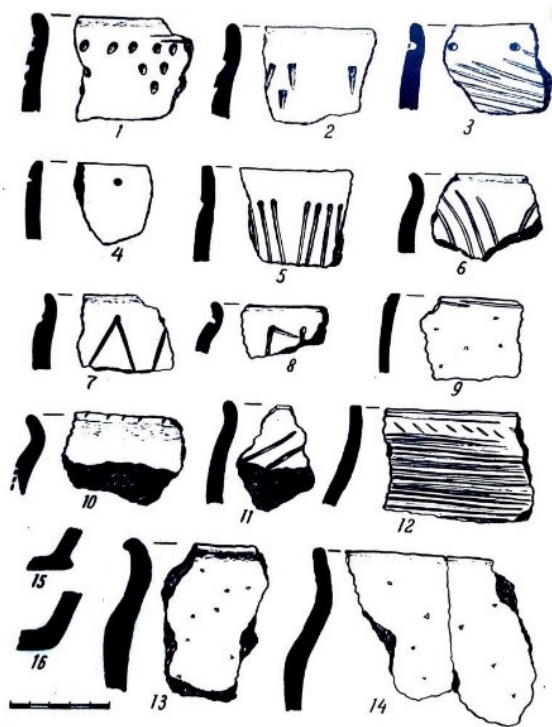

Рис. 10. Керамика нижней части стратиграфического слоя – 3 (по К.П. Шуту). Нижняя площадка, раскоп 1965 г. [12, рис. 33]

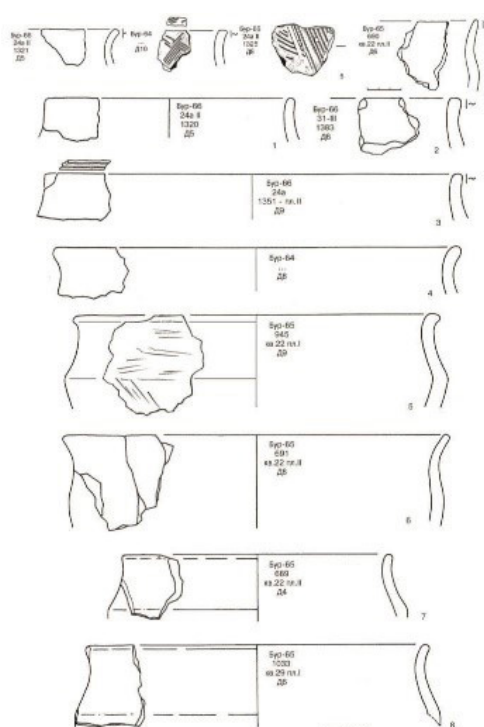

Рис. 11. Керамика верхней части стратиграфического слоя – 3 (по Н.В. Лопатину). Нижняя площадка, раскоп 1965 г. [25, рис. 133]

Не позднее первых веков до н.э. – рубежа эр мастерская по кузнечной обработке железа переносится на террасу в северной части городища. Последнему периоду жизни поселения соответствует верхний стратиграфический слой, который, судя по вещам, имеющим довольно четкие рамки бытования, образовался в промежутке между рубежом эр и IV в. до н.э.

Статья подготовлена в рамках выполнения Государственной программы фундаментальных исследований на 2021–2025 гг. «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», подпрограмма 12.1 «История», задание 12.1.1 «Археологическое наследие как фактор обеспечения гуманитарной безопасности белорусского общества», подзадание 12.1.01.5 «Культурно-историческое развитие Витебского Подвинья в I тыс. до н.э. – третьей четверти I тыс. н.э. в свете новых исследований в регионе».

Литература

1. Ляўданскі, А.М. Археалагічныя даследы ў БССР у 1933–1934 гг. / А.М. Ляўданскі, К.М. Палікарповіч // Запіскі Беларускай Акадэміі навук. – Менск, 1936. – Кн. 5. – С. 211–223.
2. Шут, К.П. Исследования древних городищ Северной Белоруссии / К.П. Шут // Археологические открытия 1968 года. – М.: Наука, 1969. – С. 342–344.
3. Шадыра, В.І. Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н.э.) / В.І. Шадыра. – Мінск: Ін-т гісторыі Нац. акад. навук Беларусі, 2006. – 150 с.
4. Шмидт, Е.А. Городище Самсонцы в Смоленском Подвинье / Е.А. Шмидт // Смоленские древности. – Смоленск: Центр по охране и использованию памятников истории и культуры, 2002 г. – Вып. 2. Городища Смоленской земли. – С. 98–166.
5. Петренко, В.Г. Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. / В.Г. Петренко. – М.: Наука, 1978. – 144 с., 52 табл. (САИ. Вып. Д4-5)
6. Шут, К.П. Отчет о полевых археологических работах в 1964 г. / К.П. Шут // ОАНД ГНУ «Институт истории НАН Беларуси». – Минск, 1965. – Д. 237. – 64 с.: ил.
7. Шут, К.П. Отчет о полевых археологических исследованиях в 1966 г. / К.П. Шут // ОАНД ГНУ «Институт истории НАН Беларуси». – Минск, 1967. – Д. 273. – 81 с.: ил.
8. Шмидт, Е.А. Новые Батеки / Е.А. Шмидт // Древние городища Смоленщины. – М.–Л., 1963. – С. 141–176.
9. Новые исследования на Осыньском городище. – URL: <https://gpskov.ru/index.php/arheologija-pskova/istoriya-izucheniya/216-osinskoe-gorodishe> (дата обращения: 11.11.2024).
10. Смирнов, К.А. Дьяковская культура: (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) / К.А. Смирнов // Дьяковская культура: сб. науч. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т археологии; отв. ред. Ю.А. Краснов. – М., 1974. – С. 7–89.
11. Шут, К.П. Отчет о полевых археологических работах в 1965 г. / К.П. Шут // ОАНД ГНУ «Институт истории НАН Беларуси». – Минск, 1966. – Д. № 257. – 74 с.: ил.
12. Мелюкова, А.И. Вооружение скифов / А.И. Мелюкова // САИ. – М.: Наука, 1964. – Вып. Д. 1–4. – 91 с.
13. Радюш, О.А. Предметы вооружения и кавалерийского снаряжения зарубинецкой культуры / О.А. Радюш // Военная археология. – М., 2011. – Вып. 2. – С. 6–31.
14. Егорейченко, А.А. Культуры штрихованной керамики / А.А. Егорейченко. – Минск: БГУ, 2006. – 150 с.
15. Казакевичус, В. Оружие балтских племен II–VIII веков на территории Литвы / В. Казакевичус. – Вильнюс: Мокслас, 1988. – 160 с.
16. Минасян, Р.С. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья / Р.С. Минасян // АСГЭ. – 1978. – № 19. – С. 78–85.
17. Шмидт, Е.А. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства: Днепро-двинские племена (VII в. до н.э. – III в. н.э.). / Е.А. Шмидт. – М.: Прометей, 1992. – 207 с.
18. Короткевич, Б.С. Пять вариантов днепро-двинской культуры / Б.С. Короткевич, А.М. Мазуркевич // Петербургский археологический вестник. – 1992. – Вып. 2. – С. 63–82.
19. Граудонис, Я.Я. Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа / Я.Я. Граудонис. – Рига: Зинатне, 1967. – 266 с.
20. Медведев, А.М. Посоховидные булавки / А.М. Медведев // ГАЗ / Акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – 1995. – № 7. – С. 172–201.
21. Лысенко, С.С. Булавки с петельчатой головкой эпохи поздней бронзы / С.С. Лысенко, С.Д. Лысенко // Материалы по археологии Северного Причерноморья; отв. ред. И.В. Брунко. – Одесса: Ирбис, 2019. – Вып. 14. – С. 161–181.
22. Дробушевский, А.И. Зарубинецкая культура Белорусского Поднепровья // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Побоя: в 2 кн. / О.Н. Левко [и др.]; науч. ред.: О.Н. Левко, В.Г. Белевец; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Беларус. навука, 2016. – Кн. 1. – (Славянские древности Беларуси). – С. 38–135.
23. Чубур, А.А. Булавки с ажурным листовидным навершием в раннем железном веке Восточной Европы: типология, ареал, семантика / А.А. Чубур // Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию со дня рождения А.И. Пузиковой). Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. – Курск, 2012. – Вып. IV. – С. 123–135.
24. Бубенько, Т.С. Об одном типе умбоновидных подвесок в Витебском Подвинье и Оршанском Поднепровье / Т.С. Бубенько // Материалы по археологии Беларуси. – Минск: Беларус. навука, 2020. – Вып. 31. – С. 10–16.
25. Лопатин, Н.В. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. н.э. / Н.В. Лопатин, А.Г. Фурасев // Археология славян и их соседей / РСМ. – 2007. – Вып. 8. – Москва: Ин-т археологии РАН. – 251 с.

Поступила в редакцию 06.12.2024

Земская избирательная система в белорусских губерниях

Куимова Н.А.

Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка», Минск

Актуальность изучения земской избирательной системы обусловлена тем, что данная тема не была всесторонне раскрыта в историографии.

Цель работы – охарактеризовать особенности земской избирательной системы в белорусских губерниях.

Материал и методы. *Источниковой базой для подготовки статьи послужили научные публикации, а также протоколы и журналы земских собраний, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве.*

Для достижения поставленной цели использовались как общенаучные (анализ и синтез, сравнение и обобщение, статистический анализ и др.), так и конкретно-исторические (историко-генетический, историко-сравнительный) методы.

Результаты и их обсуждение. *По указу от 14 марта 1911 г. в Витебской, Минской и Могилевской губерниях вводилось земское самоуправление. Структура и функции белорусских земств не отличались от земских учреждений, функционировавших во внутренних губерниях Российской империи. Однако в систему земских выборов был внесен ряд изменений, связанных с этноконфессиональными особенностями в крае.*

Заключение. *Основные отличия в проведении земских выборов в белорусских губерниях заключались в том, что вводились две национальные курии – «польская» и «русская», ограничивалось представительство от крестьян, понижался имущественный ценз для получения права участия в выборах земских гласных. Такие нововведения гарантировали преобладание в земстве православного населения.*

Ключевые слова: Беларусь, Российская империя, местное самоуправление, земство, земские выборы, избирательная система.

(Ученые записки. – 2024. – Том 40. – С. 29–33)

Zemstvo (Local Administration) Electoral System in Belarusian Provinces

Kuimova N.A.

Education Establishment “Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University”, Minsk

The relevance of studying the zemstvo electoral system is due to the fact that this topic has not been comprehensively disclosed in historiography.

The purpose is to characterize the features of the zemstvo electoral system in the Belarusian provinces.

Material and methods. *The source base for the article was scientific publications, as well as protocols and journals of zemstvo meetings stored in the Russian State Historical Archive.*

To achieve the goal, both general scientific and specific historical (historical-genetic, historical-comparative) methods were used.

Findings and their discussion. *By decree of March 14, 1911 zemstvo self-government was introduced in Vitebsk, Minsk and Mogilev Provinces. The structure and functions of the Belarusian zemstvos did not differ from the zemstvo institutions operating in the inner provinces of the Russian Empire. However, a number of changes were made to the system of zemstvo elections related to ethnic and confessional characteristics in the region.*

Conclusion. *The main differences in the conduct of zemstvo elections in the Belarusian provinces were that two national curia were introduced – the Polish and the Russian ones, representation from peasants was limited, and the property qualification was lowered to obtain the right to participate in the elections of zemstvo officials. Such innovations guaranteed the predominance of the Orthodox population in the zemstvo.*

Key words: Belarus, Russian Empire, local self-government, zemstvo, zemstvo elections, the electoral system.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 40. – P. 29–33)

14 марта 1911 г. был опубликован указ Николая II «О распространении действия Положения о земских учреждениях на Витебскую, Волынскую, Киевскую, Минскую, Могилевскую и Подольскую губернии», согласно которому в трех белорусских губерниях вводилось земское самоуправление на основе «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» от 12 июня 1890 г. Однако в данный закон был внесен ряд изменений и дополнений, связанных с этноконфессиональными особенностями края: земские выборы проводились на основе национальных курий – «русской» и «польской», ограничивалось представительство от крестьян, понижался имущественный ценз для получения права участия в выборах земских гласных. Такие нововведения гарантировали преобладание в земстве православного населения.

Земская избирательная система в белорусских губерниях не была специальным объектом изучения в исторической науке. Отдельные события данной проблемы рассматривали в своих публикациях В.П. Слобожанин [1], Н.М. Забавский [2], Н.С. Моторова [3], С.А. Толмачева [4] и др. Тем не менее это направление в историографии не было полностью изучено и всесторонне раскрыто, а данное исследование позволит заполнить пробелы.

Цель работы – охарактеризовать особенности земской избирательной системы в белорусских губерниях.

Материал и методы. Источниковой базой для подготовки статьи послужили научные публикации, а также протоколы и журналы земских собраний, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве.

Для достижения поставленной цели использовались как общенаучные (анализ и синтез, сравнение и обобщение, статистический анализ и др.), так и конкретно-исторические (историко-генетический, историко-сравнительный) методы.

Результаты и их обсуждение. «Положения о земских учреждениях» 1911 г. имело ряд особенностей. Во-первых, в отличие от центральных губерний Российской империи, где избиратели делились на три курии (земледельческую, городскую и крестьянскую), выборы в западные земства предполагали введение национальных курий – «русской» и «польской». В «русскую» курию включалось православное население, а в «польскую» – католическое. Представительство от каждой курии искусственно фиксировалось по двум признакам: проценту населения данной вероисповедальной группы от общего количества населения уезда и проценту ценности принадлежавшего ему недвижимого имущества [5, с. 72]. Например, когда польское население в данной местности составляло 2%, а их недвижимое имущество – 38%, то количество депутатов в земства от «польской» курии после расчета не могло выходить за рамки 20%: $(2+38):2=20\%$ [2, с. 63]. Такая система выборов

гарантировала преобладание в земских учреждениях православного населения. Помимо этого, для предупреждения возможных действий земских управ, которые шли бы вразрез с интересами православного населения, закон обеспечивал за «русским элементом» ряд выборных земских должностей. Подобные меры относились и к земским вольнонаемным служащим, которые в большом количестве в своей работе постоянно взаимодействовали с населением [6, л. 33]. Так, лицами «русского происхождения» должны были быть: председатель земской управы, председатели и не менее половины членов различного рода земских комиссий, не менее половины членов управы и вольнонаемных служащих по каждой отрасли земского хозяйства. Однако даже при такой выборной системе в Виленской, Гродненской и Ковенской губерниях по-прежнему преобладало бы «польское» представительство, так как население там было преимущественно католическим, что потребовало бы особого подхода со стороны государства. По этой причине в указанных губерниях земства не вводились.

Стоит уточнить, что в Гродненской губернии русское население составляло меньшинство лишь в двух уездах – Белостокском и Сокольском. В остальных уездах оно было представлено в достаточном количестве для того, чтобы избираться в земские гласные и иметь преимущество в земских собраниях. Следовательно, Гродненская губерния могла бы быть признана «пригодной» для земской реформы. Еще в январе 1911 г. при обсуждении в Государственном совете законопроекта о применении земского «Положения...» 1890 г. в белорусских губерниях член Госсовета Д.И. Пихно отметил, что в Гродненской губернии, за исключением небольшой ее части, преобладает население «русского происхождения», поэтому желательно распространение в ближайшее время нового законодательства «и на другие губернии Северо-Западного края и в ближайшую очередь на губернию Гродненскую» [7, стб. 755–756]. Вместе с тем ее территория входила в состав одного генерал-губернаторства с Виленской и Ковенской губерниями. Также власти считали, что в составе населения Гродненской губернии было значительное количество белорусов, которые приняли римско-католическое вероисповедание и «легко поддавались польскому влиянию» [8, л. 13]. Это и привело к исключению Гродненской губернии из числа территорий, на которые могло бы распространяться земское «Положение...» 1890 г.

Во-вторых, помимо стремления властей обеспечить преобладание православного населения в земствах, закон имел ярко выраженный продворянский характер. Он не допускал в земских учреждениях большинства представителей от крестьян. Это достигалось за счет правила, согласно которому в уездные земские собрания сельские общества могли посылать не более 1/3 части всех гласных. В губернские земства допускался только один крестьянский гласный от каждого уезда. Газета «Звезда» в 1914 г. писала:

«Законом уже наперед установлено и число избираемых представителей от различных слоев населения. Таким образом, в Двинском уезде на 34 члена местного земства полагается по закону только 11 крестьянских представителей, в Режицком уезде на 24 члена – 8 крестьян, в Люцинском на 25 членов – 8 крестьян» [9, с. 769]. Газета «Могилевский вестник» наоборот отмечала, что «Положение...» 1911 г. отвело в земском самоуправлении значительное место гласным от волостных крестьянских сходов – треть всех гласных [10, л. 137]. В печати была распространена мысль и о том, что крестьяне не готовы к самостоятельной политической и культурной жизни. Газета «Северо-Западная жизнь» указывала, что простой народ Западного края «весьма неосознанный», чтобы действовать самостоятельно, поэтому «стать во главе народных масс – прямая обязанность местного русского дворянства» [2, с. 64].

В-третьих, основное нововведение заключалось в понижении наполовину, по сравнению с центральными губерниями России, имущественного ценза для получения права участия в выборах земских гласных – с 15 до 7,5 тыс. руб. стоимости недвижимого имущества, т.е. избирателями уездных земских гласных могли стать не только крупные, но и средние собственники [5, с. 75]. Кроме этого, закон предусматривал, что помимо полноценовиков в избрании земских уездных гласных могли участвовать и выборные от избирательных съездов мелких собственников. Они разделялись по каждому национальному отделению на два съезда: 1) владельцев недвижимости ниже полного ценза, но не ниже 1/5, или другого имущества не ниже 1,5 тыс. руб.; 2) владельцев недвижимости менее 1/5, но не ниже 1/10 ценза, или другого недвижимого имущества менее 1,5 тыс. руб., но не ниже 750 руб. [5, с. 75]. Такая мера устанавливалась для того, чтобы оградить средних землевладельцев от поглощения мелкими на совместных выборах.

Изначально правительство не планировало понижать имущественный ценз для новых земских губерний. В первоначальном варианте законопроекта предусматривался полный, неуменьшенный имущественный ценз, т.е. такой, какой предполагался

в «Положении...» 1890 г. для центральных губерний России. Однако в ходе обсуждения в Государственной думе было выявлено, что без понижения ценза вдвое сам выборный процесс в земские учреждения будет затруднительным. Такое осложнение было вызвано двумя моментами. Прежде всего, наблюдался быстрый рост цен на землю в крае, в особенности за последние годы. Кроме того, в белорусских губерниях прослойка крупных и средних земельных собственников была сравнительно невелика. Основную часть составляли мелкие землевладельцы [5, с. 75]. Если смотреть на соотношение сил среди русских землевладельцев по данным земских избирательных списков, составленных к 1 ноября 1912 г., станет видно, что число полноценовых избирателей было значительно ниже наибольшего числа уполномоченных от мелких избирателей [8, л. 273] (табл.).

Данные по уездам показывают еще более резкий разрыв между этими категориями выборщиков. Например, в Городокском уезде Витебской губернии полноценовых избирателей-неполяков числилось 31 при 163 уполномоченных от мелких владельцев, т.е. разрыв наблюдался в 5 раз [8, л. 274]. Отсюда следовало, что в ряде уездов количество лиц, владевших полным земельным цензом в первом собрании, т.е. в собрании русских избирателей, лишь на несколько человек превышало число подлежавших выбору гласных. Если принять во внимание опыт внутренних губерний, когда на земские избирательные съезды и собрания являлись в среднем только 30% избирателей-полноценовиков и 10% уполномоченных от мелких владельцев, то видно, что без понижения ценза вдвое нельзя было обойтись, так как в таком случае практически каждый избиратель мог объявить себя гласным [5, с. 75]. Правительству необходимо было законодательным путем обеспечить в земских собраниях должное представительство за крупными ценовыми владельцами от русского населения как элемента более образованного и опытного в развитии хозяйства, а также экономически заинтересованного и подготовленного к ведению земского самоуправления. При этом была необходимость учитывать и интересы мелких собственников, которые нуждались в заботе со стороны земств. Вместе с тем необходимо

Таблица

Состав избирателей по земским избирательным спискам от 1 ноября 1912 г. в Витебской, Минской и Могилевской губерниях

Губерния	Полноценовые избиратели-неполяки		Уполномоченные от мелких избирателей-неполяков		Всего
	чел.	%	чел.	%	
Витебская	988	31,5	2145	68,5	3133
Минская	607	26,9	1648	73,1	2255
Могилевская	726	23,6	2344	76,4	3070
Итого	2321	27,4	6137	72,6	8458

было не допустить их преобладание, так как это грозило понижению работоспособности земских учреждений [8, л. 276]. Поэтому данная поправка была принята Государственной думой как должная мера.

Следует отметить, что особым пунктом «Положения...» 1911 г. на городские думы и управы Минска возлагались права и обязанности уездного земского собрания и управы, т.е. город выделялся в самостоятельную земскую единицу. Изначально власти не хотели вводить такое изменение, так как отмечалось, что «с выделением Минска в самостоятельную земскую единицу, Минское городское общественное управление все-таки главным образом будет выполнять, как и теперь, городские дела, а земские функции будут весьма незначительным». При этом такая поправка была внесена в связи с тем, что за все время действия «Городового Положения...» 1892 г. городская дума и управа в основном состояли из «поляков» [6, л. 44]. В результате было принято решение, что земские гласные от Минска должны были избираться местными городскими думами из числа их гласных [11, с. 170]. В закон было включено правило о том, что в Минске для избрания городских гласных созывались два избирательных собрания: в первое входили все избиратели, кроме лиц «польского происхождения», а во второе – лица «польского происхождения». Что касалось числа гласных, подлежавших избранию, то с учетом двух признаков – количества «польского» населения и ценности принадлежавшей ему недвижимости, на долю второго избирательного собрания должно было приходиться $\frac{2}{5}$ всего числа гласных, остальные гласные выбирались по первому избирательному собранию. Состав же Минской городской управы набирался с таким расчетом, чтобы большинство голосов принадлежало лицам, занесенным в избирательный список первого собрания, т.е. лицам непольского происхождения [8, л. 424–425].

Таким образом, земские гласные в каждом уезде избирались на одном земском избирательном собрании и двух земских избирательных съездах (по имущественному признаку). Право участия в земских избирательных собраниях имели лица, владевшие недвижимым имуществом, оцененным не менее, чем в 7,5 тыс. руб. В первом избирательном съезде могли участвовать лица, которые владели землей, обложенной сбором на земские повинности, в количестве не менее $\frac{1}{5}$ части числа десятин, определенного для каждого уезда в расписании, или другим недвижимым имуществом, оцененным для взимания земского сбора, не ниже 1,5 тыс. руб. Во втором съезде участвовали лица, владевшие землей, обложенной сбором на земские повинности, в количестве менее $\frac{1}{5}$, но не менее $\frac{1}{10}$ части числа десятин, определенного для каждого уезда в том же расписании, или другим недвижимым имуществом, оцененным для взимания земского сбора менее 1,5 тыс. руб., но не ниже 750 руб. Также в каждом уезде избирательные собрания и съезды разделялись еще на два

отделения в зависимости от вероисповедания. Первые отделения образовывались из всех избирателей, кроме лиц «польского происхождения», а вторые – из лиц «польского происхождения». Такое деление было применено ко всем уездам, за исключением Двинского, Люцинского и Режицкого уездов Витебской губернии. Губернские земские гласные избирались из числа представителей уездного земского собрания, которое также делилось на два отделения – для лиц «русского» и «польского» происхождения. На волостных собраниях избирались по два гласных от сельских общин [11, с. 170–172].

«Положением...» 1911 г. определялось, что в Двинском, Люцинском и Режицком уездах Витебской губернии в первое отделение земского избирательного собрания и земских избирательных съездов входили лица «русского происхождения», а во второе – все прочие избиратели, имевшие право участия в земских выборах, по принадлежности [11, с. 171]. Это отступление было допущено в силу того, что в них при объединении в одну национальную курию всех «не поляков» представители русского населения могли бы быть поглощены на выборах лицами других групп – немцами и латышами. Следовательно, основная цель национального деления – обеспечение законом должного представительства в земствах «русской племенной группы» – в этих уездах не была бы достигнута [8, л. 261]. В перечисленных уездах избрание гласных от сельских общин на волостных сходах со смешанным национальным составом происходило на двух отделениях, каждое в составе не менее трех домохозяев. На этих же территориях уездные съезды избранных волостными сходами кандидатов разделялись также на два отделения. В первом отделении съезда участвовали кандидаты «русского происхождения», во втором – все остальные [11, с. 171–172]. Такой порядок избрания обеспечивал преобладание в составе земств русских. Между тем, в Двинском, Люцинском и Режицком уездах к первому национальному отделению были отнесены не только лица русского, но и немецкого происхождения. Это было связано с решением правительства, которое считало, что немецкое население Витебской губернии «по своим взглядам более тяготеет к русским, чем к полякам» [8, л. 410].

Заключение. Таким образом, основные отличия в земствах, принятые в белорусских губерниях в соответствии с указом от 14 марта 1911 г., заключались в организации выборов в земские учреждения, где вводились две национальные курии – «польская» и «русская», уменьшении имущественного ценза для избрания земских гласных, ограничении крестьянского представительства, а также председателю и не менее половины членов земской управы должны были быть «русского происхождения». Таким путем правительство стремилось контролировать влияние польского помещичьего дворянства на деятельность земств, упрочить позиции и роль русских помещиков. В Виленской и Гродненской губерниях,

где высшее сословие было преимущественно католическим, по политическим соображениям оставалась прежняя система местного управления.

Литература

1. Слобожанин, В.П. Земское самоуправление в Беларуси (1905–1917 гг.) / В.П. Слобожанин. – Минск: Гавриленко В.Г., 1994. – 85 с.
2. Забаўскі, М.М. Грамадска-палітычная барацьба ў Беларусі ў сувязі з увядзеннем земства ў Беларусі / М.М. Забаўскі // Весці Акадэміі навук БССР. Серыя грамадскіх навук. – 1987. – № 5. – С. 27–30.
3. Моторова, Н.С. Система земского самоуправления на территории белорусских губерний: функции и структура / Н.С. Моторова // Ученые записки «ВГУ имени П.М. Машерова»: сб. науч. тр. – 2016. – Т. 21. – С. 25–29.
4. Талмачова, С.А. Праблема правядзення земскай рэформы ў беларуска-літоўскіх губернях (1859–1903 гг.). / С.А. Талмачова // Весці БДПУ. Серыя 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2013. – № 1. – С. 3–7.
5. Сорокина, В.В. Политика русского самодержавия в отношении западных земств / В.В. Сорокина // Правоведение. – 1979. – № 1. – С. 70–76.
6. Общее по земской реформе в 6 западных губерниях // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1288. Оп. 2. Д. 36. Л. 1–721.
7. Стенографические отчеты / Государственный Совет. 1910–1911 гг.: Сессия 6. Заседание 1–49 (15 октября 1910 г. – 28 мая 1911 г.). – 1911. – [2], XXIX с., 2460 стб.
8. О распространении действия Положения о земских учреждениях 1890 г. на Витебскую, Волынскую, Киевскую, Минскую, Могилевскую и Подольскую губернии // РГИА. – Ф. 1276. Оп. 5. Д. 73. Л. 1–486.
9. Документы и материалы по истории Белоруссии (1900–1917 гг.). / В.Н. Перцев [и др.]. – Минск: Изд-во Академии наук БССР, 1953. – 1018 с.
10. По земской реформе Могилевской губернии // РГИА. – Ф. 1288. Оп. 2. Д. 44. Л. 1–265.
11. Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату о распространении действия Положения о земских учреждениях на Витебскую, Волынскую, Киевскую, Минскую, Могилевскую и Подольскую губернии // ПСЗРИ. Собр. 3-е: в 33 т. – Т. XXXI: 1911. – Отд. 1: От № 34629–36390. – СПб.: Гос. тип., 1914. – № 34903. – С. 170–175.

Поступила в редакцию 10.12.2024

Витебский белорусский педагогический техникум (1924–июль 1941 г.)

Шкирандо Ф.И.
Витебск

Витебский белорусский педагогический техникум занимает значительное место в истории среднего педагогического образования Беларуси. Его выпускники в свое время были востребованы не только на Витебщине, но и в других районах республики. Между тем, отдельных публикаций по истории его создания и деятельности до сих пор нет в научной литературе.

Цель данного исследования: на материалах Государственного архива Витебской области (ГАВт), других доступных сегодня источников представить историю Витебского белпедтехникума (1924–июль 1941 г.), его директоров и некоторых других преподавателей, показать, как на них отразилась политическая атмосфера 30-х годов в республике.

Материал и методы. Материалом послужили фонды Государственного архива Витебской области, научные статьи по истории среднего педагогического образования Беларуси. В статье использовались как общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение), так и специально-исторические методы исследования (сравнительно-исторический и историко-генетический).

Результаты и их обсуждение. Впервые с использованием широкого массива архивных и печатных источников представлена история Витебского белорусского педагогического техникума в исследуемый период.

Заключение. Материал статьи может быть использован при подготовке истории среднего педагогического образования в Витебской области.

Ключевые слова: белпедтехникум, планы и программы педагогических техникумов в 1920–1930-х гг., педагогический состав белпедтехникума, поиск классовых врагов, преобразование белпедтехникума в педучилище, проблема общежитий в белпедтехникуме и педучилище.

(Ученые записки. – 2024. – Том 40. – С. 34–41)

Vitebsk Belarusian Pedagogical Vocational School (1924–July 1941)

Shkirando F.I.
Vitebsk

Vitebsk Belarusian Pedagogical Vocational School occupies a significant place in the history of secondary pedagogical education in Belarus. Its graduates were in demand not only in Vitebsk Region but also in other regions of the Republic. Meanwhile there are no publications which deal with the history of its creation and operation until now in scientific literature.

The research purpose is to present the history of Vitebsk Belarusian Pedagogical Vocational School (1924–1941), its Heads and some teachers on the basis of State Archive of Vitebsk Region and other available sources, to demonstrate how the 1930-s political atmosphere in the Republic reflected on it.

Material and methods. The material was funds of State Archive of Vitebsk Region, scientific articles on the history of secondary pedagogical education in Belarus.

Findings and their discussion. It is for the first time, that using a wide range of archive and published sources the history of Vitebsk Belarusian Pedagogical Vocational School is presented in the period under study.

Conclusion. The material of the article can be used in elaborating the history of secondary pedagogical education in Vitebsk Region.

Key words: Belarusian Pedagogical Vocational School, syllabus and curricula of pedagogical vocational schools in 1920–1930, Belarusian Pedagogical Vocational School teachers, search for class enemies, transformation of Belarusian Pedagogical Vocational School into Pedagogical College, problem of hostels in Belarusian Pedagogical Vocational School and College.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 40. – P. 34–41)

История Витебского белорусского педагогического техникума в довоенное время (1924–июль 1941 г.) является неизученной. Отдельных публикаций на эту тему в научной литературе не имеется.

Цель статьи: на материалах Государственного архива Витебской области (ГАВт), других доступных сегодня источников представить историю Витебского белпедтехникума, его директоров и некоторых преподавателей, показать, как на них отразилась политическая атмосфера 1920–1930-х гг. в республике.

Материал и методы. В Государственном архиве Витебской области в фонде 133, в фондах Витебского городского, Витебского окружного и областного комитетов партии, в некоторых других фондах отложились документы, касающиеся разных сторон деятельности техникума. В интернете есть сведения о дальнейшей судьбе репрессированных преподавателей техникума. В статье использовались как общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение), так и специально-исторические методы исследования (сравнительно-исторический и историко-генетический).

Результаты и их обсуждение. Постановлением коллегии Наркомпроса БССР от 30 мая 1924 г. был закрыт Витебский высший педагогический институт. Его здание на улице Пушкинской, 3 и часть имущества (библиотека, зал для рисования, физический кабинет и лаборатория) были переданы Витебскому белпедтехникуму, который начал свою работу в сентябре 1924 года. В связи с недостатком финансирования и практическими потребностями Оршанский педтехникум с 01.09.1924 г. был ликвидирован. Главпрофобр БССР предложил заполнить свободные места в Витебском белпедтехникуме на 2, 3 и 4 курсах слушателями бывшего Оршанского педтехникума соответствующих курсов [1].

Важную роль в совершенствовании работы техникумов и училищ сыграл съезд работников педагогических учреждений (январь 1924 г.), который принял устав педагогического техникума. По уставу педтехникум должен был готовить учителей начальных школ, воспитателей детских садов и домов. Определялась продолжительность учебной недели, семестра и учебного года. Устанавливались направление и содержание производственной практики. Вводилось единоначалие, восстанавливалась должность завуча, укреплялась роль педагогического совета и предметных комиссий. Перевод от коллоквиума к системе индивидуальных зачетов как новой формы проверки и оценки знаний содействовал повышению требовательности к молодежи.

1924/1925 учебный год техникумы начали с новыми планами и программами. В них была уменьшена перегрузка учащихся, усилены общественно-исторический и педагогический циклы предметов, увеличен срок на изучение частных методик [2].

Первым директором Витебского белпедтехникума был назначен Авхимень Лаврентий Лазаревич,

1886 г.р., белорус. Окончил Ярославский юридический лицей (1911 г.) и Высшие курсы белорусоведения (1924 г.). Проводил занятия по географии и основам мироведения в техникуме и на двухгодичных педкурсах [3]. Был избран в состав окружного правления общества краеведения, возглавлял там природоведческую секцию [4]. В декабре 1928 г. снят с работы директора техникума. В 1938 г. репрессирован.

Имеющийся в архиве список преподавателей Витебского белпедтехникума по состоянию на сентябрь 1924 г. свидетельствует о том, что все они являлись выпускниками различных университетов. Многие из них до августа 1924 г. работали в Витебском педагогическом институте. Так, например, первый заместитель директора и завуч техникума профессор А.А. Шли-тер окончил Ленинградский университет. Позже работал профессором кафедры зоологии ветеринарного и педагогического институтов. Композитор и педагог А.П. Постников окончил Ленинградскую консерваторию, с 1918 по 1924 г. был преподавателем Витебского пединститута, потом директором Витебского музыкального техникума, с сентября 1924 г. преподавал музыку и пение в белпедтехникуме [1, д. 26, л. 38; д. 67, л. 69, 71]. Преподаватель химии и минерологии П.М. Перовский кроме занятий в техникуме преподавал химию в ветеринарном институте, в 1936 г. возглавил кафедру химии медицинского института. Математику в белпедтехникуме преподавал выпускник МГУ В.Н. Дракин, который с 1928 г. работал в БСХА в Горках, в 1930–1941 и в 1944–1946 гг. возглавлял кафедру математики Минского лесотехнического института (сейчас БГТУ). Занятия по природоведению проводил известный садовод В.В. Адамов (1875–1939), подпредметы преподавал выпускник МГУ Е.А. Дашкевич, ботанику – Л.Д. Никольский.

В штате белпедтехникума (БПТ) были также библиотекарь, повар, инструктор переплетного дела, уборщицы, дворники. В 1925 г. в штате были должности садовода (А.А. Шигалевский) и заведующего садом (Е.М. Андреев). Эти должности отнюдь неслучайные: в 1925 г. участок бывшего губернаторского дворцового сада с оранжереей передан белпедтехникуму. В 1926 г. он был возвращен коммунальному отделу, но практику учащиеся белпедтехникума продолжали там проходить [1, д. 244, л. 212об., 213об.; 5].

13.11.1924 г. вопрос о работе белпедтехникума рассматривался на заседании ячейки КП(б)Б. Директор техникума Л.Л. Авхимень остановился на трудностях организационного периода: не работала столовая, не было средств для организации кружков. Часть помещения была занята детским садом. Говоря об учебном плане, докладчик отметил, что в нем принят принцип комплексности. В первый учебный год на первый курс были зачислены 50 чел., на второй – 45 чел., на третий – 69 чел., на четвертый – 46 чел., всего 210 чел. В постановляющей части отмечено: 1) считать учебный план техникума со стороны соотношения между отдельными предметами не вполне

удовлетворительным; 2) основной задачей техникума является подготовка для начальной школы педагогов-общественников с пролетарским мировоззрением, которое опиралось бы на соответствующую теоретическую подготовку в области общественных наук; 3) необходимо поэтому отвести общественно-политическим предметам больше места, чем это предусмотрено в учебных планах [6].

Бывшую 3-ю школу, которая раньше была в составе педагогического института, окроно передал белпедтехникуму, и она стала называться опытно-показательной. Как отмечено в инструкции о проведении практических занятий учащихся белпедтехникума, эти занятия проводились не только в опытно-показательной школе при техникуме, но и в других семилетних школах города. Сначала учащиеся вели наблюдения и записи уроков, которые потом обсуждались на конференции с участием учителей, у которых они были на уроках, или заведующих этих школ. Учащимся выдавался контрольный лист, в котором заведующий школой отмечал, как вели себя учащиеся техникума, не нарушали ли дисциплину. Учащихся 3-го и 4-го курсов посылали в школы по 2 человека. Там они находились весь день. Практические уроки учащиеся проводили только в своей опытно-показательной школе при техникуме [1, д. 202, л. 58–59об.].

В 1920-е годы в опытно-показательной школе при белпедтехникуме апробировались новейшие системы обучения: метод проектов, комплексная система, Дальтон-план (бригадно-лабораторный метод). После первого педологического съезда, прошедшего в 1927 году, начинается расцвет педологии. Ее преподавали и в белпедтехникуме (преподаватель Т.Д. Борейко, окончил Виленский учительский институт и Московские высшие научно-педагогические курсы).

В белпедтехникуме действовали различные общественные организации. Ведущую роль играли комсомол и профсоюз работников просвещения (рабпрос). Но был также Осоавиахим (общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству). Организовывались спортивные олимпиады, военизированные походы, вело- и мотопробеги. Учащиеся готовились по комплексу ГТО (готов к труду и обороне) I и II степени, ПВХО (противовоздушная и противохимическая оборона), ГСО (готов к санитарной обороне).

19.05.1925 г. работа белпедтехникума обсуждалась на заседании окружного правления работников просвещения. Как видно из доклада директора техникума Л.Л. Авхименя, в учебном процессе использовался бригадно-лабораторный метод, т.е. Дальтон-план. Все предметы велись лабораторным методом, за исключением обществоведения и рисования. Большинство предметов преподавались на белорусском языке. По социальному составу учащиеся были в основном из бедных крестьянских семей. Работали кружки: драматический, хоровой, физкультурный и пионердвижения. Стипендии были небольшие и их получали

только 50% учащихся. На руки стипендии они не получали, за ее счет оплачивалось питание в столовой и интернат. Учащиеся шефствовали над 80-м полком РККА. В постановляющей части было предложено техникуму усилить общественную работу, упорядочить вопрос шефства над РККА, установить формы связи со школами, усилить связь с общественными организациями [1, д. 244, л. 155–159].

Судя по спискам подавших заявления для поступления на первый курс в 1925/1926 учебном году, многие из них были направлены в техникум райисполкомами, райкомами комсомола, райкомами союза работников просвещения, окроно, окружными комитетами комсомола. Это закрывало дорогу к получению образования непролетарским слоям населения. Поступающие в техникум сдавали экзамены по программе полных семилетних школ. Они могли быть освобождены от экзаменов в том случае, если представляли свидетельство об окончании семилетней школы и когда число желающих поступить не превышало установленной нормы приема, а также по отдельному разрешению Главного управления профтехобразования НКП БССР. Ведомости сдачи вступительных испытаний свидетельствуют о том, что приемная комиссия строго подходила к оценке знаний поступающих. Из 213 человек, подавших заявления для поступления на первый курс, в 1925/1926 учебном году были приняты только 94 человека [1, д. 1. л. 13–33, 37, 39, 70].

План работы техникума на 1927/1928 учебный год свидетельствует о том, что занятия в нем начинались 1 сентября и продолжались до 9 июня. Учащиеся 3-го курса на протяжении месяца-полутора проходили сельскохозяйственную практику на огороде, в саду, совхозе. Педпрактика проводилась на 4-м курсе. Во время зимних каникул студенты направлялись в сельские школы. Педсостав насчитывал 20 человек. Назначение преподавателей на должность и их увольнение оформлялось приказом по НКП БССР. Были столярная и картонажно-переплетная мастерские, кабинеты: физический, химический, природоведческий, географический, математический, обществоведения, родного языка и литературы, педагогический, музыкальный, графического мастерства, педпрактикума. Работали они с 17.00 до 20.00 часов. Читальный зал библиотеки и клуб работали с 19.00 до 23.00, библиотека с 15.00 до 19.00. В 1927/1928 учебном году было 7 курсов, из которых 3 являлись параллельными (1, 2 и 3-й). Обучалось 265 человек, из них на 4-м курсе 31 человек. Уже было твердое расписание занятий. В числе изучаемых предметов были экономическая политика и советское строительство, история партии, истмат, педология, история педагогических идей, история советской трудовой школы. Техникум активно участвовал в краеведческой работе по планам окружного правления товарищества краеведения. Кроме традиционных кружков добавился кружок сторонников радио [1, д. 49, л. 1–5, 10–11, 46]. После окончания белпедтехникума выпускники

давали подписку, что в соответствии с уставом техникума и распоряжением НКП БССР они обязуются отработать в сельской школе на протяжении двух лет [1, д. 96, л. 10–11].

В 1920-е гг. периодически проверялось социальное положение учащихся, которое они указали при поступлении в техникум. Если они скрыли, что являются детьми дворян, служителей культа, торговцев, лиц свободных профессий, то в таком случае из техникума исключались. Сведения о социальном и партийном составе учащихся представлялись в окружной отдел народного образования [1, д. 23, л. 24–27; д. 29, л. 98].

Летом 1928 года в учебный план педагогических техникумов были внесены коррективы. Для более равномерной загрузки каждого года предусматривалась некоторая перестановка учебных дисциплин с одного года на второй. В связи с осложнением международной обстановки и курсом XV съезда ВКП(б) на коллективизацию сельского хозяйства в учебный план вводились новые дисциплины: военная подготовка (или военизация, как писалось в расписании), основы кооперации в связи с коллективизацией сельского хозяйства, методика политико-воспитательной работы со взрослыми. К военной подготовке привлекались все учащиеся двух последних курсов независимо от возраста и пола. Курс военной подготовки состоял из 120 часов [1, д. 23, л. 47–49; 7].

На 01.12.1928 г. в белпедтехникуме было 307 учащихся. Из них детей рабочих – 47, воспитанников детских домов – 5, крестьян-бедняков – 47, крестьян, платящих сельхозналог до 40 руб. – 116, крестьян, платящих сельхозналог свыше 40 руб. – 3, служащих – 35, учителей и специалистов – 37, кустарей – 12, инвалидов и членов колхозов – 5 [1, д. 5, л. 29об.].

5–13 декабря 1928 г. комиссия под руководством инспектора НКП БССР А.Г. Аниховского проверяла работу белпедтехникума. В резолюции первого райкома партии г. Витебска по докладу А.Г. Аниховского отмечено, что усиление классовой борьбы в городе и деревне особенно ярко отразилось в белпедтехникуме. Этому способствовали непродуманный подбор учащихся по социальному происхождению, несоответствующий с идеологической точки зрения подбор преподавателей, отсутствие ячейки КП(б)Б. В результате, по мнению комиссии, БПТ стал в значительной степени очагом для всякого рода идеологически чуждых идей, вплоть до явно контрреволюционных проявлений антисемитизма и выступлений против коллективизации сельского хозяйства при одновременном проявлении правого уклона. Это выразилось в открытых выступлениях против налоговой политики, проводимой партией в деревне, и против усиления индустриализации. По мнению проверяющих, директор Л.Л. Авхименя чрезмерно строгий администратор, бывает груб и нетактичен в своих отношениях с преподавателями, нечуткий к запросам учащихся. Райком партии решил необходимым, не ожидая конца учебного года, отстранить Л.Л. Авхименя

от должности директора и педкурсов, временно возложив обязанности директора на завуча техникума Г.Я. Кохановского. Вместе с тем комиссия отметила, что педагогический состав БПТ по своему образованию и уровню подготовки довольно сильный и пользуется авторитетом среди учащихся. Из 27 преподавателей, инструкторов и заведующих кабинетами с высшим образованием было 18, незаконченным высшим – 3, средним специальным – 2, средним – 4 (инструкторы). [1, д. 23, л. 66–69, 71; 6, д. 467, л. 297–298; 6, д. 532, л. 21–23].

В январе 1929 г. окружной комитет партии направил на работу директором БПТ и педкурсов члена партии Южика Евгения Адамовича, 1896 г.р. До этого он успел поработать заведующим Червеньским уездным отделом народного образования, инспектором и заведующим Полоцкого окрону и заведующим агитационно-пропагандистским отделом Оршанского окружного комитета партии [8]. Директором техникума Е.А. Южик проработал недолго: с 11.01.1929 г. по 22.09.1930 г. Потом был переведен директором Витебского педрабфака [1, д. 5, л. 299]. В 1937 г. репрессирован. После Е.А. Южика в сентябре 1929 г. директором техникума стал Георгий Яковлевич Кохановский, 1886 г.р., белорус, член партии. В 1912 г. окончил Глуховский учительский институт, в 1926 г. высшие курсы обществоведения и белорусоведения в Минске. В сентябре 1926 г. был утвержден директором Витебского кооперативного техникума [8, оп. 6, д. 1435]. С 1927 г. – завуч и преподаватель обществоведения белпедтехникума. Г.Я. Кохановский был директором БПТ до января 1932 г. Позже он не раз будет назначен его директором. Первый уход с директорского поста БПТ был связан с его большой занятостью на кафедре обществоведческих дисциплин ветеринарного института, где он преподавал политэкономии, экономическую политику и политику партии в деревне.

Витебское отделение государственного контроля регулярно проводило ревизию техникума и указывало на неправильные финансовые издержки. Так, например, в постановлении от 26.03.1929 г. указывалось, что общежития техникума на ул. Канатной и Замковой находились в антисанитарном состоянии. Не завершена была работа по инвентаризации имущества за прошлый год. В инвентарной книге не оприходован инвентарь, полученный в этом году. В некоторых случаях нет отметки об исключении инвентаря, пришедшего в негодность [1, д. 5, л. 28].

Некоторые учащиеся 3-го курса в летнее время работали на летних детских площадках, а выпускники 4-го курса летом прикреплялись к отрядам юных пионеров для прохождения педпрактики [1, д. 4, л. 23–24, 33а].

11.09.1929 г. отчет БПТ был заслушан на заседании окрисполкома. Внесено предложение вести и в дальнейшем линию на пролетаризацию учреждения, выявляя социально чуждых и вражеских элементов, не останавливаясь перед их исключением

из техникума [9]. 13.10.1929 г. вопрос о результатах комплектования техникума рассматривался на заседании окружного правления работников просвещения. Было отмечено, что со стороны БПТ недостаточно развернута работа среди рабочих о популяризации техникума, что знания поступающих в техникум слабые [1, д. 4, л. 52].

С 1930 г. педтехникумы перешли на трехлетний срок обучения, для них были разработаны новые учебные планы. В них для дальнейшего повышения идейно-теоретического уровня специалистов были значительно усилены предметы общественно-политического цикла. Если в учебном плане педтехникумов на 1927/1928 учебный год дисциплинам обществоведческого профиля отводилось 26,4% всего учебного времени, то в новом плане на 1929/1930 учебный год эта цифра возросла до 32%. Такие предметы, как история ВКП(б) и основы ленинизма, история классовой борьбы, политэкономия, исторический материализм, экономическая география, советское строительство и литература изучались на протяжении трех лет обучения в техникуме [10].

Учебным планом педтехникумов на 1929/1930 учебный год на общеобразовательные дисциплины (языки, математика, физика, химия, естествознание) выделялось 23,6% учебного времени. Проходили эти предметы на I–II курсах. Цикл специальных дисциплин (педагогика, педология, частные методики, история педагогических идей, основы советской трудовой школы, пение, музыка, рисование и др.), на которые отводилось 34,4% учебного времени, проходили на I–III курсах. Физическое воспитание и военная подготовка занимали 9,7% учебного времени. Все больше внимания уделялось производственной практике [10].

По решению СНК БССР от 22.04.1930 г. были установлены следующие цифры приема в педтехникумы рабочих и их детей: – 40%, бедняков, колхозников, середняков и их детей – 45%, учителей и их детей – 7%, служащих и их детей – 5%, детей специалистов – 3% [1, д. 4, л. 107].

Общественно-политическая жизнь Беларуси в 30-е годы – это цепь взаимосвязанных, проходивших одновременно или вслед друг за другом кампаний по очищению, как тогда писали, от «классово чуждых элементов», препятствовавших «развернутому социалистическому строительству», а точнее – «сталинскому крутому повороту во всей политике». Эти кампании вылились в ряд судебных и внесудебных процессов в отношении ученых и технических специалистов, партийных работников, представителей творческой интеллигенции, школьных учителей и педагогов вузов и техникумов. Утверждалось, что в республике будто бы существует развернутое национал-фашистское движение, во главе которого находятся белорусские национал-демократы, так называемые «нацдэмы», которые ставят своей целью ликвидировать советскую власть в Беларуси, оторвать ее от СССР и присоединить к буржуазно-помещичьей Польше.

Первые аресты преподавателей белпедтехникума начались в июле 1930 г. Другие были репрессированы во время пика репрессий в 1937 году. Все это больно ударило по Витебскому белпедтехникуму. Всего было репрессировано 16 человек, включая первых двух директоров. Это Л.Л. Авхимень, Н.Г. Агейчик, Ю.Г. Бжозе, Г.В. Богданович, Н.Н. Богородский, И.Ф. Варпахович, И.А. Витковский, Д.А. Калиновский, И.Г. Ладес, И.Р. Левандовский, И.П. Лубовский, И.И. Мазуркевич, М.И. Маркевич, Е.С. Минин, Г.И. Чумаков, Е.А. Южик. Данные о них имеются в Открытом списке жертв политических репрессий в СССР и на других сайтах о репрессированных.

В соответствии с постановлением НКП БССР от 21.01.1932 г. все педтехникумы должны были создать сектор заочного обучения до 5.02.1932 г. К этому времени необходимо было назначить заведующих секторами заочного обучения. Они являлись заместителями директора техникума по заочному обучению. В Витебском белпедтехникуме заведующим сектором заочного обучения был назначен Неразик Евдоким Иванович, работавший ранее директором 5-й школы семилетки г. Витебска [1, д. 6, л. 4, 32, 53, 56].

На заочные сектора педтехникумов возлагалась непосредственная работа с заочниками (вербовка, рецензирование и учет работы заочников, консультационно-лабораторные конференции). С 15.02 по 15.03.1932 г. техникумы должны были провести месячник вербовки заочников с таким расчетом, чтобы с 01.04.1932 г. начать работу с новым набором. Решением НКП БССР Витебскому белпедтехникуму необходимо было принять в апреле 1932 г. 410 человек на заочное обучение. Из них из Витебска – 100 чел., Городокского района – 80 чел., Сенненского – 55 чел., Лиозненского – 65 чел., Сиротинского – 65 чел., Суражского – 45 чел. Решением НКП БССР к Витебскому белпедтехникуму была прикреплена группа студентов-заочников (60 чел.) из Минского заочного педтехникума. Эти студенты-заочники работали в районах, прикрепленных к нашему техникуму. На Витебский белпедтехникум возлагалось также обслуживание заочников – работников деткомдвижения в количестве 225 человек. Все они работали в 17 районах Витебского округа [1, д. 6, л. 1–4, 8, 13].

С января 1932 по апрель 1933 г. техникум возглавлял Печатников Семен Михайлович (1901–1940), член партии с 1927 г., учитель математики. Позже работал учителем Богушевской школы до 1940 г. [11]. С апреля 1932 г. по январь 1937 г. директором БПТ был Горбачевский Сергей Павлович (1899–1941) [1, д. 9а, л. 8]. Окончил Витебский пединститут, в техникуме преподавал географию. Во время Великой Отечественной войны был батальонным комиссаром ЗапОВО, пропал без вести в августе 1941 г.

Несмотря на занятость учебной и общественной работой, в 1932 году преподаватели техникума Г.Я. Кохановский, И.П. Лубовский, Е.И. Неразик, А.И. Синееко написали учебник истории для 5-го класса фабрично-

заводских семилеток и школ колхозной молодежи. Учебник имел некоторые недостатки, но в целом был неплохой для того времени. Тем не менее после разгрома «нацдемов» в 1930-м году в рецензии журнала «Савецкая краіна» он был назван халтурой и его предложили изъять, чтобы «защитить детей от фактических и идеологических ошибок» [12; 13]. В техникуме периодически проводилась чистка библиотеки от идеологически вредной литературы [1, д. 9а, л. 7, 38].

После выхода постановлений ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г. «О начальной и средней школе» и от 25 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе», а также постановления ЦИК СССР от 19 сентября 1932 г. «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах» в работе учебных заведений произошли значительные сдвиги. Развернулась борьба с методическим прожектерством, во многих педтехникумах было введено твердое расписание занятий, повысилась роль частных методик в специальной подготовке учителей.

Был решительно отвергнут бригадно-лабораторный метод обучения. При определении методов обучения все учебные заведения обязывались исходить из учета особенностей учебного материала и каждой дисциплины, квалификации преподавателя, уровня подготовки студентов, наличия учебного оборудования, лабораторий. Решением ЦИК СССР были восстановлены лекции как метод преподавания, запрещены коллективные зачеты, обеспечен контроль за качеством учебы каждого студента.

В новом учебном плане педтехникума, принятым в 1933 году, было увеличено количество часов на общенаучные дисциплины, введен ряд новых, необходимых для учителя предметов: анатомия и физиология человека, школьная гигиена, практикум по кино- и радиоработе в начальной школе, практикум по изготовлению наглядных пособий и школьного оборудования и т.д. Увеличилось количество часов на политехническую подготовку будущего учителя, изучение педагогики и частных методик, на педагогическую практику, которая начиналась со 2-го курса [14].

Лучшие преподаватели за добросовестную педагогическую работу по итогам учебного года премировались путевками на курорт, деньгами, учащиеся премировались путевками в Москву и Ленинград [1, д. 9а, л. 37–38]. Постепенно увеличивалось количество учащихся техникума: в 1934/1935 учебном году их было 358, а в сентябре 1936 г. – 562, из них на 1-м курсе – 250, на 2-м – 190, на 3-м – 122 [15; 1, д. 43, л. 17].

С 11.01.1937 г. директором педтехникума снова стал Г.Я. Кохановский (утвержден приказом НКП БССР № 61 от 09.01.1937 г.). С 29.04.1937 г. все педтехникумы были преобразованы в педучилища. В период массовых политических репрессий продержаться в должности директора училища Г.Я. Кохановскому довелось недолго. 01.01.1938 г. бюро Витебского горкома партии рассмотрело его персональное дело. Г.Я. Кохановский обвинялся в неразоблачении врагов

народа, работавших в педучилище (И.П. Лубовский, Г.И. Чумаков, Д.А. Калиновский и др.), неприятия решительных мер по улучшению и постановке учебной работы в училище и неочистке библиотеки от контрреволюционной вражеской литературы. Было отмечено также, что Г.Я. Кохановский находится в родственных отношениях с антисоветским элементом – тещей. Его жена была дочерью расстрелянного в 1930-м году за контрреволюционную деятельность попа. Бюро горкома партии постановило снять Г.Я. Кохановского с работы директора педучилища и исключить из членов ВКП(б) [3, д. 576, л. 23]. Удивительно, но после такого решения Г.Я. Кохановского не репрессировали, он продолжал работать преподавателем общественных дисциплин в педучилище и по совместительству в ветеринарном институте. Директором педучилища в январе 1938 г. был утвержден Ярмош Павел Наумович, 1912 г.р. С августа 1938 г. он исполнял обязанности директора педучилища и на 0,5 ставки директора педрабфака [1, д. 241, л. 6, 33, 57].

На основании постановления СНК БССР № 1697 от 08.08.1938 г. Витебский педагогический рабфак был реорганизован в русское педучилище. Все имущество педрабфака передавалось создаваемому русскому педучилищу по отдельному акту и книгам [1, д. 241, л. 44, 57]. С точки зрения сегодняшнего дня это было русское отделение Витебского педучилища. С 1 июля 1938 г. Витебское педучилище было передано в непосредственное руководство облоно. Оно должно было и финансировать училище из местного бюджета. С этим были проблемы. О чем свидетельствует письмо из училища в НКП БССР от 23.09.1938 г. Проблемы были и с тем, что с сентября 1938 г. педучилищу были переданы две группы медрабфака в количестве 62 человек и рабфак связи. Финансировать их обещал НКП БССР через педрабфак (там еще оставались 2-й и 3-й курсы). Рабфаки финансировались из госбюджета [1, д. 241, л. 67–68, 72, 76].

После создания Витебской области областной комитет партии, облоно, горком и райком партии уделяли педучилищу постоянное внимание. Больше всего замечаний в адрес училища в этот период содержится в постановлении бюро Витебского обкома партии от 09.02.1939 г. Во многом они объяснялись перегрузкой преподавателей, которые вместо 10 учебных часов в пятидневку имели от 30 до 44 часов. А связано это было с тем, что педагогический процесс обеспечивал тот же количественный состав педагогов, который был в 1920-е – начале 1930-х гг. Проверяющие не хотели принимать во внимание тот факт, что тогда в учреждении было 270–300 учащихся, а в 1939 г. вместе с заочниками – 1200. Бюро постановило поставить вопрос перед НКП БССР о снятии с работы директора педучилища П.Н. Ярмоша за грубое нарушение постановлений о школе при наборе и в работе училища, допущение антипедагогических методов воспитания студентов и как не обеспечивающего руководство педучилищем. Для улучшения жилищно-бытовых

условий студентов педучилища решено было просить ЦК КП(б)Б поставить вопрос перед СНК БССР о постройке в 1939 г. общежития на 600 человек [16].

Приказом по облоно от 20.02.1939 г. П.Н. Ярмош был снят с работы директора педучилища как небеспечивший руководство. Директором педучилища утвержден Г.Я. Кохановский. Завучем училища вместо А.И. Синееко – М.Р. Судник. Приказом по НКП БССР от 25.10.1939 г. Г.Я. Кохановский назначен заместителем наркома просвещения БССР. В годы Великой Отечественной войны он был участником партизанского движения, награжден орденом Трудового Красного Знамени [1, д. 11, л. 5–8, 137, 150].

С 1 сентября 1939 г. Оршанское педучилище было переведено в Витебск и слито с Витебским педучилищем. Оборудование и постельные принадлежности, учебные и наглядные пособия кабинетов и библиотека Оршанского педучилища были переданы Витебскому педучилищу [1, д. 11, л. 213–214].

С 01.11.1939 г. директором педучилища стал Тодрин Григорий Маркович, который родился 13.05.1903 г. в Орше. Окончил физико-математический факультет БГУ в 1928 г. На педагогической работе с 1928 г. в разных школах (Койданово, Чашники). В 1933 г. назначен преподавателем физики и математики Оршанского педтехникума (с 1937 г. педучилища). С 20 августа 1939 г. переведен из Оршанского педучилища на должность заместителя директора и преподавателя физики и математики Витебского педучилища [17; 1, д. 12, л. 28].

В 1938/1939 учебном году на белорусском отделении педучилища обучалось 662 учащихся, на русском – 71 учащийся. Всего в училище на стационаре было 733 учащихся, на заочном отделении – 500 учащихся. Кроме заочного отделения в 1938–1940 гг. было еще вечернее дошкольное отделение (завуч П.М. Шлеймович). С 01.09.1940 г. дошкольное отделение было закрыто [1, д. 175, л. 14, 17; 1, д. 12, л. 81; 1, д. 19, л. 5, 42; 1, д. 178, л. 384].

В соответствии с постановлением СНК БССР от 22.06.1939 г. и приказом НКП БССР от 23.06.1939 г. Витебский педрабфак был переведен в рабфак г. Дубровно. А учебная и интернатская площади педрабфака были переданы Витебскому педучилищу. Ему же были переданы весь учебный, интернатский и хозяйственный инвентарь педрабфака [1, д. 11, л. 97, 165]. Как свидетельствует акт от 01.12.1939 г., Витебскому педучилищу были переданы: главное здание бывшего педрабфака трехэтажное с железной крышей на ул. Володарской, 58/15 (сейчас ул. Суворова, 44/11 – прим. Ф.Ш.); здание деревянное, одноэтажное с каменным фундаментом и железной крышей по ул. 1-й Ветряной, 17 и здание деревянное, одноэтажное по ул. 2-й Ветряной, 53 с садом в 13 деревьев в связи с ликвидацией педрабфака [1, д. 178, л. 251–252]. Именно с этой даты педучилище стало хозяином здания бывшего мужского духовного училища на ул. Володарской, 58/15, в котором оно работало с 1935 года.

Большой проблемой для педучилища в 1938–1941 гг. был недостаток интернатских площадей. В 1939 г. в имеющихся 11 общежитиях (старых полуразрушенных зданиях) проживали около 50% учащихся, остальные жили у своих родителей, многие на частных квартирах. Для найма частных квартир выделяли по 10 руб. на человека в месяц, на которые трудно было найти квартиру. Постельными принадлежностями учащиеся не обеспечивались. При педучилище имелась прачечная, в которой стирали белье учащимся-парням. А девушки стирали белье себе сами. Один раз в месяц учащиеся ходили в баню за счет дирекции педучилища. В общежитиях многие спали на матрацах без постельного белья, причем матрацы по два года не стирались [1, д. 11, л. 88–90]. 19.08.1939 г. президиум Витебского горсовета, заслушав ходатайство педучилища об отводе земельного участка для строительства трехэтажного общежития, постановил отвести земельный участок по проспекту Фрунзе для строительства кирпичного трехэтажного общежития на 370 человек [1, д. 11, л. 112]. Незадолго до начала Великой Отечественной войны это общежитие на проспекте Фрунзе, 77 (нумерация довоенная, после 1965 г. – проспект Фрунзе, 31) было построено, но досталось оно Витебскому пединституту имени С.М. Кирова.

В 1940/1941 учебном году для проведения педпрактики за педучилищем были закреплены три средних сталинских школы г. Витебска: 2-я, 3-я, и 10-я. При педучилище были организованы кружки: хоровой – 64 чел., литературный – 31 чел., музыкальный – 23 чел., изобразительного искусства – 50 чел., математический – 48 чел., драматический – 18 чел., балетный – 24 чел., фотокружок – 11 чел., физкультурный – 32 чел. На заочном отделении было 502 учащихся. Из общего количества 747 учащихся дневного отделения в общежитиях проживали 336 чел. Остальные жили или на квартире у родных или на частных квартирах по найму. При училище работала столовая общественного треста питания. Работала прачечная, в которую каждый учащийся мог сдать ежемесячно десять штук белья. Книжный фонд библиотеки составлял 85 тысяч экземпляров книг. Не хватало книг по истории, географии, педагогике [1, д. 16, л. 5, 7].

С 11.02 по 22.02.1941 г. работу педучилища проверяла комиссия под руководством инспектора педучилищ НКП БССР С.И. Ждановича с участием представителей райкома партии и облоно. Было отмечено, что в распоряжении училища находится 20 учебных аудиторий. Кроме того, имеется 17 аудиторий, которые заняты под кабинеты, библиотеку, канцелярию. Клуб рассчитан на 270 мест. На 22.02.1941 г. в училище обучалось 738 человек: на белорусском отделении 528 чел., на русском – 210 чел. На белорусском отделении было 17 групп, на русском – 8. Таким образом, имеющееся количество учебных аудиторий недостаточно для проведения занятий в одну смену. Учебные занятия начинались в 9 часов утра и заканчивались в 22 часа вечера.

Интернат при педучилище был рассчитан на 300 мест и размещался в 9 зданиях. Работали столовая и буфет. Каких-либо значительных замечаний комиссия не сделала. Рекомендовала организовать педагогический кружок, оборудовать музыкальный кабинет столами, креслами, портретами известных композиторов, закупить большее количество скрипок [1, д. 40, л. 59–70].

25.03.1941 г. на педагогическом совещании в училище обсуждался проект учебного плана на 1941/1942 учебный год. Завуч училища М.Р. Судник отметил, что, работая по старым планам и программам, училище стремилось к достижению двух целей: 1) готовить учителей начальной школы; 2) заботиться о подготовке кадров для вузов. В результате этой двойственности выпускались кадры, неподготовленные к практической деятельности. Выпускник училища не знал, с чего начинать работу в школе, не умел организовать работу с двумя классами, не был подготовлен вести работу на пришкольном участке. Он не умел поставить опыт на уроке естествознания, не мог провести урок по пению (разучить песню) и т.п. По новому плану больше часов отводилось на методику, на педпрактику. Преждевременным являлось, по мнению преподавателей, резкое уменьшение часов на языки (особенно на русский). По мнению Г.М. Тодрина, нужно приветствовать то, что уменьшена нагрузка учащихся до 6 часов в день и уменьшена многопредметность [1, д. 40, л. 35–37].

Приказом по облоно № 545 от 23.06.1941 г. директор училища Тодрин Григорий Маркович был освобожден от работы в связи с уходом в ряды РККА по мобилизации. Директором педучилища был назначен его завуч Судник Михаил Романович, выпускник Полоцкого педтехникума и Минского педагогического института имени А.М. Горького. В послевоенные годы известный белорусский языковед, член-корреспондент НАН Беларуси (1970), заслуженный деятель науки БССР (1980). В 1957–1983 гг. был директором Института языкознания им. Я. Коласа АН БССР [18; 19].

В связи с началом Великой Отечественной войны в июле 1941 г. Витебское педучилище прекратило свою работу. Многие преподаватели ушли на фронт, некоторые уехали в эвакуацию и там продолжали свою педагогическую деятельность.

Заключение. Представленная нами история создания и деятельности Витебского белпедтехникума (с апреля 1937 г. педучилища) свидетельствует о том, что в 1920–1930-е гг. в Беларуси сложилась

новая система среднего педагогического образования. Укрепилась ее учебно-материальная база, улучшился качественный состав преподавателей и учащихся. Все учреждения работали по научно-обоснованным планам и программам, которые постоянно совершенствовались. Использовались разнообразные формы и методы коммунистического воспитания молодежи. Наряду со старым преподавательским составом активно работали молодые педагоги, получившие высшее образование.

Созданная в 1920–1930-е годы система советского среднего образования обеспечила подготовку педагогических кадров для реализации всеобуча, решения задач культурной революции и социально-экономической модернизации страны на социалистических принципах. Выпускники Витебского белорусского педагогического техникума (с апреля 1937 г. педучилища) были все время востребованы не только на Витебщине, но и в других районах республики.

Литература

1. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 133. Оп. 1. Д. 26. Л. 8.
2. Смілавіцкі, Л.Л. 3 гісторыі сярэдняй педагагічнай адукацыі ў Беларусі / Л.Л. Смілавіцкі // Народная асвета. – 1988. – № 4. – С. 78–79.
3. ГАВт. – Ф. 485. Д. 153. Л. 456–456об.
4. ГАВт. – Ф. 1947. Оп. 1. Д. 12. Л. 67–68; Ф. 1947. Оп. 2. Д. 9. Л. 105.
5. Федоренко, М. Первый ботанический сад нашего города / М. Федоренко // Витьбичи. 23 мая 2024 г. – С. 6
6. ГАВт. – Ф. 10054п. Оп. 1. Д. 267. Л. 128.
7. Новик, Е.К. Формирование кадров народного образования Белоруссии (1917–1941 гг.) / Е.К. Новик. – Минск: Наука и техника, 1981. – С. 133.
8. ГАВт. – Ф. 9. Оп. 6. Д. 3204.
9. ГАВт. – Ф. 118. Оп. 1. Д. 352. Л. 430.
10. Камуністычнае выхаванне. – 1930. – № 2. – С. 42–43.
11. ГАВт. – Ф. 12п. Оп. 2а. Д. 161.
12. Каханоўскі, Г.Я. Падручнік гісторыі для 5-й класу ФЗС і ШКМ / Г.Я. Каханоўскі [і інш.]. – Менск: ДВБ, Вучпедсэктар, 1932. – 83 с.
13. Савецкая краіна. – 1932. – № 11. – С. 111–120.
14. Педагогическое образование. – 1933. – № 1. – С. 23.
15. ГАВт. – Ф. 102п. Оп. 1. Д. 325. Л. 30.
16. ГАВт. – Ф. 1п. Оп. 1а. Д. 10. Л. 190–191.
17. ГАВт. – Ф. 204. Оп. 2. Д. 1453.
18. ГАВт. – Ф. 113п. Оп. 1а. Д. 546.
19. Национальная академия наук Беларуси: энциклопедический справочник. – Минск, 2017. – С. 509.

Поступила в редакцию 16.12.2024

Роль рекрутской повинности в реализации политики по привлечению евреев к земледелию (на примере Витебской губернии (1827–1865 гг.))

Некрасhevич Ф.А.

Учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь», Минск

В данной статье проанализировано влияние рекрутской повинности на проведение политики российского правительства по привлечению евреев к сельскохозяйственной деятельности в 1820–1860-х гг.

Целью исследования является определение роли рекрутской повинности в реализации политики правительства Российской империи по привлечению евреев к земледелию на примере Витебской губернии.

Материал и методы. Источниковая база работы представлена документами законодательства и ранее неопубликованными материалами делопроизводства. При подготовке статьи были использованы основные принципы научного исследования (историзм, объективность и системность), а также общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция).

Результаты и их обсуждение. Выявлено, что вышеуказанная повинность играла двоякую роль. С одной стороны, определено значение рекрутской повинности как очень важного фактора, стимулировавшего евреев к переходу в разряд земледельцев. С другой – выявлено использование руководством еврейских общин западных губерний призыва на военную службу как механизма устрашения евреев от поступления в земледельцы.

Заключение. Сделан вывод о том, что рекрутская повинность играла роль важного инструмента в проведении внутренней политики правительством Российской империи в сферах общественной жизни, далеких от военной.

Ключевые слова: Российская империя, евреи-земледельцы, рекрутская повинность, уклонение от военной службы.

(Ученые записки. – 2024. – Том 40. – С. 42–45)

The Role of Conscription in the Implementation of the Policy of Attracting Jews to Agriculture (on the Example of Vitebsk Province (1827–1865))

Nekrashevich Ph.A.

Education Establishment "Academy of the MIA of the Republic of Belarus", Minsk

In the article, the influence of conscription on the implementation of the Russian government's policy of attracting Jews to agricultural activities in the 1820s–1860s is analyzed.

The purpose of the study is to identify the role of conscription in the implementation of the Russian Empire government's policy of attracting Jews to agriculture using the example of Vitebsk Province.

Material and methods. The research sources were documents of legislation and earlier not published materials of records management. Basic principles of research (historicism, objectivity and system approach) as well as general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction) were used.

Findings and their discussion. It was revealed that the above-mentioned conscription played a dual role. On the one hand, it determined the significance of conscription as a very important factor stimulating Jews to become farmers. On the other hand, it revealed the use of conscription by the leadership of Jewish communities in the western provinces as a mechanism to intimidate Jews from becoming farmers.

Conclusion. It is concluded that conscription played the role of an important instrument in the implementation of domestic policy by the government of the Russian Empire in areas of public life far from the military one.

Key words: Russian Empire, Jewish farmers, conscription, evasion from military service.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 40. – P. 42–45)

Ведущей системой комплектования вооруженных сил Российской империи была рекрутская повинность. Данная система имела множество изъятий, предполагавших существование долгосрочных льгот для различных групп податного населения. Одной из таких групп являлись колонисты, которые получали льготу от военной службы в знак признания затраченных сил и средств в процессе освоения пустующих сельскохозяйственных угодий в различных регионах империи. Среди специфических групп колонистов были евреи, которые высказывали добровольное желание переселиться в специально отведенные для них поселения в белорусских и украинских губерниях для занятия земледелием. Нижняя граница хронологических рамок исследования обусловлена введением рекрутской повинности в отношении евреев в 1827 г. Верхняя – отменой рекрутской повинности и заменой ее всеобщей воинской повинностью в 1865 г.

Историографию по теме исследования можно условно разделить на два блока. К первому относятся работы, описывающие российскую политику по привлечению евреев к сельскохозяйственному труду [1, с. 60–65; 2, с. 134–144]. В них, как правило, лишь вскользь упоминается фактор рекрутской повинности. Здесь наибольшей информативностью выделяется труд В.Н. Никитина, созданный на основе неопубликованных материалов центральных учреждений Российской империи [3]. Ко второму блоку относятся исследования, описывающие особенности несения рекрутской повинности евреями [4, с. 10]. Отдельно необходимо выделить работу Й. Петровского-Штерна, где автор уделил достаточное внимание внутриобщинным проблемам, вызванным проведением рекрутских наборов [5, с. 53–59]. В целом изучаемая тема до сих пор не была предметом отдельного исследования.

Целью исследования является определение роли рекрутской повинности в реализации политики правительства Российской империи по привлечению евреев к земледелию на примере Витебской губернии.

Материал и методы. Источниковая база работы представлена документами законодательства и ранее неопубликованными материалами делопроизводства. При подготовке статьи были использованы основные принципы научного исследования (историзм, объективность и системность), а также общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция).

Результаты и их обсуждение. Превращение евреев в земледельцев, по мнению властей, могло стать удачным решением «еврейского вопроса», проблемность которого заключалась в преобладании среди этой группы населения непроизводительного труда. Занимаясь под контролем государства сельским хозяйством, иудеи могли быть «полезными подданными» и изменили бы привычный образ жизни, который у чиновников вызывал неизменно отрицательные ассоциации (ростовщичество, спаивание христиан, торгашество и т.д.) [2, с. 135].

С начала XIX ст. российское правительство стало проводить целенаправленную политику по привлечению евреев к сельскохозяйственному труду. При этом успехи властей в данном начинании были достаточно скромными, как из-за настороженности большинства евреев к подобным предложениям, так и из-за технической и материальной подготовленности мероприятий по переселению. По мнению властей, введение рекрутской повинности в отношении евреев в 1827 г. могло стать серьезным стимулом к переселению ради уклонения от военной службы. Согласно «Уставу рекрутской повинности и военной службе евреев» 1827 г. (далее – Устав 1827 г.) мещане каждого города составляли отдельный рекрутский участок. В каждом участке определение семей, обязанных поставить новобранца в армию, осуществлялось на основе рекрутской очереди. Ответственность за формирование этой очереди и исполнение рекрутской повинности лежала на самих еврейских обществах.

Роль рекрутской повинности в привлечении евреев к земледелию целесообразно рассматривать с двух позиций. С одной стороны, это мероприятия российского правительства, которое использовало феномен рекрутчины как важный инструмент по привлечению евреев к кардинальной смене рода профессиональной деятельности. С другой – руководство еврейских общин также использовало подобный инструмент с диаметрально противоположной целью заставить представителей диаспоры отказаться от планов по занятию земледелием в рамках реализуемых государством программ.

На наш взгляд, мероприятия по использованию российскими властями рекрутской повинности как инструмента привлечения евреев к земледельчеству можно условно разделить на два этапа:

- 1) 1827–1845 гг., для которого характерно активное применение в отношении переселенцев ряда льгот, касавшихся воинской обязанности;
- 2) 1845–1865 гг., для которого характерно постепенное свертывание политики предшествовавшего периода.

Рекрутская повинность воспринималась диаспорой как настоящая катастрофа по целому ряду причин: армия отрывала призванного от семьи и привычного уклада жизни, евреи столетиями не служили в вооруженных силах, и культура войны была не характерна для диаспоры, кроме того, российские власти стремились призывать на военную службу в первую очередь несовершеннолетних, которые поступали в военные кантонисты. Вполне естественное нежелание евреев служить в армии вынуждало искать самые различные способы избежать столь тяжелого бремени. Этим и воспользовались российские власти. Уже «Устав 1827 г.» предполагал освобождение от военной службы лиц, перешедших в земледельцы в составе малых сельских сообществ на 25 лет, а в составе больших – на 50 лет [6, т. 2, № 1330, с. 727–741].

Стремление избежать рекрутчины превратилось в одну из главных причин перехода в земледельцы

[3, с. 11]. Тем не менее переселение евреев из городов в деревни не стало массовым явлением. Одной из причин был тот факт, что перейти в земледельцы стремились в первую очередь евреи, которые стояли в начале рекрутской очереди. Однако, ни руководство еврейских общин, ни российские чиновники не были заинтересованы давать отсрочку лицам, которые должны были поступить на службу уже в течение ближайшего рекрутского набора. Тем более что в рекрутском уставе данный вопрос не был детально отрегулирован. Чтобы еще больше стимулировать потенциальных переселенцев, в 1839 г. правительство решило вышеназванную коллизию в пользу переселенцев [6, т. 14, № 12810, с. 794].

Предоставляя такую беспрецедентно важную льготу, российское правительство, очевидно, рассчитывало на массовый приток евреев на выделенные земли в белорусских и украинских губерниях. Однако подобного наплыва не произошло. В связи с этим российские власти постепенно сворачивают предоставленные ранее льготы. Уже в 1847 г., согласно Высочайше утвержденному мнению Государственного совета, евреи не могли перейти в земледельцы до отбытия рекрутской повинности [6, т. 22, № 21209, с. 459]. В 1856 г. новый российский император Александр II распорядился уравнивать евреев в несении рекрутской повинности с прочими податными сословиями государства. Это означало отмену усиленных рекрутских наборов с диаспоры, а также прекращение направления в кантонисты несовершеннолетних евреев [6, т. 31, № 30888, с. 807–808]. Подобные послабления привели к еще большему уменьшению числа желающих сменить торгово-ремесленную деятельность на сельскохозяйственную [3, с. 448].

Наконец, согласно Высочайше утвержденному мнению Государственного совета от 30 мая 1865 г., отменялись все особые постановления, касавшиеся переходящих в земледельцы евреев [7, с. 1059]. При этом евреи, перешедшие в земледельцы до указа от 30 мая, сохраняли прежнюю льготу от рекрутчины. Тем самым российское правительство отказалось от использования военной службы в качестве инструмента воздействия на диаспору в аграрном вопросе.

Руководство еврейских общин также стремилось использовать фактор рекрутской повинности в своих интересах. Состоятельные евреи, как правило, крайне негативно относились к стремлению российских властей переселять членов общины на новые земли и превращать их в фермеров. Главная причина подобного отношения была связана с особенностями несения рекрутской повинности еврейскими общинами. Несмотря на формальное действие правил рекрутского устава, в общинах сложились свои неформальные правила того, кто должен в первую очередь поступать на военную службу. Богатые еврейские семьи брали на себя бремя уплаты недоимок, возникавших из-за неспособности бедных семей уплачивать налоги в казну. В свою очередь бедные семьи поставляли, минуя официальные

правила рекрутской очереди, новобранцев в вооруженные силы [3, с. 201–202]. Руководство еврейских общин, нередко вступая в сговор с российскими чиновниками, делало все необходимое, чтобы подобная практика формально соответствовала законам.

Вполне естественное желание ряда бедных семейств заняться земледелием и тем самым избежать уплаты «налога кровью» могло привести к нарушению вышеназванной системы, сложившейся в еврейских общинах. В связи с этим руководство общин также использовало фактор рекрутских наборов в своей деятельности. Во-первых, оно открыто угрожало желающим перейти в земледельцы евреям, что еще до официальной подачи прошения о переселении их семьи будут в нарушение закона «переставлены» в начало рекрутской очереди. Учитывая возможную связь руководства общин с российской администрацией, такие угрозы были вполне реальны. Во-вторых, если угрозы не срабатывали, то руководство общин старалось как можно быстрее сдать членов семей будущих земледельцев в рекруты, пока те не переселились на новые земли. Так, в декабре 1852 г. витебский мещанин Симон Витзон жаловался на то, что руководство местной общины, в отместку за переход его семейства в земледельцы, отдало в рекруты по 10-му частному набору с западной полосы империи его сына Берку [8, л. 1–2]. В мае 1854 г. мещанка лепельского уезда м. Кубличь Сорка Захаревич подала жалобу на незаконную сдачу в рекруты в течение 11-го набора с западной полосы империи ее сына Айзека. При этом семья просительницы также должна была в скором времени выйти из общины для занятия земледелием [9, л. 1–3]. Далее все зависело от того, насколько беспристрастно российские чиновники рассматривали жалобы. Если С. Захаревич удалось отстоять свои права и вернуть сына, то С. Витзону – нет.

Тем не менее бывали ситуации, когда российская сторона шла на встречу переселенцам, достаточно вольно трактуя рекрутский устав. Например, в 1853 г. желавший перейти в земледельцы невелицкий мещанин Иосель Иосфин подал прошение об освобождении его от рекрутской повинности в течение предстоявшего набора. Витебская казенная палата, признав, что семейство Иосфина и его брата Лейбы (который не желал становиться земледельцем) по закону не может быть освобождено от рекрутской повинности. Вместе с тем казенная палата рекомендовала рекрутскому присутствию забрать в солдаты именно детей Лейбы, а не Иоселя [10, л. 3–4].

Так, в 1840 г. динабургский мещанин Хаим Блехман, желавший переселиться в Херсонскую губернию, подал прошение на имя генерал-губернатора витебского, могилевского и смоленского П.Н. Дьякова о снятии его с рекрутской очереди. Проситель ссылался на решение Государственного совета от 28 октября 1839 г., дававшее евреям-переселенцам право не исполнять рекрутскую повинность. К несчастью для Х. Блехмана, в это же время переселение

евреев в Херсонскую губернию было временно приостановлено ввиду отсутствия земельного фонда. В связи с этим губернская администрация дала отрицательный ответ, и сын Х. Блехмана Абка поступил на военную службу [11, л. 68–69].

Заключение. В Российской империи военная служба нередко использовалась правительством как инструмент проведения внутренней политики. В аграрном вопросе подобные действия проявлялись в использовании военной службы в качестве важной льготы, побуждавшей евреев приобщаться к труду на земле ради сохранения членов своей семьи от направления на военную службу. В свою очередь руководство еврейских общин также использовало рекрутчину как способ давления на лиц, желавших заняться обработкой земли. Несмотря на системное предоставление возможности получения подобных льгот на протяжении нескольких десятилетий, рекрутская повинность так и не стала важным инструментом социального проектирования.

Литература

1. Сосна, У. Яўрэй і земляробства ў Беларусі / У. Сосна, С. Ходзін // Беларусіка = Albaruthenika / Міжнар. асац. беларусістаў, Нац. навук.-асвет. цэнтр ім. Ф. Скарыны // Яўрэйская культура Беларусі і яе ўзаемадзеянне з беларускай і іншымі культурамі; Вацлаў Ластоўскі – выдатны дзеяч беларускага адраджэння / рэд.: В. Рагойша, Г. Цыхун, З. Шыбека. – Мінск: Навука і тэхніка, 1995. – Кн. 4. – С. 60–65.
2. Соболевская, О.А. Повседневная жизнь евреев Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX века: монография / О.А. Соболевская. – Гродно: ГрГУ, 2012. – 443 с.
3. Никитин, В.Н. Евреи земледельцы: ист., законодат., админ. и быт. положение колоний со времени их возникновения до наших дней. 1807–1887 / В.Н. Никитина. – СПб.: Тип. газ. «Новости», 1887. – 2, XIV, 693 с.
4. Столетие Военного министерства. 1802–1902: в 13 т. / гл. ред. Д.А. Скалон. – СПб.: Тип. поставщиков двора Е. и. вел. т-ва М.О. Вольф, 1902–1914. – Т. 4: Главный штаб. Исторический очерк. Ч. 2, кн. 1, отд. 2: Комплектование войск в царствование императора Николая I / сост. В.В. Шепетильников. – 1907. – 330 с.
5. Петровский-Штерн, Й. Евреи в русской армии 1827–1914 гг. / Й. Петровский-Штерн. – М.: Нов. лит. обозрение, 2003. – 556 с.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2: с 12 дек. 1825 по 28 февр. 1881 г.: в 55 т. – Санкт-Петербург: Тип. П отд-ния собств. Е. и. вел. канцелярии, 1830–1884. – 55 т.
7. Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев, от Уложения царя Алексея Михайловича до настоящего времени, от 1649–1873 г.: извлечение из Полных собраний законов Российской империи / составил и издал В.О. Леванда. – Санкт-Петербург: [В.О. Леванда], 1874. – 1158, XVIII с.
8. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 24348. Дело по жалобе земледельца казенного имения Крашуты Полоцкого уезда С. Видсона на отдачу его сына в рекруты. – 25.11.1852. – 07.02.1854. – 59 л.
9. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 25588. Дело по прошению еврейки Лепельского уезда Захарич об освобождении ее сына от исполнения рекрутской повинности в связи с переходом их в земледельцы. – 30.05. – 10.03.1854 г. 7 л.
10. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 25703. Дело по прошению невеликого еврея Иосифина о перечислении его семейства в земледельцы и освобождении его сына от рекрутской повинности. – 02.09.1853. – 05.10.1853. – 6 л.
11. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 8744. Дело о переселении из Витебской губ. в Херсонскую губернию мещанина Блехмана и об освобождении его сына от рекрутской повинности. – 01.09.1840. – 07.05.1841. – 75 л.

Поступила в редакцию 26.12.2024

Сотрудничество Беларуси и ОАЭ в сфере передовых технологий и инноваций

Журавская О.С., Мацевич М.В.

Белорусский государственный университет, Минск

В статье рассматривается сотрудничество между Республикой Беларусь и Объединенными Арабскими Эмиратами (ОАЭ) в сфере передовых технологий и инноваций. Актуальность темы обусловлена растущей значимостью технологического обмена и сотрудничества на международной арене в контексте стремительного прогресса в области цифровизации и устойчивого развития.

Цель статьи – определение ключевых направлений и механизмов сотрудничества Беларуси и ОАЭ в области передовых технологий и инноваций, выявление возможностей и перспектив для дальнейшего развития двустороннего взаимодействия.

***Материал и методы.** Основными источниками являются материалы с сайта посольства Республики Беларусь в ОАЭ, сайт Министерства иностранных дел Беларуси, иных профильных ведомств, публикации периодической печати, а также статьи белорусских исследователей, в основном кафедры международных отношений БГУ и Института бизнеса. При подготовке статьи были использованы основные принципы научного исследования (историзм, объективность и системность), а также исторические методы (историко-системный, историко-типологический, историко-генетический).*

***Результаты и их обсуждение.** Автор анализирует ключевые направления взаимодействия, в том числе совместные научные исследования, развитие стартапов, а также внедрение высоких технологий в такие отрасли, как сельское хозяйство, информационные технологии и новые энергетические решения. Особое внимание уделяется роли государственных программ и частных инициатив в стимулировании инновационной деятельности и внедрении передовых практик. Кроме того, в работе рассматриваются экономические и культурные аспекты сотрудничества, включая обмен опытом и подготовку квалифицированных кадров.*

***Заключение.** В результате исследования выявлены перспективы и вызовы, стоящие перед двумя странами, а также определены возможные пути дальнейшего развития стратегического партнерства.*

***Ключевые слова:** Беларусь, ОАЭ, взаимодействие, технологии, искусственный интеллект, агропромышленный сектор.*

(Ученые записки. – 2024. – Том 40. – С. 46–52)

Belarus – UAE Cooperation in the Field of Advanced Technologies and Innovations

Zhuravskaya O.S., Matsevich M.V.

Belarusian State University, Minsk

This article discusses cooperation between the Republic of Belarus and the United Arab Emirates (UAE) in the field of advanced technologies and innovations. The relevance of the topic is due to the growing importance of technological exchange and cooperation in the international arena in the context of rapid progress in the field of digitalization and sustainable development.

The purpose of the article is to identify the key areas and mechanisms of cooperation between Belarus and the UAE in the field of advanced technologies and innovations and identify opportunities and prospects for further development of bilateral cooperation.

***Materials and methods.** The main sources are materials from the website of the Embassy of the Republic of Belarus in the UAE, the website of the Ministry of Foreign Affairs of Belarus, other relevant departments, periodical publications, as well as articles by Belarusian researchers, mainly the Department of International Relations of BSU and the Institute of Business. In preparing the article, the basic principles of scientific research (historicism, objectivity and consistency), as well as historical methods (historical-systemic, historical-typological, historical-genetic) were used.*

***Findings and their discussion.** The authors analyze key areas of interaction, including joint scientific research, startup development, as well as the introduction of high technologies in industries such as agriculture, information technology and new energy solutions. Particular attention is paid to the role of government programs and private initiatives in stimulating innovation and implementing best practices. In addition, the work addresses the economic and cultural aspects of cooperation, including the exchange of experience and the training of qualified personnel.*

***Conclusion.** As a result of the study, the prospects and challenges facing the two countries were identified, as well as possible ways to further develop the strategic partnership.*

***Key words:** Belarus, UAE, interaction, technology, artificial intelligence, agro-industrial sector.*

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 40. – P. 46–52)

В условиях глобализации и быстрого развития технологий современный мир становится все более взаимозависимым. Страны стремятся развивать свой экономический и социальный потенциал через внедрение инновационных решений и использование передовых технологий. Республика Беларусь и Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) представляют собой яркие примеры государств, активно ищущих новые пути к модернизации экономики и улучшению жизненного уровня населения. Беларусь, с ее высоким образовательным уровнем и развитыми информационными технологиями, имеет значительный потенциал для внедрения инновационных решений в разных сферах. ОАЭ, с другой стороны, являются одним из лидеров в области технологий и инноваций на Ближнем Востоке. Стратегия, ориентированная на диверсификацию экономики и внедрение цифровых технологий, делает ОАЭ привлекательным партнером для Беларуси.

Объект исследования – отношения между Республикой Беларусь и Объединенными Арабскими Эмиратами. *Предмет исследования* – сотрудничество между Республикой Беларусь и Объединенными Арабскими Эмиратами в области передовых технологий и инноваций. *Цель исследования* – определение ключевых направлений и механизмов сотрудничества Беларуси и ОАЭ в области передовых технологий и инноваций, выявление возможностей и перспектив для дальнейшего развития двустороннего взаимодействия.

Для достижения заявленной цели поставлены задачи:

1. Проанализировать реализованные двусторонние проекты и инициативы на предмет успешности или безрезультативности.
2. Выявить факторы, способствующие успешной реализации совместных проектов.
3. Оценить влияние сотрудничества между Беларусью и ОАЭ в сфере передовых технологий на мировом уровне.
4. Обозначить особенности взаимодействия двух стран в сфере образования, науки, инноваций, разрешения чрезвычайных ситуаций.

Материал и методы. Сотрудничество Беларуси и ОАЭ в области высоких технологий и инновационного развития началось на фоне глобальных изменений экономических и политических условий, а также усиления взаимных интересов обеих стран. Беларусь с ее высоким образовательным уровнем, активно развивающимся сектором информационных технологий и передовыми научными разработками представляет собой привлекательного партнера для ОАЭ, стремящихся диверсифицировать свою экономику и увеличить инвестиции в новые технологии.

По мнению доктора исторических наук В.Е. Снаповского [1], Беларусь начала активное развитие внешнеэкономических связей с арабскими странами, включая ОАЭ, еще в начале 1990-х гг., что было обусловлено политическими и экономическими изменениями как

внутри страны, так и на международной арене. Автор подчеркивает, что арабское направление внешней политики стало значимым дополнением к традиционным торговым партнерствам Беларуси, открывшим новые горизонты для научно-технического сотрудничества.

В статье бывшего министра иностранных дел Беларуси В.В. Макея (2012–2022 гг.) охарактеризованы основные направления внешней политики Беларуси на современном этапе [2]. ОАЭ и другим государствам Ближнего Востока уделено особое внимание: в 2010-е гг. началось сближение двух стран и усиление взаимодействия в экономике.

По мнению кандидата исторических наук, доцента кафедры международных отношений А.В. Тихомирова, в 1990-е гг. отношения двух стран носили лишь декларативный, демонстрационный характер, а в 2000–2010 гг. сотрудничество усилилось и приобрело реальное содержание: увеличение товарооборота, расширение номенклатуры, рост инвестиций [3].

Т.В. Евсейчик, будучи аспирантом кафедры международных отношений, в двух статьях проанализировала становление и начальные этапы развития белорусско-арабских отношений [4; 5]. Среди основных факторов, способствовавших укреплению сотрудничества, автор выделила развитие наукоемких производств и инновационных технологий. В совместной статье С.Ф. Свилас и Т.В. Евсейчик анализируют последствия экономической и политической интеграции Беларуси в арабский мир в 1991–1995 гг. [6].

История дипломатических отношений Беларуси и ОАЭ была представлена в статье О.В. Старовойтовой [7], а основные векторы сотрудничества в 2010–2020 гг. рассмотрел А.А. Лукша [8]. В статье Ю.А. Тимофеевой и Д.С. Квасовой изучаются аспекты интеграции Беларуси в инновационные процессы стран Персидского залива, включая ОАЭ. Авторы подчеркивают, что сотрудничество с ОАЭ открывает возможности для белорусских компаний в таких сферах, как информационные технологии, высокие инженерные решения и автоматизация процессов [9; 10].

Результаты и их обсуждение. Сотрудничество между Республикой Беларусь и Объединенными Арабскими Эмиратами представляет собой яркий пример динамичного взаимодействия между двумя государствами, находящимися на разных континентах, но объединенными стремлением к развитию взаимовыгодного партнерства¹. С момента установления дипломатических отношений в 1992 г. обе стороны активно работали над укреплением политических, экономических и культурных связей, что отражает их стремление к углублению взаимопонимания и сотрудничества в различных сферах.

Ввиду схожести в политических взглядах и позициях Беларусь и Объединенные Арабские Эмираты

¹Политическое сотрудничество // Посольство Республики Беларусь в Объединенных Арабских Эмиратах. – 2021. – URL: https://uae.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/UAE/politics/ (дата обращения: 01.10.2024).

поддерживают друг друга на международной арене, осуществляют регулярный обмен официальными визитами и участвуют в совместных мероприятиях.

Экономическое взаимодействие между двумя странами характеризуется высоким уровнем и устойчивой положительной динамикой. Объединенные Арабские Эмираты выступают в качестве главного партнера Республики Беларусь среди государств Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Кроме того, между странами заключен ряд соглашений, меморандумов и протоколов о сотрудничестве в различных сферах экономики [1].

В последние десятилетия мир стал свидетелем стремительного развития технологий и инновационных решений, которые кардинально меняют подходы к экономическому развитию, социальной интеграции и культурным обменам. В данном контексте особый интерес представляет сотрудничество между странами, нацеленными на дальнейшее укрепление своих позиций в глобальной экономике. Так, Беларусь и Объединенные Арабские Эмираты, несмотря на различия в размерах территорий, географическом положении и экономических системах, находят общие интересы и возможности для совместной работы².

Беларусь, известная своими достижениями в области науки и технологий, активно развивает сферы информационных технологий и инженерии, в то время как ОАЭ, с их амбициозными проектами по внедрению инновационных технологий и стремлением стать одним из ведущих центров высоких технологий на Ближнем Востоке, представляют собой идеального партнера для взаимовыгодного сотрудничества [1; 2].

Эту тенденцию подтверждают многочисленные встречи представителей двух стран на различных уровнях. Так, в марте 2015 г. на базе Высших колледжей технологий Объединенных Арабских Эмиратов прошла выставка научно-технического потенциала Беларуси и состоялась совместная научная конференция, посвященная новым разработкам и технологиям Беларуси³. В июле 2016 г. ректор Высших колледжей технологий Объединенных Арабских Эмиратов А. аль-Шамси посетил Беларусь. В рамках данного визита было подписано Соглашение о сотрудничестве в области науки и подготовки кадров между учебными заведениями Объединенных Арабских Эмиратов и Национальной академией наук Беларуси⁴. В октябре 2017 г. белорусская команда приняла участие в меж-

дународном чемпионате «WorldSkills-2017» в Абу-Даби, где показала высокие результаты и продемонстрировала мастерство в различных профессиях, заняв 16-е место из 57 команд⁵.

В марте 2019 г. заместитель министра образования Беларуси С.В. Рудый посетил ОАЭ для участия в Глобальном форуме по вопросам образования и профессиональной подготовки. В июне 2019 г. состоялся визит эмиратской делегации во главе с министром образования Х. аль-Хаммади в Беларусь, а также визит представителей федеральной администрации Объединенных Арабских Эмиратов по ядерному регулированию [2].

ОАЭ заинтересованы в участии в инфраструктурных инициативах Беларуси, включая строительство дорог и мостов, а также развитие городских и транспортных систем⁶. Инвестиции из Объединенных Арабских Эмиратов способствуют улучшению инфраструктуры и повышению привлекательности страны для бизнеса. Среди ключевых инвесторов арабского региона выделяется компания Emaar Properties, с которой, к примеру, 7 июня 2022 г. велись переговоры о сотрудничестве на высоком уровне⁷.

18 октября 2023 г. состоялась встреча посла Республики Беларусь в Объединенных Арабских Эмиратах А.И. Лученка (2019–2024 гг.) и генерального директора по туризму Департамента культуры и туризма Абу-Даби Салеха Мохамеда Аль-Гезири, в ходе которой стороны обсудили вопросы активизации взаимодействия между государственными учреждениями Беларуси и ОАЭ, занимающимися развитием туристической отрасли и культуры, а также рассмотрели возможность организации взаимных визитов⁸.

13 марта 2024 г. прошла встреча министра связи и информатизации К.К. Шульгана с послом Объединенных Арабских Эмиратов в Беларуси Аль-Мушаррахом⁹. В ходе этой встречи основное внимание было уделено вопросам взаимодействия двух стран в области связи и информатизации, включая цифровизацию, развитие технологий искусственного интеллекта

²Сотрудничество в иных областях // Посольство Республики Беларусь в Объединенных Арабских Эмиратах. – 2019. – URL: https://uae.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/UAE/other/ (дата обращения: 01.10.2024).

³Сотрудничество в иных областях // Посольство Республики Беларусь в Объединенных Арабских Эмиратах. – 2019. – URL: https://uae.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/UAE/other/ (дата обращения: 01.10.2024).

⁴В НАН Беларуси состоялось подписание Соглашения о сотрудничестве с Высшими колледжами технологий (ОАЭ) // Национальная академия наук Беларуси. – 2019. – URL <https://nasb.gov.by/rus/news/6062/> (дата обращения: 01.10.2024).

⁵Беларусь заняла 16 место на чемпионате Worldskills в Абу-Даби // БЕЛТА. – 2017. – URL: <https://belta.by/society/view/belarus-zanjala-16-e-mesto-na-chempionate-worldskills-v-abu-dabi-272666-2017/> (дата обращения: 01.10.2024).

⁶Беларусь и ОАЭ будут развивать сотрудничество по всем направлениям ИТ-сферы // News. By. – 2022. – URL: https://news.by/news/obshchestvo/belarus_i_oae_budut_razvivat_sotrudnichestvo_po_vsem_napravleniyam_it_sfery/ (дата обращения: 30.09.2024).

⁷Белоруссия и ОАЭ намерены развивать сотрудничество в промышленности и ИТ // Красная Весна. – 2022. – URL: <https://rossaprimavera.ru/news/0c3529bc> (дата обращения: 30.09.2024).

⁸Беларусь и ОАЭ обсудили перспективы взаимодействия в областях туризма и культуры // БЕЛТА. – 2024. – URL: <https://belta.by/society/view/belarus-i-oae-obsudili-perspektivy-vzaimodejstvija-v-oblastjaturizma-i-kultury-594645-2023/> (дата обращения: 29.09.2024).

⁹О встрече Министра связи и информатизации с Чрезвычайным и Полномочным Послом ОАЭ в Беларуси // Министерство связи и информатизации Республики Беларусь. – 2024. – URL: <https://www.mpt.gov.by/ru/o-vstreche-ministra-svyazi-i-informatizacii-scherezvychaynym-i-polnomochnym-poslom-oae-v-belarusi> (дата обращения: 30.09.2024).

и защиту информационных систем в условиях современных угроз¹⁰. Стороны договорились исследовать возможность подписания двустороннего соглашения о сотрудничестве в области связи и информатизации [3].

Беларусь и ОАЭ продолжают обсуждать научно-техническое сотрудничество, в том числе на полях саммитов БРИКС. Например, в сентябре 2024 г. состоялась встреча министра иностранных дел Беларуси М.В. Рыженкова с Чрезвычайным и Полномочным послом Объединенных Арабских Эмиратов в Республике Беларусь Ибрагимом Салимом Мохаммедом Аль-Мушаррахом, во время которой стороны детально обсудили координацию действий внешнеполитических ведомств, развитие двусторонних торгово-экономических и инвестиционных отношений, предстоящие совместные мероприятия и сотрудничество на международной арене в рамках взаимодействия БРИКС¹¹.

Инвестиционное сотрудничество остается ключевым аспектом двустороннего взаимодействия Беларуси и ОАЭ и имеет значительный потенциал для дальнейшего развития. В последние годы обе страны активно наращивают экономические связи, что выражается в увеличении объемов инвестиций и расширении совместных проектов¹². ОАЭ проявляют значительный интерес к привлечению капитала в Беларусь, что было подчеркнуто в рамках встреч, состоявшихся 5–6 июля 2022 г. между Государственным комитетом по науке и технологиям и Чрезвычайным и Полномочным Послом Объединенных Арабских Эмиратов Ибрагимом Салимом Мохаммедом Аль-Мушаррахом¹³. В ходе переговоров особое внимание акцентировалось на выделении значительных ресурсов для разработки и внедрения современных технологий, обсуждались совместные научно-технические и инновационные проекты, в частности, в сфере зеленых технологий [4; 5].

Туризм является одной из ключевых областей для укрепления сотрудничества между государствами. Улучшение условий для данного сектора способствует его успешному развитию и внедрению инновационных технологий. Уже сегодня в ОАЭ туристические компании используют виртуальную реальность, предлагая

туристам возможность «посетить» знаковые места до поездки. В сфере туризма приветствуются новые, экологически чистые технологии, в настоящее время находящиеся на этапе динамичного развития. К их числу можно отнести использование альтернативных источников энергии в гостиницах, эффективное управление ресурсами и программы по уменьшению отходов [6; 7].

На двустороннем уровне также обсуждается использование онлайн-технологий, которые позволяют разрабатывать совместные маркетинговые кампании, видеоролики и рекламные материалы для продвижения туристических маршрутов и направлений между нашими странами. Сочетание современных технологий с туристическим потенциалом обеих стран может способствовать росту туристического потока, улучшению качества услуг и появлению уникальных предложений для путешественников.

31 января 2023 г. в ходе визита Президента Беларуси А.Г. Лукашенко в Объединенные Арабские Эмираты стороны обсудили вопросы взаимовыгодного сотрудничества между странами, в том числе в области искусственного интеллекта¹⁴. Сотрудничество в данной сфере становится важным компонентом двусторонних отношений, способствуя развитию высоких технологий. ОАЭ активно внедряют свою стратегию по развитию искусственного интеллекта, придавая этому направлению высокую значимость в рамках долгосрочной стратегии экономического роста и инноваций¹⁵. Беларусь же обладает солидной научной базой и серьезными учебными заведениями в области информационных технологий и искусственного интеллекта.

Одной из ключевых инициатив в данной сфере является сотрудничество по созданию и внедрению технологий для оптимизации различных процессов в государственных органах, здравоохранении и юриспруденции. Специалисты из Беларуси в области искусственного интеллекта активно участвуют в совместных инициативах, сосредоточенных на разработке алгоритмов и решений для анализа большого объема данных, автоматизации процессов и создания интеллектуальных систем. Кроме того, ключевым элементом двустороннего сотрудничества является обмен знаниями и опытом посредством совместных семинаров, конференций и научных исследований. Объединенные Арабские Эмираты проявляют интерес к привлечению белорусских стартапов в сфере информационных технологий и научных организаций для работы над инновационными проектами, что говорит о растущей привлекательности белорусских специалистов в технологической сфере.

¹⁰Беларусь и ОАЭ намерены развивать сотрудничество в сфере связи и информатизации // БЕЛТА. – 2024. – URL: <https://belta.by/society/view/belarus-i-oae-namereny-razvivat-sotrudnichestvo-v-sfere-svjazi-i-informatizatsii-621173-2024/> (дата обращения: 29.09.2024).

¹¹О встрече Министра иностранных дел Беларуси М. Рыженкова с Послом Объединенных Арабских Эмиратов // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – 2024. – URL: https://www.mfa.gov.by/press/news_mfa/d3bbd05ebf3b4b22.html (дата обращения: 01.10.2024).

¹²Беларусь и ОАЭ планируют развивать сотрудничество в сфере высоких технологий // БЕЛРОС. – 2022. – URL: <https://belros.tv/news/nauka/belarus-i-oae-planiruyut-razvivat-sotrudnichestvo-v-sfere-vysokikh-tehnologiy/> (дата обращения: 29.09.2024).

¹³Беларусь продолжит сотрудничество с ОАЭ в сфере высоких технологий, включая экспорт инноваций на новые рынки // Bobrlife. – 2022. – URL: <https://www.bobrlife.by/news/belarus-prodolzhit-sotrudnichestvo-s-oae-v-sfere-vysokih-tehnologij-vkluchaya-eksport-innovacij-na-novyye-rynki/> (дата обращения: 29.09.2024).

¹⁴Сотрудничество ОАЭ и Беларуси в сфере технологий // Бизнес Бутик. – 2023. – URL: <https://www.uae-consulting.com/novosti/sotrudnichestvo-oae-i-belarusi-v-sfere-technologij.html> (дата обращения: 25.09.2024).

¹⁵«Северный Берег»: точка роста // БЕЛТА. – 2020. – URL: <https://belta.by/society/view/severnyj-bereg-tochka-rosta-409488-2020/> (дата обращения: 25.09.2024).

Реализация совместных инициатив в науке и новых технологиях тесно связана с экономикой, поскольку новые технологии быстро внедряются в производственные процессы. Например, в Минске планируется запуск проекта «Северный берег», который станет современным инновационным комплексом, представляющим собой «умный» город с мощной образовательной платформой по искусственному интеллекту. Инвестиции ОАЭ в данный проект оценены в 5 миллиардов долларов [3].

Важно отметить, что взаимодополняемость экономик двух стран содействует развитию торгово-экономических связей, что позволяет Беларуси экспортировать товары и услуги на рынки Ближнего Востока и Африки, используя возможности транспортной логистики Объединенных Арабских Эмиратов. Кроме того, в Беларуси готовы к реализации встречных предложений со стороны эмиратского бизнеса и компаний [7; 8].

23 мая 2024 г. в рамках сотрудничества между ОАЭ и Беларусью в Абу-Даби прошла первая конференция под названием «Беларусь–ОАЭ: инвестиции, технологии, инновации»¹⁶, ставшая первым крупным двусторонним бизнес-мероприятием, сосредоточенном на развитии партнерства в области высоких технологий. В конференции приняли участие представители свыше тридцати белорусских и эмиратских компаний и организаций. В ходе мероприятия белорусская сторона отметила успешность и результативность совместной работы двух стран в области цифровизации. Были проведены отдельные презентации Парка высоких технологий, индустриального парка «Великий камень», свободной экономической зоны «Гродноинвест» и ряда частных белорусских компаний. Обсуждались различные аспекты привлечения инвестиций в Республику Беларусь [3].

Академическое партнерство между университетами обеих стран. В данной сфере также проводятся регулярные встречи. Например, 16 января 2024 г. Чрезвычайный и Полномочный Посол Объединенных Арабских Эмиратов в Беларуси Ибрагим Салим Мохаммед Аль-Мушаррах посетил Белорусский государственный технологический университет (БГТУ)¹⁷. В ходе визита ректор БГТУ И.В. Войтов ознакомил гостя с новыми направлениями развития университета в области подготовки кадров и планами по открытию новых специальностей, а также представил научные разработки ученых университета, которые являются наиболее перспективными с точки зрения их совместной реализации с эмиратскими партнерами.

¹⁶О конференции «Беларусь–ОАЭ: инвестиции, технологии, инновации» // Посольство Рес-публики Беларусь в Объединенных Арабских Эмиратах. – 2024. – URL: <https://uae.mfa.gov.by/ru/embassy/news/b45ef0bb5f3d899.html> (дата обращения: 25.09.2024).

¹⁷БГТУ усилит взаимодействие с университетами ОАЭ для реализации образовательных про-ектов // БЕЛТА. – 2024. – URL: <https://belta.by/society/view/bgtu-usilit-vzaimodejstvie-s-universitetami-oaedlja-realizatsii-obrazovatelnyh-proektov-610146-2024/> (дата обращения: 25.09.2024).

Посол ОАЭ отметил важность сотрудничества между двумя странами в области образования, а также подчеркнул, что БГТУ готовит инженерные кадры по ряду специальностей, которые в ОАЭ являются дефицитными, либо вовсе отсутствуют. Особый интерес для эмиратской стороны представляют программы по зеленой экономике, возобновляемым источникам энергии, зеленой химии, инженерной экологии, лесному хозяйству и лесовосстановлению. Сотрудничество в области изменения климата и экологически чистых технологий также открывает большие перспективы.

Партнерские отношения с ОАЭ в области образования развивает и Белорусский государственный университет: 5 марта 2007 г. между БГУ и Университетом Объединенных Арабских Эмиратов было подписано соглашение о сотрудничестве¹⁸, предоставляющее ученым обеих стран возможности для обмена опытом и технологиями и совместной работы в области научных исследований. Более того, в рамках двустороннего сотрудничества планируется проведение научных конференций и лекций с целью ознакомления студентов с современными материалами и обмена знаниями [8].

29 февраля 2024 г. в рамках визита делегации посольства ОАЭ в БГУ состоялась встреча ректора Белорусского государственного университета А.Д. Короля с Чрезвычайным и Полномочным послом ОАЭ в Республике Беларусь Ибрагимом Салимом Мохаммедом Аль-Мушаррахом, в ходе которой были обсуждены перспективы дальнейшего сотрудничества, методы укрепления и расширения партнерства в области науки и образования¹⁹.

А.Д. Король ознакомил высокого гостя с историей и современной структурой, образовательным, научным потенциалом, конкурентными преимуществами БГУ. Сторонами рассматривались возможности создания долгосрочного партнерства в образовательной и научной сферах, вопросы академической мобильности, организации совместных научно-практических конференций и проектов, а также открытие новых совместных образовательных программ с выдачей двойных дипломов. По итогам встречи была достигнута договоренность о проработке озвученных инициатив для определения конкретных направлений сотрудничества и организации встреч с представителями университетов Объединённых Арабских Эмиратов.

Сотрудничество Беларуси и ОАЭ по линии претодвращения чрезвычайных ситуаций. Так, 6–7 мая 2018 г. состоялось заседание совместного комитета

¹⁸Договор между БГУ (Республика Беларусь) и Университетом ОАЭ (Объединенные Араб-ские Эмираты) о сотрудничестве // Управление Международных Связей БГУ. – 2007. – URL: <https://ums.bsu.by/images/Agreements/Emirates/145713.pdf> (дата обращения: 29.09.2024).

¹⁹Делегация Посольства ОАЭ в Республике Беларусь посетила БГУ // Белорусский Государ-ственный Университет. – 2024. – URL: <https://bsu.by/news/delegatsiya-posolstva-oae-v-respublike-belarus-posetila-bgu-d/> (дата обращения: 29.09.2024).

по сотрудничеству между Правительством Республики Беларусь и Правительством Объединенных Арабских Эмиратов, в ходе которого обсуждались вопросы, касающиеся подготовки кадров на базе Университета гражданской защиты МЧС Республики Беларусь, сотрудничества в сфере обучения детей и молодежи основам безопасности жизнедеятельности, а также участия в спортивных и учебно-развлекательных мероприятиях²⁰. По результатам заседания 7 мая 2018 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании между Министерством по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь и Высшим советом по национальной безопасности Объединенных Арабских Эмиратов, главная цель которого – обмен информацией и данными в области управления кризисами, чрезвычайными ситуациями и катастрофами, а также снижение их последствий в соответствии с законодательствами обеих стран. Более того, Меморандум предполагает обмен периодическими публикациями, методической и научно-технической литературой, итогами научных исследований, видео- и фотоматериалами, а также совместное планирование, разработку и организацию семинаров, конференций и учебных курсов²¹.

Сотрудничество между Беларусью и Объединенными Арабскими Эмиратами в аграрной сфере динамично развивается и имеет многообещающие перспективы. Беларусь активно инвестирует в ОАЭ, создавая совместные предприятия в агропромышленном секторе, на которых используются собственные новейшие технологии и оборудование²². Беларусь экспортирует в ОАЭ разнообразные товары, в частности, молочную продукцию, мясо, овощи и зерно. Объединенные Арабские Эмираты, в свою очередь, предоставляют Беларуси доступ к рынкам Ближнего Востока²³. Страна внедряет современные аграрные технологии, включая капельное орошение и автоматизацию процессов, которые можно адаптировать к условиям пустыни для повышения эффективности

сельского хозяйства²⁴. Оба государства участвуют в выставках и форумах, обмениваясь опытом в области агрономии, мелиорации и устойчивого развития сельского хозяйства. В Беларуси выставка «АгроБел», а в ОАЭ – «Gulfood» играют важное значение в укреплении связей между бизнес-сообществами этих стран и привлечении финансовых средств в аграрный сектор. Кроме того, ОАЭ активно разрабатывают программы по устойчивому развитию, ориентируясь на альтернативные источники энергии и эффективные методы ведения сельского хозяйства. Беларусь, в свою очередь, акцентирует внимание на внедрении экологически безопасных технологий в свою аграрную политику²⁵. Сотрудничество между Беларусью и ОАЭ в области сельского хозяйства открывает широкие возможности благодаря общим интересам и целям. Интеграция современных технологий и обмен опытом помогают создавать эффективные системы продовольственной безопасности и развивать агропромышленный комплекс в обеих странах [3].

Заключение. Таким образом, белорусско-эмиратское сотрудничество в сфере технологий и инноваций представляет собой перспективное направление, способствующее взаимовыгодному развитию обеих стран. Обмен опытом в области высоких технологий, совместные научные исследования и инжиниринг, а также интеграция инновационных нововведений в различных отраслях, таких как информационные технологии, энергетика и сельское хозяйство, позволят, по мнению авторов, добиться значительных успехов. Более того, укрепление связей между белорусскими и эмиратскими компаниями может способствовать созданию новых рабочих мест, продвижению стартапов и внедрению передовых технологий.

Корректная реализация совместных проектов, поддержка стартапов и инициатив по развитию технологической инфраструктуры создадут благоприятные условия для роста как на национальном, так и на региональном уровнях. Важно отметить, что взаимодополняемость сильных сторон обеих стран: белорусского опыта в области науки и образования и эмиратских инвестиций и стратегического подхода к инновациям, может привести к синергетическому эффекту.

Представляется, что дальнейшее развитие белорусско-эмиратского сотрудничества в сфере технологий и инноваций не только укрепит двусторонние связи, но и внесет значимый вклад в глобальный контекст, способствуя более устойчивому и процветающему будущему обеих наций.

²⁰Беларусь и ОАЭ будут развивать сотрудничество в сфере предотвращения чрезвычайных ситуаций // Университет гражданской защиты МЧС Республики Беларусь. – 2018. – URL: https://ucp.by/university/news/novosti-universiteta/belarus-i-oe-budut-razvivat-sotrudnichestvo-v-sfere-predotvrashcheniya-chrezvychaynykh-situatsiy/?special_version=Y (дата обращения: 29.09.2024).

²¹Меморандум о взаимопонимании между Министерством по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь и Высшим советом по национальной безопасности Объединенных Арабских Эмиратов, представленным Национальным агентством по управлению кризисами и катастрофами, по сотрудничеству в области управления кризисами и катастрофами // Пра-vo.by. – 2018. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=101800075> (дата обращения: 29.09.2024).

²²Перспективы белорусско-эмиратского сотрудничества // Белинтерэкспо. – 2021. – URL: <https://www.belinterexpo.by/mediatsentr/news/perspektivy-belorussko-emiratskogo-sotrudnichestva/> (дата обращения: 29.09.2024).

²³Продовольствие, зеленые технологии и IT: Беларусь и ОАЭ намерены развивать сотрудничество // БЕЛТА. – 2022. – URL: <https://belta.by/economics/view/prodovolstvie-zelenye-tehnologii-i-it-belarusi-oe-namereny-razvivat-sotrudnichestvo-517663-2022/> (дата обращения: 29.09.2024).

²⁴Белорусское сельское хозяйство вызывает большой интерес у иностранных инвесторов // Дзяніца. – 2022. – URL: <https://dzyannica.by/content/belorusskoe-selskoe-hozyaystvo-vyzyvaet-bolshoy-interes-u-inostrannyh-investorov> (дата обращения: 28.09.2024).

²⁵Gulfood 2025 - 30-я Международная выставка продуктов, напитков, оборудования для гостинично-ресторанного бизнеса и кулинарии стран Персидского залива // Expoclub. – 2024. – URL: <https://expoclub.ru/db/exhibition/view/7227/> (дата обращения: 28.09.2024).

Литература

1. Снапковский, В.Е. Анализ внешней политики Республики Беларусь / В.Е. Снапковский. – Минск: БГУ, 2021. – 243 с.
2. Макей, В.В. Внешняя политика на службе народа / В.В. Макей // *Беларуская думка*. – 2015. – № 9. – С. 26–38.
3. Тихомиров, А.В. Внешняя политика Республики Беларусь (1991–2015 гг.) / А.В. Тихомиров. – Минск: БГУ, 2017. – 208 с.
4. Евсейчик, Т.В. Проблемы реализации арабского направления во внешне-политическом курсе Республики Беларусь в 1992–2006 гг. / Т.В. Евсейчик // *Беларусь в современном мире: материалы XI Междунар. конф., посвящ. 91-летию образования Беларус. гос. ун-та*, 30 окт. 2012 г. – Минск: Изд. центр БГУ, 2012. – С. 30–38.
5. Евсейчик, Т.В. Факторы и этапы формирования арабского направления во внешнеполитическом курсе Республики Беларусь / Т.В. Евсейчик // *Беларусь в современном мире: материалы VII Междунар. конф., посвящ. 87-летию образования Беларус. гос. ун-та*, 30 окт. 2008 г. – Минск: Тесей, 2008. – С. 30–32.
6. Свилас, С.Ф. Отношения Республики Беларусь с арабским миром в 1991–1995 гг. / С.Ф. Свилас, Т.В. Евсейчик // *Беларусь в современном мире: материалы VIII Междунар. конф., посвящ. 88-летию образования Беларус. гос. ун-та*, 30 окт. 2009 г. – Минск: Тесей, 2009. – С. 35–39.
7. Старовойтова, О.В. История дипломатических отношений Беларуси и ОАЭ / О.В. Старовойтова // *Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов*. – Минск: Четыре четверти, 2024. – Вып. 32. – С. 37–41.
8. Лукша, А.А. Отношения между Республикой Беларусь и ОАЭ: основные векторы сотрудничества / А.А. Лукша // *Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов*. – Минск: Четыре четверти, 2024. – Вып. 31. – С. 28–29.
9. Коледа, Н.В. Инвестиционная привлекательность страны на примере ОАЭ / Н.В. Коледа, Р.С. Антонович // *Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов*. – Минск: Четыре четверти, 2022. – Вып. 28. – С. 267–268.
10. Тимофеева, Ю.А. Взаимодействие Объединенных Арабских Эмиратов и Республики Беларусь в сфере образования как основа для укрепления научно-технических связей / Ю.А. Тимофеева [и др.] // *Бизнес. Образование. Экономика: Междунар. науч.-практ. конф.*, Минск, 1–2 апр. 2021 г.: сб. ст. – Минск: Институт бизнеса БГУ, 2021. – С. 628–632.

Поступила в редакцию 18.12.2024

Этапы становления рабоче-крестьянской инспекции РСФСР в 1917–1920 гг.

Шрамук Е.П.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

Начало оформления системы рабочего контроля в СССР было положено революционными событиями октября 1917 г. Идея создания системы контрольных органов принадлежит В.И. Ленину, на чьих принципах и была преобразована система государственного управления. В данной работе выделены четыре основных этапа создания органов контроля советской власти в период с 1917 по 1920 г. на основе анализа нормативных документов, выявлена эволюция задач рабочего контроля в специфических условиях продолжающейся гражданской войны.

Цель статьи – выделить основные этапы оформления органов контроля в РСФСР в 1917–1920 гг.

Материал и методы. Источниками послужили декреты и постановления советской власти, регулирующие процесс создания и деятельность органов контроля, доклад М.К. Ветошкина к VIII Съезду советов, работы В.И. Ленина. В статье использованы общелогические, общенаучные и специально-исторические методы (историко-генетический, историко-сравнительный, проблемно-хронологический, историко-системный).

Результаты и их обсуждение. Оформление системы государственного контроля происходило с весны 1917 г. и формально завершилось в феврале 1920 г. Можно выделить четыре этапа становления Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), в ходе которых создавалась идеологическая и нормативно-правовая база работы. В процессе становления были сформированы основные задачи контрольных органов: борьба с бюрократизмом, контроль расходования бюджетных средств, наблюдение за хозяйственным и партийным строительством.

Заключение. Первый этап становления РКИ (апрель 1917 г. – 26 октября 1917 г.) характеризуется идейным оформлением и созданием центральных органов управления. На втором этапе (14 ноября 1917 г. – 8 марта 1918 г.) были определены основные задачи контрольных органов, преобразована вертикаль управления. Третий этап (11 мая 1918 г. – 9 апреля 1919 г.) определил приоритеты РКИ: продовольственные и финансовые вопросы, повышение обороноспособности. На четвертом этапе (9 апреля 1919 г. – 7 февраля 1920 г.) был создан единый контрольный орган – Рабоче-крестьянская инспекция.

Ключевые слова: рабочий контроль, рабоче-крестьянская инспекция, государственный контроль, госконтроль, РКИ, рабкрин.

(Ученые записки. – 2024. – Том 40. – С. 53–58)

The Stages of Formation of the Workers' and Peasants' Inspection of the RSFSR in 1917–1920

Shramuk Ye.P.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The beginning of the formation of the system of workers' control in the USSR was marked by the revolutionary events of October 1917. The idea of creating a system of control bodies belongs to V.I. Lenin, on whose principles the system of public administration was transformed. In this work, four main stages of the creation of control bodies of the Soviet government in the period from 1917 to 1920 are identified. Based on the analysis of regulatory documents, the evolution of the tasks of workers' control in the specific conditions of the then ongoing civil war is revealed.

The purpose of the article is to highlight the main stages of shaping control bodies in the RSFSR in 1917–1920.

Materials and methods. The sources were the decrees and resolutions of the Soviet government regulating the process of creation and activity of control bodies, the report of M.K. Vetoshkin to the VIII Congress of Soviets, the works of V.I. Lenin. The work uses general logical, general scientific and special historical methods (historical-genetic, historical-comparative, problematic-chronological, historical-systemic).

Findings and their discussion. The formation of the state control system took place in the spring of 1917 and was formally completed in February 1920. Four stages of the formation of the Workers' and Peasants' Inspection can be distinguished, during which the ideological and regulatory framework of the work was formed. In the process of formation, the main tasks of the control bodies were formed: the fight against bureaucracy, control over budget spending, and supervision of economic and party construction.

Conclusion. The first stage of the formation of the RCI (April 1917 – October 26, 1917) is characterized by the ideological design and creation of central government bodies. At the second stage (November 14, 1917 – March 8, 1918), the main tasks of the control bodies were defined, and the management vertical was transformed. The third stage (May 11, 1918 – April 9, 1919) determined the priorities of the Red Army: food and financial issues, and increased defense capability. At the fourth stage (April 9, 1919 – February 7, 1920), a single control body was created – the Workers' and Peasants' Inspectorate.

Key words: workers' control, workers' and peasants' inspection, state control, RCI, rabkrin.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 40. – P. 53–58)

Органы государственного контроля Республики Беларусь являются наследием советской системы контроля. В связи с этим изучение опыта создания теоретических основ, механизмов функционирования, основных методов деятельности контрольных органов является весьма актуальным.

Фундаментальные работы по изучению развития контрольных органов СССР в начале 1920-х гг. принадлежат А.Г. Дороховой («Рабоче-крестьянская инспекция в 1920–1923 гг.», 1959 г.), С.Н. Иконникову («Организация и деятельность РКИ в 1920–1925 гг.», 1960 г.), Л.Ф. Морозову и В.П. Портнову («Органы ЦКК–НК РКИ в борьбе за совершенствование советского государственного аппарата. 1923–1934», 1964 г.). М.И. Злотник исследовал процесс становления и развития контрольных органов в БССР («Деятельность органов ЦКК–РКИ Белоруссии в социалистическом строительстве (1923–1934 гг.)», 1973 г.). Вопросы создания органов РКИ поднимаются в работах М.Ю. Харитоновой, И.А. Анфертьева и др. Генезис контрольной системы в 1917–1919 гг. затрагивается авторами для характеристики начального этапа становления органов контроля СССР и наименее изучен.

Цель статьи – выделить основные этапы оформления органов контроля в РСФСР в 1917–1920 гг.

Материал и методы. Источниками послужили декреты и постановления советской власти, регулирующие процесс создания и деятельность органов контроля, доклад М.К. Ветошкина к VIII Съезду советов, работы В.И. Ленина. В статье использованы общелогические, общенаучные и специально-исторические методы (историко-генетический, историко-сравнительный, проблемно-хронологический, историко-системный).

Результаты и их обсуждение. Процесс создания системы контроля был сложным и нелинейным. После революционных событий молодое советское государство столкнулось с необходимостью преодоления разрухи, установления крепкой центральной власти и создания новых органов государственного управления, отвечающих требованиям социалистического строительства. Необходимо было перестроить весь государственный аппарат, а органы контроля, несмотря на существование подобных в Российской империи, пришлось создавать практически с нуля и постепенно реорганизовывать согласно вызовам времени

и результатам работы. Из-за этого на протяжении всего своего существования государственный контроль неоднократно подвергался реформированию.

Изначально контроль со стороны государственной власти рассматривался В.И. Лениным как надзор, однако после установления советского правительства рабочий контроль стал необходимым механизмом перехода к социализму. Контроль «снизу» должен был бороться с появлением «бюрократических извращений», чтобы государственный аппарат не стоял выше общества, а им и управлялся. Еще в начале ноября 1917 г. в обращении к трудящимся было сказано, что они должны «взять все государственные дела в свои руки», потому что «социализм не может ввести меньшинство – партия. Его могут ввести десятки миллионов, когда они научатся это делать сами» [1, с. 21]. Для этого первоочередной задачей, по В.И. Ленину, было создать условия для свободной творческой деятельности трудящихся, добиться их заинтересованности в работе на себя. В.И. Ленин писал: «Учет и контроль, которые необходимы для перехода к социализму, могут быть только массовыми» [2]. Им были названы две основные задачи рабочего контроля: первейшая – проверка складов и продуктов, более сложная – проверка правильности работы, обеспечение ее продуктивности, борьба с саботажем [3, с. 163].

По замыслу В.И. Ленина, рабочий контроль являлся единственным механизмом достижения цели социалистического строительства. Он базировался на принципах всенародности, добросовестности, научности, должен был осуществляться через привлечение абсолютно всех масс трудящихся на основе честного исполнения своих обязанностей и равнодушия к исполнению их другими. Для контрольных мероприятий следовало привлекать только квалифицированных сотрудников, хорошо знакомых с вверенной им структурой, для чего их предварительно следовало обучать на практике. Основной целью существования системы общественного контроля был не надзор за всеми сферами производства, а выработка программ по улучшению работы госаппарата через контроль за соблюдением законности и анализ деятельности организаций. Последующее создание в СССР органов государственного контроля во многом опирается на ленинские принципы и опыт их практической реализации [3, с. 164].

К воплощению идеи достижения диктатуры пролетариата через установление в первую очередь рабочего контроля на предприятиях В.И. Ленин и его сторонники приступили еще до октября 1917 г. С апреля 1917 г. начинается процесс установления рабочего надзора за деятельностью предприятий. Его внедрением занимались отряды рабоче-крестьянской милиции и красной гвардии. Они следили за процессом продовольственного снабжения, расходом топливных ресурсов, боролись с саботажем. Однако подобная деятельность встречала сопротивление со стороны многих владельцев и управляющих предприятий [4, с. 10]. На некоторых же предприятиях удавалось взять процесс производства под контроль: рабочие наблюдали за производством, могли устанавливать объем выпускаемой продукции, следили за соответствием расходов себестоимости сырья, за установленными ценами [4, с. 12]. Вместе с тем летом – осенью 1917 г. подобные мероприятия не были широко распространены.

В этот период происходит обоснование необходимости установления рабочего контроля. В работе «Государство и революция», которая была написана в августе – сентябре 1917 г., В.И. Ленин акцентирует внимание на необходимости существования «строжайшего контроля рабочих за капиталистами» до тех пор, пока социализм не перерастет в коммунизм. По мнению В.И. Ленина, «все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного, государственного «синдиката», и только тогда, учет и контроль обеспечат правильное функционирование общества [5]. Для установления подобной системы необходима сильная центральная власть как координатор действий. Предпосылками ее создания являлось наличие в Российской империи центральной почты, железной дороги, государственных банков и других общегосударственных предприятий [6, с. 5].

В сентябре 1917 г. была опубликована брошюра В.И. Ленина «Грозящая катастрофа и как с ней бороться». В ней еще раз обосновывалась необходимость установления системы контроля и был дан список мер, путем осуществления которых можно было положить начало построению социалистического общества: объединение всех банков, национализация синдикатов и предприятий, синдицирование промышленников и торговцев, отмена коммерческой тайны, объединение населения в потребительские союзы [7, с. 161].

После установления власти большевиков работа по реализации идей рабочего контроля принимает государственный характер. В октябре 1917 г. система госконтроля состояла из Совета государственного контроля во главе с Государственным контролером и четырех департаментов (Военно-морской, гражданской, кредитной и железнодорожной отчетности; Канцелярии; Центральной бухгалтерии и Временной ревизионной комиссии). Местные органы составляли 61 губернская и областная контрольные палаты [8, с. 246]. 26 октября 1917 г. был принят декрет «Об учреждении Совета народных комиссаров», в состав

которого входил и Народный комиссар по государственному контролю. 19 ноября 1917 г. на эту должность был назначен Э.Э. Эссен [8, с. 247]. Сама же система рабочего контроля на местах нуждалась в законодательном оформлении и реформировании.

14 ноября 1917 г. выходит два Проекта закона о рабочем контроле. Органами контроля на местах объявлялись фабрично-заводские комитеты, которые действовали согласно закону и в пределах инструкций, вырабатываемых местными советами [9, с. 82]. Центральным руководящим органом становился Всероссийский совет рабочего контроля. Для руководства фабрично-заводскими комитетами при местных Советах создавались отделения рабочего контроля. Контрольные органы имели право наблюдения за производством, установления норм выработки, выяснения себестоимости продукции, контроля всей деловой переписки. Решения органов рабочего контроля могли отменять только центральные органы [9, с. 85]. Окончательный вариант Положения о рабочем контроле публикуется 16 ноября 1917 г. в № 12 Газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. Согласно Положению контроль осуществлялся всеми рабочими предприятия, служащими и техническим персоналом через выборные органы. Координировал их действия Всероссийский Совет рабочего контроля в Петрограде (до Съезда Советов рабочего контроля). При высших контрольных органах учреждалась комиссия специалистов-ревизоров по различным отраслям для проведения обследований на местах. В компетенции и задачи органов рабочего контроля входило: наблюдение за производством, установление минимума выработки, выяснения себестоимости продукции, контроль деловой переписки и учетной документации, контроль за дисциплиной и порядком на предприятии. В случае нарушений законности или сокрытия преступлений ответственные лица привлекались к суду [10, с. 35].

5 декабря 1917 г. вышел Декрет об образовании коллегии государственного контроля при комиссариате государственного контроля [11, с. 90–91], в ведомство которой были переданы все дела, связанные с организацией и проведением контрольных мероприятий. Дальнейшая централизация контрольных органов произошла 18 января 1918 г. с изданием Декрета об образовании Центральной контрольной коллегии, местных учетно-контрольных коллегий и контрольных комиссий. Центральная контрольная коллегия образовывалась при ЦИК для разработки и сводки ежемесячно данных местных органов. В районных и губернских Советах создавались учетно-контрольные коллегии с целью «установления единообразия в действиях и инструктирования местных контрольных органов», для проверки их отчетности, проведения ревизий по отчетам и балансам. В деятельность учетно-контрольных коллегий входило направление фактических контролеров на места с целью контроля за выплатами и проведения текущей и внезапной ревизии [12, с. 368].

8 марта 1918 г. перед органами государственного контроля была поставлена задача доработки деятельности контрольных органов. Им было поручено создание организационной коллегии. К задачам, обозначенным в Положении от 14 ноября 1917 г., был добавлен контроль за целесообразностью действий местных органов государственного управления и предприятий [6, с. 9].

Таким образом, к весне 1918 г. государственный контроль получил фактическое и нормативное оформление. Была определена вертикаль работы и прописаны основные задачи и обязанности контрольных органов. Однако формальное оформление не означало решение проблем на местах. В местных органах существовало большое количество «старых буржуазных элементов», которые, по словам В.И. Ленина, должны были быть удалены из аппарата государственного контроля. В.И. Ленин говорил, что «или мы его подчиним себе, или этот мелкий буржуа подчинит рабочий контроль себе, а это недопустимо» [6, с. 11].

В связи с этим 11 мая 1918 г. произошло преобразование Центральной контрольной коллегии в Народный комиссариат государственного контроля. Руководящим органом была назначена Коллегия государственного контроля, а первым народным комиссаром стал К.И. Ландер [4, с. 25]. Народный комиссариат госконтроля состоял из ряда отделов: хозяйственного, местного, отдела личного состава, общественных организаций, сметного отдела, отдела контролеров специального назначения [6, с. 12]. Однако преобразование носило временный и неполный характер, так как система была еще не выработана до конца, функции множества отделов перекликались между собой, что создавало путаницу и перегруженность аппарата. Нерешенной была и проблема недостатка квалифицированных кадров в управлении и контроле. Все это снижало оперативность реагирования и тормозило работу по осуществлению контрольных мероприятий.

В условиях продолжающейся гражданской войны контрольно-распределительные мероприятия стали необходимыми. В целях ускорения работы и более эффективного перераспределения ресурсов 26 ноября 1918 г. был издан временный декрет «О производстве государственным контролем ревизий» [13]. Им были установлены правила проведения ревизий, все учреждения и предприятия обязывались предоставлять отчетность о расходах в соответствующие контрольные органы. К декрету прилагались Правила о предварительной и фактической ревизии хозяйственно-финансовой и промышленной деятельности [14]. Предварительная ревизия касалась преимущественно контроля финансовых потоков предприятий и организаций. Согласно Правилам при проведении предварительной ревизии органы контроля должны были давать заключения по проектам смет, проверять платежные документы до их оплаты на правильность, целесообразность и законность составления. Фактические

же ревизии производились на всех уровнях работы предприятия. При их проведении командированным представителям Госконтроля предоставлялось право присутствия на торгах, освидетельствования наличия и состояния материального имущества и потребительского довольствия, присутствия при комиссиях и экспертизах установления предельных норм, участия в расследованиях инцидентов. При фактических ревизиях полагалось проводить проверку учетных книг, ревизию касс, сообщать незамедлительно о происшествиях в контролирующие органы, проверять условия производства работ и заготовления материалов, выявлять причины наличия излишков и недостатков в кассовых операциях. Все ревизии производились публично и в присутствии представителей от проверяемого учреждения. По факту ревизии составлялся акт, который обязаны были подписывать представитель органов госконтроля, а также все присутствующие при ревизии должностные лица.

В декабре 1918 г. состоялось заседание комиссии по вопросам госконтроля, возглавляемая В.И. Лениным. В ходе заседания проанализированы результаты деятельности реорганизованных контрольных органов, и 3 декабря был разработан проект Постановления об использовании государственного контроля [15]. Главной целью работы было обозначено повышение производственных показателей и обороноспособности. Наиболее эффективной мерой для этого признан летучий контроль (быстрый, неожиданный). Были выделены текущие задачи контроля: первичная – проверка складов, более сложная – проверка правильности работы, борьба с саботажем, обеспечение продуктивности. Для дальнейшего решения стратегических задач приоритетным направлением было обозначено улучшение дел в комиссариатах продовольствия и путей сообщения. Контрольным органам была поставлена задача предоставить списки наиболее компетентных и заинтересованных в управлении трудящихся.

С целью выполнения поручений 20 декабря 1918 г. была образована специальная Комиссия по вопросам государственного контроля во главе с Я.М. Свердловым. Ее основная задача – разработка положения о Высшей контрольной инспекции, призванной проверять правильность работы и накапливать опыт государственного строительства [6, с. 15].

По итогам работы ВЦИК В.И. Лениным был разработан проект реорганизации контрольных органов. Необходимо было наделить государственный контроль дополнительными и реальными полномочиями. Это объяснялось ростом числа жалоб на волокиту при делопроизводстве, причиной чему называлось сохранение чиновников старой школы, которые «заразили духом косности и волокиты молодых советских работников» [16, с. 47].

9 апреля 1919 г. был издан Декрет ВЦИК и СНК о реорганизации государственного контроля. Контролирующие органы приобрели функцию непосредственного фактического контроля во всех областях

хозяйства и управления [16, с. 49]. Основными задачами госконтроля становились: ближайшее наблюдение за деятельностью комиссариатов, проверка результатов работы предприятий, привлечение к суду виновных должностных лиц, выработка конкретных предложений по улучшению аппарата на основе проведенных расследований, организация приема жалоб во всех учреждениях, проведение летучих ревизий, привлечение к работе широких масс населения.

Результатом долгой реорганизации государственного контроля стало создание единого контрольного органа. 7 февраля 1920 г. было издано Положение ВЦИК о Рабоче-крестьянской инспекции [17, с. 210]. На РКИ были возложены все задачи по декрету от 9 апреля 1919 г., был создан Наркомат рабоче-крестьянской инспекции (НКРКИ, Рабкрин). Первым наркомом был назначен И.В. Сталин. На местах создавались коллегии РКИ, члены которых обязывались немедленно приступить к реорганизации своей работы под новые дополнительные задачи. Этими новыми задачами значились: привлечение широких масс трудящихся к контролю, борьба с бюрократизмом и волокитой путем летучих ревизий и обследований, контроль за соблюдением законности, наблюдение за оперативным разбором жалоб, выработка предложений по улучшению работы госаппарата, проверка действительного участия рабочих и крестьян, особенно женщин, в контрольных мероприятиях [17, с. 213]. Количество членов контрольных комиссий не ограничивалось, кандидаты могли избираться на собраниях коллективов из числа партийных и беспартийных.

По итогам трехлетнего государственного строительства в докладе М.К. Ветошкина к VIII съезду советов «Что такое Рабоче-крестьянская инспекция» было дано определение социалистическому контролю, установленному в 1920 г.: «Социалистический контроль над управлением есть практический, повседневный опыт самих рабоче-крестьянских масс в деле управления» [18, с. 7].

Заключение. Таким образом, оформление системы государственного контроля происходило с весны 1917 г. и формально завершилось в феврале 1920 г. Можно выделить основные этапы ее становления. Первый этап (апрель 1917 г. – 26 октября 1917 г.) характеризуется идейным оформлением системы контроля В.И. Лениным, созданием правительства (СНК) и введением должности Народного комиссара государственного контроля. На втором этапе (14 ноября 1917 г. – 8 марта 1918 г.) были определены основные задачи контрольных органов, преобразована вертикаль управления (Всероссийский совет рабочего контроля, Центральная контрольная коллегия, местные учетно-контрольные коллегии и комиссии). Третий этап (11 мая 1918 г. – 9 апреля 1919 г.) обусловлен продолжением гражданской войны, что определило приоритеты работы контрольных органов: продовольственные и финансовые вопросы, повышение

оборонеспособности. Данный период характеризуется реорганизацией контрольных органов и расширением их полномочий. Четвертый этап (9 апреля 1919 г. – 7 февраля 1920 г.) стал окончанием оформления органов контроля и определением их полномочий и задач (непосредственный контроль всех сфер управления). Был создан единый контрольный орган – Рабоче-крестьянская инспекция. С учетом изменения ряда полномочий на протяжении всего периода 1917–1920 гг. перед контрольными органами стояли неизменные задачи: борьба с бюрократизмом и буржуазностью, привлечение широких масс трудящихся, приучение рабочих и крестьян к социалистическому образу мышления и работы. Деятельность органов госконтроля была построена на принципах, выработанных В.И. Лениным.

Литература

1. Иванов, В.П. Развитие ленинских принципов единого партийно-государственного контроля / В.П. Иванов, С.А. Моручков // Вопросы истории. – 1963. – № 10. – С. 21–36. – URL: <https://libmonster.ru/m/articles/view/развитие-ленинских-принципов-единого-партийно-государственного-контроля> (дата обращения: 16.01.2024).
2. Ленин, В.И. Как нам организовать соревнование? / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений: в 55 т. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1974. – Т. 35. – С. 195–205.
3. Шрамук, Е.П. В.И. Ленин об организации общественного контроля / Е.П. Шрамук // Наука – образованию, производству, экономике: материалы 76-й Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 1 марта 2024 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: Е.Я. Аршанский (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2024. – С. 162–165.
4. Ленинская система партийно-государственного контроля и его роль в строительстве социализма (1917–1932 гг.) / сост. И.Г. Рябцев [и др.]. – М.: Мысль, 1965. – 204 с.
5. Ленин, В.И. Государства и революция. – URL: <https://www.marxists.org/russkij/lenin/works/lenin007.htm> (дата обращения: 04.02.2024).
6. Дорохова, Г.А. Рабоче-крестьянская инспекция 1920–1923 гг. / Г.А. Дорохова. – М.: Госюриздат, 1959. – 183 с.
7. Ленин, В.И. Грозная катастрофа и как с ней бороться / В.И. Ленин. – Полное собрание сочинений: в 55 т. – 5-е изд. – М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1969. – Т. 34. – 584 с.
8. Харитонов, М.Ю. Зарождение советского государственного контроля (ноябрь 1917–мая 1918 г.) / М.Ю. Харитонов // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 4. – С. 244–261. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarozhdenie-sovetskogo-gosudarstvennogo-kontrolya-noyabr-1917-may-1918/viewer> (дата обращения: 02.02.2024).
9. Положение о рабочем контроле // Декреты советской власти: в 18 т. – М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. – Т. 1. – 640 с.
10. Декрет. О Рабочем Контроле. 16 ноября 1917 года // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. – М., 1942. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/347934-dekret-o-rabochem-kontrole#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 05.02.2024).

11. Декрет по Государственному Контролю. Об образовании коллегии Государственного Контроля. 5 декабря 1917 года // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. – М., 1942. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/347991-dekret-po-gosudarstvennomu-kontrolyu-ob-obrazovanii-kollegii-gosudarstvennogo-kontrolya-5-dekabrya-1917-goda#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 05.02.2024).
12. Декрет. Об образовании Центральной контрольной коллегии, местных учетно-контрольных коллегий и контрольных комиссий // Декреты советской власти: в 18 т. – М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. – Т. 1. – 640 с.
13. Декрет Совета Народных Комиссаров. О производстве Государственным Контролем ревизий (Правила). 26 ноября 1918 года // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. – М., 1942. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/348805#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата доступа: 16.02.2024).
14. 26 ноября. Правила СНК о предварительной и фактической ревизии хозяйственно-финансовой и промышленной деятельности советских и общественных учреждений и предприятий // Декреты Советской власти: в 18 т. 10 ноября 1918 г. – 31 марта 1919 г. – М.: Политиздат, 1968. – Т. 4. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/10130-26-noyabrya-pravila-snk-o-predvaritelnoy-i-fakticheskoy-revizii-hozyaystvennofinansovoy-i-promyshlennoy-deyatelnosti-sovetskih-i-obschestvennyh-uchrezhdeniy-i-predpriyatiy#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 16.02.2024).
15. Ленин, В.И. Проект постановления об использовании государственного контроля / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений: в 55 т.– 5-е изд. – М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1969. – Т. 37. – 748 с.
16. 9 апреля. Декрет ВЦИК и СНК о реорганизации государственного контроля [Электронный ресурс] // Декреты Советской власти: в 18 т. 1 апреля – 31 июля 1919 г. – М.: Политиздат, 1971. – Т. 5. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/15554#mode/inspect/page/5/zoom/4> (дата обращения: 20.03.2024).
17. 7 февраля. Положение ВЦИК о Рабоче-Крестьянской инспекции // Декреты Советской власти: в 18 т. 10 декабря 1919 г. – 31 марта 1920 г. – М.: Политиздат, 1975. – Т. 7. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/16743-7-fevralya-polozhenie-vtsik-o-raboche-krestyanskoy-inspektsii#mode/inspect/page/8/zoom/4> (дата обращения: 05.04.2024).
18. Ветошкин, М.К. Что такое Рабоче-крестьянская инспекция: (к VIII съезду советов) / М.К. Ветошкин; РСФСР. – М.: Нар. комиссариат Рабоче-крестьян. инспекции (НК РКИ), 1920. – 24 с. – URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/80856-vetoshkin-m-k-chto-takoe-raboche-krestyanskaya-inspektsiya-k-viii-sezdu-sovetov-m-1920#mode/inspect/page/11/zoom/6> (дата обращения: 07.04.2024).

Поступила в редакцию 13.01.2025

Першыя полацкія князі: да праблемы навуковай рэканструкцыі біяграфічных звестак

Нікіфаровіч М.А., Дулаў А.М.

Установа адукацыі "Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава", Віцебск

Асобы першых гістарычна вядомых прадстаўнікоў полацкага княжацкага дома заканамерна займаюць адно з цэнтральных месцаў у раздзелах, прысвечаных гісторыі ранняй дзяржаўнасці на беларускіх землях, як у навуковых і навукова-папулярных працах, так і ў навучальных дапаможніках. Інфармацыя пра Рагвалода, яго дачку Рагнеду і ўнука Ізяслава, а таксама падзеі, звязаныя з імі, падаюцца наводле летапісных крыніц, найперш Аповесці мінулых часоў.

Мэта артыкула – разгледзець магчымасці для навуковай рэканструкцыі асобных аспектаў біяграфій Рагвалода, Рагнеды і Ізяслава.

Матэрыял і метады. Асновай даследавання паслужылі пісьмовыя (летапісы і сагі) і археалагічныя крыніцы. Таксама былі скарыстаны працы навукоўцаў. Прыменены агульналагічныя, агульнанавуковыя і спецыяльна-гістарычныя метады даследавання (гісторыка-параўнальны, гісторыка-сістэмны, рэтраспектыўны).

Вынікі і іх абмеркаванне. У артыкуле падыходзіцца праблема навуковай рэканструкцыі асобных аспектаў біяграфій першых летапісна вядомых полацкіх князёў. З-за недахопу гістарычных крыніц падобныя даследаванні ў значнай ступені заснаваныя на гіпотэзах. У працы прадстаўлены некаторыя з такіх гіпотэз адносна першага вядомага полацкага князя Рагвалода, яго дачкі Рагнеды і ўнука Ізяслава.

Заклучэнне. Такім чынам, для эпохі Сярэднявечча, як і для больш позніх перыядаў, праблема рэканструкцыі біяграфій гістарычных асоб застаецца адной з найбольш складаных, што вынікае, найперш, з абмежаванага кола гістарычных крыніц і вымушае даследчыкаў грунтаваць свае высновы на гіпатэтычных канструкцыях. Гэта дало нам падставы разгледзець гіпотэзы аб гістарычнасці біяграфічных звестак пра полацкага князя Рагвалода, убачыць узаемасувязь летапіснай інфармацыі аб лёсе дачкі Рагвалода Рагнеды з сюжэтамі скандынаўскіх саг, выказаць сумненні ў прыналежнасці пячаткі, знойдзенай у Ноўгарадзе, полацкаму князю Ізяславу, а таксама ў слушнасці атаясамлівання ганчарнага кляйма ў выглядзе "трызуба" на знойдзеным ў 2022 г. падчас раскопак гарадзішча на р. Менцы донцы керамічнага гаршка з выявай гэтага ж знака на згаданай пячатцы. На наш погляд, навуковая рэканструкцыя біяграфій прадстаўнікоў полацкай княжацкай дынастыі застаецца актуальным і перспектыўным накірункам гістарычных даследаванняў.

Ключавыя словы: рэканструкцыя, біяграфічныя звесткі, Полацкая зямля, князь, княжэўна, Рагвалод, Рагнеда, Ізяслаў, летапіс, сага, пячатка, гістарычная крыніца.

(Ученые записки. – 2024. – Том 40. – С. 59–65)

The First Princes of Polotsk: on the Problem of Scientific Reconstruction of Biographical Information

Nikifarovich M.A., Dulau A.M.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

Personalities of the first historically known representatives of Polotsk Princely Family occupy one of the central places in sections which deal with the history of early statehood in Belarusian lands both in scientific and scientific popular works as well as in textbooks. Information about Ragvalod, his daughter Rahned and his grandson Iziaslav as well as events connected with them are presented according to chronicle sources, first of all the Tale of Bygone Years.

The purpose of the article is to consider opportunities for scientific reconstruction of some aspects of the biographies of Ragvalod, Rahned and Iziaslav.

Material and methods. The research basis was written (chronicles and sagas) archeological sources as well as works by researchers. General logical, general scientific as well as special historical research methods (the historical and comparative, the historical and system, the retrospective) methods were used.

Findings and their discussion. The issue of scientific reconstruction of some aspects of the biographies of first known from chronicles Polotsk princes is discussed in the article. Due to the shortage of historical sources such research is to a great extent based on hypotheses. Some of the hypotheses are presented in the article; they are related to the first known Polotsk prince Ragvalod, his daughter Rahned and grandson Iziaslav.

Conclusion. Thus, when it comes to Middle Ages and later periods the issues of historical personalities' biography reconstruction remain most complicated ones which is the result of a limited circle of historical sources and thus makes researchers base their findings on hypothetical structures. This made it possible for us to consider hypotheses about historicity of biographical data about Polotsk Prince Ragvalod, to see connection of chronicle information about the destiny of Rogvalod's daughter Ragneda with stories of Scandinavian sagas, to doubt about the origin of the seal found in Novgorod as belonging to Prince Iziaslav and about the identity of the clay emblem of the trident on the bottom of the ceramic pot found in the settlement excavations on the River Menka in 2022. We believe that scientific reconstruction of biographies of the representatives of Polotsk princely dynasty remains a relevant and prospective direction of historical research.

Key words: reconstruction, biographical data, Polotsk land, prince, princess, Ragvalod, Ragneda, Iziaslav, chronicle, saga, seal, historical source.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 40. – P. 59–65)

Асобы першых гістарычна вядомых прадстаўнікоў полацкага княжацкага дома заканамерна займаюць адно з цэнтральных месцаў у раздзелах, прысвечаных гісторыі ранняй дзяржаўнасці на беларускіх землях, як у навуковых і навукова-папулярных працах, так і ў навучальных дапаможніках. Інфармацыя пра Рагвалода, яго дачку Рагнеду і ўнука Ізяслава, а таксама падзеі, звязаныя з імі, падаюцца паводле летапісных крыніц, найперш Аповесці мінулых часоў (далей па тэксце – АМЧ). Імкненне апісаць біяграфіі першых полацкіх князёў адзначаецца яшчэ ў класікаў расійскай гістарыяграфіі В.М. Тацішчава, М.М. Карамзіна, С.М. Салаўёва, В.В. Ключоўскага. Больш грунтоўныя спробы разабрацца ў пытанні зрабілі М.В. Доўнар-Запольскі, В.Я. Данілевіч, А.А. Шахматаў. У савецкі перыяд вывучэнню біяграфій першых полацкіх князёў увагу надавалі Б.Д. Грэкаў, А.М. Насонаў, Б.А. Рыбакоў, Д.С. Ліхачоў, Л.В. Аляксееў. У апошнія дзесяцігоддзі да праблемы звярталіся М.І. Ермаловіч, Ю.А. Заяц, С.В. Тарасаў, Д.У. Дук, Ю.М. Кежа, М.М. Самонава. У той жа час, зыходзячы з фрагментарнасці звестак аб першых полацкіх князях, падаецца, што з'яўшчыны патэнцыял даследавання іх біяграфій сябе не вычарпаў.

Мэта артыкула – разгледзець магчымасці для навуковай рэканструкцыі асобных аспектаў біяграфій Рагвалода, Рагнеды і Ізяслава.

Матэрыял і метады. Асновай даследавання паслужылі пісьмовыя (летапісы і сагі) і археалагічныя крыніцы. Таксама былі скарыстаны працы навукоўцаў. Прыменены агульналагічныя, агульнанавуковыя і спецыяльна-гістарычныя метады даследавання (гісторыка-параўнальны, гісторыка-сістэмны, рэтра-спектыўны).

Вынікі і іх абмеркаванне. Рагвалод. Першы гістарычна вядомы полацкі князь – Рагвалод. АМЧ узгадвае яго як князя полацкага пад 6488 (980) г., “... бѣ бо Рогъволодъ перешель изъ заморѣе имаше волость свою Полотъскѣ...” [1, с. 46]. Паводле летапісу мы ведаем, што Рагвалод прыйшоў з-за мора, княжыў і быў забіты ў Полацку, а таксама меў дачку Рагнеду. Этымалогія імя князя і факт нетутэйшасці схіляе большасць даследчыкаў да версіі аб яго варажскім паходжанні. Былі спробы вызначыць, з’яўляўся Рагвалод шведам ці нарвежцам. Беларускі гісторык М.М. Самонава,

напрыклад, выказала меркаванне, паводле якога “верагоднай версіяй з’яўляецца паходжанне Рагвалода і Туры з роду ярлаў Мёра, звязанага з нарвежскім каралеўскім родам Харальда Прыгожавалосага і родам Хакана Магутнага, ярла Хладзіра. Рагвалод і Туры маглі з’яўляцца ўнукамі або праўнукамі Рагнвальда Эйстэйнсана” [2, с. 5]. Такую выснову даследчыца зрабіла на падставе аналізу “Сагі пра Харальда Прыгожавалосага” з “Кола Зямнога” і “Сагі пра Хрольва Пешахода”. Аднак меркаванне М.М. Самонавай застаецца гіпотэзай з-за недахопу звестак крыніц.

Відавочна, маюць права на існаванне і іншыя трактоўкі сіцкай біяграфічнай інфармацыі пра першага вядомага з летапісу полацкага князя. Так яшчэ ў канцы XIX ст. з пэўнай асцярогай да персону Рагвалода ставіўся М.В. Доўнар-Запольскі, які пісаў, што “паданне аб прыходзе яго [Рагвалода] з-за мора варта зноў такі аднясці на рахунак паданняў аб адносінах Полацка з нарманамі: звесткі аб Рагвалодзе трапілі ў летапіс як асобнае глухое сказанне” [3, с. 70–71]. Другі дарэвалюцыйны гісторык П.В. Галубоўскі выказаўся аб гістарычнасці Рагвалода больш радыкальна: “Да XII ст. канчаткова склалася паданне аб закліканні з-за мора братаў Рурыка, Сінявуса і Трувара. Легенда тлумачыць факт залежнасці Ноўгарада, Смаленска, Бела-возера ад кіеўскіх князёў. Падпарадкаванне Полацкай вобласці засноўвалі на сваяцтве Ізяслава з Уладзімірам. У процівагу гэтаму ў Полацку выстаўляецца паданне аб некалі былой самастойнасці яго, аб сваёй уласнай дынастыі, якая сапраўды таксама заснавана нарманскімі князямі, роўнымі па заслугах з Рурыкам і яго братамі” [4, с. 67]. Як бачна з цытаты, П.В. Галубоўскі разглядае летапісную згадку пра Рагвалода як элемент дынастычнага падання, параўноўваючы яго функцыю з паданнем аб Рурыку, версіі аб легендарнасці якога небеспастаўна прытрымліваецца шэраг даследчыкаў. Сапраўды не выключана, што Рурык мог быць не канкрэтнай гістарычнай асобай, а зборным вобразам, які адлюстравваў гістарычную памяць людзей аб калісьці цесных кантактах з варажскай элітай.

У гэтай сувязі варта падрабязней спыніцца і на самой легендзе аб закліканні варагаў. Пад 6370 (862 г.) у АМЧ напісана наступнае: “...и си ркоша . Русь . Чюдь . Словенѣ . и вса землѣ наша велика .

и вбилна . а наряда въ неи нѣтъ . да поидете княжити и володѣть нами . и избѣрашася . триє брата . с роды своими . и поѣша по собѣ всю Русь . и придоша къ Словѣномъ пѣрвѣс . и срубиша город Ладогу . и сѣде старѣишии в Ладозѣ Рюрикъ . а другии Синѣоусъ на Бѣлѣвзерѣ . а третѣи Труворъ въ Изборьскѣ . и ѿ тѣхъ Варягъ . прозвася Рускаѣ земля...” [1, с. 11]. Приведення рядкі розповідають аб звароце некальких племянных аб’яднанняў да варагаў з заклікам “Прыходзьце княжыць і валодаць намі”. Тут гісторыкамі заўважана паралель з германскай хронікай Відукінда Карвейскага X ст. “Дзеі саксаў”, у якой брыты звяртаюцца да саксаў з прапановай аб перадачы ім улады над сабой. “Шырокую, бязмежную сваю краіну, багатую рознымі дабротамі, [брыты] гатовыя ўручыць вашай уладзе. Да гэтага мы добра жылі пад заступніцтвам і абаронай рымлян, пасля рымлян мы не ведаем нікога, хто быў бы лепш за вас, таму мы шукаем прытулку пад крылом вашай доблесці...” [5, с. 128]. Як бачна, у сваім сэнсавым напам’яненні легенда аб закліканні варагаў мае, відавочна, агульныя рысы з легендай аб закліканні саксаў. І ў першым і ў другім выпадку мы знаходзім імкненне карэннага насельніцтва перадаць уладу над сабой іншаземцам з прычыны ўласнай бездапаможнасці. Бясспрэчнай мэтай і аднаго і другога падання з’яўляецца выяўнае дэманстраванне іншаземнасці паходжання княжай улады і яе ўзвылічванне на фоне мясцовага насельніцтва.

Па такой жа аналогіі, як прыклад, можна ўзгадаць факт нетутэйшасці князя чэшскага, заснавальніка княжай дынастыі Пржэмысловічаў, – Пржэмысла. Паданне аб ім змяшчае Чэшская хроніка Казьмы Пражскага пачатку XII ст. [6, с. 41]. Сюжэт з удзелам чужаземцаў у фармаванні княжай дынастыі Пястаў маецца ў польскай хроніцы Гала Ананіма “Хроніка і дзеі князёў ці кіраўнікоў польскіх” пачатку XII ст. [7, с. 28–30]. Рэшткі традыцыі пошуку пачатку кіруючых княжых дынастыяў у іншаземцах захаваліся ў еўрапейскіх народаў і ў больш познія часы. Прыкладам гэтаму з’яўляецца легенда пра Палемона, якая распавядае аб зараджэнні вялікакняжацкай дынастыі літоўскіх князёў і Жамойці ад рымскай шляхты [8, с. 15–16].

Гэта толькі некалькі прыкладаў, узятых з тэрыторыяльна блізкіх рэгіёнаў, існаванне ж падобных сацыяэтыялагічных легенд рознай сюжэтнасці адзначаецца ў шматлікіх народаў сярэднявечнай Еўропы і не толькі. Расійскі гісторык П.С. Стэфановіч апісаў гэту з’яву на прыкладзе “Падання аб закліканні варагаў”, звязваючы яго “з апавяданнямі, якія існавалі ў гістарыяграфіі іншых народаў раннесярэднявечнай Еўропы (пераважна германскіх, але таксама кельцкіх і славянскіх) і якія ў навуцы аб’ядноўваюцца звычайна пад умоўнай «жанравай» назвай *Origō gentis*. Мэтай гэтых апавяданняў было паведамленне аб паходжанні (*origō*) таго ці іншага народа (*gens*). Такую мэту, відавочна, меў перад сабой і аўтар першапачатковага Падання [аб закліканні варагаў], збіраючыся распавядаць аб утварэнні дзяржавы Русь” [9]. Падобныя паданні,

як бачна з прыкладаў, часта апісваюць не толькі паходжанне таго ці іншага народа (этнагенетычны міф), але і ўлады над ім.

Канешне ж наўрад ці можна ставіць знак роўнасці паміж паданнем пра закліканне варагаў і лаканічнымі звесткамі пра першага полацкага князя. Да таго ж Рагвалод жыў праз стагоддзе пасля Рурыка, і гэтыя часы, відавочна, значна лепш захаваліся ў памяці людзей і былі вядомы летапісцу. Тым не менш, зыходзячы са сказанага вышэй, можна дапусціць гіпатэтычную верагоднасць таго, што распаўсюджаная ў розных народаў традыцыя складання паданняў аб іншаземным паходжанні кіруючай дынастыі не мінула і Полацкую зямлю. Рэшткі такога падання, звязаныя з асобай іншаземца Рагвалода, і маглі трапіць у АМЧ. Прычым паданне мусіла як адлюстроўваць рэчаіснасць, так і фіксаваць легендарную інфармацыю аб князю. У кожным выпадку Рагвалод разглядаўся нашчадкамі як пачынальнік княжацкага роду, праз што яго імя і трапіла ў анамстыкон полацкіх князёў, як трапіла ў анамстыкон князёў кіеўскіх імя Рурык. Мэтай складання падання магла быць як ідэалагічная дэманстрацыя дынастычнай адасобленасці Полацка ад Кіева, што ўзмацняла палітычны суверенітэт дзяржавы, так і трыманне старажытнай традыцыі пошуку каранёў кіруючых дынастыяў у іншаземцах, што павышала аўтарытэт князёў сярод мясцовага падданага насельніцтва.

Рагнеда. Персона князёўны Рагнеды непасрэдна звязана з бацькам як праз летапісныя паведамленні, так і, па адной з версій, праз мадэль, якая ў скандынаўскай традыцыі выкарыстоўвалася пры ўтварэнні імя дачкі ад імя бацькі. Як і ў выпадку з Рагвалодам, праблемы рэканструкцыі біяграфіі Рагнеды турбуюць даследчыкаў ужо працяглы час. Разбярэм адзін з няпростых аспектаў.

У АМЧ пад 6488 (980 г.) змяшчаецца агульнавядомы апавед аб сватаўстве наўгародскага і будучага вялікага князя кіеўскага Уладзіміра Святаслававіча да князёўны Рагнеды. Сюжэт падання заключаецца ў жаданні Уладзіміра ўзяць у жонкі Рагнеду, якая гэтага не хацела, спасылаючыся на тое, што Уладзімір, сын рабыні (па адной з трактовак), і яна хоча замуж за кіеўскага князя Яраполка Святаслававіча (брата Уладзіміра). Адмова князёўны раз’юшыла Уладзіміра, які за гэта напаў на Полацк, забіў Рагвалода і двух яго сыноў, а Рагнеду сілком узяў у жонкі [1, с. 46–47]. З больш падрабязнымі дэталямі гэта паданне апісваецца ў Лаўрэнцьеўскім летапісе пад 6636 (1128 г.) у фрагменце, названым А.А. Шахматавым “устаўкай аб Усяславічах” (паданне ўводзілася ў тэкст для тлумачэння варожасці паміж полацкімі і кіеўскімі князямі). Там таксама пададзены звесткі пра лёс Рагнеды пасля гвалтоўнага шлюбу. Распавядаецца, што аднойчы ноччу, калі Уладзімір заснуў, Рагнеда хацела яго забіць, каб адпомсціць за сябе і сваю сям’ю. Яна ўзяла нож над князем, які спаў, але той раптоўна прачнуўся і адвёў удар. За замах Уладзімір хацеў пакараць жонку смерцю, але тут за маці заступіўся малы сын

Ізяслаў Уладзіміравіч з мячом у руках. Пасля гэтага, па парадзе баяр, Уладзімір пакінуў жыццё Рагнедзе, адправіўшы яе з сынам, па агульна прынятай версіі (аб гэтым далей), у Полацкую зямлю, у заснаваны там горад Ізяслаўль, названы так у гонар сына [10, с. 131]. Грунтоўна звесткі падання пра Усяславаічаў і гістарыяграфію яго вывучэння разбіраюць у сваіх працах беларускія гісторыкі А.І. Груша [11, с. 28–35] і Ю.А. Заяц [12].

Навукоўцамі заўважана, што матывацыя Рагнеды і ў нейкай ступені Уладзіміра нясе ў сабе дахрысціянскую скандынаўскую прававую традыцыю. Такая выснова паўстае праз дэталёвы аналіз старажытнаскандынаўскіх пісьмовых крыніц і параўнанне іх сюжэтаў з нашым летапісным апавяданнем (падрабязна гэта пытанне разглядаецца ў сумеснай працы расійскіх лінгвістаў Ф.Б. Успенскага і А.Ф. Літвіной [13]). Даследчыкі звярнулі ўвагу на паралелі летапісных звестак аб сватаўстве з сюжэтамі старажытнаскандынаўскіх саг, якія задаюць пытанні адносна яго рэчаіснасці і арыгінальнасці. На такія асаблівасці ўжо даўно звярнулі ўвагу навукоўцы. У апошнія гады праз дзейнасць гісторыкаў, колькасць такіх паралеляў павялічваецца. Так, у главе XLVIII скандынаўскай “Сагі аб Інглінгах” (першая палова XIII ст.) апісваецца гісторыя конунга Гудрада, якая датуецца першай паловай IX ст. У ёй Гудрад паслаў сваіх людзей у Агдыр да конунга Харальда Рыжабародага з прапановай выдаць за сябе замуж яго дачку Асу. Харальд ад прапановы адмовіўся, пасля чаго Гудрад вырашыў узяць яе сілком. Уначы са сваімі ваярамі ён прыбыў да сядзібы Харальда і нечакана атакаваў яго. Харальд і яго сын Гюрд загінулі ў баі. Гудрад забраў Асу і павёз да сябе, у далейшым ажаніўшыся з ёю. Пазней у іх нарадзіўся сын Хальвдан. Аднойчы Гудрад зладзіў балі і быў моцна п’яны. У гэты дзень позна ўвечары на яго напаў невядомы і нанёс удар дзідай. Конунг загінуў. Забойцу адразу схпілі і забілі. Раніцай высветлілася, што гэта быў слуга жонкі Гудрада Асы. Тая прызналася, што слуга дзейнічаў па яе загаду. Пасля забойства мужа яна забрала сына Хальвдана і вярнулася ў Агдзір, дзе ён і вырас [14, с. 36–37]. На думку М.М. Самонавай, з якой нельга не пагадзіцца, сюжэт гэтай сагі з’яўляецца найбольш бліжэй да сюжэта летапіснага падання [15, с. 126]. Прааналізаваўшы тэкст, з яго можна вылучыць як мінімум дзесяць паралеляў з Лаўрэнцьеўскім летапісным матывам, а менавіта: сватаўства (Уладзіміра да Рагнеды і Гудрада да Асы); адмова; крыўда за адмову; вайсковы паход; перамога над бацькам нявесты (над Рагвалодам і Харальдам); забойства бацькі і іншых родзічаў нявесты; гвалтоўны захоп нявесты; нараджэнне ёй сына (Ізяслава і Хальвдана); замах на забойства мужа з мэтай помсты; ад’езд жонкі з сынам на радзіму.

Прыведзены прыклад блізкасці легенды аб Рагнедзе і Уладзіміры і падання аб Асе і Гудрадзе з’яўляецца далёка не адзіным варыянтам сюжэтнага падабенства першай са старажытнымі скандынаўскімі тэкстамі.

Расійскі гісторык С.М. Міхееў у адной са сваіх прац прадстаўляе пяць паралельных сюжэтаў з “Кола Зямнога” Сноры Стурлусана: чатыры – у “Сазе аб Інглінгах” і адзін – у “Сазе аб Олаве Тругвасоне”. Асаблівую ўвагу даследчык надаў сюжэтам пра Хейдрака і Хлёда з “Сагі пра Хервёра” і “Песні аб Хлёдзе” са “Старэйшай Эдды”, якія, на думку аўтара, маюць найбольшае падабенства да легенды аб Рагнедзе і Уладзіміры. У выснове свайго даследавання С.М. Міхееў піша наступнае: “Легенда аб Хейдраку, Хумлі, Хлёдзе і Анганцёры з’яўляюцца найбольш блізкай паралеллю да рускага падання аб Уладзіміры і Рагнедзе. Верагодна, руская легенда спачатку адчула ўплыў з боку скандынаўскай, а потым сама аказала на яе апасродкаваны ўплыў” [16]. А.Ф. Літвіна і Ф.Б. Успенскі у сваёй працы адзначаюць: “Да 1128 г. існаваў, бачна, нейкі «фонд» расказаў аб тым, як жанчына, выданая замуж супраць свайго волі і якая паспела нарадзіць дзіця, помсціць мужу-кіраўніку за гібель сваіх родзічаў, то бок расказаў, пабудаваных у адпаведнасці з адным сюжэтным клішэ. Гэтым сюжэтным клішэ і карыстаўся, бачна, аўтар летапіснага артыкула 1128 г., «дабудоўваючы» да паведамлення аб забойстве Рагвалода і шлюбе яго дачкі з Уладзімірам Святаслававічам ад 980 г. эпізод аб помсце Рагнеды” [17, с. 342].

Нават калі пагадзіцца з высновай Ю.А. Заяца аб тым, што паданне пра Усяслава з’яўляецца пераказам гістарычнай песні, якая ўзнікла на мяжы XI–XII стст. у Полацкай зямлі (верагодна, у Менску ці Ізяслаўлі) [12, с. 30], можна зрабіць выснову аб тым, што скандынаўская фальклорная традыцыя, відавочна, нейкі час не проста суіснавала са старажытнарускай, але і з’яўлялася яе жывой часткай. Скандынаўскія творы, якія былі добра вядомыя на Русі і іншых землях Усходняй Еўропы, аказвалі моцны ўплыў на мясцовую вусную і літаратурную традыцыю. Ішло запазычванне сюжэтных ліній і матываў, якія відазмяняліся на мясцовы лад. На іх накладаліся вядомыя тутэйшаму чалавеку персаны, рэчаісныя ці легендарныя. Усё гэта стварала па-сутнасці новую гісторыю, якую пісалі нашчадкі аб сваіх продках. Недахоп рэальных звестак аб жыцці асоб, якія жылі на некалькі пакаленняў раней, людзі імкнуліся кампенсавать легендарнымі, якімі і запаўняліся біяграфічныя прабелы. Такая традыцыя, бачна, была вельмі шырока распаўсюджана ва ўсім сярэднявечным свеце. Часам і сёння ў сямейнай прасторы некаторыя людзі разбаўляюць уласнымі домымі біяграфіі і асабістыя характарыстыкі сваіх бабуль і дзядуль. У межах дзяржаў адбываецца міфалагізацыя і гераізацыя знакамітых асоб, палітычных дзеячаў, герояў войн, рэвалюцый, прадстаўнікоў культуры і г.д. Гэта абсалютна натуральная з’ява. Шматлікія дэталі падання пра Усяславаічаў/пра сватаўства Уладзіміра да Рагнеды, з вялікай доляй верагоднасці, не з’яўляюцца выключэннем.

Ізяслаў. Ізяслаў – сын Уладзіміра і Рагнеды, полацкі князь (989–1001) і прадаўжальнік полацкай княжацкай дынастыі Рагвалодавічаў. Як ужо адзначалася

раней, пасля няўдалага замаху на забойства Уладзіміра Рагнедай, першы выслаў жонку з Ізяславам у заснаваны ім горад Ізяслаўль. Сёння з гэтым месцам традыцыйна асацыюецца г. Заслаўе, які размешчаны на беразе р. Свіслач у Мінскай вобласці. Упершыню ж асацыяцыю сучаснага Заслаўя з летапісным Ізяслаўлем правёў рускі гісторык В.М. Тацішчаў. Яе складанасць заключалася як у тым, што з гадамі форма назвы горада некалькі разоў змянялася, так і ў тым, што на тэрыторыі Усходняй Еўропы існавала некалькі гарадоў з такой назвай. Як прыклад, Ізяслаўль, што знаходзіўся на мяжы кіеўскага і валынскага княства, на тэрыторыі сучаснай Украіны. Калі ж браць за аснову беларускі горад, то, па-сутнасці, яго назва (астыёнім) – пазалетапісная крыніца, якая паралельна з пісьмовымі звесткамі можа сведчыць аб гістарычнасці князя. Археалагічныя матэрыялы даюць падставы датаваць узнікненне Ізяслаўля (гарадзішча “Замэчак”) ужо X ст. [12, с. 35, 39].

Новымі фарбамі летапісныя ўзгадкі аб князю Ізяславу зайгралі ў грамадскім успрыняцці ў 1999 г. Тады, 6 жніўня 1999 года, рашэннем гарадскога Савета дэпутатаў № 21, быў зацверджаны герб горада Заслаўя (мал. 1). Пасля зацвярджэння, ад 6 жніўня 1999 года, сімвал быў унесены ў Гербавы матрыкул Рэспублікі Беларусь пад № 36. З афіцыйнага апісання герба мы бачым, што за яго аснову была ўзята выява з віслай пячаткі (мал. 2), знойдзенай у 1953 г. на Нярэўскім раскопе ў Ноўгарадзе. Герб уяўляе сабой чырвонае поле ў форме шчыта, на якім змешчаны, як мяркуецца, залаты “трызубец” Ізяслава – стылізаваная выява княжага знака.

Але прыналежнасць пячаткі полацкаму князю не выглядае адназначнай. Першым атрыбуцыю пячаткі здзейсніў вядомы археолаг В.Л. Янін. Менавіта ён зрабіў выснову, што пячатка належала Ізяславу Полацкаму. Але ў самой гісторыі са знаходкай ёсць нямала

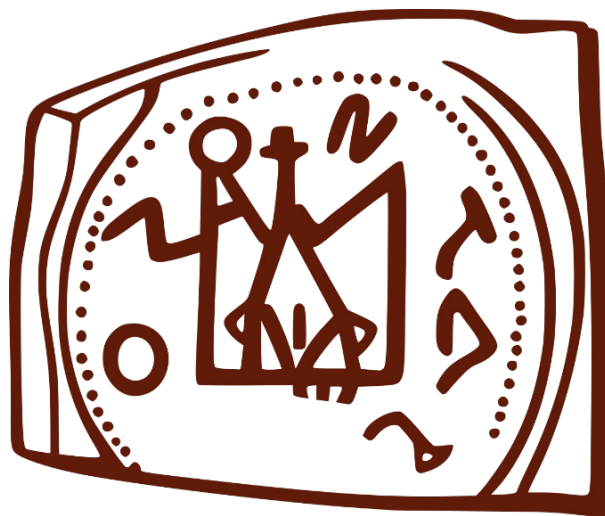
спрэчных момантаў. Так, пячатка была знойдзена не пры сістэматычных археалагічных працах, а пасля іх заканчэння, падчас перапынку на зіму. Меркавана, яна была вымытая дажджамі з запаўнення зруба 19-га будаўнічага яруса (першая чвэрць XII ст.) і паднята ўжо па заканчэнні раскопак [18, с. 157]. У гэтым кантэксце адразу трэба адзначыць, што пласт, з якога быццам бы была вымытая пячатка, вызначаны гіпатэтычна. В.Л. Янін пісаў, што “дакладныя ўмовы яе [пячаткі] залягання невядомыя” [19, с. 39]. Сам жа факт знаходжання прадмета па-за межамі археалагічнага пласта і не падчас археалагічных прац ставіць пад сумнеў даціроўку пячаткі яшчэ і з улікам таго, што аналагічных дакладна датаваных булаў больш знойдзена не было.

Другая складанасць, звязаная з “пячаткай Ізяслава”, узнікла пры яе вывучэнні і атрыбуцыі. Аверс пячаткі, які прадстаўляе для нас асноўную цікавасць, В.Л. Янін апісаў наступным чынам: “Выява княжага знака ў «парадным варыянце»; вакол – надпіс: «ИЗАС..ОЗО»; уся выява заключана ў кропкавы абодок” [18, с. 157]. Менавіта надпіс, у якім навукоўца ўбачыў слова “Ізяслаў” і герб “трызуб”, што традыцыйна звязваецца з прадстаўнікамі дынастыі Рурыкавічаў (а Ізяслаў быў сынам Уладзіміра Святаславіча, а значыць Рурыкавічам) і падштурхнула даследчыка да атаясамлення булы з Ізяславам Полацкім. Дадзеную гіпотэзу пазней падтрымалі беларускі сфрагіст А.К. Цітоў, расійскі археолаг С.В. Бялецкі і шэраг іншых навукоўцаў. Варта адзначыць, што атаясамленне “трызуба” з булы з Ізяславам у айчыннай гістарыяграфічнай традыцыі разглядаецца як дадатковы, пазалетапісны доказ прыналежнасці князя да дынастыі Рурыкавічаў.

Падрабязнае ж вывучэнне прадмета ставіць перад даследчыкамі шэраг пытанняў, а менавіта: з якой літары і ў якім напрамку трэба пачынаць чытанне кругавога надпісу; чаму пры меркаваным, паводле В.Л. Яніна,

Мал. 1. Афіцыйны герб г. Заслаўя

Мал. 2. Дэталны малюнак аверса наўгарадскай пячаткі

надпісе “ИЗАС..OZO” першая літара “N” (а на пячатцы змешчана менавіта яна) ім чытаецца як кірылічная “И”; якая(ія) літара(ы) страчана(ыя) на ніжнім левым краі пячаткі; з’яўляецца сімвал “O” на левым “зубе” знака літарай “O”, ці гэта наогул элемент знака; якімі ўсё ж літарамі з’яўляюцца нядбайна выразаныя разбярком дзве літары справа ад знака і г.д. Акрамя таго, нават калі гіпатэтычна ўявіць, што на пячатцы змешчана імя Ізяслаў, чаму прадмет абавязкова павінен быў належыць полацкаму князю. Хіба гэта імя на такой вялікай прасторы Усходняй Еўропы насіў усяго адзін чалавек? Толькі з летапісных тэкстаў мы ведаем некалікіх княжых асоб з такім імем, думаецца, што яшчэ нейкая колькасць радавітых Ізяславаў папросту не трапіла на старонкі летапісаў.

Маючы на ўвазе некаторыя з гэтых пытанняў, расійскі гісторык С.М. Міхееў раскрытыкаваў атрыбутую папярэднікаў, прапанаваўшы ўласную версію прачытання тэксту, змешчанага на аверсе булы. У адным са сваіх артыкулаў навукоўца піша: “Выказаныя нядаўна пярэчэнні С.В. Бялецкага наконт надпісу на пячатцы № 2 будуюцца, у прыватнасці, на галаслоўным сцвярджэнні, што перад намі кірылічны надпіс, і на чытанні графемы «N» у якасці «И», што немагчыма ні для раннестаражытнарускага, ні для грэцкага надпісу. Пачатак левай часткі кругавога надпісу вакол тамгі сцёрты (хутчэй за ўсё, тут стаяла адна літара), а затым чытаюцца літары «OZO» (або ОЗО), пры гэтым «Z» выканана вельмі нядбайна. Справа надпіс пачынаецца з «N», пасля якой стаяць яшчэ тры літары, якія не паддаюцца ўпэўненай ідэнтыфікацыі (апошняя, відаць, «C», перад ёю – «A» або «Δ»). Цалкам верагодна, што разбяр капіяваў надпіс, які ён не разумеў. Магчыма, тут і павінна было быць напісана нейкае княжае імя, але гэта дакладна не магло быць імя Ізяслаў, як гэта спрабуе прадставіць С.В. Бялецкі, які адстойвае здагадку В.Л. Яніна” [20, с. 18].

Мал. 3. Донца гаршка з “трызубам” з гарадзішча на р. Менцы

Падрабязна разбіраючы слова на буле, спадар Міхееў убачыў у ім не імя полацкага князя Ізяслава, а надпіс “(C)OZONTAC”, што з’яўляецца імем Сазонт, у якім першая літара “C” з’яўляецца страчанай у левай ніжняй частцы пячаткі. Адціснута ж, на яго думку, была не ў канцы X ст., што сцвярджаў В.Л. Янін, а “у другой чвэрці XII ст.” [21, с. 53–55], праз больш за сто год пасля меркаванай даты смерці Ізяслава Полацкага.

Спасылаючыся на даследаванні С.М. Міхеева, паставіў пад сумнеў агульнапрызнаную версію аб прыналежнасці пячаткі і знака, змешчанага на ёй, Ізяславу Полацкаму і беларускі гісторык Ю.М. Кежа. У адным са сваіх артыкулаў на гэты конт даследчык піша наступнае: “Згодна з даследаваннямі С.М. Міхеева, надпіс на пячатцы пачынаецца не наўсё, а ўнізе, пад княжым знакам. Першая літара адсутнічае з прычыны пашкоджання. Астатняя частка надпісу чытаецца як «OZONTAC». На думку С.М. Міхеева, у надпісе прысутнічала грэчаскае імя «Σώζων». Такім чынам, на пячатцы адлюстравана імя «Созонт», чалавека, які жыў у XII ст. і, верагодна, выконваў функцыі княжага сакратара. Сам трызубец С.М. Міхееў атаясамляе з бліскім па стылістыцы выявай-графіцы Георгіеўскага сабора Ноўгарада. Улічваючы дадзеныя аргументы, мы не можам з поўнай упэўненасцю атрыбутаваць выяву на наўгародскай пячатцы як знак Ізяслава Уладзіміравіча” [22, с. 23].

Апошнім часам версія аб “радавым знаку Ізяслава” была актуалізавана. Так, у 2022 г. падчас прац на археалагічным комплексе на р. Менцы археолагамі было знойдзена донца керамічнага гаршка, на якім стаяла ганчарнае кляймо ў выглядзе “трызуба” (мал. 3). Беларускі археолаг А.В. Вайцяховіч выказаў думку, што дадзены сімвал з’яўляецца радавым знакам князя Ізяслава Уладзіміравіча [23, с. 73]. Дадзенае меркаванне відавочна грунтуецца на атрыбутцы наўгародскай пячаткі паводле В.Л. Яніна, разгледжанай вышэй, што дазваляе выказаць сумненні ў яго слушнасці. У такім выпадку выснова падаецца недакладнай яшчэ і таму, што знакі з булы і донца гаршка маюць моцныя мастацкія адрозненні. Пры іх параўнанні (мал. 2) і (мал. 3), адразу заўважна розніца ў формах, прапорцыях, асобных элементах. Адзінае ў гэтых сімвалах толькі тое, што на абодвух прадметах выяўлены знак “трызубец”, разнавіднасцяў якога сёння вядома шмат. Таму з вялікай доляй верагоднасці можна сцвярджаць, што спроба атаясамлення дадзеных знакаў з’яўляецца памылковай.

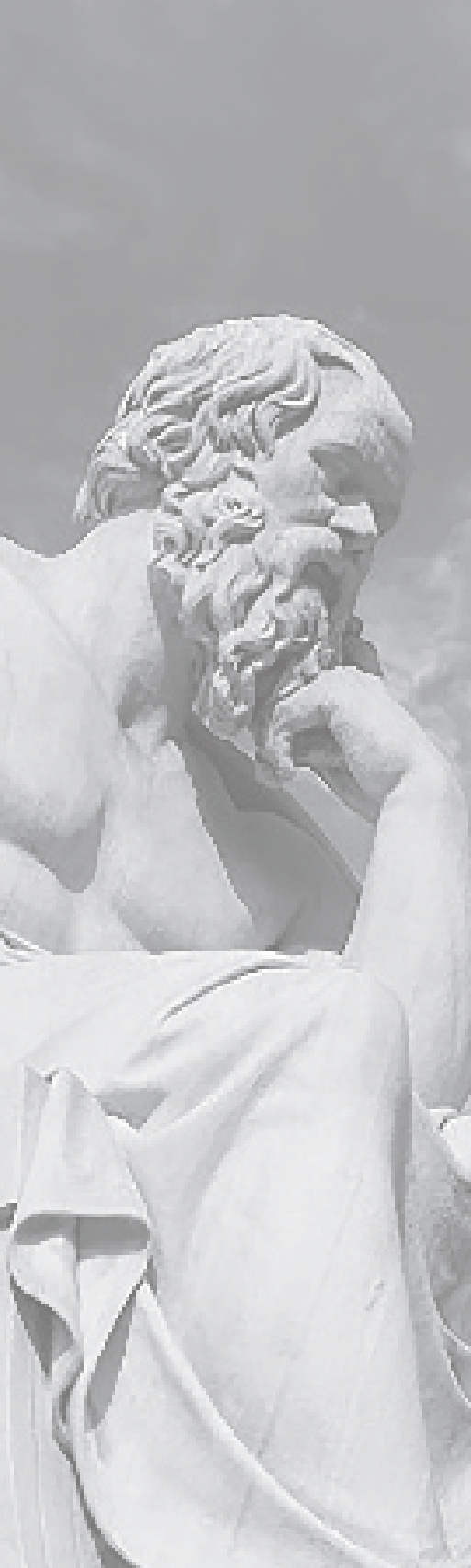
Заклучэнне. Такім чынам, для эпохі Сярэднявечча, як і для больш позніх перыядаў, праблема рэканструкцыі біяграфій гістарычных асоб застаецца адной з найбольш складаных, найперш, з абмежаванага кола гістарычных крыніц і вымушае даследчыкаў грунтаваць свае высновы на гіпатэтычных канструкцыях. Гэта дало нам падставы разгледзець гіпотэзы аб гістарычнасці біяграфічных звестак пра полацкага князя Рагвалода, убачыць узаемасувязь

летапіснай інфармацыі аб лёсе дачкі Рагвалода Рагнеды з сюжэтамі скандынаўскіх саг, выказаць сумненні ў прыналежнасці пячаткі, знойдзенай у Ноўгарадзе, полацкаму князю Ізяславу, а таксама ў слухнасці атаясамлівання ганчарнага кляйма ў выглядзе “трызуба” на знойдзеным у 2022 г. падчас раскопак гарадзішча на р. Менцы донцы керамічнага гаршка з выявай гэтага ж знака на згаданай пячатцы. На наш погляд, навуковая рэканструкцыя біяграфій прадстаўнікоў полацкай княжацкай дынастыі застаецца актуальным і перспектыўным накірункам гістарычных даследаванняў.

Літаратура

1. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). – Т. 2: Ипатьевская Летопись. – Изд. 2-е. – СПб.: Типография М.А. Александрова, 1908. – 638 с.
2. Самонава, М.М. Рагвалод, Торвальд, Эймунд: скандынаўскі след у гісторыі Полацкага княства / М.М. Самонава // Беларускі гістарычны часопіс. – 2019. – № 3. – С. 3–11.
3. Довнар-Запольскі, М. Очерк истории кривичской и дреговичской земель до конца XII столѣтія / М. Довнар-Запольскі. – Киевъ: Тип. т-ва И.Н. Кушнеров и К, 1891. – VIII, 170 с.
4. Голубовскі, П. Нѣскольکو соображеній къ вопросу о князѣ Турѣ / П. Голубовскі // Киевская старина: ежемѣсячный историческій журналъ. – Т. XXXV. – Киев, 1891. – С. 58–81.
5. Видукинд Корвейскі. Деяния саксов / Видукинд Корвейскі. – М.: Наука, 1975. – 271 с.
6. Козьма Пражскі. Чешская хроника / Козьма Пражскі; под ред. М.Н. Тихомирова. – М.: АН СССР, 1962. – 295 с.
7. Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских / Галл Аноним; под ред. М.Н. Тихомирова. – М.: АН СССР, 1961. – 162 с.
8. ПСРЛ. – Т. 32: Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. – М.: Наука, 1975. – 234 с.
9. Стефанович, П.С. «Сказание о призвании варягов» или *Origo gentis russorum*? / П.С. Стефанович // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / отв. ред. Е.А. Мельникова. – М., 2012. – С. 514–583.
10. ПСРЛ. – Т. 1: Лаврентьевская и Троицкая летописи. – СПб.: Типография Э. Праца, 1846. – 269 с.
11. Груша, А.И. Был ли древнерусский Изяславль сообществом памяти? / А.И. Груша // Народы и культура славянского мира Восточной Европы в исторической ретроспективе (Беларусь, Украина, Россия, Польша): сб. науч. ст. / ред.-сост. А.Д. Дудько. – Гродно: ЮрСаПринт, 2020. – С. 28–35.
12. Заяц, Ю.А. Заславль X–XVIII вв.: Историко-археологический очерк / Ю.А. Заяц. – Минск: Наука и техника, 1987. – 63 с.
13. Успенский, Ф.Б. Казус с Рогнедой: сватовство Владимира в свете дохристианской правовой традиции Скандинавии / Ф.Б. Успенский, А.Ф. Литвина // Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 год: Устная традиция в письменном тексте / отв. ред. Г.В. Глазырина. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013. – С. 299–325.
14. Снорри Стурлусон. Круг Земной / Снорри Стурлусон; изд. подгот.: А.Я. Гуревич [и др.]. – М.: Наука, 1980. – 685 с.
15. Самонова, М.Н. Древнескандинавская традиция и летописная легенда о Рогволоде, Рогнеде и Владимире: к проблеме генеалогическо-династической дефиниции полоцких князей / М.Н. Самонова // *Ad jubilaecum: да 70-годдзя стварэння гістарычнага факультэта: зб. навук. арт.: у 2 ч. / рэдкал.: В.А. Міхедзька (адк. рэд.) [і інш.]; М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Гомел. дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2015. – Ч. 1. – С. 122–128.*
16. Михеев, С.М. Легенда о Владимире и Рогнеде и скандинавская традиция (к параллели с легендой о сыновьях Хейдрекса) / С.М. Михеев // Именослов: история языка, история культуры: сб. ст. / Рос. акад. наук, Отд-ние ист.-филол. наук; отв. ред. Ф.Б. Успенский. – СПб., 2010. – С. 169–179.
17. Литвина, А.Ф. Выбор имени у русских князей X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики / А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский. – М.: Индрик, 2006. – 904 с.
18. Янин, В.Л. Вислые печати из новгородских раскопок 1951–1954 гг. / В.Л. Янин // Труды новгородской археологической экспедиции. – М., 1956. – Т. 1 (Материалы и исследования по археологии СССР № 55). – С. 138–163.
19. Янин, В.Л. Древнейшая русская печать X века / В.Л. Янин // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – М., 1955. – [Вып.] 57. – С. 39–46.
20. Михеев, С.М. Княжеские печати с тамгами и атрибуция знаков Рюриковичей XI–XII вв. / С.М. Михеев // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2017. – № 4 – С. 17–41.
21. Михеев, С.М. К проблеме атрибуции знаков Рюриковичей / С.М. Михеев // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. – М., 2014. – № 4(58). – С. 45–63.
22. Жежа, Ю.Н. Изображение княжеского знака (трезубца) на подвеске из Полоцка: к вопросу о лично-родовом знаке Изяслава Владимировича / Ю.Н. Жежа // Беларуская Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждyscyплінарных даследаванняў: зб. арт. V міжнар. навук. канф., Полацк, 15–16 крас. 2021 г. / Полац. дзярж. ун-т; пад агульн. рэд. А.І. Корсак (адк. рэд.), В.У. Чараўко, У.Я. Аўсейчыка. – Наваполацк: Полац. дзярж. ун-т, 2021. – С. 21–25.
23. Войтехович, А.В. Археологический комплекс на реке Менке: предварительные итоги исследований 2023 года / А.В. Войтехович, В.Л. Лакиза // Беларуская думка. – 2023. – № 12. – С. 70–78.

Паступіў у рэдакцыю 13.01.2025

ФИЛОСОФИЯ

Свобода и необходимость в индивидуальном и социально-историческом измерениях

Ростовская О.М.¹, Рудко Е.А.²

¹Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

²Учреждение образования «Витебский государственный технологический университет», Витебск

В связи с возрастанием неопределенности развития природного и социального миров приобретает актуальность проблема свободы и ее проявлений.

Цель статьи – проанализировать связь свободы и необходимости в истории философской мысли и современной реальности.

Материал и методы. При анализе связи свободы и необходимости авторы опирались на работы таких философов, как Т. Гоббс, И. Кант, Г.В. Ф. Гегель, К. Маркс и др. Использованы принципы диалектики и системности, положения синергетики.

Результаты и их обсуждение. Для понимания связи свободы и необходимости предпринята попытка определить границы необходимости, без которой немыслима реализация свободы. Большинство представителей философии рассматривают свободу как осознанную необходимость, способность правильно понимать и разумно действовать с учетом внешних обстоятельств.

Заключение. Рассмотрев генеалогию понятия свободы, авторы приходят к выводу, что на протяжении веков свобода рассматривалась в связи с необходимостью в различных вариациях: от противоположности до тождества. Однако преобладающим было понимание свободы как познанной и освоенной необходимости.

Ключевые слова: свобода, необходимость, нравственные ценности, рефлексия, свобода выбора.

(Ученые записки. – 2024. – Том 40. – С. 67–70)

Freedom and Necessity in Individual and Social-Historical Dimensions

Rostovskaya O.M.¹, Rudko E.A.²

¹Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

²Education Establishment "Vitebsk State Technological University", Vitebsk

In connection with the increasing uncertainty of the development of the natural and social worlds the problem of freedom and its manifestations is becoming relevant.

The purpose of the article is to analyze the connection between freedom and necessity in the history of philosophical thought and modern reality.

Material and methods. Analyzing the connection between freedom and necessity the authors relied on the works of such philosophers as T. Hobbes, I. Kant, G.V.F. Hegel, K. Marx and others. The philosophical principles of dialectics and systematicity were used, as well as the provisions of synergetic.

Findings and their discussion. In order to understand the connection between freedom and necessity, an attempt is made to define the boundaries of necessity, without which the realization of freedom is unthinkable. Most representatives of philosophy consider freedom as a conscious necessity, as the ability to correctly understand and act rationally taking into account external circumstances.

Conclusion. Having examined the genealogy of the concept of freedom, the authors come to the conclusion that for centuries freedom was considered in connection with necessity in various variations: from opposition to identity. However, the prevailing understanding was freedom as a cognized and mastered necessity.

Key words: freedom, necessity, moral values, reflection, freedom of choice.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 40. – P. 67–70)

Философские споры, ведущиеся вокруг проблемы свободы со времен античности, в XXI веке приобрели особую актуальность. В связи с развитием техногенной цивилизации обозначились новые риски, главным из которых является вопрос о выживаемости человечества. Проблема свободы – одна из основополагающих и многогранных антропологических и личностно-социальных проблем – на каждом этапе исторического развития человеческого сообщества нуждается в теоретическом осмыслении и практическом разрешении, т.к. свобода является органической составляющей любого вида деятельности и имманентна сути человека. Без свободы индивид не может в полной мере реализовать свои способности и достичь поставленных целей, развиваться как цельная и самодостаточная личность. Человек становится автором своей жизни благодаря рефлексии, которая составляет его родовую особенность и является главным онтологическим основанием внутренней свободы. Именно свобода – одна из главных гуманистических ценностей, т.к. утверждает достоинство человека как творца. Однако для того, чтобы свобода не превратилась в произвол, человек должен учитывать правила, установленные в обществе, и строго следовать законам государства.

Свобода – философская категория, которая позволяет познавать реальную свободу, которая имеет проявления в разных формах: физической и духовной свободе человека, экономической и социально-политической свободе личности, позитивной «свободе для» и негативной «свободе от» и др. На протяжении веков философы, размышляя о свободе, соотносили ее с произволом, случайностью, «несвободой», свободой выбора, ответственностью, отчуждением, волей и необходимостью.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы проанализировать связь свободы и необходимости в истории философской мысли и современной реальности, при этом рассмотреть необходимость в различных ее аспектах.

Материал и методы. При анализе связи свободы и необходимости авторы опирались на работы философов: Аврелия Августина, Т. Гоббса, Б. Спинозы, Г.В. Лейбница, И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Франкла, Н. Бердяева, Е.Н. Княzewой, С.П. Курдюмова и др. При написании статьи использованы философские принципы диалектики и системности, а также положения нового научного направления синергетики – учения о самоорганизации и саморазвитии сложных систем, в том числе и общества. В современном мире возникла необходимость исследования онтологических оснований свободы с учетом новых условий и научных подходов, в частности синергетики, в которой акцентируется внимание не на стационарных состояниях системы, а на динамической ее составляющей, на детерминированности и случайности в новом социальном порядке [1].

Результаты и их обсуждение. Свобода опосредована многочисленными факторами, и закономерно встает вопрос о ее соотношении с необходимостью.

Наиболее неоднозначной представляется проблема свободы воли. В философии выделяют внутреннюю свободу воли, которая проявляется через самоопределение и автономность воли, и внешнюю – свободу действия, которая выражается посредством волеизъявления и осуществления воли в деятельности. Сторонники детерминизма отстаивают идею причинной обусловленности поступков и интерпретируют свободу как определенную внешней необходимостью. Например, Т. Гоббс и П. Гольбах, не принимая идею о свободе воли, признавали за человеком свободу в осуществлении действий. Т. Гоббс, полагая, что «человек человеку волк», указывал на необходимость ограничения природы человека т.н. «общественным договором» [2]. Крайним проявлением детерминизма является фатализм, представители которого верили в предопределенность естественными причинами, судьбой и т.д., где, по сути, свобода отрицается, как и самостоятельность личности в принятии решений и реализации выбора, а, соответственно, и ответственность, и способность человека к творческой деятельности.

В отличие от фаталистов индетерминисты в отношении свободы воли выступают как волюнтаристы, констатируя безусловное присутствие воли в качестве неотъемлемой бытийной характеристики и, более того, основополагающей. Отдельные представители волюнтаризма рассматривали волю в качестве принципа жизни человека, отрицая при этом значение разума. В аспекте волюнтаризма примечательной является концепция русского религиозного философа Н. Бердяева, изложенная им в работе «Философия свободы». По мнению мыслителя, источник первичной иррациональной свободы, которая есть произвольность и творческая духовная сила, коренится не в Боге, а в бездне, в «ничто», выступающем в качестве предшествующего Богу и миру [3], что вызывает вопрос о том, существует ли воля, несоотносимая с возможностями субъекта и внешними факторами. Полюса детерминизма, где утверждается предопределенность, и индетерминизма, где бытует воля, пересекаются в том, что в них, по сути, нет места свободе. Большинство философов придерживаются, скорее, срединной между этими полюсами позиции.

В античной философии поворот к проблеме человека связан с именем Сократа, который называл право человека на свободное философское обсуждение спорных вопросов величайшим благом. Представители классического этапа древнегреческой философии – Платон и Аристотель – предприняли первые шаги в осмыслении свободы как нравственного деяния, попытались определить сущность сознательного выбора личности. Однако в их размышлениях присутствует некий парадокс: говоря о свободе граждан полиса, они считали рабство естественным положением вещей. Впервые тема свободы в ее соотношении с необходимостью рассматривается Эпикуром, который для обоснования свободы вводит категорию случайности, признавая при этом и необходимость.

В общих законах природы мыслитель находит основание свободы и счастья, т.к., по его мнению, человек, познавая природу, открывает в ней свободу и, следуя ее законам, становится свободным. Представители стоиков – Сенека, Марк Аврелий – выступали как последовательные детерминисты и считали, что в природе нет ничего, кроме необходимости. Исходя из этого, человек, по мнению мыслителей, не свободен ни в чем, кроме своего отношения к определяющим его законам и силам [4].

Согласно философам средневекового теоцентризма, существующий миропорядок определен волей Бога, а первопричины человеческих действий персонализированы в образах свехличностей Бога и дьявола. В учении Аврелия Августина град Божий и град земной «существуют один возле другого; очень часто они являются даже как бы переплетенными между собой». «У земного любовь к самому себе доходит до забвения Бога, а у небесного – любовь к Богу простирается до забвения себя» [5, с. 23–25]. По мнению мыслителя, в граде земном зло, насаждаемое искушением, царствует почти повсеместно, и человек должен обладать сильной волей, чтобы противостоять злу и творить добро. Человек в силу своей непосредственной изначальной связи с Богом имеет возможность выбора между добром и злом [5]. Т.е. он объявлялся свободным в праве выбора.

Начиная с эпохи Возрождения, в европейской философии происходит смещение акцента с вопросов религии на проблемы человека. В новоевропейской науке под влиянием натурализма и механистического материализма формируется новая антропология и этика, свобода рассматривается как познанная и сознательно исполняемая необходимость. Представитель рационализма Г. Лейбниц по этому поводу писал: «Детерминироваться разумом к лучшему – это и значит быть наиболее свободным», при этом необходимость подразумевалась исключительно благая [6]. По мнению Б. Спинозы, человек является свободным в силу своей страсти к познанию; свобода и необходимость диалектически связаны [7]. В целом стоит отметить, что, в представлениях мыслителей эпохи Просвещения свобода предполагала самоосуществление через освоение мира, а идеалом являлось свободное развитие каждого как условие свободного развития всех.

Представитель немецкой классической философии И. Кант считал, что человек является существом по настоящему свободным, поскольку способен действовать в соответствии с всеобщими целями. Свобода, по мнению мыслителя, – это независимость от чувственно воспринимаемого мира и причин, его определяющих, поскольку всякое явление эмпирического мира обусловлено своей причиной. В мире свободы разумное существо не детерминировано природной необходимостью, поскольку, по мнению Канта, человеческая воля автономна: не определена внешними причинами, а только лишь законом, установленным ею самой и выступающим в качестве

внутреннего закона разума [8]. Человек принадлежит одновременно двум мирам – чувственно воспринимаемому миру природы, подчиненному ее законам, и умопостигаемому миру свободы, где он подчиняет себя нравственному закону. «Во всем сотворенном, – отмечает философ, – все что угодно и для чего угодно может быть употреблено всего лишь как средство; только человек, а с ним каждое разумное существо есть цель сама по себе» [8, с. 347]. Соответственно, умопостигаемый мир свободы – это мир целевых причин. «Знание умопостигаемого мира, открывается практическому разуму», ему же открывается абсолютный, всеобщий и необходимый нравственный закон: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства», – пишет И. Кант [8, с. 304]. Следуя логике И. Канта, поистине свободным может быть человек, следующий категорическому императиву, при этом он свободен не от моральных обязательств, а потому, что абсолютные моральные нормы присущи ему самому. Г.В.Ф. Гегель дополнил кантовскую концепцию, согласно которой свобода каждого человека ограничена до пределов, необходимых для обеспечения равной степени свободы всех, и пришел к выводу, что именно конституция как основной свод законов определяет права и свободы граждан, т.е. свобода – это закон, определяющий права человека [9].

В философии марксизма свобода рассматривается в социально-историческом измерении, а человек понимается как «совокупность общественных отношений», в сущности, как производное от социального. По мнению представителей марксизма, свобода «начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей она лежит по ту сторону сферы собственно материального производства» [10]. Для анализа соотношения свободы и необходимости основоположники марксизма К. Маркс и Ф. Энгельс и их последователи Г.В. Плеханов и В.И. Ленин за основу взяли идеи Б. Спинозы и Г.В.Ф. Гегеля и понимали свободу как познанную необходимость. В последующем данная концепция была расширена и свобода рассматривалась в качестве деятельности на основе познанной необходимости, которая будет реализована в истории как освобождение человечества от всех видов эксплуатации и угнетения посредством осуществления особой миссии пролетариата – трансформации общества из «царства необходимости» в «царство свободы», где «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [10]. Оправданием марксистского взгляда на свободу являются принципы равенства и справедливости, идеи ликвидации всех форм отчуждения и эксплуатации.

Новое диалектическое понимание связи свободы и необходимости предложил В. Франкл, по мнению которого свобода личности не локализована на уровне необходимости, а надстроена над ней благодаря духовному измерению и рефлексивному сознанию человека. Человек вследствие своей духовности и рефлексии

способен преодолеть природную, психологическую, социокультурную и иные зависимости. Однако само существование человека возможно лишь в связи с необходимостью, и эта связь является свободной. Причинность всегда замкнута, и в то же время разомкнута в высшем, т.е. духовном измерении. Соответственно, В. Франкл особое внимание уделяет ответственности личности, которая, как и духовность, и свобода, представляется в качестве первичного феномена человеческого бытия [11].

Концентрированным выражением исторической необходимости в осуществлении определенных социальных действий являются требования объективных общественных законов, определяемых уровнем развития материального производства, а также состоянием культурных, социальных, политических структур. Однако не стоит говорить о тотальной детерминации личной воли обществом, поскольку именно человек является субъектом деятельности с уникальной системой ценностей, которым присущи подвижность и многообразие, что, в свою очередь, предполагает различные подходы к практическому действию. Также следует отметить, что объективные законы общества не статичны, более того, они могут как совпадать, так и противоречить друг другу. Необходимо учесть, что существует множество единичных и случайных связей. Совокупность разных факторов оставляет за индивидом выбор, обусловленный не только социально-исторической необходимостью, но и личностными, ценностно-индивидуализированными потребностями. Исходя из всего сказанного выше, историческая необходимость не отрицает свободы выбора, а личность выступает субъектом социально-исторической действительности.

Современная, перманентно трансформирующаяся реальность характеризуется неустойчивостью, изобилием рисков, потоками разнонаправленной информации. Представители синергетики – современного научного направления – видят мир не связанным жесткими причинно-следственными связями и особое внимание уделяют нелинейности, неустойчивости и случайности, которые в мировоззренческом плане предполагают возможность выбора вариантов дальнейшего развития. Следовательно, усилия индивида не всегда растворены в общем социальном ритме и каждый человек должен признавать ответственность перед социальной системой [12]. При этом сторонники многовариантности путей общественного развития допускают элементы случайности, но не отменяют детерминизм, а скорее дополняют и видоизменяют его. Социальная система в процессе своего развития сталкивается с набором его потенциальных вариантов [1; 12], и, таким образом, возрастает роль случайности в выборе каждого последующего эволюционного этапа, и тем самым расширяются пространство и степень свободы и ответственности как отдельной личности, так и социальной системы в целом.

Заключение. Авторы пришли к выводу, что на протяжении столетий свобода рассматривалась во взаимосвязи с необходимостью в разных вариациях: от полной

противоположности до полного тождества и единства. В европейской культуре преобладало понимание свободы как познанной и освоенной необходимости. В каждую эпоху, в зависимости от объективных обстоятельств и ведущего типа мировоззрения, эта определенность мыслилась по-разному: для античной философии – это необходимость космического порядка (логоса), в Средневековье – предопределенность волей Бога, а начиная с Нового времени – детерминированность законами природы, человеческой сущности, мирового духа, общества и трансцендентными ценностями.

Современные философы, признавая необходимость, не отождествляют ее с неизбежностью. Человек может выбирать, с одной стороны, руководствуясь собственными желаниями, ценностями и идеалами, а с другой, соотнося свой выбор с границами и законами внешней действительности, согласуя индивидуальный порядок жизни с порядком социальным. Именно поэтому приоритет социально-исторического и культурного развития современной Республики Беларусь – сохранение национальной самобытности и уникальных черт белорусской культуры. Историко-культурное наследие является важнейшим источником творческих сил народа, а его изучение и сохранение – наиболее эффективным средством национального развития. Историческая память народа помогает сегодня человеку понять логику социального бытия и тем самым становится ориентиром для свободного выбора и внутренним регулятором поведения, источником социализации при формировании культурной и национальной идентичности.

Литература

1. Князева, Е.Н. Основания синергетики. Человек, конструирующий себя и свое будущее / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. – Москва: Либроком, 2014. – 264 с.
2. Гоббс, Т. Левиафан / Т. Гоббс. – Москва: Эксмо, 2023. – 704 с.
3. Бердяев, Н.А. Философия свободы / Н.А. Бердяев. – Москва: Путь, 1911. – 254 с.
4. Античная философия: учеб. пособие / В.Ф. Асмус. – Москва: Высш. школа, 2005. – 399 с.
5. Августин Творения: в 4 т. / сост. С.И. Еремеева. – СПб.: Алетейя, 1998. – Т. 3. «О граде Божием». Кн. 1–13. – 600 с.
6. Лейбниц, Г.В. Сочинения: в 4 т. / Г.В. Лейбниц. – Москва: Мысль, 1989. – Т. 3. «Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла». – 560 с.
7. Спиноза, Б. Сочинения: в 2 т. / Б. Спиноза. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 1. – 489 с.
8. Кант, И. Сочинения: в 6 т. / И. Кант. – Москва: Мысль, 1965. – Т. 4, ч. 1. – 544 с.
9. Гегель, Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель. – Москва: Мир книги, 2007. – 464 с.
10. Маркс, К. Манифест коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Москва: Эксмо, 2023. – 96 с.
11. Франкл, В. Человек в поисках смысла: сборник / В. Франкл. – Москва: Прогресс, 1990. – 368 с.
12. Князева, Е.Н. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомыры / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. – Москва: Алетейя, 2002. – 416 с.

Поступила в редакцию 13.11.2024

Отношение студентов к вопросам, связанным с этическими аспектами использования современных технологий

Далимаева Е.О.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

В современном обществе благодаря развитию науки возникают новые возможности, связанные с изменением самой сущности человека. Такие изменения требуют их осмысления в современных социально-гуманитарных дисциплинах.

Цель исследования – анализ специфики отношения молодежи к вопросам, связанным с допустимостью применения новых технологий.

Материал и методы. Эмпирической базой статьи являются результаты обсуждений со студентами данной проблематики, а также публикации СМИ. Используются общенаучные методы и статистические методы обработки информации.

Результаты и их обсуждение. Стремительное развитие технического и научного прогресса привело к тому, что общество сталкивается с ситуациями, регулирование которых еще не успело отработать. Рассмотрение этих ситуаций с молодежью дает возможность не только спрогнозировать, как будет развиваться общество в будущем, но и стимулировать дальнейшие размышления молодых людей, что позволит им сделать более осознанный этический выбор.

Заключение. Таким образом, проведенное исследование демонстрирует, что молодежь в целом сохраняет чувство осторожности и не готова поддерживать экстремальные изменения человеческой сущности, что свидетельствует о высоком уровне морального самосознания и осознания возможных рисков.

Ключевые слова: открытые проблемы, прикладная этика, новые технологии, клонирование, генная инженерия, молодежь.

(Ученые записки. – 2024. – Том 40. – С. 71–77)

Students' Stance on Issues Related to the Ethical Aspects of Modern Technologies

Dalimayeva Ye.O.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

Due to the development of science new opportunities arise in the contemporary society which are linked to the transformation of the very essence of the man. Such transformations need to be reasoned in the contemporary social and humanitarian disciplines.

The research purpose is an analysis of the specificity of young people's attitude to issues related to the possibility of using new technologies.

Material and methods. The empirical base of the article is findings of students' questionnaires as well as mass media publications. General scientific methods, methods of written questionnaire as well as statistical methods of information processing were used.

Findings and their discussion. Fast technological and scientific advance resulted in the fact that the society faces situations which have not yet been regulated. Considering these situations with young people provides an opportunity not only to predict how society will develop in the future, but also to stimulate further reflection by young people, which will allow them to make more informed ethical choices.

Conclusion. Thus the research demonstrates that the young preserve the feeling of cautiousness and are not ready to support extreme transformations of human essence which testifies to the high level of moral self-identification and understanding possible risks.

Key words: open problems, applied ethics, new technologies, cloning, cognitive improvement, the young

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 40. – P. 71–77)

В современном обществе происходят глобальные изменения многих систем социальных отношений, благодаря развитию науки возникают новые возможности, связанные с изменением самой сущности человека, его биологических, психологических и социальных характеристик. Вместе с давними социальными практиками, подвергающимися коренному пересмотру в современном обществе, такими, например, как смертная казнь или аборт, все это становится основой для актуализации этического осмысления границ регулирования этих социальных феноменов. Происходит не просто расширение горизонта этического знания, круга решаемых проблем, но трансформируется само смыслотворческое поле этического. Такие изменения требуют их осмысления в современных социально-гуманитарных дисциплинах.

Наука всегда давала пространство для этических споров. В XXI веке, в связи с расширением возможностей науки, особенно актуальными стали вопросы этической ответственности ученого и социальных последствий его деятельности. В первую очередь, это касается тех областей современных технологий, которые не только дают беспрецедентные возможности, но и ставят вопросы о сохранении сущности человека. Это геномная инженерия, клонирование, когнитивные усовершенствования, создание искусственного интеллекта (ИИ) и гибридов человека и ИИ, нейрочипы и т.д. Актуальным и нерешенным остается вопрос: «Что несут человечеству современные технологии?» Традиционно можно выделить условный оптимистический, пессимистический и нейтральный подход к оценке новых технологий. Технологию можно рассматривать как панацею от всех бед, освободительницу, которая позволит радикально продлить срок существования человека, поспособствует избавлению от болезней, подарит человечеству новые возможности. Соответственно, формируется оптимистичный взгляд на технологию. Если рассматривать технологии как угрозу, то в первую очередь возникает философско-онтологический вопрос о сущности человека и возможных коренных изменений сущности, которые приведут к исчезновению вида *Homo sapiens* и появлению новых, гибридных видов человека. В рамках нейтральной оценки подразумевается, что новые технологии лишь простое орудие, ни хорошее, ни плохое. Оттенок, который примет технология, будет зависеть лишь от социального контекста.

Актуальность исследования открытых проблем прикладной этики социологическими методами объясняется тем, что научный анализ этих аспектов современной практики выступает предпосылкой выработки социальной политики, ориентированной на человека. Необходимо систематическое исследование нравственных характеристик общества. В первую очередь социологов интересуют те изменения, которые происходят в сознании молодежи, ведь

от отношения молодежи к решению вопросов, касающихся допустимости и этичности применения тех или иных технологий, будет зависеть политика, регулирующая эти аспекты в будущем. В значительной степени это касается и таких значимых моральных вопросов, возникающих в связи с появлением все более сложных открытых проблем прикладной этики. Получив данные о том, как современная молодежь воспринимает применение современных технологий, которые могут изменить саму природу человека, мы с большой долей вероятности можем представить, как будет развиваться общество и какие изменения в законодательном регулировании этих вопросов стоит ожидать.

Цель исследования – анализ нормативных социальных представлений о допустимой практике регулирования неоднозначных в моральном плане процессов и явлений, описание специфики отношения молодежи к вопросам, связанным с допустимостью применения новых технологий, таких как клонирование, генетические изменения и т.д.

Материал и методы. Эмпирической базой статьи являются материалы, полученные автором во время проведения занятий по учебной дисциплине «Этика» в 2022/2023 учебном году, а также публикации СМИ Республики Беларусь, отечественных и зарубежных исследователей, посвященные открытым проблемам прикладной этики. Использованы общенаучные методы сравнительно-сопоставительного анализа и синтеза, дедукции, индукции, обобщения и абстрагирования, статистические методы обработки информации.

Результаты и их обсуждение. Новые технологии – беспрецедентный вызов для общечеловеческой морали. У современного общества нет отработанной стратегии регулирования вопросов, связанных с возможностью изменения самой человеческой природы, изменение характера размножения, существования, решения проблем смерти и бессмертия. Поэтому отношение к этим вопросам будет зависеть, в первую очередь, от понимания сложности, глубины и характера этих проблем современной молодежью, их готовности взять на себя ответственность за последствия принятых решений и те изменения, которые произойдут в человеческом обществе. Учебная программа по этике предусматривает рассмотрение темы «Открытые проблемы прикладной этики», в процессе рассмотрения которой и поднимались вопросы восприятия и отношения современных студентов к этическим аспектам использования некоторых современных технологий. Прогресс неизбежен, однако следствие непродуманных решений по внедрению определенных технологий может поставить под угрозу не только стабильность общества, но и само существование человечества.

«Одним из самых важных прорывов в области генетики конца XX в. является клонирование живых организмов, которое наряду с другими достижениями

биологии и медицины поставило под сомнение ценность таких основополагающих категорий, как жизнь, родство, семья, личность, индивидуальность, справедливость, нравственность, истина и т.д» [1].

Клонирование представляет собой процесс создания точной копии живого организма. Эта идея возникла в начале XX века, однако первые эксперименты по клонированию животных были проведены только в 1952 году. В 1996 году была создана первая копия млекопитающего – овцы Долли, что вызвало большой интерес и споры в научном сообществе и обществе в целом. В ответ на это событие был введен Протокол о запрете клонирования людей в 1997 году, как дополнение к Европейской конвенции по правам человека. Возможности, которые открывает клонирование, потрясают многообразием вариантов. Возможность заново родиться генетическим копиям известных ученых или известных преступников восхищают и пугают, создают почву для кликбейта в СМИ и запугивания обывателя мрачными перспективами генетических гетто. Многие авторы таких «страшилок» забывают, что клон является лишь генетической копией, а не личностью со своими уникальными особенностями, которые формируются в конкретной социальной среде [2].

После этого были проведены многочисленные эксперименты по клонированию животных и растений, что привело к развитию новых технологий и методов клонирования. В 2001 году был опубликован геном человека, что открыло новые возможности для исследований в области клонирования.

Однако развитие клонирования сопровождалось и этическими дебатами. В некоторых странах клонирование запрещено, в других странах оно ограничено только научными и медицинскими целями. Например, в Германии, Нидерландах, Норвегии, Италии, Испании, Австрии и других странах Европейского союза клонирование запрещено. В США запрещено клонирование людей, но разрешено клонирование животных. Одна из самых известных компаний по клонированию животных в США – это Viagen Pets. Они предлагают услуги клонирования домашних животных, таких как кошки и собаки, за цену от 50 000 до 100 000 долларов. Компания также предоставляет услуги по сбору и хранению биологического материала для будущего клонирования. Вместе с тем стоит отметить, что бизнес по клонированию животных вызывает много этических вопросов и критики со стороны общественности и защитников животных.

Клонирование сегодня применяется в сельском хозяйстве. Отработка технологии идет на сравнительно небольших и хорошо изученных животных. Уже получены клоны больше 20 видов – это кошки, собаки, быки, козы и т.д. Лидируют собаки, хозяева которых готовы за большие деньги воспроизвести своих любимцев. Таких примеров около 1500. Аналогичная ситуация с крупным рогатым скотом, где клонирование применяется для сохранения уникаль-

ных свойств животных. Например, в США сумели получить клон одного знаменитого быка-производителя, который умер более 100 лет назад. Но сохранился его генетический материал. Из него извлекли клетки и получилась точная генетическая копия. Таким образом, можно утверждать, что клонирование сегодня – это уже не редкое явление, а в некоторых областях – успешно работающая технология, поставленная на поток. Но возможности и перспективы этой технологии – огромны [3].

На занятиях по этике обсуждался вопрос допустимости клонирования. Часть студентов готова одобрить те практики, которые сегодня уже близки к реальному воплощению – это клонирование сравнительно недавно вымерших животных (67%). Готовы поддержать инициативу по восстановлению популяции давно вымерших животных только 28% респондентов. Большинство опрошенных выступают против создания гибридных организмов. При этом, следует отметить, что эксперименты в этой области проводятся. Так, уже в 2011 году в журнале *Nature Methods* сообщалось, что светящаяся зеленая кошка, в геном которой внедрен ген устойчивости к вирусам иммунодефицита, поможет разработать лекарства и генную терапию для противодействия ВИЧ, а также позволит спасти домашних и диких кошек, включая львов и тигров, от эпидемий кошачьего вируса иммунодефицита [4]. Также создаются различные «химеры» – животные, в ДНК которых внедрены человеческие гены. К примеру, как сообщает БЕЛТА, белорусские и российские ученые впервые в мире совместно создали стада трансгенных коз – продуцентов рекомбинантного человеческого лактоферрина. В ДНК коз внедрен ген человека [5].

Поскольку клонирование – это очень дорогостоящий и высокотехнологический процесс, то в первую очередь, он отрабатывается в тех сферах, где есть заинтересованные заказчики, готовые оплатить недешевые услуги. Как мы уже писали выше, несколько компаний в мире предоставляют услуги по созданию генетических копий умерших домашних животных. В то же время проводится и работа по восстановлению популяции практически исчезнувших животных. Благодаря клонированию и генетическим экспериментам с ДНК удалось спасти популяции красноногих ибисов – птиц, которые были широко распространены в Азии и на Дальнем Востоке России, но из-за различных проблем в дикой природе их осталось всего семь особей. Скрещиванием с другим подвидом спасли от вымирания флоридских пум, квагг (вид зебр), исфаханских муфлонов и многих других. Самая последняя новость: клонирован черноногий хорек, который считался практически исчезнувшим.

В целом же работы по клонированию животных только развиваются. У большинства полученных таким образом особей еще на стадии плода наблюдаются различные патологии, в конечном итоге

приводящие к их гибели. Кроме того, клон и оригинал всегда будут отличаться. При клонировании получить полностью идентичное животное невозможно, потому что, кроме генетики, существует еще и эпигенетика (наследуемые изменения активности генов во время роста и деления клеток). Эксперименты, которые проводились в разных странах, показали, что клоны, как правило, быстро стареют и становятся более агрессивными, чем их прототипы [6].

Сегодня клонирование продолжает развиваться, исследования в этой области помогают улучшить здоровье животных и людей, сохранить и развивать редкие виды растений и животных, а также создавать новые технологии и методы в медицине и науке. Но допустимо ли распространять технологии клонирования не только на животных, но и на человека? При клонировании человека возникают проблемы не только этического, но и правового характера. Какой юридический статус будет иметь клон? От ответа на этот вопрос зависят вопросы владения имуществом, осуществления гражданских и политических прав и еще десятки моментов. Многие студенты, рассуждая о допустимости клонирования человека и комментируя свои ответы, говорили о необходимости сначала разработать правовую базу, касающуюся регулирования гражданских прав клонов, невозможность однозначно установить преступника по генетическому материалу, найденному на месте преступления, в случае существования его генетической копии, трудностях с самоидентификацией ребенка, растущего с осознанием, что он не уникален, а всего лишь копия, созданная в пробирке. При этом 63% студентов не готовы поддержать возможность клонирования человека, 13% – не определились с выбором. Незначительный разрыв в количестве поддерживающих клонирования живых и уже умерших людей говорит о том, что респонденты, в принципе, не видят разницы в данных ситуациях, рассматривая их как вмешательство в естественный порядок существования общества. Таким образом, несмотря на технологический прогресс, большая часть молодежи относится к перспективам клонирования человека с настороженностью. В то же время часть студентов, не определившихся в своем отношении, указывали на недостаточный уровень знаний или компетенций в данном вопросе.

Эти данные свидетельствуют о том, что, несмотря на значительные достижения в области спасения вымирающих видов и клонирования животных, молодежь не готова поддержать перенос указанных технологий на человека, возможно, воспринимая создание «копии» человека как вмешательство в естественные процессы жизни и смерти, как нарушение индивидуальности и уникальности личности.

Полное клонирование и генетическое копирование человека сегодня запрещены законодательством большинства стран. Но в настоящее время активно изучаются и в ряде стран внедряются в клиническую

практику манипуляции с эмбриональным материалом, которые имеют непосредственное воздействие на наследственность, т.е. способны передаваться по наследству из поколения в поколение.

Сегодня исследователи генома человека говорят о блестящих перспективах генной диагностики и терапии. Между тем, не имея опыта отрицательных последствий, они все же признают степень риска своей деятельности. Профессор Жан Доссе, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине (1980 г.), констатирует: «В области генетики человека неразумное использование новых технологий может привести к катастрофическим последствиям» [7].

Не менее сложна и этическая проблематика современных генных технологий. Нерешенные в течение полувека вопросы в трансплантологии привели к бурному росту числа исследований и появления инновационных технологий в области медицинской генетики. В последние годы исследования и открытия в области генетики человека носят практически революционный характер. В частности, речь идет о возможности создания «карты генома человека» или «патологической анатомии генома человека» с установлением на длинной спирали ДНК местонахождения генов, ответственных за наследственные болезни. Эти возможности лежат в основании идеи генной терапии как совокупности методов лечения или протезирования дефектных генов. Вторжение в строение и функционирование генетических систем человека может быть осуществлено на двух уровнях – соматическом и эмбриональном. С появлением новых направлений развития генетики стали бурно развиваться и новые разделы экспериментальной и клинической медицины – ДНК-технологии, эмбрио- и цитотерапия, т.е. внутриутробная диагностика и лечение на стадиях эмбриона или плода [8, с. 106].

Человек становится объектом генной инженерии. Однако если перестройка генома взрослого человека по медицинским показаниям или по его желанию полностью приемлема в этическом отношении, то совершенно иная ситуация возникает при изменении генома зародышевых клеток, так как:

- 1) эта деятельность может быть квалифицирована как проведение исследований на еще не рожденных индивидах, что само по себе аморально;
- 2) если плохо сконструированный механизм можно исправить, то аналогичное действие в случае неудачно завершившегося эксперимента с геномом человека уже невозможно;
- 3) если допущенные при конструировании механизма просчеты ограничиваются единичным объектом, то ошибочно сконструированный геном способен к распространению (передаче потомству);
- 4) характер взаимодействия «новых» генов с геномом в целом все еще недостаточно изучен, и перестройка генома зародышевых клеток может приводить к возникновению непредсказуемых последствий [9, с. 250].

Бурные дискуссии разгорались на занятиях при обсуждении допустимости изменений характера репродуктивной деятельности человека, в частности, возможности создания детей с улучшенными способностями, здоровьем и внешностью (зарубежные исследователи в отношении таких детей используют термины «дизайнерские дети», «улучшенные дети», «новые дети» или «неолюди», в философии трансгуманизма часто используется понятие «постчеловек»); возможности создания ребенка от трех и более родителей; возможности рождения ребенка у сверхстарых родителей (матери) в возрасте 60+ и т.д. В целом студенты не поддерживают эксперименты с улучшением или радикальным преобразованием человеческой природы, но, в то же время практически не владеют информацией о тех достижениях, которые уже сегодня используются в некоторых странах, где законодательство в меньшей степени регулирует практику исследований, в том числе – экспериментов с геномом человека.

Для большинства людей идея генетического контроля качества воспроизводимого потомства допустима в отношении животных, но вызывает множество вопросов относительно «деконструирования» человеческой природы и «игр в бога». Кроме того, возникает опасность закрепления на биологическом уровне социального неравенства, поскольку из-за стоимости данных услуг доступ к ним будет большей частью у богатых семей. Создание детей от трех и более родителей поднимают вопросы о возможных проблемах с самоидентичностью таких детей, нарушениях в традиционных формах семейных и родственных отношений. Данные возможности студенты на парах характеризовали как «футуристические», «утопические», как дело «далекого будущего». Это свидетельствует о том, что молодежь не очень активно интересуется поставленными вопросами, да и в современных медиа информация о подобных экспериментах представлено единичными публикациями. Между тем, все эти изменения уже являются неотъемлемой частью нашей реальности.

Например, так называемые «дизайнерские дети» – это дети, созданные с помощью генетического скрининга или процесса генетической модификации, с целью улучшить их способности или избавить от опасности каких-либо заболеваний. Китайский исследователь Хэ Цзянькуй в интервью агентству Associated Press 26 ноября 2018 года рассказал, что отредактировал геномы человеческих эмбрионов перед процедурой искусственного оплодотворения, в результате чего на свет появились двое детей с измененной ДНК, которая позволила им получить врожденный иммунитет по отношению к ВИЧ-инфекции. Научное сообщество резко осудило работу ученого. В КНР началось расследование, все опыты с человеческим геномом временно запрещены [10]. Хе Цзянькуй подвергся резкой критике мирового сообщества, был осужден в КНР на три года лишения свободы за проведение

экспериментов над детьми. Родившиеся девочки-близняшки всю жизнь будут под пристальным вниманием врачей и ученых. Однако это первая ласточка, и если в западном научном сообществе действуют строгие стандарты исследовательских практик, связанных с геномом человека, то во многих азиатских странах таких строгих запретов нет, как и уважения к автономии личности. К примеру, именно в Индии сейчас проводятся активные эксперименты, направленные на расширение репродуктивного периода в жизни женщины. В индийском городе Кота, штат Раджастан, 75-летняя Прабха Деви (Prabha Devi) родила девочку с помощью экстракорпорального оплодотворения (ЭКО) от своего супруга, которому на тот момент было 80 лет. Ребенок появился на свет на седьмом месяце беременности (30-я неделя) 12 октября 2019 года. Вес новорожденной составлял менее 700 граммов. Врачи провели вынужденное кесарево сечение, поскольку у Деви обнаружили проблемы со здоровьем [11]. Мать и ребенок выжили, девочка развивается в соответствии с возрастными нормами, без отклонений. Но в каком возрасте этот ребенок может остаться сиротой? До этого в Индии в 2008 году родила с помощью ЭКО и кесарева сечения Раджо Деви Лохан, которой на момент рождения ребенка было 70 лет, и это не единичный подобный случай, ведь в Индии, особенно в сельской местности, бездетность считается позором.

Что касается детей от трех родителей, то такая технология применяется для рождения здорового потомства у женщин, которые с большой долей вероятности могут родить ребенка с тяжелым генетическим заболеванием. Например, синдромом Лея. Первый ребенок, зачатый с помощью метода смешения генетического материала трех человек, родился в Мексике в 2016 году. Позднее ребенок от трех родителей появился в Греции. Для решения данной проблемы из яйцеклетки матери, которая является носителем опасного заболевания, удаляется ядро и имплантируется ядро из яйцеклетки здорового донора. Примерно 1 из 5 000 детей рождается с заболеваниями, вызванными вредными мутациями в ДНК митохондрий. Дефектные гены могут привести к проблемам с работой многих органов, включая сердце и мозг. На сегодняшний день митохондриальная заместительная терапия представляется наиболее эффективным способом блокирования передачи таких генов потомству.

Таким образом, все обсуждаемые возможности уже воплощены в жизнь, без предварительного изучения этической допустимости подобных экспериментов с человеческой природой. Смягчающим обстоятельством можно считать тот факт, что все проведенные эксперименты были направлены на улучшение жизни, решение проблем со здоровьем, снятием социального осуждения и так далее. Однако развитие этих технологий в дальнейшем может привести к еще более серьезным последствиям и снижению планки допустимости генетического вмешательства, особенно, если речь идет о коммерческой деятельности.

Социальные перспективы индивида во многом зависят от того, удалось ли ему при рождении выиграть в так называемую «генетическую лотерею». Есть целый ряд качеств, которые позволяют более успешно конкурировать в обществе: красота, интеллект или физические параметры. Например, множество социологических исследований подтверждает, что скорость прохождения определенных ступеней в карьерной лестнице зависит от степени совпадения внешности с конвенциональными представлениями о привлекательности, или от роста человека: более высоким индивидам люди чаще приписывают наличие лидерских качеств, чем тем, кто имеет средний или низкий рост. Из-за успехов генетики скоро нам станет доступно то, что ранее не было подвластно, – «проектировать» людей еще до их рождения. Задавать нужные качества, если они не даны природой, предопределяя столь нужные в жизни возможности, создавая «на заказ» детей с нужными способностями, чертами внешности и более высоким уровнем здоровья.

Американский философ Майкл Бесс называет улучшение человека наиболее важным в нашем столетии разногласием в науке и обществе, «наиболее фундаментальной социальной и политической проблемой, с которой мир сталкивается сегодня и будет сталкиваться завтра» [12]. Существует множество возражений против возможности создания «улучшенной версии» человека. Ведь, вмешиваясь подобным образом, человек берет на себя функции Бога. Сегодня, рассматривая возможное влияние современных технологий на изменение способа бытия людей, чаще всего анализируют юридические или медицинские аспекты подобного вмешательства. Однако в этом фундаментальном вопросе в первую очередь необходимо определить философские основания того, что означает «быть человеком». Одна из ключевых философских дискуссий – это спор о природе человека, о его сущности. Что определяет нас как представителей человечества – наш разум или «телесный сосуд», в котором этот разум функционирует? Изменение биологических оснований своей сущности, в каком бы виде они не присутствовали, от клонирования до смены характера репродуктивности, чреватые неприемлемым риском утраты человеком своей духовности. Кроме краха онтологических оснований бытия, проблема «неолюдей», какие бы понятия мы не использовали – постчеловек, сверхчеловек, «новый человек», – неизбежно влечет за собой слом традиционных оснований существования общества, изменения характера стратификации, идентификации, выход на новый уровень конфликтов. Кроме уже упоминавшегося закрепления социального неравенства на биологическом уровне, эксперименты с коррекцией человеческой ДНК могут повлечь за собой опасность появления вражды и насилия между «обычными», «естественными» людьми и новым вариантом «постчеловека». Г. Аннас,

Л. Эндрюс и Р. Исаси утверждают: следует рассматривать клонирование человека и все наследуемые генетические модификации как «преступления против человечности» для уменьшения вероятности возникновения постчеловеческих видов на том основании, что такой вид будет представлять экзистенциальную угрозу для старого человеческого вида [12].

Заключение. Современные достижения в области биотехнологий, генной инженерии, клонирования открывают не только принципиально новые перспективы, но и актуализируют ряд сложных этических вопросов, которые нуждаются в осмыслении и обсуждении. Все формы генетического вмешательства в природу организма уже сейчас требуют оценки социально-экономических, политических и духовных последствий. Очевидно, что генная и биомедицинская технологии обладают огромным потенциалом и возможностями воздействия на человека и социум, что вновь подымает антропологический вопрос о природе и сущности человека. Результаты нашего исследования показывают, что белорусские студенты, демонстрируя традиционные черты национального менталитета, такие как осторожность, рассудительность, стремление все взвесить, проявляют настороженность в отношении новых технологий, которые могут радикально изменить природу человека, его восприятия себя и окружающего мира. Всегда необходимо иметь в виду потенциальную угрозу генной инженерии для человечества, в частности, те опасности, которые могут возникнуть при дальнейшем проникновении человеческого разума в естественные силы природы. Например, идентичное воспроизведение генетически запрограммированной особи (клонирование); создание химер (человек-животное) из наследственного материала разных видов, массовый выпуск так называемых дизайнерских детей и другие социальные практики, требующие нравственного осмысления и социологического исследования. Результаты обсуждения данных вопросов на практических занятиях по этике показывают, что на текущий момент возможности по созданию гибридных людей или неантропоморфных существ, наделенных разумом и сознанием, не находят одобрения и поддержки среди молодежи. В то же время обсуждение подобных вопросов, не имеющих этически безупречных вариантов решения, всегда вызывало глубокий интерес и вовлеченность аудитории, стимулировало обучающихся углублять свои знания, чтобы иметь возможность более взвешенно и осознанно в будущем подходить к оценке допустимости вмешательства в биологическую природу человека, изменения его сущности.

Таким образом, проведенное исследование демонстрирует, что молодежь в целом сохраняет чувство осторожности и не готова поддерживать экстремальные изменения человеческой сущности, что свидетельствует о высоком уровне морального самосознания и осознания возможных рисков. Вместе с тем

некоторые студенты указывают, что им не хватает знаний в данных областях, чтобы сделать более однозначные выводы. Важно, чтобы молодые люди не только осознавали этические проблемы новых технологических возможностей, но и были готовы активно участвовать в обсуждении и выработке решений, определяющих будущее человечества в условиях стремительного научно-технического прогресса.

Литература

1. Громов, В.Г. Проблема клонирования человека: правовые и морально-этические аспекты / В.Г. Громов, А.В. Ярошук // Основы экономики, управления и права. – 2020. – № 6(25). – С. 58–61.
2. Эхо Долли: Почему 25 лет назад ввели запрет на клонирование человека и как используется эта технология сегодня / «Российская газета». – URL: <https://rg.ru/2023/01/12/eho-dolli.html> (дата обращения: 21.03.2024).
3. В Америке хозяева клонировали любимую кошку сразу после смерти. – URL: <https://news.rambler.ru/other/42435851-v-amerike-hozyaeva-klonirovali-lyubimuyu-koshku-srazu-posle-smerti/> (дата обращения: 21.08.2024).
4. Светящаяся зеленая кошка поможет найти лекарство от СПИДа. – URL: <https://ria.ru/20110911/435335950.html> (дата обращения: 13.04.2024).
5. От трансгенной козы до основы для лекарства: как производят лактоферрин. – URL: <https://www.belta.by/society/view/reportazh-ot-transgennoj-kozy-do-osnovy-dlja-lekarstva-kak-proizvodjat-laktoferrin-235149-2017> (дата обращения: 03.02.2024).
6. История экспериментов с клонированием. – URL: <https://ria.ru/20210705/klonirovanie-1739572613.html> (дата обращения: 13.08.2024).
7. Беломестных, И.М. Клонирование – философские, социальные и этические аспекты / И.М. Беломестных // Инновации в науке и образовании – 2010: труды VIII Междунар. науч. конф., г. Калининград, 19–21 окт. 2010 г. – Калининград: Изд-во КГТУ, 2010. – С. 172–175.
8. Салмина, А.Б. Этические вопросы новых медицинских технологий / А.Б. Салмина, Н.А. Шнайдер // Сибирское медицинское обозрение. – 2006. – № 3(40). – С. 106–115.
9. Гурьева, Е.Е. Правовые и организационные аспекты клонирования человека / Е.Е. Гурьева // Моя профессиональная карьера. – 2022. – Т. 1, № 41. – С. 250–260.
10. В Китае родились первые дети с измененной ДНК. Почему этому никто не рад. – URL: <https://ria.ru/20181130/1533952599.html> (дата обращения: 21.02.2024).
11. 75-летняя женщина родила дочь от 80-летнего мужчины. – URL: https://lenta.ru/news/2019/10/16/75_yagodka_opyat/ (дата обращения: 21.08.2024).
12. Черемных, Л.Г. Возможные риски трансгуманистических преобразований природы человека / Л.Г. Черемных, Н.Н. Губанов // Гуманитарный вестник. – 2023. – № 3(101). – С. 1–5.

Поступила в редакцию 18.11.2024

Феномен лидерства в контексте истории философской мысли

Голубев В.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Понятие «лидер» на сегодняшний день весьма широко распространено. Основным качеством, которым обладает истинный лидер, является авторитет, т.е. признание со стороны массы или толпы авторитета данного лица, подчинения своей воли его влиянию. Однако понятие «лидер» не является само по себе монолитным. Оно дифференцируется в зависимости от того, что возглавляет лидер (массу или толпу), стиля управления и использования различных приемов манипуляции.

Социокультурные процессы (глобализация, массивизация), начавшиеся еще в XX веке, продолжают и в наши дни. Отсюда исходит актуальность данной работы: феномен лидерства в вышеописанных процессах играет колоссальную роль.

Цель публикации – анализ феномена лидерства в истории философской мысли и его трансформация в современных условиях.

Материал и методы. *Материалом написания данной статьи являются труды ведущих представителей истории социальной и философской мысли (Платон, Н. Макиавелли, М. Вебер, З. Фрейд и др.), а также современные нейросети (Шедеврум, Кандинский и пр.). В работе использованы методы анализа и синтеза, сравнительный и метод дедукции.*

Результаты и их обсуждение. *Взгляды относительно того, кто такой лидер и кто может им быть, различались в зависимости от эпохи и субъективного взгляда автора. Существует следующее определение лидера: это личность, способная оказывать влияние на определенную группу людей, воздействовать на их чувства, мысли и действия. Отказ от слова «человек» в данном определении, на наш взгляд, можно объяснить тем, что по мере развития технологий лидерами могут являться не только люди, но и полностью цифровые персонажи, обладающие качествами личности. Нами в этой связи считается необходимым ввести в оборот понятие «искусственно-цифровое лидерство», отражающее технологические и социальные процессы. Немаловажна роль и т.н. «антилидеров», также способных оказывать влияние на массу.*

Заключение. *Лидерство как важный элемент управления массами существовало довольно давно. Феномен лидерства как таковой можно отнести еще к домассовому обществу, поскольку социальные группы существовали уже практически с появлением человека. Однако в процессе развития технологий и усложнения социальных процессов лидерство как феномен также имеет свойство трансформироваться.*

Ключевые слова: лидер, масса, толпа, стиль лидерства, типология лидерства, искусственно-цифровое лидерство, антилидер.

(Ученые записки. – 2024. – Том 40. – С. 78–85)

The Phenomenon of Leadership in the Context of the History of Philosophical Thought

Golubev V.A.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The concept of the leader is very widespread today. The main quality that a true leader has is authority, i.e. recognition from the masses or crowds, the subordination of their will to his influence. However, the concept of the leader is not monolithic in itself. It is differentiated depending on what the leader leads (mass or crowd), management style and the use of various manipulation techniques.

Sociocultural processes (globalization, massification), which began in the twentieth century, continue to this day. As a result, the relevance of this work arises - the phenomenon of leadership in the above-described processes plays a colossal role.

The purpose of the article is to analyze the phenomenon of leadership in the history of philosophical thought and its transformation in modern conditions.

Material and methods. *The materials for the article are the works of leading representatives of the history of social and philosophical thought (Plato, N. Machiavelli, M. Weber, Z. Freud, etc.), as well as modern neural networks (Shedevroom, Kandinsky, etc.). The main methods used were the methods of analysis and synthesis, the comparative method and the method of deduction.*

Findings and their discussion. *The idea of the leader is and who can be the leader were different depending on the era and the subjective view of the author. In general, we can give the following definition of the leader: this individual is able to influence individual groups of people, affect their feelings, thoughts and actions. The refusal to use the word "person" in this case, from our point of view, can be explained by the fact that as leadership technologies develop, they can be represented not only by people, but also by*

completely digital characters with personal qualities. In this regard, we believe that it is necessary to introduce into the circulation the concept of artificial-digital leadership, which reflects technological and social processes. The so-called "anti-leaders" also play an important role, as they are able to influence the masses.

Conclusion. Leadership as an important element of mass management has existed for a long time. The phenomenon of leadership as such can be attributed to pre-mass society, since social groups existed practically since the advent of man. However, in the process of technological development and the complication of social processes, leadership as a phenomenon also has the property of being transformed.

Key words: leader, mass, crowd, leadership style, leadership typology, artificial digital leadership, antileader.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 40. – P. 78–85)

Понятие «лидер» на сегодняшний день весьма широко распространено. Практически каждое движение, течение, организация, имеющая массовый характер, возглавляется лидером, т.е. человеком, являющимся ведущим. Основным качеством, которым обладает истинный лидер, является авторитет, т.е. признание со стороны массы или толпы авторитета данного лица, подчинения своей воле его влиянию. Однако понятие «лидер» не является само по себе монолитным. Напротив, оно дифференцируется в зависимости от того, что возглавляет лидер (массу или толпу), стиля управления и использования различных приемов манипуляции. Не всегда тот стиль управления, который характерен для одного типа массы, будет эффективен для другого. И более того, лидер массы не всегда сможет вести за собой толпу.

Социокультурные процессы (глобализация, массификация), начавшиеся еще в XX веке, продолжают и в наши дни. Отсюда исходит актуальность данной работы: феномен лидерства в вышеописанных процессах играет колоссальную роль.

Цель публикации – анализ феномена лидерства в истории философской мысли и его трансформация в современных условиях.

Материал и методы. Материалом написания данной статьи являются труды ведущих представителей истории социальной и философской мысли (Платон, Н. Макиавелли, М. Вебер, З. Фрейд и др.), а также современные нейросети (Шедеврум, Кандинский и пр.). В работе использованы методы анализа и синтеза, сравнительный и метод дедукции.

Результаты и их обсуждение. На сегодняшний день существует два основных социальных образования, формирующих совокупность людей не только на физическом, но и на интеллектуально-духовном уровне – масса и толпа. И для первого, и для второго случая наличие лидера крайне необходимо. Об этом писал еще Н. Макиавелли, акцентируя внимание на случае с Титом Ливием и плебсом на Священной горе [1, с. 188].

В античности, когда не существовало четкого разделения на массу и толпу, лидерство также не дифференцировалось, хотя существовали мнения о том, кто же может быть лидером. Так, Платон считал, что «начальствовать должны старшие из стражей, самые лучшие, самые воспитанные, ревностно служащие государству; благородные правят неблагородными, сильные – слабыми, умные – неразумными» [2, с. 194].

По мнению Плутарха, лидерами становятся те, кто совершает добродетели, тем самым выбиваясь из общей массы, поскольку «добродетель своими делами приводит людей тотчас же в такое настроение, что они в одно время и восхищаются делами ее, и желают подражать совершившим их» [3, с. 177].

Однако уже на тот момент существовали предпосылки к тому, кто может стать лидером. Расслоение общества и формирование слоя масс и элит приводили к тому, что лидерами могли стать в первую очередь выходцы из знатных сословий и влиятельных социальных групп, получивших качественно высокий уровень образования. Довольно редко лидерами становились представители масс.

Предположение, откуда может взяться лидер и кто в принципе может им стать, в различные периоды философской мысли рассматривался по-разному. Не менее важным оставался вопрос и о том, что следует делать лидеру, чтобы сохранять свое влияние на массу. Так, Платон считал, что лидер является таковым потому, что обладает лучшими качествами и добродетелями по сравнению с управляемой им массой. Управлять же заставляет страх осознания подчинения худшему: «Самое страшное наказание для того, кто не желает править, – подчинение тому, кто хуже тебя. Я думаю, что страх оказаться в такой ситуации заставляет достойных людей, облеченных властью, править другими» [2, с. 347].

В эпоху Возрождения Н. Макиавелли в своем труде «Государь» отождествил лидера и политического деятеля, наделив его необходимыми признаками:

1. Лидеру следует заботиться, прежде всего, о благе народа, т.е. масс.

2. Лидеру полагает быть хитрым и мудрым, чтобы достигать поставленных целей.

3. Лидеру не следует говорить о своих планах.

4. Лидеру не полагает быть мягким, чтобы не поддаваться воле толпы, потому что он сам должен формировать ее волю.

С точки зрения Н. Макиавелли, лидером может стать тот, чьи дела и поступки будут отличаться от массы ввиду своей смелости: «Ничто не приносит государю уважения больше, чем великие походы и необыкновенные поступки» [1, с. 76]. При этом не всегда эти поступки должны быть исключительно добродетельными. Одновременно с этим, по его мнению, лидеру всегда стоит совмещать интересы свои

и интересы массы ввиду того, что в противном случае он может свое положение утратить. Идеальным вариантом, по его мнению, будет тот факт, когда лидер сможет навязать массе свои идеи как ее собственные.

В Новое время, особенно после Великой французской революции мнения о том, кто такой лидер, несколько изменились. В первую очередь это связано с идеями естественных прав и свобод человека, а также зародившейся либеральной теорией общественного и государственного устройства. Одновременно с этим приходит осознание, что для каждого общества и массы, формируемой в нем, лидер будет несколько отличаться по своим достижениям. Так, Дж. Карлайл отмечал: «Всякое общество есть выражение почитания героев в их постепенной градации, и нельзя сказать, чтобы эта постепенность была совершенно не соответствующей действительности, есть почтение и повиновение, оказываемые людям действительно великим и мудрым» [4, с. 17].

В эпоху просвещения Дж. Локк, Ж.Ж. Руссо считали, что лидером может стать только тот, кто сможет подчинить себе массу не посредством страха, а через добровольное признание массой самого лидера: «Самый сильный никогда не бывает достаточно силен, чтобы быть постоянно господином, если только он не превращает своей силы в право, а повиновения в долг» [5, с. 6]. Только добровольное и открытое подчинение может свидетельствовать о том, что лидер является таковым по факту. Данные взгляды были прежде всего обусловлены зародившейся идеологией либерализма, а также концепцией «прав человека» и провозглашенными свободами. Лидером, наподобие взглядов Н. Макиавелли, может быть тот, кто не разделяет своих интересов с интересами массы: «Суверен, будучи образован из составляющих его частных лиц, не имеет и не может иметь интересов, противоположных их [массовым] интересам; поэтому подданные не нуждаются в гарантии против суверенной власти, ибо невозможно предположить, чтобы организм захотел вредить всем своим членам» [5, с. 15].

Т. Карлайл считал, что лидером может стать человек, который отличается, в первую очередь, стилем и качеством жизни, недоступным, прежде всего, в силу духовного и нравственного развития большинству. «О всяком человеке, который избрал себе особый путь жизни, – куда бы, впрочем, этот путь ни привел, – и прошел его с успехом, мы всего более стараемся узнать, как он совершил этот путь и что ему на пути встретилось» [4, с. 263]. Духовные и личностные качества прежде всего определяют лидера, но не статус и не социальное положение. Т. Карлайл считает материальное состояние и статусное положение скорее дополнением к духовно-нравственным качествам. Человек, обладающий только материальным достатком или являющийся лидером в силу традиций, не может быть лидером настоящим. Масса будет воспринимать его не как лидера действительного, но как лидера формального: «Когда ты, жалкий

смертный, добиваешься репутации “порядочного человека” и стараешься “склеить” две несообразности, которые не держатся ни одной минуты, а постоянно требуют нового клея и нового труда, – неужели долгий опыт, время или случай не разъяснили тебе наконец, что истина обязана своим происхождением небу, а ложь – аду?.. На кой черт нужна тебе порядочность, экипажи и серебряные ложки, когда по внутренним качествам ты самое жалкое существо в мире?» [4, с. 264].

В XIX в. представления о лидере практически не изменились за исключением того, что лидер, в понимании зародившегося марксизма, есть тот, кто ведет массу. Данное представление практически не менялось до XX в., пока М. Вебер не выделил виды лидерства и не охарактеризовал их. На сегодняшний день существуют следующие типы лидерства:

1. Харизматический. Харизмой, согласно М. Веберу, называется такое качество личности, при котором она наделена сверхповседневными или даже сверхъестественными способностями со стороны общества. Как правило, данный тип лидерства заключается в том, что, лидер, в первую очередь, воздействует на чувства массы. Харизматическое лидерство наиболее характерно было в эпоху древних государств и обществ, а также средневековья, где религия и вера в трансцендентное начало имела первостепенную роль. В данном случае лидер наделялся сверхчеловеческими качествами, в понимании массы, он обладал сверхъестественными способностями в силу каких-либо определенных обстоятельств: «В своей классической форме (*genuine Form*) харизматическое господство имеет специфический сверхповседневный (*außeralltäglichen*) характер и представляет собой строго персональное, основанное на признании значения харизмы персональных качеств и ее подтверждении социальное отношение» [6, с. 24].

2. Традиционное лидерство. Данный тип лидерства характеризуется тем, что лидер не всегда наделяется какими-то специфическими качествами. Традиционное лидерство не обращается к чувствам массы посредством лидера и его харизмы. Оно заключается в более устойчивых формах подчинения толпы – традициях, обычаях, нравах. Несмотря на то, что вышеперечисленное относится к духовной сфере жизни общества, все это влияет на массы на подсознательном уровне. Такой тип лидерства наиболее характерен для эпохи феодализма, где прочно были развиты отношения «васал – сюзерен». Иными словами, массам абсолютно неважно было на личностные качества своего сюзерена. Подчинение масс шло не человеку, а титулу. Также это касается и церковной иерархии и отношения религиозных элит с массами.

3. Рационально-легальное лидерство. На сегодняшний день данный тип лидерства распространен в основном в политической сфере жизни общества. Исходя из своего названия, рационально-легальный тип лидерства опирается на рациональное, логическое

объяснение лидерства элит и подчинения масс. Как правило, вышеупомянутое объяснение происходит путем законодательного избрания элит, где массе предоставляется право избирать лидера путем голосования за наиболее эмпатизирующего для большинства ее членов, лидера. В большинстве случаев, данный тип лидерства является самым устойчивым, поскольку существуют действенные механизмы смены лидера и элит, и, в случае утратой лидером доверия со стороны массы, он может быть сменен.

Проанализировав концепцию М. Вебера, мы можем представить свою классификацию в зависимости от способа воздействия: рациональное и иррациональное. Рациональное лидерство основывается зачастую на осознании последствий подчинения или неподчинения. Можно согласиться с М. Вебером, что рациональное лидерство опирается на законодательную базу и правила. Одновременно с этим, рациональное лидерство логически объясняет свои действия, основываясь на причинно-следственных связях принимаемых решений, оно де-факто оторвано от абстрактных представлений и более материалистично. Опираясь на общепринятые и доказуемые факты, рациональный лидер объясняет массам избираемый им вектор движения. Иррациональное же связано с чувствами, питаемыми массой или толпой к лидеру. Остальные же типы будут являться производными от первого или второго типа. Например, харизматическое лидерство отчасти совпадает с иррациональным. К иррациональному лидерству можно отнести авторитет папы Римского и представителей иных религиозных течений и культов, оказывающих влияние на массы. Однако даже по мере изменения отношения к религии в эпоху рационализма и вплоть до нашего времени харизматическое лидерство является одним из основных типов. Различие заключается в том, что воздействие на чувства людей создается уже иными методами и способами. Главным образом, как отмечал З. Фрейд, «вождь массы все еще является первобытным отцом, которого продолжают бояться; масса все еще хочет, чтобы ею управляла неограниченная власть» [7, с. 56]. В психоаналитической концепции лидерства, предложенной З. Фрейдом, лидерство является помешательством, позволяющим посредством внушения воздействовать на массовое сознание. Лидер, по мнению З. Фрейда, есть невротик, сумевший заразить своими идеями или поведением массу или толпу, которая, под воздействием его гипнотического таланта, подчиняется его воле.

Однако случается так, что вне зависимости от вида массы и фактора, ее объединяющего, она распадается на множество составляющих (масса внутри массы) или раскалывается на противоборствующие группы. В первом случае можно говорить о том, что возникает феномен формального и неформального лидерства. Формальным является лидер, ранее официально признанный массой или пришедший на свое место путем процедуры избрания самой массой.

Неформальным же является лидер, который признается какой-то частью массы (а иногда и большей), однако он не имеет официальных полномочий представлять массу. Данный феномен ярко проявляется в период политических кризисов или революций, когда появляется харизматическая личность, которая либо поддерживает существующего формального лидера, тем самым укрепляя его положение, либо же, наоборот, противостоит ему.

Анализируя вышеописанные концепции, можно сделать вывод о том, что лидер – это человек, обладающий отличающимися от массы личностными качествами, авторитетом и возможностью подчинять своей воле других людей. Способов и возможностей реализовывать волю на массы существует довольно много. Наиболее четко стили лидерства выделил американский психолог К. Левин. Так, по его мнению, существуют следующие стили лидерства:

1. Авторитарный. Данный тип лидерства заключается в жестком подчинении лидеру, который является практически несменяемым и пользуется абсолютной властью над массой. Авторитет такого лидера основывается на страхе массы перед наказанием, зачастую публичным в силу устрашения массы. Авторитарный тип лидерства наиболее распространен в обществах и массах, опирающихся на традиции и обычаи, которые четко определяют необходимый порядок действий в определенных ситуациях. Лидер же является «продолжением» четких и жестких правил.

2. Демократический. В данном случае лидер является «первым среди равных». Несмотря на то, что конечное принятие решения остается за ним, лидер прислушивается к мнению массы и не подавляет инициативу, чем может создавать иллюзию того, что масса также принимает участие в принятии решений.

3. Попустительский. Данный тип лидерства, по мнению К. Левина, является наименее эффективным. Лидер является таковым только формально, масса же предоставлена своей воле. Как правило, принятие решений лидер спускает на самих представителей массы (как решите, так и будет), не вмешиваясь в ход процессов, происходящих внутри.

На наш взгляд, следует добавить, что еще одним важным фактом является то, что наиболее предпочтительнее будет тот лидер, которого избрала сама масса, или же иллюзия такого избрания. Зачастую это связано с иррациональными надеждами, которые масса возлагает на такого лидера. Одновременно с этим создается мнение в массовом сознании, что лидер, выдвинутый массой, будет выполнять волю массы, поскольку является зависимым от нее. Такое утверждение в большинстве своем – заблуждение, поскольку вряд ли такая персона будет являться лидером по сути. Скорее, в данном случае можно вести речь об иллюзии лидерства, создаваемой самой массой, которая не в состоянии избрать вектор следования самостоятельно. Здесь корректнее говорить о том, что масса наделила персону свойствами «исполнителя

желаний», и, пока она будет соответствовать требованиям массы, она будет считаться лидером.

Нами представляется необходимым дифференцировать лидерство в зависимости от управления массой и толпой. Масса и толпа, имея между собой четкие различия, влияют и на методы управления. Во-первых, лидер толпы, в отличие от массы, всегда является лидером харизматичным. Поскольку толпа преимущественно, – скопление людей, объединенных единой целью либо идеей, то, для того, чтобы избежать рассеивания толпы, ее следует «подогревать» посредством воздействия на ее чувства. В таком случае на чувства толпы лучше всего воздействует харизматичный лидер. Во-вторых, толпа, в отличие от массы, является концентрированной группой людей, т.е. собранных в одном месте, поэтому лидеру для лучшего воздействия на толпу следует быть в поле зрения толпы, или же постоянно контактировать с ней. В-третьих, в толпе может существовать так называемая «иерархия лидеров», когда несколько групп собираются в разных местах, или лидер не может находиться рядом с толпой. В этом случае он может передавать координацию действий доверенным лицам по иерархии. Наиболее заметно такое во время уличных выступлений, демонстраций и беспорядков. То есть здесь можно говорить о первичном и вторичном лидерстве.

Нельзя не упомянуть еще один важный факт – гендерную принадлежность. Как правило, десятилетиями в массовом сознании устоялся образ сильного лидера-мужчины, особенно на политической арене. В первую очередь, это связано с относительно недавним участием женщин в политической жизни абсолютного большинства государств. Одновременно с этим роль женщины в обществе была слишком специфической – религиозные нормы, традиции и нравы делали из женщины фактически «придаток мужчины». В связи с этим появление женщин в качестве лидеров, т.е. играющих главную роль, даже на сегодняшний день воспринимается массой неоднозначно [8, с. 256]. Тем не менее, появление эффективной женщины способно «зажечь» массу, и, отдав предпочтение чувствам, эмоциям, масса способна признать за женщиной лидера. В первую очередь, это касается европейских государств и в целом стран западной ориентации, где эмансипация прошла гораздо раньше и успешнее восточных традиционных обществ. Снова же здесь мы обращаемся скорее к харизме, иррациональной составляющей, которая доминирует над рацией. То есть эффект доминирует над осмыслением иных качеств.

В XX в., по мере развития технологий, а также в веке XXI, феномен лидерства становится все более размытым. Если ранее лидером могла быть исключительно персона (человек), то уже во второй половине XX в. лидерство все более становится анонимным. Одним из таких примеров может служить общественное мнение, транслируемое СМИ. В данном случае

авторитет является размытым. Однако, одновременно с этим, весомым. Мода, вещь, стиль жизни также могут служить примерами анонимного лидерства. При отсутствии конкретных персон и личностей они способны вести массы по сформированному потребительскому или социокультурному пути. Создавая необходимые образы в массовом сознании, мода и реклама способны создавать авторитеты в массовом сознании, а подкрепление их действиями или словами известных людей только укореняют их.

Но крайне важным остается вопрос, как же люди, предполагая разницу между черным и белым, добром и злом отдают себя добровольно в руки лидера, открыто призывающего к уничтожению, истреблению или войне? «Невозможно понять эти свойства без доктрин или представлений, которые их кодифицируют, придают им смысл. Ловко манипулируя этими доктринами и представлениями, вождь убеждает общность и добивается признания, принятия своего авторитета» [9, с. 200].

При анализе классификаций лидерства, сделанных учеными на разных исторических отрезках, можно говорить о том, что та или иная классификация всегда основывалась на происходящих в обществе политических, экономических, социокультурных процессах. Проанализировав существующие концепции, нами представляется возможным создать свои классификации лидерства в зависимости от многих параметров. Во-первых, эффективность каждого из стилей руководства была неоднозначной. Это зависело от социокультурной среды и управляемой массы, целей руководства, культурно-исторических особенностей страны, менталитета народа. Поэтому нам представляется необходимым сделать дифференциацию в плане эффективности.

Формируя нашу типологию, мы будем основываться на рассмотренных концепциях лидеров М. Вебера, К. Левина и С. Московичи. Авторитарный лидер, который подчиняет массу посредством страха, имеет уязвимые места. Страх, движимый массой, порождает одновременно ненависть в данному лидеру. Он имеет власть над массой до тех пор, пока не находится какая-либо сила, которая не будет превосходить его возможности. Масса же в таком случае будет прилагать все усилия, чтобы избавиться от доставляемого ей дискомфорта. Здесь можно говорить, что чрезмерный страх способствует потере контроля над массой ввиду возникающего противодействия со стороны массы и поиска альтернатив. Чем большее давление оказывается на кого бы то ни было, тем больше объект будет оказывать сопротивление. Ярким примером может являться лидерство А. Пиночета в Чили. Основанный им диктаторский режим и открытые репрессии привели к тому, что массы стали искать альтернативу и, наконец, данный правитель утратил свое положение.

Вместе с тем авторитарный лидер является наиболее эффективным в ситуациях быстрого принятия

решений (например, во время социальных кризисов, потрясений, войн). Жесткое авторитарное руководство и дисциплина сыграли немаловажную роль для СССР в период Великой Отечественной войны. Авторитарный лидер, однако, также осознанно берет на себя ответственность за решения, принимаемые им единолично.

Харизматичный лидер, в свою очередь, который подчиняет массу своей харизмой и идеей, имеет ряд преимуществ. Например, ему приходится тратить меньше усилий для контроля массы по сравнению с авторитарным лидером, ему не следует беспокоиться о том, что в массах начнется волнение и «брожение». Но в данном случае существует особенность, которая может стать «роковой» для его правления толпой: проявление силы в необходимый для него момент может восприниматься массой как акт попытки применения насилия, что оттолкнет его от массы. В этом случае необходимость насилия следует объяснить «всеобщим благом». Поэтому для более эффективного лидерства необходим баланс в соотношении силы и харизмы. Одним из удачных примеров харизматического лидерства можно привести Ф. Кастро или Э. Гевара. Харизматическое лидерство описывал в своем докладе Г.С. Померанц, характеризуя СССР сталинской эпохи. Им были довольно четко обозначены причины, по которым человек, относящий себя к массе, наделяет своего лидера высшими и даже сверхъестественными качествами: «Сталин дал трудящимся бога, земного бога, о котором невозможно сказать, что его нет. Он был, был в Кремле, изредка показывался на трибуне и помахивал рукой. Он заботился о том, чтобы волос не упал с трудящейся головы. Он был лучшим другом железнодорожников, физкультурников и балерин» [10, с. 135].

Объективно харизма справедливо является тем самым качеством, которое вполне обоснованно может привлекать людей на свою сторону. Массовый человек не задумывается над глубиной излагаемых мыслей и доводов, направленных на его сознание. Глубокие мысли и смыслы, как правило, сакральны и индивидуальны. Они требуют осмысления. Человек, излагающий их, попросту может утомить или запутать обращенную к нему массу. Поэтому здесь можно наблюдать такой феномен, как промежуточное лидерство. Его можно описать как «лидерство через лидерство». Не всегда лидер (в первую очередь политический) обладает способностью зажечь массу или толпу. В таком случае он может прибегать к помощи ораторов или иных людей, обладающих харизмой, через которых в доступном и понятном для массы виде сможет изложить свои мысли. В данном случае масса воспринимает оратора как лидера (одного из), однако он является промежуточным звеном. «Харизма в большой степени сливается с этой способностью (манипулировать), и мы можем рассматривать первую как эффект второй. Каждый из нас мог проверить это на самом себе. В присутствии такого вождя,

когда широко распространяются его речи, окружающая его атмосфера, он внушает абсолютную преданность [9, с. 197].

Также данный феномен хорошо заметен в сфере массовой культуры и моды, когда ввиду воздействия на чувства человека со стороны деятелей культуры или шоу-бизнеса масса создает своих кумиров и всячески стремится им подражать. Основным недостатком данного типа лидерства является то, что лидер-харизматик одновременно и иррациональный объект следования и подражания. В случае его утраты есть риск распада массы, и, как следствие, превращения ее в разрозненную толпу до того момента, пока снова не появится лидер-харизматик.

Харизматическое лидерство наиболее характерно для кризисных моментов жизни общества, когда социальные, экономические и политические потрясения выводят его из состояния баланса, и общество желает вернуться в то состояние. Например, это хорошо заметно было в установлении диктаторских режимов в Европе (Б. Муссолини и А. Гитлер), когда масса искала т.н. «сильную руку» для установления условий комфортного существования. В данном случае харизматический тип лидерства был наиболее эффективен, поскольку массы легко поддавались на краткие и проникновенные лозунги, которые обещали все то, чего желали массы.

Демократический стиль лидерства эффективен только в том случае, когда принятие окончательного решения остается за самим лидером. В противоположной ситуации лидер превращается в «марионетку». Однако такой стиль теряет эффективность в моменты противостояния и конфликта внутри самой массы. В таких ситуациях наиболее эффективным, на наш взгляд, будет лидерство авторитарное, поскольку применение силы в данной ситуации, пусть и мягкой, будет противостоять конфликту и способствовать сплочению массы посредством «третьей силы». Как пример – либеральное правительство начала 1920-х гг. в Италии или Германии. Слабость, проявленная политическими лидерами данных государств, привела к установлению диктатур и тоталитарных обществ. Еще один важный момент: демократический является типом «избираемого» лидера. Зачастую это связано с иррациональными надеждами, которые масса возлагает на избранного лидера. Одновременно с этим создается мнение в массовом сознании, что лидер, выдвинутый массой, будет выполнять волю массы, поскольку является зависимым от нее. Такое утверждение в большинстве своем есть заблуждение, поскольку вряд ли такая персона будет являться лидером по сути. Скорее в данном ключе идет речь об «иллюзии лидерства», создаваемой самой массой, так как она не в состоянии избрать вектор следования самостоятельно. Здесь корректнее говорить о том, что масса наделила персону свойствами «исполнителя желаний», и, пока она будет соответствовать требованиям массы, она будет считаться лидером.

Традиционный тип лидерства является более устойчивым, поскольку обязанности лидера перед массой передаются по установленному порядку, принимаемому самой массой, и нет необходимости каким-либо образом избирать или выдвигать лидера. Однако утрата авторитета лидером в данном случае может быть в том случае, если лидер проявит свои качества вопреки сложившимся социальным устоям. Согласно Н. Макиавелли, «да будет известно государям, что власть начинает уходить у них из рук тогда, когда они усваивают привычку нарушать законы, а также древние нравы и обычаи, которыми люди руководствовались на протяжении долгого времени» [1, с. 330]. Во многих случаях, даже общественное благо не является тем самым аргументом, который масса сочтет основательным для нарушения устоявшихся традиций. На сегодняшний день данный тип лидерства характерен для многих политических организаций.

Между тем для традиционного (и харизматического) лидерства наиболее характерен феномен, который можно описать как «девальвация лидера», когда лидер постепенно утрачивает в глазах массы свою позицию. Девальвация лидера может объясняться многими факторами. Во-первых, ее можно объяснить изменениями традиций и норм, существующих в обществе. Например, в эпоху постмодерна, в условиях «множества истин» и размытия норм, ценностей и устоев феномен лидерства будет восприниматься как нечто абсолютно иное. Размытие норм одновременно ведет и к размытию авторитетов, что, несомненно, влияет и на роль лидера в обществе. Личность как лидер утрачивает свой авторитет по сравнению с предыдущими эпохами. Во-вторых, девальвация лидера – процесс объективный, который связан в принципе с развитием общества и изменениями общественных устоев. Девальвация одного лидера приводит к возвышению другого.

Попустительский стиль лидерства же, на наш взгляд, следует исключить в принципе из вышеописанной дифференциации, поскольку здесь суть самого лидерства как феномена утрачивается, оставляя только формальное название «лидер». Однако если проанализировать его эффективность, то можно выделить два негативных момента. Во-первых, внутри массы может возникнуть неформальный лидер, имеющий больший вес и авторитет среди массы. Во-вторых, ответственность на некорректные решения в конечном итоге будет возложена на формального лидера. Также можно выделить такой момент, что данный тип лидерства практически не имеет авторитета среди массы.

Уже во второй половине XX века следует акцентировать внимание на так называемом анонимном или коллективном лидерстве, поскольку в XX веке по мере роста технологий, а также в веке XXI, феномен лидерства становится все более размытым. Если ранее лидером могла быть исключительно персона (человек), то уже во второй половине XX в. лидерство все более

становится анонимным. Одним из таких примеров может служить общественное мнение, транслируемое СМИ. В данном случае авторитет является размытым, хотя и весомым. Мода, вещь, стиль жизни также могут служить примерами анонимного лидерства. При отсутствии конкретных персон и личностей, они способны вести массы по сформированному потребительскому или социокультурному пути. Формируя необходимые образы в массовом сознании, мода и реклама способны создавать авторитеты в массовом сознании, а подкрепление их действиями или словами известных людей только укореняют их.

Относительно новых типов лидерства, появившихся в XXI веке, как феномен имеет место быть т.н. «искусственно-цифровое лидерство». Такое лидерство имеет место быть там, где имеется «виртуальная масса», преимущественно, на просторах сети Интернет и социальных сетях. Как правило, искусственно-цифровой лидер обладает такими же качествами и статусом, которыми обладают и лидеры в реальной среде. Особенностью вышеуказанного типа лидерства будет являться то, что его влияние первоначально будет распространяться исключительно на виртуальную среду. Так же как и виртуальная личность, такой лидер может быть полностью цифровым персонажем, не имеющим своего реального образа или какой-то материальной персоны. Зачастую он может быть полностью сгенерирован при помощи искусственного интеллекта (например, нейросети «Шедевр» и «Кандинский» на сегодняшний день позволяют генерировать вполне реалистичные, хоть и детализированные изображения), но оказывать гораздо большее влияние на широкие массы людей. На сегодняшний день общество знакомо с полностью цифровыми личностями (например, mr. Freeman, цифровой персонаж, озвучиваемый однако реальным человеком, имел в социальных сетях довольно много поклонников, рассуждая на остросоциальные темы). Тем не менее, искусственно-цифровой лидер может мотивировать массу к определенным действиям не только в виртуальном пространстве, но и в реальном, осязаемом мире. Нельзя отрицать тот факт, что, пока еще цифровые личности, равно, как и цифровые лидеры не появляются без вмешательства человека и действуют по его воле. Оптимистический взгляд на то, что искусственный интеллект всецело подчиняется воле человека [11] на сегодняшний день пока еще подтверждается практически. Однако даже исходя из вышесказанного, на сегодняшний момент цифровой лидер является более чем на 80% персонажем анонимным, и раскрыть его создателей зачастую бывает крайне сложно. От имени цифрового лидера ввиду высокой степени анонимности можно навязывать идеи, которые преследуются законом в реальной жизни. Существование цифрового лидера в виртуальном пространстве позволяет без крайних сложностей оказывать воздействие на людей буквально в любой точке мира. Нередко искусственно-цифровой лидер

может быть героем какого-либо фильма или мультфильма, персонажем компьютерной игры и т.д. Вместе с тем наиболее распространенная сфера оказания влияния искусственно-цифрового лидера являются социальные сети.

Помимо лидера, можно также выделить и «антилидеров», встречающихся и в толпе, и в массе. Антилидером является человек, который в своих стремлениях и образе и стиле жизни отличается от массы или толпы. В психологии и обыденной жизни такие люди чаще всего называются «изгоями» или «париями», они находятся на периферии массы. Как правило, таких людей масса стремится «подавить», поскольку они ей неудобны. Причем в качестве «изгоев» не всегда выступают конкретные личности, ими также могут выступать социальные группы в лице социальных меньшинств (национальных, религиозных, культурных). В XX столетии к ним также стали относить тех, кто не следует за массовой традицией в моде, культуре и пр. «Антилидер», как и лидер, привлекает к себе внимание массы своим отличием от нее. Как правило, изгой также притягивает к себе эмоциональные стремления ввиду своей исключительности, и в этом есть главное сходство с лидером массы. Разница заключается только в низких или высоких эмоциях. По мере развития и функционирования массы лидер и изгой могут со временем занять диаметрально противоположные позиции.

Заключение. Отсюда можно сделать следующие выводы. Лидерство как важный элемент управления массами существовало довольно давно. Феномен лидерства как таковой можно отнести еще к домассовому обществу, поскольку социальные группы пребывали уже практически с появлением человека. Взгляды относительно того, кто такой лидер и кто может им быть, разнились в зависимости от эпохи, социокультурной среды и субъективного взгляда автора, однако в общем и целом, можно дать следующее определение лидера: это личность, способная оказывать влияние на определенную группу людей, воздействовать на их чувства, мысли и действия. Отказ от слова «человек» в данном определении, на наш взгляд, можно объяснить тем, что по мере развития технологий лидерами

могут являться не только люди, но и полностью цифровые персонажи, сгенерированные искусственным интеллектом, но, обладающие качествами личности. Нами в этой связи считается необходимым ввести в оборот понятие «искусственно-цифровое лидерство», отражающее технологические и социальные процессы. Немаловажна роль и т.н. «антилидеров», также способных оказывать влияние на массу. Однако сам по себе феномен лидерства, по мере развития общества и социальных отношений, есть феномен, требующий дальнейшего исследования.

Литература

1. Макиавелли, Н. Государь / Н. Макиавелли; пер. с ит. М. Юсима. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2022. – 448 с. – (Мировая классика).
2. Платон. Диалоги / пер. с др. греч. – СПб.: Азбука, 2000. – 448 с.
3. Аверинцев, С.С. Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 2 т. / С.С. Аверинцев, А.Л. Гаспаров, М.Л. Маркиш. – М.: Наука, 1994. – Т. 1. – 702 с.
4. Карлейль, Т. Герои, почитание героев и героическое в истории / Т. Карлейль. – М.: Эксмо, 2008. – 864 с. – (Антология мысли).
5. Руссо, Ж.Ж. Об общественном договоре / Ж.Ж. Руссо. – М.: ОГИЗ-СОЦЭКГИЗ, 1938. – 123 с.
6. Вебер, М. Типы господства / М. Вебер // ЛИЧНОСТЬ. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО. – 2008. – Вып. 34(4243). – С. 20–31.
7. Фрейд, З. Психология масс и анализ человеческого Я / З. Фрейд; [пер. с нем. Я. Коган]. – Москва: Изд-во «Э», 2016. – 96 с.
8. Бендас, Т.В. Психология лидерства: учеб. пособие / Т.В. Бендас. – СПб.: Питер, 2009. – 448 с.: ил. – (Серия «Учебное пособие»).
9. Московичи, С. Машина, творящая богов / С. Московичи; пер. с фр. – М., 1998. – 560 с.
10. Померанц, Г. О роли нравственного облика личности в жизни коллектива / Г. Померанц // Грани 67. – 1968. – С. 134–143.
11. Ганасия, Ж.Г. Искусственный интеллект. Между мифом и реальностью / Курьер ЮНЕСКО. – URL: <https://courier.unesco.org/ru/articles/iskusstvennyy-intellekt-mezhdumifom-i-realnostyu> (дата обращения: 11.06.2024).

Поступила в редакцию 11.11.2024

Методологические проблемы формирования системы международных индексов и индикаторов

Кутузова Н.А.

Государственное научное учреждение «Институт философии
Национальной академии наук Беларуси», Минск

Статья посвящена обзору используемых в настоящее время методологических подходов к формированию составных индексов и индикаторов, с помощью которых консолидируется объем информации о различных объектах и процессах, а также проблемам, возникающим при применении данных индексов и индикаторов.

Цель исследования – выявить методологические проблемы, которые влияют на точность и сопоставимость индексов и индикаторов.

Материал и методы. В статье были использованы международные базы данных Всемирного банка, Программы развития ООН и Всемирного экономического форума, официальные методические рекомендации и отчеты, связанные с разработкой индексов. Методологический подход включал сравнительный и контент-анализ, которые позволили оценить различия в подходах к формированию индексов, а также выявить общие и уникальные характеристики ключевых индикаторов.

Результаты и их обсуждение. В публикации рассматриваются вопросы определения «составных», «синтетических» или «компонитных» индикаторов и индексов, проблема «веса» (значимости) составных показателей, вопросы агрегирования и надежности компонентных индикаторов, а также их ранжирование и риски.

Заключение. Формирование системы международных индексов и индикаторов сталкивается со следующими проблемами: во-первых, проблема согласованности и унификации показателей; во-вторых, доступность и качество данных; в-третьих, проблема выбора конкретных индикаторов, которые должны входить в состав того или иного индекса; в-четвертых, вопросы весомости и агрегирования данных; в-пятых, проблема политической нейтральности и независимости; в-шестых, проблема динамической изменчивости и адаптивности индексов. Адаптация показателей требует создания гибкой методологической базы, способной учитывать новые вызовы и факторы, что является еще одной значительной методологической проблемой.

Ключевые слова: международные индексы, индикаторы, агрегирование данных, компонентные индексы и индикаторы, взвешивание показателей, проблемы сопоставимости.

(Ученые записки. – 2024. – Том 40. – С. 86–92)

Methodological Issues in the Formation of the System of International Indices and Indicators

Kutuzova N.A.

State Scientific Establishment "Institute of Philosophy of the National Academy
of Science of Belarus", Minsk

The article provides an overview of current methodological approaches used to develop composite indices and indicators that consolidate information on various objects and processes, along with the issues that arise when applying these indices and indicators.

The research objective is to identify methodological issues affecting the accuracy and comparability of indices and indicators.

Materials and methods. The article uses international databases from the World Bank, the United Nations Development Programme, and the World Economic Forum. The analysis of methodological approaches included reviewing official methodological guidelines and reports related to the development of indices. The methodological approach involved comparative and content analysis, which enabled an evaluation of differences in approaches to index formation and an identification of the common and unique characteristics of key indicators.

Findings and their discussion. The article addresses issues related to the definition of "composite", "synthetic", indicators and indices, the "weight" (significance) of composite indicators, aggregation and reliability issues, as well as ranking and associated risks.

Адрес для корреспонденции: **e-mail: adelnadi@yandex.ru** – Н.А. Кутузова

Conclusion. *The formation of a system of international indices and indicators faces the following challenges: first, issues of consistency and standardization of indicators; second, data availability and quality; third, the challenge of selecting specific indicators to include in each index; fourth, questions of data weighting and aggregation; fifth, the issue of political neutrality and independence; and sixth, the problem of dynamic variability and adaptability of indices. Adapting indicators requires creating a flexible methodological framework capable of addressing new challenges and factors, which constitutes another significant methodological issue.*

Key words: *international indices, indicators, data aggregation, composite indices and indicators, indicator weighting, comparability issues.*

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 40. – P. 86–92)

В последнее время композитные индикаторы приобрели популярность в самых разных областях, в особенности в практике международных организаций. С XIX века страны начали систематизировать данные о населении, доходах, уровне занятости, что позволило создать основу для первых международных статистических исследований. Один из значительных шагов в истории международных индексов был сделан в 1930-х годах, когда экономист Саймон Кузнец разработал показатель валового национального продукта (ВНП), впоследствии трансформировавшийся в ВВП (валовой внутренний продукт). ВВП стал основным показателем экономического развития, позволяя оценивать общий уровень производства в стране. Этот индекс явился ключевым для сравнения экономик различных стран и в последующие десятилетия стал общепринятым индикатором уровня развития, однако он не отражал социальные и экологические аспекты. В 1990 году Программа развития ООН (UNDP) предложила Индекс человеческого развития (ИЧР), включающий показатели продолжительности жизни, уровня образования и дохода на душу населения. ИЧР стал важным инструментом для оценки не только экономического, но и социального благополучия, сместив акцент на более комплексные критерии. Впоследствии были созданы и другие индексы, такие как Индекс гендерного неравенства, Индекс бедности, которые давали более детальное представление о неравенстве и других социальных аспектах.

Вторая половина XX века привнесла новый взгляд на экономическое развитие в контексте устойчивости и защиты окружающей среды. В 1970-е годы, с ростом экологических вызовов, таких как загрязнение воздуха и изменение климата, мировое сообщество осознало необходимость новых индексов, отражающих экологические параметры. В 1990-х годах был создан Индекс экологической устойчивости, в который вошли показатели, такие как биоразнообразие, использование природных ресурсов и выбросы углекислого газа. Впоследствии был введен и Индекс экологических показателей (EPI), который позволяет оценивать усилия стран по охране окружающей среды. В XXI веке все больше внимания стало уделяться субъективным показателям, таким как удовлетворенность жизнью и счастье. В 2012 году ООН представила первый Всемирный доклад о счастье, а в 2013 году был создан Всемирный индекс счастья.

Эти индексы включают не только экономические и социальные данные, но и психологические аспекты: уровень стресса, степень поддержки со стороны сообщества и чувство личной безопасности. Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, принятая ООН в 2015 году, определила 17 Целей устойчивого развития (ЦУР), каждая из которых имеет свои индикаторы. ЦУР охватывают такие аспекты, как искоренение бедности, защита климата, равенство и устойчивое экономическое развитие. Индексы устойчивого развития стали важными инструментами для измерения прогресса по каждой из целей и играют ключевую роль в обеспечении глобального мониторинга устойчивого развития. История международных индексов и индикаторов – это развитие комплексной системы измерений, которая прошла путь от экономических показателей к социальным и экологическим индикаторам, а затем к более сложным критериям, таким как счастье и устойчивое развитие. Эти индексы стали неотъемлемым инструментом для анализа мировых тенденций и содействуют глобальному сотрудничеству, предоставляя данные для мониторингов, оценки, сравнения и принятия решений. Однако создание и использование системы международных индексов сопровождается рядом методологических проблем, которые необходимо учитывать для обеспечения точности и объективности данных. Представленная статья посвящена обзору используемых в настоящее время методологических подходов к формированию составных индексов и индикаторов, с помощью которых консолидируется объем информации о различных объектах и процессах, а также проблемам, возникающим при использовании данных индексов и индикаторов.

Материал и методы. В публикации были использованы международные базы данных Всемирного банка, Программы развития ООН и Всемирного экономического форума, официальные методические рекомендации и отчеты, связанные с разработкой индексов. Методологический подход включал сравнительный и контент-анализ, которые позволили оценить различия в подходах к формированию индексов, а также выявить общие и уникальные характеристики ключевых индикаторов. Статья посвящена выявлению методологических проблем, которые влияют на точность и сопоставимость индексов и индикаторов.

Результаты и их обсуждение. Под индикатором принято понимать отдельный количественный или

качественный показатель, отражающий определенный аспект, характеристику или параметр явления. Индикаторы дают представление об изменениях, происходящих в данной области, и применяются для измерения конкретных факторов, в том числе уровня безработицы, темпов инфляции, уровня образования и пр. Индикаторы часто используются как базовые элементы для построения более сложных систем анализа данных. Индекс – это агрегированный, составной показатель, полученный путем объединения нескольких индикаторов для более комплексной оценки явления. Индексы позволяют интегрировать разнородные показатели в одно значение, давая более целостное представление о комплексном процессе. Индексы часто применяются для сравнения различных стран, регионов или временных периодов. Например, Индекс человеческого развития (ИЧР) объединяет индикаторы уровня жизни, продолжительности жизни и образования, Индекс потребительских цен рассчитывается на основе изменения цен на корзину товаров и услуг и показывает уровень инфляции, Индекс счастья может включать такие индикаторы, как уровень доходов, удовлетворенность жизнью, здоровье и социальная поддержка. Индикатор – это единичный показатель, тогда как индекс – это агрегированный показатель, объединяющий несколько индикаторов. Индикаторы показывают состояние отдельного параметра, а индексы дают целостную оценку или тенденцию, объединяя разнородные данные. Индикаторы применяются для мониторинга конкретных аспектов явления, в то время как индексы используются для комплексного анализа и сравнительного изучения.

Исследовательская литература предлагает широкий спектр определений «составных», «синтетических» или «композиционных» индексов и индикаторов. В практике Европейской комиссии [1, р. 5] составные индикаторы основаны на субиндикаторах, которые не имеют общей значимой единицы измерения и очевидных способов определения веса (значимости) этих подпоказателей. Фройденберг [2, р. 5] определяет составные индикаторы как «синтетические индексы нескольких отдельных индикаторов». Определение, данное в справочнике Организации экономического сотрудничества и развития (далее ОЭСР) по построению составных показателей [3, р. 8], состоит в том, что составной показатель формируется, когда отдельные показатели объединяются в единый индекс на основе базовой модели многомерного понятия, которое измеряется. По сути, составной индикатор может отражать сложную систему, состоящую из множества компонентов, что облегчает ее понимание, а не сведение ее к отдельным частям. Европейская экономическая комиссия в аналитической записке «Углубленный анализ опережающих, композитных и психологических индикаторов» (2014 г.) представила обзор страновых подходов относительно использования индикаторов.

Составные индикаторы и индексы завоевали популярность во всех областях исследований: от соци-

альных наук до управления и изучения окружающей среды, их количество постоянно растет. Например, Bandura выделяет более 400 официальных составных индексов, которые ранжируют или оценивают страну в соответствии с экономическими, политическими, социальными или экологическими показателями (Bandura, R. Composite indicators and rankings: Inventory 2011. Technical report, Office of Development Studies, United Nations Development Programme (UNDP), New York, 2011). В дополнительном отчете Программы развития ООН Янг документирует более 100 составных индикаторов человеческого прогресса (Yang, L. An inventory of composite measures of human progress, Technical report, United Nations Development Programme Human Development Report Office, 2014). Довольно часто используются циклические или краткосрочные композитные (составные) индикаторы. Композитные индикаторы классифицируют как опережающие, синхронные и запаздывающие.

В исследовательской литературе сложились два подхода: первый поддерживает построение синтетических индексов для описания общего сложного явления, второй утверждает, что конечный продукт статистически бессмыслен. Например Индекс человеческого развития (ИЧР) с момента своего создания подвергся серьезной критике из-за произвольности его методологической основы, об этом говорится в исследовании Ray, A.K. Measurement of social development: An international comparison (Social Indicators Research, 2008 – 86(1), Р. 1–46). Однако на сегодняшний день это самый известный составной индекс.

Процесс построения составного индекса включает много этапов, каждый из которых может быть подвергнут критике. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) определяет процесс из десяти шагов [4]. Его цель состоит в том, чтобы установить общее руководство в качестве основы для разработки индексов и их надежность. Контрольный список шагов помогает разработчику достичь согласованности составного индекса, однако не является страховкой от методологических недостатков.

Существует несколько обзоров применения составных показателей в области устойчивого развития [5], окружающей среды [6], инноваций [7]. Концепция составных показателей носит междисциплинарный характер и применяется практически во всех областях исследований.

Значение «взвешивания» при построении сводных показателей очень важно [8, р. 22, 31–33]. «Вес» можно рассматривать как своего рода коэффициент, который присваивается критерию, демонстрируя его важность по сравнению с остальными критериями. Разработчик индекса должен выбрать систему взвешивания, которая лучше всего соответствует цели построения [8, р. 22]. Наиболее простой системой «взвешивания» является «взвешивание на основе атрибутов» [9, р. 686–688], в которой общий балл (индекс) может быть просто средним арифметическим

показателей. Второй вариант заключается в том, что составной индекс равен сумме индивидуальных рейтингов, которые каждая единица получает по каждому из подпоказателей.

При построении системы индикаторов устойчивого развития обычно выделяются экономические, экологические, социальные, институциональные подсистемы показателей. Предполагается построение агрегированного индикатора, на основе которого можно судить о степени устойчивости социально-экономического развития. Наиболее распространенными являются следующие системы: во-первых, «тема/проблема – индикатор», когда определенной теме (проблеме) соответствует свой индикатор, в этой системе чаще всего выделяют экономические, социальные и экологические индикаторы; во-вторых, «цели–задачи–индикаторы», в которой цели и задачи могут быть качественными ориентирами, а индикаторы имеют количественное выражение, например Цели развития тысячелетия ООН; в-третьих, система ключевых/базовых индикаторов, которая применяется преимущественно для того, чтобы отразить специфику страны или региона; в-четвертых, система «тема–подтема–индикатор», которая была разработана Комиссией по устойчивому развитию ООН и поддерживается Комиссией по статистике ООН. 230 индикаторов данной системы организованы по степени доступности данных и согласованности методологии сбора данных следующим образом: уровень 1 – существует методология, согласованная на международном уровне, данные широко доступны; уровень 2 – существует методология, согласованная на международном уровне, данные доступны для некоторых стран; уровень 3 – методология, согласованная на международном уровне, отсутствует, данных нет. К тому же используется дифференциация структуры индикаторов на показатели «давление – состояние – реакция», чаще применяется Комиссией по устойчивому развитию ООН и Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР); а также система экологических индикаторов ОЭСР, разработанная на основе структуры «давление – состояние – реакция», ее модификации используется Всемирным Банком.

Когда схема взвешивания выбирается разработчиком индекса, это означает, что она воспринимается как «субъективная», поскольку опирается исключительно на восприятие разработчика. Заинтересованными сторонами могут быть эксперты-аналитики, политики. Теоретически идеальным подходом может быть объединение всех их в открытом обсуждении. Однако если цель включает в себя международное сравнение, достижение общих позиций становится еще труднее или могут быть просто получены «несовместимые результаты», что демонстрирует Комиссия по статистике ООН при согласовании методологии сбора данных по индикаторам ЦУР. Кроме того цели стран могут отличаться, что влияет на обязательство по достижению ЦУР [4].

Анализ главных компонентов и факторный анализ являются статистическими подходами, основанными на редукционизме. Такой подход часто применяется при определении коэффициентов благосостояния и бедности, физического показателя качества жизни, официальных показателей, предоставляемых крупными организациями (например, Индекс внутреннего рынка, Индикатор науки и техники, Индикатор делового климата, Индекс деградации окружающей среды и пр.). Вышеназванные индикаторы и индексы необходимо рассматривать в контексте развития конкретных стран. Многие исследователи указывают на проблемность этих показателей: они анализируются как выходные данные, при этом входные данные не учитываются, об этом например, пишет Yang, F.-C. A common weight approach to construct composite indicators: The evaluation of fourteen emerging markets. (Yang, F.-C., Kao, R.-H., Chen, Y.-T., Ho, Y.-F., Cho, C.-C., & Huang, S.-W. // Social Indicators Research, 2017). У разных стран разные цели в разных областях, каждый тратит свои ресурсы в соответствии с выбранными целями. Однако при сравнении необходимо соблюдать требование «нейтральности», которое означает, что «все альтернативы (например, страны) должны рассматриваться одинаково» [8, р. 105], например, все сравниваемые страны рассматриваются по 10-балльной шкале и точкой отсчета является единица. При долгосрочной оценке происходит суммирование индексов или выявляется средний арифметический показатель, что еще более запутывает понимание оцениваемого явления.

«Взвешивание» показателей приводит к последнему этапу формирования составного индекса – «агрегации». Согласно справочнику ОЭСР по построению сводных индексов методы агрегирования можно разделить на три отличительные категории: линейные, геометрические и многокритериальные [8, р. 31]. Линейный наиболее часто используется в составных показателях, он предполагает «предпочтительную независимость» индикаторов [8, р. 103], что концептуально считается очень сильным допущением. Индикаторы ЦУР рассматриваются в комплексе и определяется место (рейтинг) страны в каждой ЦУР, что выглядит довольно условным, так как линейное агрегирование основано на компромиссе между мелкими показателями. Геометрическое агрегирование более привлекательное для сравнительного анализа, примером использования является Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). Также применяется некомпенсационный многокритериальный подход, суть которого заключается в ранжировании оцениваемых единиц, уровень имеющейся информации заменяется порядковой шкалой.

Индекс Мацциотта – Парето – это составной индекс, используемый для сравнения и оценки социально-экономических показателей в разных странах или регионах, который был предложен итальянскими экономистами Э. Мацциоттой и А. Парето как

решение для анализа данных, когда требуются агрегированные показатели, минимально искаженные отдельными аномалиями в исходных данных. Этот индекс широко применяется в экономике, социологии, политике и других областях, где необходимо получить интегральные оценки развития по нескольким параметрам. Индекс направлен на создание многоаспектного показателя, обобщающего информацию, упрощение анализа данных и понимание сложных событий. Расчет индекса Мацциотта – Парето производится следующим образом: стандартизация значений, которая состоит в преобразовании всех показателей для приведения их к одному диапазону; расчет агрегации с помощью арифметического и геометрического среднего показателей, которые позволяют сбалансировать индикаторы так, чтобы минимизировать влияние аномальных значений; определение итогового индекса, которое может быть получено путем взвешенного среднего или комбинации средних значений. Индекс Мацциотта – Парето применяется для оценки достижения целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия. Более новый вариант индекса позволяет проводить «абсолютную оценку» единиц с течением времени [10, р. 989]. Для этого применяется метод нормализации с модифицированного показателя на масштабирование исходных переменных в соответствии с целями политики и с учетом временных изменений.

При сборе данных для составных индикаторов необходимо соблюдать последовательность шагов. При нарушении последовательности или субъективности в выборе данных есть риск получить неверные выводы. Об этом риске в исследовательской литературе написано довольно много, в особенности о рисках индикативирования политики, например в работе Saltelli, A. Composite indicators between analysis and advocacy (Social Indicators Research, 2007 – 81(1), P. 65–77). Один из примеров такого случая описан группой авторов Billaut J.C., Bouyssou D., Vincke P. в статье «Should you believe in the Shanghai Ranking?». Авторы исследуют «Шанхайский рейтинг», составной индекс, используемый для ранжирования 500 лучших университетов мира. Они утверждают, что, несмотря на огромную критику, которую этот индекс получает в литературе относительно его теоретической и методологической основы, индекс вызывает интерес в академическом и политическом сообществах, политика находится под сильным влиянием этого индекса. Однако, если при построении индекса полностью игнорируются методы агрегирования, это «искажает» всю цель оценки и в конечном итоге показывает искаженную картину реальности [11, р. 260]. Неправильно указанный совокупный показатель может радикально изменить результаты, и делать выводы из него в политической практике нецелесообразно. Совокупные показатели должны быть проверены на их надежность в целом, это будет действовать как инструмент «гарантии качества», который показывает,

насколько чувствителен индекс к изменениям в шагах, предпринятых для его построения. Несмотря на свою важность, анализ надежности составных индексов часто не производится.

Анализ устойчивости обычно выполняется с помощью «анализа неопределенности», «анализа чувствительности» или их «синергетического использования» [12, р. 308]. Анализ неопределенности применяется к изменениям, которые наблюдаются в конечном результате из-за потенциально другого выбора, сделанного на «входных данных» (а именно, на этапах построения составного индекса). Анализ чувствительности измеряет, насколько дисперсия общего результата связана с этими неопределенностями. Зачастую эти два параметра рассматриваются отдельно. Для того чтобы понять, насколько схема «взвешивания» влияет на итоговые рейтинги, надо выяснить, какова схема агрегирования, которая оказывает большее влияние на конечный результат. Ответы на эти вопросы решаются с помощью анализа чувствительности. Первым шагом в анализе неопределенности является выбор входных факторов, которые будут тестироваться, в особенности источники неопределенности. Фиксируются и соответствующим образом контролируются следующие данные: общее значение индекса; разница в значениях составного индекса между двумя интересующими единицами (например, странами или регионами); средний сдвиг (шаг) в ранге каждой единицы. Для каждого тестируемого входного фактора вычисляется индекс чувствительности.

Индикаторы используются для оценки прогресса в развитии экономики, основывающейся на знаниях. Так например, Еврокомиссия использует композитные индикаторы, один из которых агрегирует различные формы инвестиций в экономику; а другой агрегирует показатели результативности экономики, основанной на знаниях. Они были разработаны с участием Евростата и Объединенного исследовательского центра при содействии исследователей. Кроме того, с 2004 года Европейская комиссия осуществляет мониторинг условий деятельности электронного бизнеса в ЕС при помощи такого годового индекса, как «готовность к электронному бизнесу».

Национальные статистические управления (НСУ) обычно занимаются разработкой статистических данных, которые могут использоваться для выявления признаков будущих изменений, например в сферах торговли, строительства, производства, занятости, ВВП, импорта и экспорта и др. Многие показатели могут включать в себя опережающий компонент. Показатели, которые направлены на прогнозирование изменений, обсуждаются в качестве опережающих индикаторов, хотя и могут рассчитываться на основе методики разработки композитных опережающих индикаторов. Можно определить четыре основных вида опережающих индикаторов, рассчитываемых НСУ:

- индикаторы, отражающие будущую общую экономическую активность;

– индикаторы для мониторинга деловой конъюнктуры, которые могут отражать возможности будущего экономического роста;

– индикаторы, основывающиеся на переменных, которые позволяют прогнозировать будущую экономическую активность, например таких как объем инвестиций и количество вакантных рабочих мест;

– индикаторы, отражающие ранние признаки изменений в благосостоянии.

НСУ рассчитывает опережающие индикаторы, призванные описывать будущие изменения в общей экономической активности или поворотные точки.

В исследовательской литературе фигурирует подход, с помощью которого можно оценить надежность составных индексов или которые могут просто обеспечить более надежное ранжирование. Согласно этому подходу несколько единиц могут ранжироваться. Для этого предлагается обобщенная версия критерия доминирования Лоренца, которая оставляет за пользователем выбор, насколько «слабой» или «сильной» будет связь доминирования, чтобы ранжирование считалось надежным. Критерий доминирования Лоренца – это полезный инструмент для оценки неравенства в распределении доходов и других благ. Он позволяет сравнивать распределение и выбирать наименее неравномерное, хотя есть случаи неприменимости данного критерия: в случаях, когда кривые Лоренца пересекаются, используются другие показатели, такие как коэффициент Джини, которые помогают дополнить анализ. Три хорошо известных составных индекса, а именно ИЧР, Индекс экономической свободы и Индекс экологической эффективности, а также Индекс цитирования построены на ранжировании.

Необходимо учитывать, что ЦУР – совокупность понятий, которые не имеют однозначной интерпретации. Кроме того, редуктивный характер индикаторов ориентирован на систематизацию сложных явлений. Например, показатели ЦУР представляют собой ограниченное понимание бедности, которое противоречит национальному пониманию многих стран. Индикаторы ЦУР являются выражением политических приоритетов ЦУР.

В настоящее время наиболее активным критиком международных составных индексов является Китай, который упрекает международные институты в предвзятости и идеологизации рейтингов. Китайские эксперты продвигают собственные системы показателей по международным вопросам. Так например, «Индекс глобального управления» (SPIGG), являющийся важной системой индикаторов в исследованиях международных отношений Китая, используется уже более 10 лет, включает 4 концептуальных индикатора (механизм, эффективность, принятие решений, ответственность) и 24 индикатора измерения и оценивает участие 189 стран в глобальном управлении в форме годовых отчетов и специальных отчетов. Показатели индекса включают «количество новых международных соглашений», но также выде-

ляют сокращение бедности и вклад экономического развития в мировую экономику. Индексная система SPIGG полностью составлена из объективных данных, но опирается на экспертную оценку весового соотношения каждого показателя. «Индекс глобального управления» подчеркивает роль Китая в системе международных отношений.

Еще один новый индекс, предложенный Китаем, это «Глобальный индекс развития цифровой экономики» (TIMG), который имеет характеристики длительного временного интервала и широкого круга стран, что способствует сравнительному анализу. Этот индекс отличается от метода выбора показателей в европейских системах оценки. В китайском индексе используются более агрегированные показатели, отражающие эффект масштаба и сетевые эффекты, а также технические и институциональные показатели, тесно связанные с цифровой экономикой. Система индикаторов индекса TIMG состоит из 4 индикаторов первого уровня, 12 индикаторов второго уровня и 24 индикаторов третьего уровня. В частности, индикаторы первого уровня включают четыре измерения: цифровые технологии, цифровую инфраструктуру, цифровой рынок и цифровое управление. В рамках показателя цифровых технологий первого уровня имеются второстепенные показатели, такие как результаты НИОКР, человеческий капитал и уровень инноваций, в рамках показателя первого уровня цифровой инфраструктуры находятся вторичные показатели, включая инклюзивность, удобство и безопасность; индикатор первого уровня цифрового рынка. Вторичными индикаторами являются цифровое правительство, экономическая и социальная среда, политическая и правовая среда. Объем измерения индекса TIMG охватывает 106 крупнейших мировых экономик с 2013 года. Учитывая, что исходные данные имеют такие проблемы, как большие различия в значении разных показателей, разных единицах измерения и несравнимости между показателями, индекс TIMG решает эту проблему путем объединения исходных данных в одно измерение с помощью методов стандартизации, метод равного веса используется для определения веса показателей на всех уровнях. Выводы TIMG подчеркивают преимущества Китая на цифровом рынке и цифровой инфраструктуре, а также преимущества стран, участвующих в инициативе «Один пояс, один путь».

Заключение. Таким образом формирование системы международных индексов и индикаторов сталкивается со следующими проблемами: во-первых, проблема согласованности и унификации показателей. Поскольку статистические и исследовательские методы, а также нормы и стандарты отчетности в разных странах отличаются, возникает сложность в достижении сопоставимости данных. Например, уровень бедности или индексы счастья могут измеряться на основе различных критериев, что затрудняет объективное сравнение между странами.

Во-вторых, доступность и качество данных. Для формирования надежных индексов необходимы достоверные и регулярно обновляемые данные, однако не все страны имеют возможность предоставлять их на высоком уровне детализации, что может быть связано с ограниченными ресурсами для проведения исследований или с недостаточной прозрачностью данных. В результате оценки могут оказаться неполными или искаженными, что снижает общую объективность международных рейтингов и индексов.

В-третьих, проблема выбора конкретных индикаторов, которые должны входить в состав того или иного индекса. Решение о том, какие именно факторы учитывать (например, при расчете индекса устойчивого развития или индекса счастья), часто носит субъективный характер и может варьироваться в зависимости от целей исследования и предпочтений исследователей. Этот фактор особенно важен, так как каждый отдельный индикатор может существенно повлиять на итоговую оценку и рейтинг страны.

В-четвертых, вопросы весов и агрегирования: процесс расчета индексов включает выбор системы весов для отдельных индикаторов. Вес каждого компонента может изменять значимость отдельных показателей и тем самым влиять на конечный результат. Например, в Индексе человеческого развития вопросы здоровья, образования и дохода играют ключевую роль, но вес каждого из этих факторов определяется экспертами и может быть воспринят неоднозначно.

В-пятых, проблема политической нейтральности и независимости. Международные индексы и рейтинги нередко становятся инструментом политического давления, что приводит к проблемам с их объективностью и независимостью. Поскольку такие рейтинги, как правило, составляются на основе оценок международных организаций или неправительственных организаций, существует риск, что определенные интересы могут влиять на составление рейтингов и индексов.

В-шестых, проблема динамической изменчивости и адаптивности индексов. Со временем индексы и индикаторы должны меняться, адаптируясь к новым социальным, экономическим и экологическим вызовам. Например, индексы устойчивого развития стали включать новые факторы, связанные с экологическими рисками, такими как изменение климата. Адаптация данных показателей требует создания гибкой методологической базы, способной учитывать новые вызовы и факторы, что является еще одной значительной методологической проблемой.

Литература

1. Saisana, M. State-of-the-art report on current methodologies and practices for composite indicator development / M. Saisana, S. Tarantola // European Commission, Joint Research Centre, Institute for the Protection and the Security of the Citizen, Technological and Economic Risk Management Unit, Ispra. – 2002. – 73 p.
2. Freudenberg, M. Composite indicators of country performance: A critical assessment. OECD Science, Technology and Industry Working Papers / M. Freudenberg. – Paris: OECD Publishing, 2003. – 34 p.
3. Nardo, M. Handbook on constructing composite indicators / M. Nardo, M. Saisana, A. Saltelli [et al.] – Paris: OECD Publishing, 2005. – 109 p.
4. Booyesen, F. An overview and evaluation of composite indices of development / F. Booyesen // Social Indicators Research. – 2002. – Vol. 59, № 2. – P. 115–151.
5. Bohringer, C. Measuring the immeasurable. A survey of sustainability indices / C. Bohringer, P.E. Jochem // Ecological Economics. – 2007. – Vol. 63, № 1. – P. 1–8; Singh, R.K. An overview of sustainability assessment methodologies / R.K. Singh, H. Murty, S. Gupta [et al.] // Ecological Indicators. – 2009. – Vol. 9, № 2 – P. 189–212; Huang, L. Defining and measuring urban sustainability: A review of indicators / L. Huang, J. Wu, L. Yan // Landscape Ecology. – 2015. – Vol. 30, № 7. – P. 1175–1193.
6. Juwana, I. Indicator-based water sustainability assessment – A review / I. Juwana, N. Muttill, B.J.C. Perera // Science of the Total Environment. – 2012. – Vol. 438, № 1. – P. 357–371.
7. Grupp, H. Indicators for national science and technology policy: How robust are composite indicators? / H. Grupp, M.E. Mogee // Research Policy. – 2004. – Vol. 33, № 9. – P. 1373–1384; Grupp, H. Review and new evidence on composite innovation indicators for evaluating national performance / H. Grupp, T. Schubert // Research Policy. – 2010. – Vol. 39, № 1. – P. 67–78.
8. OECD. Handbook on constructing composite indicators: Methodology and user guide. – Paris: OECD Publishing, 2008. – 162 p.
9. Slottje, D.J. Measuring the quality of life across countries / D.J. Slottje // Review of Economics and Statistics. – 1991. – Vol. 73, № 4. – P. 684–693.
10. Mazziotta, M. On a generalized non-compensatory composite index for measuring socio-economic phenomena / M. Mazziotta, A. Pareto // Social Indicators Research. – 2016. – Vol. 127, № 3. – P. 983–1003.
11. Billaut, J.C. Should you believe in the Shanghai Ranking? / J.C. Billaut, D. Bouyssou, P. Vincke // Scientometrics. – 2010. – Vol. 84, № 1. – P. 237–263.
12. Saisana, M. Uncertainty and sensitivity analysis techniques as tools for the quality assessment of composite indicators / M. Saisana, A. Saltelli, S. Tarantola // Journal of the Royal Statistical Society. Series A: Statistics in Society. – 2005. – Vol. 168, № 2. – P. 307–323.

Поступила в редакция 13.11.2024

Основные теоретические модели глобальной безопасности: социально-философский анализ

Давлятова Е.В.

Государственное научное учреждение «Институт философии
Национальной академии наук Беларуси», Минск

Радикальные изменения последних десятилетий формируют новую модель социально-экономического развития общества. Процесс этих изменений сопряжен с возрастающими рисками и обострением глобальных проблем современной цивилизации. В этой ситуации особенно актуальным становится поиск механизмов и способов преодоления кризисных явлений в развитии общества в условиях турбулентности.

Цель статьи – проанализировать основные концепции системы глобальной безопасности на современном этапе развития общества.

Материал и методы. Современные научные концепции безопасности, выдвинутые и разработанные различными исследователями, являются материалом данной работы. Использованы общеметодологические и общенаучные методы познания социальной действительности (анализ, синтез, абстрагирование).

Результаты и их обсуждение. Рассматриваются основные теоретические доктрины системы международных отношений современной эпохи: концепция однополярного мира, в основе которого лежит доминирование одной державы, действующей на началах безусловной гегемонии, в частности США, модель биполярности, основанная на противостоянии двух сверхдержав, концепция многополярного миропорядка, в основе которого предполагается наличие нескольких центров власти и баланса сил, модель «Концерт держав», предполагающая коллективное руководство глобальными процессами современного мира. Анализируются причины несостоятельности попытки создания системы однополярного мира.

Заключение. В настоящее время ни одна из рассмотренных моделей глобальной безопасности не может обеспечить стабильность и устойчивость международных отношений в глобальном масштабе. Назрела необходимость в разработке такой системы глобальной безопасности, которая смогла бы удовлетворить интересы большинства субъектов международных отношений, основываться на базе общепризнанных норм и правил коллективной безопасности, учитывать тенденции глобального развития в новых условиях. Безопасность общества является комплексной проблемой, требующей научного осмысления и коллективного поиска ее решения со стороны государств, научно-исследовательских центров и общественных институтов.

Ключевые слова: глобальная безопасность, однополярная модель системы безопасности, биполярность, международные отношения, многополярная модель системы безопасности, модель «Концерт держав».

(Ученые записки. – 2024. – Том 40. – С. 93–97)

Basic Theoretical Models of Global Security: a Social and Philosophical Analysis

Davlatova E.V.

State Scientific Establishment "Institute of Philosophy of the National Academy
of Science of Belarus", Minsk

Radical changes of the last decades form a new model of the social and economic development of society. The process of these changes is associated with increasing risks and aggravation of global problems of modern civilization. In this situation, the search for mechanisms and ways to overcome crisis phenomena in the development of society in conditions of turbulence becomes especially relevant.

The purpose of the article is to analyze the basic concepts of the global security system at the current stage of the development of society.

Material and methods. General methodological and general scientific methods of understanding social reality (analysis, synthesis, abstraction) were used. The material of the work is modern scientific concepts of security put forward and developed by various researchers.

Findings and their discussion. The article examines the main theoretical doctrines of the international relations system of the modern era: the concept of a unipolar world based on the dominance of one power acting on the principles of unconditional hegemony,

in particular the United States, the bipolarity model based on the confrontation of two superpowers, the concept of a multipolar world order based on the existence of several centers of power and balance of power, the Concert of Powers model, which assumes collective leadership of global processes in the modern world. The reasons for the failure of the attempt to create a unipolar world system are analyzed.

Conclusion. *At present, none of the considered models of global security can ensure stability and sustainability of international relations on a global scale. There is a pressing need to develop a system of global security that could satisfy the interests of the majority of subjects of international relations, be based on the generally recognized norms and rules of collective security, and take into account the trends of global development in new conditions. The security of society is a complex problem that requires scientific understanding and a collective search for its solution by states, research centers and public institutions.*

Key words: *global security, unipolar security system model, bipolarity, international relations, multipolar security system model, the Concert of Powers model.*

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 40. – P. 93–97)

Актуальность социально-философского анализа моделей системы глобальной безопасности очевидна. Динамика общественных изменений, непредсказуемость, порой хаотичность и неопределенность некоторых социальных процессов, происходящих в социуме, способна дестабилизировать международную обстановку, создать угрозу национальной безопасности, а в глобальных масштабах и всему человечеству. В статье анализируются основные модели создания системы глобальной безопасности на современном этапе развития общества.

Материал и методы. Современные научные концепции безопасности, выдвинутые и разработанные различными исследователями, являются материалом данной работы. Используются общеметодологические и общенаучные методы познания социальной действительности (анализ, синтез, абстрагирование).

Результаты и их обсуждение. В теории глобальной безопасности принято выделять модели, конкурирующие между собой, в зависимости от количества субъектов системы безопасности. Для более детальной характеристики подходов к данной проблеме рассмотрим модели безопасности, предлагаемые современными экспертами в научном дискурсе.

1. Однополярная система безопасности. Принято считать, что данная модель сформировалась после распада Советского Союза, краха биполярной системы (СССР – США), подписания Декларации о завершении холодной войны президентом США Дж. Бушем-старшим и президентом Российской Федерации Б. Ельциным 1 февраля 1992 года. «Ее основа – моноцентричная система под управлением одной державы (США), действующей на началах безусловной гегемонии и ничем не ограниченного унитаризма (внешней политики, не принимающей во внимание интересы других участников международных отношений)» [1, с. 56].

Термин «однополярный мир» принадлежит американскому аналитику и журналисту Ч. Краутхаммеру, который стал его использовать с 1990 года, так характеризуя новую расстановку сил в системе глобальной безопасности. «О “новом мировом порядке” в Вашингтоне стали говорить уже с конца 80-х гг. прошлого века по мере саморазоблачения горбачёвской перестройки. С подачи американских исследователей

и общественных деятелей (Ч. Краутхаммер) за миром после окончания холодной войны прочно закрепилось понятие “однополярный”. Это означало порядок, построенный на единовластии одной сверхдержавы, о каком-либо равновесии сил можно было смело забыть» [2, с. 28]. В своих статьях «Униполярный момент» и «Снова однополярный момент» Ч. Краутхаммер подробно описывает победу однополярного мира над биполярным, где доминирующее положение в военно-политической, экономической, технологической, дипломатической и культурной сферах принадлежит США и их западным союзникам [3; 4]. Общеизвестными сторонниками этой модели безопасности являются М. Бекли, Н. Монтейро, Р. Джервис, Дж. Маккейн, У. Уолфорт.

Р. Джервис в книге «Системные эффекты. Комплексность в политической и социальной жизни», исследуя структуру однополюсной системы, пришел к выводу, что однополярность в современном мире – это факт, который следует принять как должное [5], Н. Монтейро считает монополярность политической реальностью современного мира, отдает право первенства в этом США и предполагает возможность дальнейшего существования этой системы [6].

Об американской гегемонии после окончания холодной войны высказываются и другие исследователи. Американский политолог Джозеф Най в своей работе «Обязанность лидировать: Меняющаяся природа американской власти» утверждает, что США являются ведущей мировой державой в области ВВП, информационных технологий, военного потенциала и финансовой независимости, и будут ей оставаться в будущем, так как ни одна другая держава пока не может составить им конкуренцию в этих позициях [7]. В то же время, отмечает Д. Най, кроме политики принуждения – «Жесткой силы» (Hard power) в международных отношениях, в последние десятилетия США применяют так называемую политику «Мягкой силы» (Soft power), которая действует через инструменты убеждения и формирование положительного имиджа страны. Принято считать, что именно он ввел в научный оборот этот термин [8]. Более основательно эта концепция представлена в его книге «Мягкая сила. Средства достижения успеха в мировой политике», где подробно

описано, как через политику «Мягкой силы» США формирует привлекательный образ американских ценностей, культуры, образования, образа жизни и создает «свои» правила в международных отношениях, которые в дальнейшем получают распространение по всему миру [9]. Эта концепция стала популярной в мировой политике с 90-х годов прошлого века и продолжает оставаться в центре внимания современного научного сообщества (К. Уайтон, Б. Дж. Маттэн, А. Чонг, А.А. Громыко, М.А. Вахрушева, Е.М. Харитонова и др).

Кроме политики «Жесткой силы» и «Мягкой силы», основным инструментом реализации американской внешней политики на международной арене, позволяющей вмешиваться в политику других государств путем военных интервенций, является Организация Североатлантического договора (НАТО), созданная в 1949 году первоначально как военно-политический союз европейских стран и США, с целью защиты от внешних угроз и вооруженного нападения на страны-участницы договора.

2. Многополярная модель системы безопасности. Эта модель в последнее время привлекает к себе большое внимание со стороны мирового научного сообщества и является альтернативой биполярной и однополярной моделям. В научной литературе эту модель часто называют многополюсной, полицентричной и центрами силы. Сторонниками многополярной модели являются Д. Благен, Д. Мэтлок, Б. Мартилл, П. Ханна, Б. Поузен, А. Кортун, А. Дугин, А. Фененко, М. Финнемор.

На Западе принято считать, что концепция многополярности стала формироваться в 70-е годы прошлого века после создания Международной комиссии между странами Западной Европы, США и странами Восточной Азии для согласования интересов и целей по социально-экономическим и политическим вопросам этих стран. В дальнейшем эта организация стала называться «Трехсторонней комиссией», объединившей известных экспертов, политиков и бизнесменов стран, входящих в эту организацию.

В 1997 году в Китае был разработан свой вариант концепции многополярности – «доцзихау» Цзян Цзэминя, в основе которой лежал принцип создания «полюсов», функционирующих самостоятельно, без объединения в блоки с другими «полюсами», позволяющий сохранить баланс сил и равноправие субъектов мировой политики в глобализирующемся мире. Это концепция стала продолжением развития «теории трех миров» Мао Дзэдуна, предложенная им в 70-е годы XX века, утверждающая, что в международных отношениях функционируют три политико-экономических блока: 1. США и СССР; 2. Япония, Европа, Канада; 3. Азия, Африка, Латинская Америка [10, с. 58]. Китаю отводилась ведущая роль среди стран, не вошедших в эти блоки, в проведении независимой политики от мировых держав в системе международных отношений.

Многие зарубежные и отечественные эксперты считают, что Китай становится серьезным конкурентом для США и стран Западной Европы. «По некоторым оценкам Китай уже сегодня является крупнейшей экономикой мира. В ближайшие 10–15 лет он займет эту позицию по всем параметрам. Дэн Сяопин советовал “ждать благоприятного момента”, когда экономика страны составляла около 1% мирового ВВП. Сегодня она достигает 15%. Китай действительно дождался благоприятного момента и теперь как сильная держава стремится к более значимой роли в регионе и в мире» [11, с. 178–179].

В середине 90-х годов XX века один из идеологов многополюсной модели мира, советский и российский политический, и государственный деятель, востоковед, политолог, академик РАН, Е.М. Примаков выдвинул модель трехстороннего сотрудничества «Россия – Индия – Китай», полагая, что ее реализация может стать альтернативой однополярного устройства мира [12]. Эту идею поддержал академик РАН С.М. Рогов, отметив, что росту влияния центров силы способствует тот факт, что меняется сама природа силы в международных отношениях. На передний план выдвигаются не военные, а экономические, научно-технические, информационные и культурные составляющие этого феномена. А по этим показателям США в настоящее время уже не всегда являются лидером. Характеризуя современное мироустройство, Е.М. Примаков отмечает: «...реальную картину сегодняшнего мира создает диалектика между складывающейся многополярностью и взаимозависимостью образующихся центров мировой системы. Взаимозависимость этих центров усиливается в результате потребности вовлечения всех мировых полюсов в противодействие новым опасностям и вызовам, в первую очередь распространению ядерного оружия, международному терроризму, региональным конфликтам. Это тоже немаловажная черта современной многополярности, которую нельзя игнорировать» [13, с. 12].

На постепенную потерю лидерства США как гегемона указывает Грэм Эллисон: «Если измерять экономику по паритету покупательной способности, то американская экономика сразу после Второй мировой войны обеспечивала половину мирового ВВП, после окончания холодной войны – уже менее четверти, а сегодня – только одну седьмую. Подобный закат могущества страны, ключевой стратегией которой всегда были огромные ресурсы как ответ на любые вызовы, ставит под сомнение условия ее лидерства» [14].

Вместе с тем на международной арене проявились сильные государства по своему экономическому потенциалу и заявляющие о самостоятельном курсе во внешней политике. «С однополярным миром покончено, равно как и с иллюзией, что другие страны покорно примут место в мировом порядке, отведенное им американцами. Соединённым Штатам придётся принять реальность, в которой существуют сферы влияния, и не все они американские» [15].

Основными центрами экономической, политической и военной мощи в формирующемся многополярном мире выступает Китай, Россия, Индия, ЕС, США, страны глобального Юга.

В то же время существуют и оппоненты этой концепции среди глобалистов и сторонников других моделей глобальной безопасности, которые обращают внимание на неизбежную конкуренцию между странами за сферы влияния, что, несомненно, будет приводить к напряженности и конфликту интересов. «Главная проблема полицентричного мироустройства – как организовать его функционирование, обеспечить эффективность в плане международного управления и институциональной структуры, минимизировать возможные издержки. Ведь полицентризм – отнюдь не синоним гармонии на мировой арене. Со временем придется во все большей мере учитывать, что полицентричная система международных отношений иерархична и борьба за место в ее иерархии будет нарастать во всех сферах – экономической, научно-технологической, культурно-идеологической, военно-политической» [16, с. 75].

3. Модель биполярности сформировалась после окончания Второй мировой войны, когда мир разделился на два противоборствующих лагеря: США и СССР и просуществовала до 90-х годов прошлого века. В последнее время ей уделяется повышенное внимание в научном дискурсе. К. Уолтц утверждает, что при биполярной модели минимизируется неопределенность в международных отношениях в связи с тем, что конфронтация в этой модели резко ограничена. О.А. Арин выдвинул идею о том, что фазы цикла развития международных отношений повторяются, и на смену однополярному миру приходит многополярный, а потом и биполярный [17].

Теории «новой биполярности», где двумя сверхдержавами станут КНР и США, в последнее время придерживаются все большее количество исследователей, что обосновано фактическими достижениями Китая. На сегодняшний день он занимает лидирующие позиции в мире по многим экономическим показателям. Одним из сторонников новой парадигмы является доктор политических наук, кандидат экономических наук, Д.А. Дегтерев. В статье «Многополярность или “новая биполярность”», ссылаясь на представленную доказательную базу, он утверждает, что в настоящее время формируется новая биполярная система США – Китай [18]. Такой же позиции придерживается американский исследователь Джон Грей.

4. Модель «Концерт держав» («Венская система международных отношений» или «Европейский концерт») сформировалась в начале XIX века, после подписания Венским конгрессом Заключительного акта в 1815 году о новой системе отношений между Австрией, Германией, Великобританией, Пруссией и Россией после окончания войны с наполеоновской Францией. Эта модель возникла на основе договоренностей посредством взаимных обязательств

между государствами для поддержания стабильности, предотвращения и урегулирования локальных конфликтов. Данная модель базировалась на согласии и балансе сил между государствами, вошедшими в «Концерт держав», и представляла собой многополярное устройство международных отношений на европейском уровне того периода.

Сторонниками возрождения такой модели современного мироустройства являются известные эксперты в области международных отношений Р. Хаас, Ч. Купчан, международный независимый эксперт Эндрю К.П. Люн, Л.Е. Гринин и др. Вместе с тем между экспертами нет единого мнения по вопросу о составе государств, которые бы стали акторами такой модели международных отношений.

Р. Хаас утверждает, что главной чертой международных отношений в XXI веке будет мир, представленный несколькими «центрами силы», с различной степенью влияния. Он считает, что отличительной особенностью современного мира является усиление роли региональных, глобальных, неправительственных организаций и корпораций в решении международных проблем. В частности, Р. Хаас полагает возможным появление системы «бесполярности» в современном социуме. В связи с этим Р. Хаас и Ч. Купчан предложили концепцию «Нового Глобального концерта держав», фактически повторяющую Венскую концепцию «Концерта держав» [19].

По их мнению, Китай, ЕС, Индия, Япония, Россия и США должны будут стать ее участниками, а четыре ведущие региональные организации: Африканский союз, Лига арабских государств, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Организация американских государств – получат право открыть постоянные представительства при штаб-квартире «Нового Глобального концерта» [19]. Его создание, по мнению Р. Хааса и Ч. Купчана, станет альтернативой нарастанию противоречия в международных отношениях.

Критики данной модели (Р. Саква, Эн-Мэри Слотер, Г. Лафорж) высказывают мнение о том, что она не будет учитывать интересы государств, не вошедших в «Новый концерт держав».

Таким образом, рассмотренные модели и гипотезы глобальной безопасности весьма разнообразны: в них представлены различные аспекты деятельности участников современных международных отношений, но, к сожалению, они пока не могут учесть всю сложность турбулентного состояния современного общества и предложить близкую к универсальности модель глобальной безопасности для всего мирового сообщества. Нынешняя система международных отношений приводит лишь к повышению конфликтности, напряженности и неопределенности в отношениях между различными государствами.

Заключение. Становление современной системы международных отношений из-за стремительно меняющихся условий развития мира, как поддающихся

прогнозу, так и тех, которые невозможно спрогнозировать заранее, носит противоречивый характер. Предлагается множество потенциальных возможностей и вариантов ее развития, порождающие многочисленные дискуссии как в научных кругах, так и среди политиков. Назрела необходимость в разработке такой системы глобальной безопасности, которая бы удовлетворяла интересы большинства субъектов международных отношений, основывалась на базе общепризнанных норм и правил коллективной безопасности, с учетом тенденций глобального развития в новых условиях и снижала уровни внешних и внутренних угроз для государств.

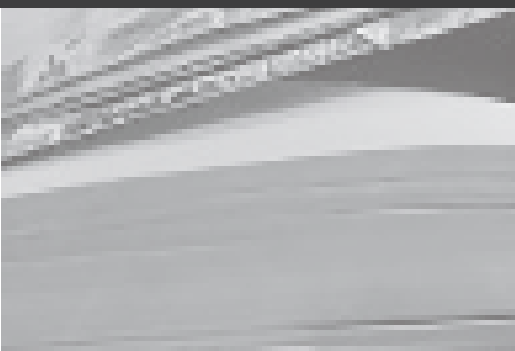
Литература

1. Барановский, В.Г. Международный ландшафт: эпоха перемен / В.Г. Барановский. – М.: Изд-во «Весь мир», 2021. – 720 с.
2. Борисов, А.Ю. Закат единовластия: Америка в мире без гегемона / А.Ю. Борисов // Вестник МГИМО – Университета. – 2018. – № 3(60). – С. 16–47.
3. Charles Krauthammer / Foreign Affairs. – Vol. 70, № 1. – America and the World, 1990–1991. – PP. 23–33.
4. Charles Krauthammer / The Unipolar Moment Revisited // The National Interest. – Winter, 2002–2003. – PP. 5–17.
5. Jervis, R. System Effects: Complexity in Political and Social Life. Princeton / R. Jervis // Princeton University Press, 1997. – 328 p.
6. Nuno, P. Monteiro / Theory of Unipolar Politics / P. Nuno // Cambridge University Press, 2014. – 272 p.
7. Nye, J. Bound to lead: The Changing Nature of American Power / J. Nye. – New York: Basic Books, 1991. – 239 p.
8. Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/c/miagkaia-sila-ad8332> (дата обращения: 14.11.2024).
9. Joseph, S. Nye Jr. / Soft power. The Means to Success in World Politics Public Affairs New York. – URL: https://www.academia.edu/37597511/Soft_Power_The_Means_To_Success_In_World_Politics_Josep_S_Nye (data of access: 15.11.2024).
10. Ахмадеева, Я.М. Теория «трех миров» в контексте современной внешнеполитической концепции КНР / Я.М. Ахмадеева // Научно-технические ведомости СПбПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2018. – Т. 9, № 2. – С. 56–63.
11. Закария Фарид. Новый китайский кошмар / Ф. Закария // Россия в глобальной политике. – 2020. – Т. 18, № 4(104). – С. 170–187.
12. Примаков, Е.М. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы / Е.М. Примаков // Международная жизнь. – 1996. – № 10. – С. 3–13.
13. Примаков, Е.М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость / Е.М. Примаков. – М.: ИИК «Российская газета», 2009. – 239 с.
14. Грэм Эллисон. Миф о либеральном порядке / Г. Эллисон // Россия в глобальной политике. – 2018. – № 4. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/mif-o-liberalnom-poryadke/> (дата обращения: 21.11.2024).
15. Грэм Эллисон. Новые сферы влияния. Разделить земной шар с другими великими державами / Г. Эллисон // Россия в глобальной политике. – 2020. – № 4. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/novye-sfery-vliyanija/> (дата обращения: 21.11.2024).
16. Барановский, В.Г. Трансформация глобального миропорядка: динамика системных изменений / В.Г. Барановский // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 3. – С. 71–91.
17. Арин, О.А. Двадцать первый век: мир без России / О.А. Арин. – М., 2007. – 217 с.
18. Дегтерев, Д.А. Многополярность или «новая биполярность»? / Д.А. Дегтерев // РСМД. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mnogopolyarnost-ili-novaya-bipolyarnost/> (дата обращения: 10.10.2024).
19. Rihard Haass and Charies Kupchan. The New Concert of Powers How to Prevent Catastrophe and Promote Stability in a Multipolar World // «Foreign Affairs» March 23, 2021. – URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2021-03-23/new-concert-powers?check_logged_in=1&utm_medium=promo_email&utm_source=flows&utm_campaign=article_link&utm_term=article_email&utm_content=20241111 (data of access: 15.10.2024).

Поступила в редакция 13.11.2024

ФИЛОЛОГИЯ

“Мужчынскае” і “Жаночае” ва ўрбананіміі малых гарадоў памежжа (на матэрыяле назваў вуліц гг. Івацэвічы і Гайнаўка)

Мезенка Г.М.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”, Віцебск

Артыкул прысвечаны асэнсаванню і апісанню гэндарна маркіраванай урбананіміі кантактных арэалаў. Устанаўліваюцца асаблівасці адлюстравання сучасных суадносін “мужчынскага” і “жаночага” ва ўрбананіміі малых гарадоў памежжа на прыкладзе ўрбананіміконаў беларускага г. Івацэвічы, які ў 2024 г. стаў месцам святкавання XXXI Дня беларускага пісьменства, і польскага г. Гайнаўка. Паказваецца агульнае і спецыфічнае ў наборах гэндарна арыентаваных назваў лінейных аб’ектаў івацэвіцкай урбананімнай сістэмы ў параўнанні з гайнаўскай. Канстатуецца, што вядучую ролю сярод тыпаў урбананімаў па родзе/сферы дзейнасці тых асоб, ад імёнаў і прозвішчаў якіх яны ўтварыліся, і беларускія, і польскія намінатары аддалі пазтам і пісьменнікам, публіцыстам і журналістам. Сцвярджаецца, што спецыфіка памежнай гэндарна арыентаванай урбананіміі малых гарадоў крыецца ў структуры кампанентаў іх урбананімнай прасторы. Выказваецца меркаванне, што змены аксіялагічных намінацыйных прыярытэтаў у наш час звязаны не з агульнасусветнымі тэндэнцыямі эмансipaцыі і гэндарнай роўнасці, а з распаўсюджваннем асобнай свабоды ва ўсіх сферах жыццядзейнасці.

Мэта даследавання – выяўленне асаблівасці адлюстравання сучасных суадносін “мужчынскага” і “жаночага” ва ўрбананіміі малых гарадоў памежжа на прыкладзе ўрбананіміконаў гг. Івацэвічы і Гайнаўка.

Матэрыял і метады. Даследаванне праводзілася на аснове матэрыялаў Нацыянальнага кадастравага агенцтва Рэспублікі Беларусь, крыніц Інтэрнэта ў выглядзе поўных спісаў назваў лінейных аб’ектаў гарадоў Івацэвічы і Гайнаўка. Выкарыстаны метадыкі лінгвакультуралагічнай, сацыялінгвістычнай інтэрпрэтацыі, якія прадугледжваюць вывучэнне моўных адзінак з боку іх сувязей з нямоўнымі з’явамі (культурай, гісторыяй, соцыумам), элементы метаду колькаснай апрацоўкі матэрыялу.

Вынікі і іх абмеркаванне. Улічваючы, што ўрбананімы – гэта найперш факты культуры, якія шмат чым звязаны з гістарычным досведам, механізмамі фарміравання этнасу, характарам міжкультурнай камунікацыі, назвы вуліц доследных гарадоў памежжа былі разгледжаны як дзейсныя рэфлексійныя адзінкі гэндарнамінацыйных прыярытэтаў, вызначыць якія дапамог аналіз ступені актуалізацыі роду/сферы дзейнасці мужчын і жанчын, імёны якіх сталі базай для іх утварэння. Такі падыход дазволіў вылучыць сем груп урбананімаў, што ўзыходзяць да імёнаў і прозвішчаў іх носьбітаў:

- 1) пазтаў і пісьменнікаў, публіцыстаў, журналістаў;
- 2) ваенных, дзяржаўных, палітычных і грамадскіх дзеячаў, рэвалюцыянераў;
- 3) заслужаных вучоных, касманаўтаў, лётчыкаў, медыкаў, рацыяналізатараў;
- 4) царкоўна-рэлігійных дзеячаў, святых;
- 5) дзеячаў мастацтва;
- 6) каралёў, князёў, прадстаўнікоў дваранскага роду;
- 7) удзельнікаў войнаў, – па-рознаму актуалізаваных сярод маскулінных і фемінінных назваў вуліц.

Ядро мужчынскай часткі беларускага ўрбананімікона фарміруюць першы, сёмы і другі тыпы ўрбананімаў; польскага – першы тып. Адваротнымі паказчыкамі характарызуецца перыферыя ўрбананімнай прасторы аналізаваных гарадоў. Памежны “жаночы” ўрбананімны рэпертуар з абодвух прадстаўлены сям’ю найменнямі.

Заклучэнне. Сярод галоўных асаблівасцей адлюстравання сучасных суадносін “мужчынскага” і “жаночага” ва ўрбананіміі малых гарадоў памежжа неабходна назваць наяўнасць яскравай гэндарнай асіметрыі, якая заключаецца ў значнай перавазе ўрбананімаў, што маніфестуюць мужчынскі пачатак над жаночымі назвамі вуліц. Абагульненне дадзеных урбананіміконаў малых гарадоў і супастаўленне атрыманых вынікаў са спісамі назваў лінейных аб’ектаў буйных гарадоў Брэстчыны і Беласточчыны паказалі, што ядзерная частка малых гарадоў звужана да апошняга: ва ўрбананіміі г. Гайнаўка ядро ўключае толькі адзін тып урбананімаў па родзе/сферы дзейнасці і зарыентавана пераважна на ўшанаванне свайго, мясцовага, у той час як у буйных гарадах ядро складаецца з трох-чатырох тыпаў больш інтэрнацыянальнага кшталту. І наадварот, перыферыя ўрбананімнай прасторы малых гарадоў больш разнастайная як у колькасных, так і ў зместавых адносінах. Супастаўленне ўрбананіміі розных бакоў памежжа сведчыць, што, нягледзячы на значна меншыя колькасныя паказчыкі, і мужчынская, і жаночая падсістэмы польскага памежнага ўрбананімікона адрозніваюцца больш высокай тытавай разнастайнасцю ў параўнанні з назвамі вуліц беларускага горада, якія праяўляюць тэндэнцыю да аднастайнасці.

Ключавыя словы: гэндар, гэндарная асіметрыя, мемарыяльная назва, памежжа, рэпрэзентацыя, урбананімія, урбананімікон.

(Ученые записки. – 2024. – Том 40. – С. 99–104)

“Male” and “Female” in the Urbanonymy of Small Towns on the Borderland (on the Material of the Street Names of Ivatsevichi and Gainauka)

Mezenka H.M.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article deals with the conceptualization and description of gender-marked urbanonymy of contact habitats. The features of the modern ratio of “masculine” and “feminine” in the urbanonymy of small towns on the borderland are identified on the example of the urbanonymicons of the Belarusian city of Ivatsevichi, which in 2024 became the place of celebration of the XXXIst Day of Belarusian writing, and the Polish city of Hajnauka. General and specific in the sets of gender-oriented names of linear objects of Ivatsevi urban name system compared to Gainauka system are shown. It is stated that the Belarusian and Polish nominators gave poets and writers, publicists and journalists the leading role among the types of urban names according to the type/field of activity of those persons from whose names and surnames they were formed. It is claimed that the specificity of borderland gender-oriented urbanonymy of small cities lies in the structure of the components of their urbanonymic space. It is suggested that changes in axiological nominative priorities nowadays are not related to global trends of emancipation and gender equality, but to the spread of personal freedom in all spheres of life.

The purpose of the research is to identify the features of the modern ratio of “masculine” and “feminine” in the urbanonymy of small cities on the borderland using the example of urbanonymicons of Ivatsevichi and Gainauka.

Material and methods. *The research was conducted on the basis of materials of the National Cadastre Agency of the Republic of Belarus, Internet sources in the form of complete lists of names of linear objects in the cities of Ivatsevichi and Gainauka. The methods of linguistic, cultural and sociolinguistic interpretation are used, which involve the study of language units from the point of view of their connections with non-linguistic phenomena (culture, history, society), elements of the method of quantitative processing of the material.*

Findings and their discussion. *Taking into account that urban names are primarily cultural facts that are largely related to historical experience, ethnic formation mechanisms, the nature of intercultural communication, the names of the streets of the experimental cities of the borderland were considered as effective reflective units of gender-nominative priorities, which were determined by the analysis of the degree of actualization of the genus / sphere of activity of men and women whose names became the basis for their formation. This approach made it possible to identify seven groups of urban names that go back to the names and surnames of their bearers:*

- 1) military, state, political and public figures, revolutionaries;
- 2) poets and writers, publicists, journalists;
- 3) honored scientists, cosmonauts, pilots, doctors, rationalizers;
- 4) church and religious figures, saints;
- 5) artists;
- 6) kings, princes, representatives of the nobility;

7) participants of wars, which are actualized differently among masculine and feminine street names. The core of the male part of the Belarusian urbanonymicon is formed by the first, seventh and second types of urbanonyms; Polish – the first type. The periphery of the urbanonymic space of the analyzed cities is characterized by opposite indicators. The border “female” urban name repertoire from both sides of the borderland is represented by seven names.

Conclusion. *Among the main features of the modern representation of the ratio of “masculine” and “feminine” in the urban names of small towns on the borderland it is necessary to mention the presence of a distinct gender asymmetry, which consists in a significant preponderance of urban names that manifest a male origin over female street names. Summarizing the data of urbanonymicons of small towns and comparing the obtained results with the lists of names of linear objects of large cities of Bialystok and Brest Regions, showed that the core part of small towns is narrowed down to the last: in the urbanonymy of Gainauka, the core includes only one type of urbanonyms by type / sphere of activity and is focused mainly on honoring one’s own, local, while in large cities the core consists of three or four types of a more international type. Conversely, the periphery of the urban space of small towns is more diverse both in terms of quantity and content. A comparison of the urbanonymy of different sides of the border shows that, despite much lower quantitative indicators, both the male and female subsystems of the Polish border urbanonymicon are characterized by a higher typical diversity compared to the street names of the Belarusian city, which show a tendency towards uniformity.*

Key words: *gender, gender asymmetry, memorial name, borderland, representation, urbanonymy, urbanonymicon.*

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 40. – P. 99–104)

На фоне актыўнай распрацоўкі праблемнага поля анамастыкі і імклівага развіцця тэарэтычнага, сацыялінгвістычнага, культуралагічнага, этналінгвістычнага і іншых яе напрамкаў на пачатку XXI ст. даследаванні ўрбананімаў рэгіянальнай лакацыі працягваюць уваходзіць у лік прывяргнутых у анамастычнай навуцы. Абумоўленая змена парадигмы гуманітарных ведаў, урбананіміка патрабуе прыцягнення вынікаў параўнальна-супастаўляльнага аналізу, што

дазволіць выявіць лакальныя асаблівасці, параўнаць характарыстыкі намінацыйнага працэсу і інш.

У парадigmatе лінгвістычных ведаў вывучэнне суадносін “мужчынскага” і “жаночага” ў межах назваў унутрыгарадскіх лінейных і тэрытарыяльных аб’ектаў мае на ўвазе даследаванне сітуацыі называння з пункту гледжання ўдзелу блізкага і далёкага сацыяльнага асяроддзя ў выбары намінацыйнай адзінкі, аналіз сферы дзейнасці мужчын і жанчын, імёны якіх выкарыстаны

ў якасці ўтваральнай асновы ўрбанонімаў, што дэтэрмінуюць акт прысваення імя. Аднак недахоп шырокага эмпірычнага матэрыялу, адсутнасць метадык апрацоўкі гендарна маркіраваных ўрбананімных фактаў робяць такія даследаванні фрагментарнымі. У дадзеных умовах перспектыўнасць вывучэння намінацыйных прыярытэтаў жыхароў памежжа і матывацыі выбару назвы ўнутрыгарадскому аб'екту значна ўзрастае.

Комплексны падыход, на які скіраваны даследаванні памежжа, дыктуе неабходнасць прыцягнення самых разнастайных дадзеных, у тым ліку вывучэння ўрбанонімаў як экспанентаў гендарнай спецыфікі арэала.

Асаблівую актуальнасць абазначаная праблема набывае ў нашы дні, калі ў наяўнасці дэвальвацыя сацыяльнай значнасці полу.

Мэта даследавання – выявіць адметнасці адлюстравання сучасных суадносін “мужчынскага” і “жаночага” ва ўрбананіміі малых гарадоў памежжа на прыкладзе ўрбананіміконаў г. Івацэвічы і Гайнаўка.

Матэрыял і метады. Урбананіміконы розных населеных пунктаў пэўнага народа характарызуюцца рознымі суадносінамі гендарна маркіраваных назваў вуліц, дадзеных у гонар мужчын і жанчын, у малых і буйных гарадах памежжа. Улічваючы гісторыка-культурную значнасць, геапалітычны і адміністрацыйны статус названых відаў гарадоў, можна прагназаваць, што розніца існуе і ў гендарнамінацыйных прыярытэтах іх жыхароў.

Матэрыялам для даследавання паслужылі дадзеныя Нацыянальнага кадастравага агенцтва Рэспублікі Беларусь, крыніц Інтэрнэта ў выглядзе поўных спісаў назваў лінейных аб'ектаў гарадоў Івацэвічы і Гайнаўка [1].

Выбар рэгіёна даследавання абумоўлены, па-першае, яго гісторыка-культурнай значнасцю, а па-другое – асаблівым геапалітычным і адміністрацыйным статусам. Праблема памежжа ў Беларусі, якая мяжуе з пяццю дзяржавамі, заўсёды прэтэндавала на адно з першых месцаў. Анамастычныя кантакты на памежных тэрыторыях актыўна абмяркоўваюцца ў навуковым асяроддзі, пра што сведчаць публікацыі беларускіх, рускіх і польскіх даследчыкаў (гл.: Ю.М. Галкоўская, У.М. Генкін, І.А. Лісава, Г.М. Мезенка, М.Д. Путрова, Н.В. Сівіцкая, Т.У. Скрэбнева, І.А. Каралёва, А.М. Салаўёў, І.В. Данілава, В.С. Яўсеева, З. Абрамовіч, М. Койдар, М. Малец, М. Фамелец, К. Рымут, Э. Смукова, А. Чэслікова і інш.). Аднак урбананімічны напрамак у вывучэнні памежжа толькі пачаў складвацца.

Выкарыстаны метадыкі лінгвакультуралагічнай, сацыялінгвістычнай інтэрпрэтацыі, якія прадугледжваюць вывучэнне моўных адзінак з боку іх сувязей з нямоўнымі з'явамі (культурай, гісторыяй, соц്യумам), элементы метаду колькаснай апрацоўкі матэрыялу.

Гендарныя даследаванні, якія ўзніклі ў апошнія дзесяцігоддзі мінулага стагоддзя, у цяперашні час набылі выражаны наддысцыплінарны характар, імі актыўна займаюцца псіхалагі, філосафы, палітолагі, сацыёлагі, дэмографы, гісторыкі, антрапологі, філолагі, у тым ліку сацыялінгвісты, этнографы, лінгвакуль-

туралагі і прадстаўнікі іншых галін навукі, у прыватнасці анамастыкі.

Аб'ектам даследаванняў беларускіх анамастаў выступаюць жаночыя назвы вуліц Беларусі, рэалізацыя гендарных адносін у гаданіміі (Г.М. Мезенка [2; 3]); рэпрэзентацыя гендара ў беларускай віканіміі (М.Л. Дарафеева [4]); уплыў гендарных стэрэатыпаў і міфалагічных уяўленняў на фармаванне беларускіх народна-дыялектных назваў асоб (Н.В. Сівіцкая [5]); асаблівасці выкарыстання антрапанімаў у камунікатыўным працэсе прадстаўнікамі абодвух палоў (М.Д. Путрова [6]); семантычныя і граматычныя характарыстыкі неафіцыйных антрапанімаў у сувязі з праблемамі гендара (І.А. Лісова [7]); праявы гендара ў сельскім антрапаніміконе (Т.В. Скрэбнева [8]) і інш.

Урбананімічная рэгіяналістыка, у тым ліку праблемы гендара з'яўляюцца адным з актуальных напрамкаў анамастыкі і за мяжой. У замежным навуковым асяроддзі пачынаюць распрацоўвацца пытанні арэальнай спецыфікі развіцця ўрбананіміконаў, праблемы моўных і культурных кантактаў, што адбіліся на назвах унутрыгарадскіх лінейных і тэрытарыяльных аб'ектаў і інш.

У бліжнім замежжы, у прыватнасці ў Расійскай Федэрацыі, можна вылучыць найперш дысертацыю Л.А. Кірылінай [9], публікацыі І.А. Каралёвай, А.М. Салаўёва, І.В. Данілавай, прысвечаныя вывучэнню рэпертуара мужчынскіх і жаночых імёнаў і мянушак, якія бытавалі ў Смаленскім рэгіёне ў XVI–XVII стст., канцэнтрацыі мужчынскай і жаночай падсістэм сучасных антрапаніміконаў жыхароў Смаленскай вобласці [10]), Н.А. Родзінай “Гендарны аспект бытавання маладзёжных мянушак (на прыкладзе мянушак г. Смаленска)”, дзе ўпершыню прааналізаваны з пункту гледжання гендарных адрозненняў жывы фактычны мянушаквы матэрыял, які дазваляе вылучыць семантычныя і граматычныя асаблівасці праявы гендара ў мянушках [11], і інш.

Ля вытокаў рэгіянальнай гендарна арыентаванай тапанімікі ў Польшчы знаходзім даследаванне вядомага вучонага М. Карплюк “Польскія тапонімы ад жаночых імёнаў” [12], якая займалася найперш гісторыяй польскай мовы, уплывам славянскіх моў на польскую мову, рэлігійнай мовай, імёнамі і стылямі асобных старапольскіх пісьменнікаў, пытаннямі развіцця антрапаніміі ў кантактных зонах і інш. З апошніх публікацый, прысвечаных вывучэнню гендарна маркіраваных урбананімаў рэгіянальнай лакацыі і пытанням намінацыі, варта згадаць працы Ю.Б. Валковяк “Жаночыя вулічныя цэзкі ў асобных польскіх гарадах” [13], А. Галкоўскага “Жаночыя ўрбананіміі ў польскім і італьянскім моўных ландшафтах” [14] і інш.

Як бачым, нягледзячы на актуальнасць праблемы феномена памежжа, якая стала аб'ектам даследавання ў самых розных абласцях навуковых ведаў, прац, прысвечаных супастаўляльнаму даследаванню гендарна арыентаванай урбананіміі памежжа, пакуль няма.

Вынікі і іх абмеркаванне. Урбананімы – факты культуры, якія шмат чым звязаны з гістарычным досведам, механізмамі фарміравання этнасу, характарам

міжкультурнай камунікацыі. З гэтай пазіцыі назвы вуліц могуць быць разгледжаны як дзейсныя рэфлексіўныя адзінкі гендарнамінаўных прыярытэтаў, вызначыць якія магчыма з дапамогай аналізу роду/сферы дзейнасці мужчын і жанчын, імёны якіх сталі базай для іх утварэння.

Таму метадам вывучэння гендарных прыярытэтаў жыхароў памежжа і, у прыватнасці, сітуацыі прысваення назваў вуліцам і іншым лінейным і тэрытарыяльным аб'ектам, выступіла вызначэнне ступені актуалізацыі роду/сферы дзейнасці мужчын і жанчын, імёны і прозвішчы якіх былі прызнаны жыхарамі годнымі для ўшанавання, што дазволіла вылучыць сем груп урбананімаў, якія ўзыходзяць да імёнаў і прозвішчаў мужчын: 1) паэтаў і пісьменнікаў, публіцыстаў, журналістаў; 2) ваенных, дзяржаўных, палітычных і грамадскіх дзеячаў, рэвалюцыянераў; 3) заслужаных вучоных, касманаўтаў, лётчыкаў, медыкаў, рацыяналізатараў; 4) царкоўна-рэлігійных дзеячаў, святых; 5) дзеячаў мастацтва; 6) каралёў, князёў, прадстаўнікоў дваранскага роду; 7) удзельнікаў войнаў.

Паколькі адным з галоўных крытэрыяў параўнальна-супастаўляльнага аналізу з'яўляецца супастаўнасць і супараўнальнасць прадметаў і з'яў, адзначым, што гарады, урбананімы сістэмы якіх супастаўляюцца, валодаюць цэлым шэрагам падабенстваў: па-першае, абодва гарады знаходзяцца на тэрыторыі беларуска-польскага памежжа; па-другое, блізкія па колькасці насельніцтва (у Івацэвічах 22 377 чалавек, у Гайнаўцы – 22 091 чалавек); па-трэцяе, характарызуюцца падобнай колькасцю ўнутрыгарадскіх лінейных і тэрытарыяльных аб'ектаў (у Івацэвічах – 141, у Гайнаўцы – 205); па-чацвёртае, падобныя часам узнікнення (Івацэвічы ўпершыню згадваюцца пад 1508 г. як двор, шляхецкае ўладанне на тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага; Гайнаўка – вядома з часоў існавання Рэчы Паспалітай (1569–1795 гг.).

Адрозненні ж, якія заключаюцца ў рознай дзяржаўнай прыналежнасці (Івацэвічы – горад Беларусі, Гайнаўка – Польшчы) і спецыфіцы намінаўных практык, адбіліся на спосабах рэпрэзентацыі гендарных суадносін іх ва ўрбананіміконах.

Аналіз урбананімікона г. Івацэвічы, які ўключае ў свой склад 141 урбананім, паказаў, што больш за трэцюю частку яго (54 адзінкі, або 38,3%) складаюць гадонімы мемарыяльнага характару, утвораныя ад імёнаў і прозвішчаў мужчын і жанчын, з пункту гледжання грамадства, годных увекавечання памяці ва ўнутрыгарадскіх назвах. Што да Гайнаўкі, то з 205 найменняў лінейных аб'ектаў 39 адзінак (19,0% ад агульнай колькасці, або шостая частка) складаюць даследаваныя назвы.

Супастаўленне лічбавых паказчыкаў (табл.) дазваляе адзначыць прыкметныя як колькасныя, так і зместавыя адрозненні рэпрэзентацыі гендарна маркіраваных назваў ва ўрбананіміконах беларускага і польскага малых гарадоў памежжа.

З аналізу дадзеных табліцы вынікае:

1. Нягледзячы на тое, што агульная колькасць гендарна маркіраваных урбананімаў у беларускім горадзе (53) амаль удвая перавышае іх лік у польскай Гайнаўцы (33), лічба тыпаў урбананімаў па родзе/сферы дзейнасці тых, чые прозвішчы сталі базай для стварэння, наадварот, у Івацэвічах амаль у два разы меншая, чым у польскім паселішчы: чатыры тыпы (1, 2, 3, 7) супраць пяці (1–7). Гэты факт яскрава сведчыць пра розную ступень актуалізацыі сацыяльна значных родаў/сфер дзейнасці мужчын, як дарэчы і жанчын, імёны якіх выкарыстаны ў якасці асновы пры намінацыі ўнутрыгарадскіх лінейных і планарных аб'ектаў у беларускім і польскім гарадах.

2. Увогуле для 'мужчынскай' памежнай урбананіміі малых гарадоў характэрна падабенства з гэтай гендарна арыентаванай часткай урбананіміконаў буйных

Табліца

Гендарныя суадносіны ва ўрбананіміі гг. Івацэвічы і Гайнаўка

№ п/п	Тып урбананімаў па родзе/сферы дзейнасці мужчын/жанчын, у гонар якіх названы вуліцы	Мужчынскія ўрбананімы		Жаночыя ўрбананімы	
		Колькасць (працэнт ад агульнай колькасці)		Колькасць (працэнт ад агульнай колькасці)	
		Івацэвічы	Гайнаўка	Івацэвічы	Гайнаўка
1.	Паэты і пісьменнікі, публіцысты, журналісты	16 (11,4)	14 (6,8)	–	3 (1,5)
2.	Ваенныя, дзяржаўныя, палітычныя і грамадскія дзеячы, рэвалюцыянеры	15 (10,6)	4 (2,0)	1 (0,7)	–
3.	Заслужаныя вучоныя, касманаўты, лётчыкі, медыкі, рацыяналісты	6 (4,2)	2 (1,0)	–	1 (0,5)
4.	Дзеячы мастацтва	–	5 (2,4)	–	1 (0,5)
5.	Царкоўна-рэлігійныя дзеячы, святыя	–	5 (2,4)	–	1 (0,5)
6.	Каралі, князі, прадстаўнікі дваранскага роду	–	2 (1,0)	–	–
7.	Удзельнікі войнаў	16 (11,4)	1 (0,5)	–	–
	Усяго ўрбананімаў у Івацэвічах (141)	53 (37,6)		1 (0,7)	–
	Усяго ўрбананімаў у Гайнаўцы (205)		33 (16,1)		6 (2,9)

гарадоў. Пры гэтым урбананімія беларускага памежжа яшчэ менш дыверсіфікавана ў зместавых адносінах – чатыры пазначаныя тыпы супраць васьмі: у буйных польскіх гарадах памежжа атрымалі шырокае распаўсюджанне найменні лінейных аб’ектаў, утвораныя ад імёнаў **літаратурных персанажаў і назваў літаратурных твораў** (параўнаем назвы вуліц г. Беласток: *Ul. Boruty, Ul. Bohuna, Ul. Ikara, Ul. Jacka, Ul. Janosika, Ul. Juranda, Ul. Kmicica, Ul. Kordiana, Ul. Ondraszka*), якія адсутнічаюць у беларускім урбананіміконе.

3. Аксіялагічныя прыярытэты намінараў вуліц як з беларускага, так з польскага боку памежжа супалі ў перавазе другога тыпу найменняў, што ўзыходзяць да імёнаў і прозвішчаў **паэтаў і пісьменнікаў, публіцыстаў, журналістаў**. На долю такіх урбананімаў і ў беларусаў, і ў палякаў прыходзіцца самы высокі працэнт: 11,4% і 6,8% адпаведна. Пры гэтым калі ў Гайнаўцы ўшанаваны пераважна свае – польскія аўтары (*Ul. Adama Mickiewicza, Ul. Aleksego Zina, Ul. Bolesława Prusa, Ul. Hienryka Sienkiewicza, Ul. Jana Kochanowskiego, Ul. Józefa Ignacego Kraszewskiego, Ul. Juliana Tuwima, Ul. Juliusza Słowackiego, Ul. Mikolaja Reja, Ul. Stanisława Dubois, Ul. Stanisława Lema, Ul. Stefana Żeromskiego* – і два беларускія – *Ul. Jakuba Kolasa, Ul. Janki Kupaly*), то ў Івацэвічах побач з беларускімі (*вул. Адамовіча, вул. Максіма Багдановіча, вул. Максіма Танка, вул. Мележа, вул. Пестрака, завул. Пестрака, вул. Петруся Броўкі, вул. Якуба Коласа, вул. Янкі Купалы*) таксама сусветнавадомыя рускія і ўкраінскія аўтары (*вул. Максіма Горкага, завул. Максіма Горкага, вул. Лермантава, вул. Маякоўскага, вул. Талстога, вул. Тургенева, вул. Шаўчэнка*).

Да ядра беларускага ўрбананімікона неабходна аднесці адзінкі яшчэ двух тыпаў – асновай для ўтварэння якіх з’явіліся імёны і прозвішчы а) **удзельнікаў войнаў** (салдат, партызан, падпольшчыкаў, начальнікаў дывізіяў Першай сусветнай, Грамадзянскай, Вялікай Айчыннай, афганскай): *вул. Аданіна, вул. Гука, вул. Гастэлы, вул. Гойшыка, вул. Заслонава, вул. Клютко, завул. Клютко, вул. Матросава, вул. Алега Кашаваго, вул. Талочкі, 1-ы завул. Талочкі, 2-гі завул. Талочкі, вул. Чапаева, завул. Чапаева, вул. Чарткова, вул. Шчорса*. Для параўнання паказчык ступені разнастайнасці ўрбананімнага рэпертуару названага тыпу ў польскім населеным пункце 1: *Ul. Jana Werpachowskiego*; б) **ваенных, дзяржаўных, палітычных і грамадскіх дзеячаў, рэвалюцыянераў** (*вул. Будзёнага, вул. Дзяржынскага, 1-ы завул. Дзяржынскага, 2-гі завул. Дзяржынскага, вул. Калініна, вул. Карла Маркса, вул. Кірава, вул. Касцюшкі, бульвар Касцюшкі, вул. Куйбышава, вул. Леніна, вул. Свядлова, завул. Свядлова, вул. Сувава, вул. Фрунзэ*), што сведчыць аб дамінаванні гістарычных фактараў у ацэнцы мінулага нацыі, аб тым, што беларусы не саромеюцца, што ўваходзілі ў склад іншых дзяржаў, і гатовыя ўсвядоміць гэты вопыт, сфармуляваць сістэму маральных арыенціраў, здолець перадаць нашчадкам веды аб нашай уласнай духоўнай і культурнай ідэнтычнасці.

Паказальна, што рэпертуар і гэтага тыпу ў польскай Гайнаўцы больш чым утроя саступае белару-

скаму: *Ul. Hugona Kolltataja, Ul. Józefa Piłsudskiego, Ul. Tadeusza Kościuszki, Ul. Walerego Wróblewskiego*.

4. Значныя адрозненні назіраюцца ў напаўненні перыферыі гэндарна маркіраванай часткі ўрбананіміконаў малых гарадоў памежжа. Калі ў беларускім паселішчы яе фарміруюць назвы толькі аднаго тыпу па родзе/сферы дзейнасці – утвораныя ад прозвішчаў **заслужаных вучоных, касманаўтаў, лётчыкаў, медыкаў, рацыяналізатараў** (*вул. Францыска Скарыны, вул. Ламаносава, вул. Гагарына, вул. Камарова, вул. Чкалава, вул. Гамаліцкага*), то ў польскім – урбананімы чатырох тыпаў; ужо названага (*Ul. Doktora Tadeusza Rakowieckiego, Ul. Jana Filipczuka*), а таксама тых, што ўзыходзяць да імёнаў і прозвішчаў **дзеячаў мастацтва** (*Ul. Fryderyka Chopina, Ul. Hienryka Wieniawskiego, Ul. Karola Szymanowskiego, Ul. Michała Kleofasa Ogińskiego, Ul. Stanisława Moniuszki*); **царкоўна-рэлігійных дзеячаў, святых** (*Ul. Księdza Antoniego Dziewiatowskiego, Ul. Księdza Ignacego Wierobieja, Ul. Księdza Piotra Ściegiennego, Ul. Stanisława Milkowskiego, Ul. Stanisława Stacica*); **каралёў, князёў, прадстаўнікоў дваранскага роду** (*Ul. Stefana Batorego, Ul. Władysława Jagiełły*).

5. Неабходна падкрэсліць, што адзначаная асіметрыя ў выкарыстанні палякамі ў адрозненне ад беларусаў двух апошніх з пералічаных тыпаў родаў/сфер дзейнасці носбітаў імёнаў і прозвішчаў (названых у гонар царкоўна-рэлігійных дзеячаў, святых і каралёў, князёў, прадстаўнікоў дваранскага роду) тыповая не толькі для малых, але і для буйных гарадоў памежжа [гл. 3, с. 179–181].

6. Памежны “жаночы” ўрбананімічны рэпертуар з беларускага боку прадстаўлены адным найменнем, якое рэпрэзентуе тып роду / сферы дзейнасці **ваенных, дзяржаўных, палітычных і грамадскіх дзячкі, рэвалюцыянеркі**, – *вул. Крупскай* (жонкі правадыра рэвалюцыі У.І. Леніна, расійскай рэвалюцыянеркі, савецкай дзяржаўнай, партыйнай, грамадскай і культурнай дзячкі), – і шасцю ўрбананімамі з польскага боку, палову з якіх складаюць назвы вуліц у гонар **паэтаў і пісьменнікаў**: *Ul. Elży Orzeszkowej, Ul. Zofii Nałkowskiej, Ul. Marii Konopnickiej*, асобныя ў гонар **вядомых вучоных**: *Ul. Marii Skłodowskiej-Curie*; **дзеячак мастацтва**: *Ul. Tamary Soloniewicz*.

Важна тое, што ўсе яны з’яўляюцца канстытуентамі асіметрыі, існуючай паміж “мужчынскім” і “жаночым” у беларускім і польскім памежных ўрбананіміконах; сведчаць пра рознасць арыенціраў і пераваг пры выбары родаў і сфер дзейнасці жанчын у беларусаў і палякаў. У рэальным корпусе назваў лінейных аб’ектаў жыхароў памежжа назіраецца колькаснае пераважанне мужчынскіх найменняў. Менавіта мужчынская ўрбананімія, у адрозненне ад жаночай, імкнецца да рознаіменнасці. Успомнім, што для кожнага этнасу характэрны свае звычаі надання назвы ўнутрыгарадскому аб’екту: у народнай свядомасці з імем вуліцы або іншага лінейнага, тэрытарыяльнага ці кропкага аб’екта звязвалі дабрабыт ці, наадварот, нядобраю наканаванасць жыхарам, таму ва ўсе часы намінараў з адказнасцю падыходзілі да яе выбару.

Заклучэнне. Аналіз фактычнага матэрыялу дазволіў выявіць асаблівасці адлюстравання сучасных суадносін “мужчынскага” і “жаночага” ва ўрбананіміі малых гарадоў кантактных арэалаў, сфарміраваных унікальнасцю беларускай і польскай гісторыі.

Першая з іх колькасца пацвярджае наяўнасць яскравай гендарнай асіметрыі: мемарыяльныя назвы вуліц г. Івацэвічы мужчынскага пачатку суадносяцца з фемініннымі назвамі ў працэнтных паказчыках як 37,6% да 0,7%; г. Гайнаўка – 16,1% да 2,9%.

Вынікі аналізу ўрбананімаферы памежжа як вобласці маніфестацыі гендарна маркіраванай прасторы малых гарадоў канстатавалі наяўнасць найменняў, якія ілюструюць спецыфіку памежнага соцыуму. Урбананімія доследнага арэала характарызуецца пэўнымі прыметамі, абумоўленымі крос-культурным узасмадзяеннем, да якіх у першую чаргу можна аднесці праяву гендарнай маркіроўкі, а часам канфесійнай ідэнтыфікацыі назваў лінейных аб’ектаў з дапамогай намінацыйных адзінак; большую гендарную маркіраванасць мужчынскай падсістэмы і яе здольнасць і ўстойлівасць да захавання нацыянальных імёнаў і прозвішчаў, што, верагодна, можа разглядацца як затуханне ідэі эмансipaцыі і яе ўздзеяння на намінацыйную дзейнасць. Мяркуем, змены аксіялагічных прыярытэтаў у наш час звязаны не з агульнасусветнымі тэндэнцыямі эмансipaцыі і гендарнай роўнасці, а з распаўсюджваннем асобаснай свабоды ва ўсіх сферах жыццядзейнасці, у тым ліку намінацыйнай.

Спецыфіка памежнай гендарна арыентаванай урбананіміі малых гарадоў, сярод якіх падабенствы і адрозненні, крыецца ў структуры кампанентаў іх урбананімнай прасторы. Абагульненне дадзеных урбананіміконаў малых гарадоў і супастаўленне атрыманых вынікаў са спісамі назваў лінейных аб’ектаў буйных гарадоў Брэстчыны і Беласточчыны паказала, што ядзерная частка малых гарадоў звужана да апошняга: ва ўрбананіміі г. Гайнаўка ядро ўключае толькі адзін тып урбананімаў па родзе/сферы дзейнасці і зарыентавана пераважна на ўшанаванне свайго, мясцовага, у той час як у буйных гарадах ядро складаецца з трох-чатырох тыпаў больш інтэрнацыянальнага кшталту. І наадварот, перыферыя ўрбананімнай прасторы малых гарадоў больш разнастайная як у колькасных, так і ў змestавых адносінах.

Што да супастаўлення розных бакоў памежжа, то, нягледзячы на значна меншыя колькасныя паказчыкі, і мужчынская, і жаночая падсістэмы польскага памежнага ўрбананімікона адрозніваюцца больш высокай тыповай разнастайнасцю ў параўнанні з назвамі вуліц беларускага горада, якія праяўляюць тэндэнцыю да аднастайнасці.

Вядучую ролю сярод тыпаў урбананімаў па родзе/сферы дзейнасці тых асоб, ад імёнаў і прозвішчаў якіх яны ўтварыліся, і беларускія, і польскія намінатары аддалі паэтам і пісьменнікам, публіцыстам і журналістам – тым, хто ў розныя часы дапамагаў сваім народам высока шанаваць і захоўваць гістарычную памяць аб сваім лёсе, – што сведчыць пра міралюбнасць жыхароў доследнага арэала.

Спадзяёмся, вынікі праведзенага аналізу стануць неад’емнай часткай комплекснага даследавання феномена памежжа і будуць садзейнічаць далейшай распрацоўцы памежнай праблематыкі, якая бачыцца ў гендарнацэнтрчным асэнсаванні праблемы функцыянавання ўрбананімных сістэм у кантактных арэалах.

Літаратура

1. Хайнувка. Карта № 3. – URL: https://world-maps.pro/osm/%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B0_%D0%A5%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D1%83%D0%B2%D0%BA%D0%B0#gsc.tab=0 (дата звароту: 19.04.2024).
2. Мезенка, Г.М. Жаночыя назвы гарадскіх вуліц у Беларусі / Г.М. Мезенка // Беларуская мова: Міжвед. зб. – Мінск, 1988. – № 16. – С. 36–41.
3. Мезенко, А. Гендерное соотношение в зеркале урбанонимикона Витебска и Белостока начала XXI века: сопоставительный аспект / А. Мезенко // Onomastica. – 2022. – Т. LXVI/1. – С. 173–187.
4. Дорофеев, М.Л. Виконимия Гомельской и Гродненской областей в гендерном аспекте / М.Л. Дорофеев // Слова ў мове, маўленні, тэксце: зб. навук. арт. маладых вучоных-філолагаў. – Брэст: БрДУ імя А.С. Пушкіна, 2012. – С. 43–45.
5. Сівіцкая, Н.В. Уплыў гендарных стэрэатыпаў і міфалагічных уяўленняў на фармаванне беларускіх народна-дыялектных назваў асоб / Н.В. Сівіцкая // Acta Albaruthenica. – 2017. – Т. 17. – С. 223–230.
6. Путрова, М. Ужыванне імя ўласнага на Полаччыне / М. Путрова // Мова – літаратура – культура: матэрыялы V Міжнар. навук. канф. (да 80-годдзя прафесара Льва Міхайлавіча Шакуна), Мінск, 16–17 лістапада 2006 года. – Мінск: Права і эканоміка, 2007. – С. 178–181.
7. Лисова, И.А. Особенности функциональных парадигм парных имен жителей Белорусского Поозерья / И.А. Лисова // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История. Филология. – 2014. – № 13(2). – С. 99–102.
8. Скребнева, Т.В. Гендерные особенности сельского именника во второй половине XX века / Т.В. Скребнева // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. – 2020. – № 3. – С. 97–104.
9. Кирилина, А.В. (2005). Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах / А.В. Кирилина // Гендер и язык. Антология. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 1–11.
10. Королева, И.А. Имена на Смоленщине: история и современность / И.А. Королева, И.В. Данилова, А.Н. Соловьёв. – Смоленск: СПГУ, 2005. – 196 с.
11. Родина, Н.А. Гендерный аспект бытования молодежных прозвищ (на примере прозвищ г. Смоленска) / Н.А. Родина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия. Русская филология. – 2014. – № 1. – С. 71–75.
12. Karpluk, M. Polskie nazwy miejscowe od imion kobiecych / M. Karpluk // Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej. – 1955. – № 1 – S. 111–160.
13. Walkowiak, J. Female street namesakes in selected Polish cities / J. Walkowiak // Mitteilungen der Österreichischen Geographischen Gesellschaft. – 2018. – S. 160, 331–350.
14. Gałkowski, A. Feminine urbanonymy in Polish and Italian linguistic landscapes / A. Gałkowski // Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow. – 2020. – № 5(1). – S. 2–53.

Паступіў у рэдакцыю 17.07.2024

Приглагольные лексические средства экспликации значений способов действия русского глагола при переводе на немецкий язык

Алимпиева Е.В.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

Сопоставительное исследование способов глагольного действия в языках с отличной структурно-типологической организацией входит в сферу интересов различных научных парадигм, где представлен широкий спектр подходов к пониманию данного феномена. Актуальность настоящей работы обусловливается важностью для переводческой и лингводидактической практики установления межъязыковых соответствий в сфере языковой репрезентации глагольного действия в родном и изучаемом языках.

Цель статьи – выявить состав приглагольных лексических средств экспликации значений различных способов действия, используемых для достижения наибольшей эквивалентности перевода русской префигурированной глагольной лексики на немецкий язык.

Материал и методы. В качестве практического материала исследования использованы лексикографически зафиксированные немецкие аналитические конструкции с акциональной семантикой. В ходе работы применялись метод сплошной выборки, сопоставительно-переводной и дескриптивный методы, а также приемы компонентного анализа.

Результаты и их обсуждение. Универсальное понятийное содержание способов глагольного действия выражается в русском и немецком языках типологически сходными способами, однако неодинаковый количественный состав и разная продуктивность аффиксальных средств репрезентации семантики способов действия значительно расширяют спектр акциональных оттенков русских глаголов по сравнению с акциональными возможностями немецких глагольных лексем. В связи с этим ряд акциональных оттенков, свойственных соотносительным с немецкими русским глагольным лексемам, можно выразить в безвидовом немецком языке лишь с помощью приглагольных лексических средств, которые часто оказываются единственным средством экспликации значений способов действия, заданных текстом исходного русского языка.

Заключение. Различия в семантических структурах соотносительных русских и немецких глагольных лексем, обусловленные особенностями грамматического строя, количественными и качественными отличиями морфемных составов двух языков, не являются препятствием для экспликации всех информативно существенных акциональных значений при переводе.

Ключевые слова: контрастивная аспектология, переводоведение, способ глагольного действия, межъязыковая эквивалентность, приглагольные лексические средства.

(Ученые записки. – 2024. – Том 40. – С. 105–110)

Non-Verbal Lexical Means for Explication of the Meanings of the Manners of Action of the Russian Verb Used in Translation into German

Alimpiyeva E.V.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The comparative study of the manners of verbal action in languages with different structural-typological organization falls within the sphere of interest of various scientific paradigms, where a wide range of approaches to understanding this phenomenon is presented. The relevance of the paper is determined by the importance for translation and linguistic practice of establishing interlingual equivalents in the sphere of linguistic representation of verbal action in the native language and in the language which are learnt.

The purpose of the article is to identify the scope of the non-verbal lexical means for explication the meanings of different manners of verbal action used to achieve the greatest equivalence of translation of Russian prefigured verbal lexicon into German.

Material and methods. *The study is carried out on the practical material of the lexicographically recorded German analytical constructions with the manner of verbal action semantics. The main methods of the research we used are continuous sampling method, comparative-translation and descriptive methods, componential analysis techniques.*

Findings and their discussion. *The universal conceptual substance of the manners of verbal action is expressed in the Russian and German languages in typologically similar ways. The unequal quantitative scope and different productivity of affixal means of representation of the semantics of the manners of verbal action significantly expand the range of actional connotations of specific Russian verbs in comparison with the actional possibilities of German verbal lexemes. In this connection, a number of actional connotations peculiar to the Russian verbal lexemes correlated with German can be expressed in the German language only with the help of non-verbal lexical means, which often turn out to be the only means of expressing the meanings of modes of action given by the original Russian-language text.*

Conclusion. *Differences in the semantic structures of correlative Russian and German verbal lexemes due to the peculiarities of the grammatical structure, quantitative and qualitative differences in the morpheme scope of the two languages are not an obstacle to the explication of all informatively significant aspectual-actual meanings during translation.*

Key words: *contrastive aspectology, translation studies, manner of verbal action, interlingual equivalence, non-verbal lexical means of explication.*

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 40. – P. 105–110)

Способы глагольного действия (далее – СГД) уже становились объектом рассмотрения ученых. К данной теме в разное время обращались С. Агрелль, А.В. Бондарко, А. Вежбицкая, В.В. Виноградов, М.Я. Гловинская, Анна А. Зализняк и А.Д. Шмелев, А.В. Исаченко, Э. Кошмидер, Ю.С. Маслов, А. Нурен, Е.В. Петрухина, В. Порциг, И.С. Улуханов, М.К. Шеина, М.А. Шелякин, Г. Якобзон и др. Тем не менее аспектологическая проблематика по-прежнему характеризуется наличием большого количества спорных вопросов и различных точек зрения.

В последние десятилетия в русле современных научных парадигм выполнен ряд работ сопоставительного характера, посвященных выявлению особенностей семантики и функционирования отдельных групп акционально окрашенной глагольной лексики разноструктурных языков в разных типах дискурса (М.Г. Гашкова, Е.В. Горбова, Н.Н. Волостнова, С.В. Коваленок, Е.Д. Кучеренко, М.М. Мизова, Н.А. Снигир, Б. Фотерек, У. Швалье и др.).

В настоящем исследовании предпринята попытка рассмотреть способы и средства языковой репрезентации глагольного действия в русском и немецком языках сквозь призму их соответствия друг другу. Актуальность избранной нами темы обусловлена включенностью исследования в контекст приоритетных направлений системно-структурной и антропоцентрической парадигм языкознания, а также запросами теории и практики межкультурной коммуникации, функциональной лингвистики и переводоведения, и, значит, имеет прикладные, лингводидактические цели, так как способствует «изучению одного языка в зеркале другого» [1, с. 4].

Цель статьи – выявить состав приглагольных лексических средств экспликации значений различных СГД, используемых для достижения наибольшей эквивалентности перевода русской префигированной глагольной лексики на немецкий язык.

Материал и методы. В качестве практического материала исследования использованы немецкие аналитические конструкции с акциональной семантикой, представленные в качестве линейных соответствий русских морфемно характеризованных глаголов¹ различных СГД в «Новом большом немецко-русском словаре» («Neues deutsch-russisches Großwörterbuch») в трех томах под общей редакцией Д.О. Добровольского [3]. В ходе исследования применялись метод сплошной выборки, сопоставительного-переводной и дескриптивный методы, а также приемы компонентного анализа.

Результаты и их обсуждение. Русский и немецкий языки, являясь родственными в пределах индоевропейской языковой семьи, относятся к разным языковым группам, что обуславливает расхождения в их структурно-типологической организации. Одной из наиболее сложных в этой связи представляется проблема передачи значений совершенного и несовершенного вида русского глагола, а также взаимосвязанных с видом способов глагольного действия средствами безвидового немецкого языка при переводе.

Впервые данный факт был отмечен представителем калининской аспектологической школы З.Е. Рогановой, которая установила, что «для экспликации значений совершенного и несовершенного вида в переводах с русского языка на безвидовой немецкий язык обычно достаточно правильного перевода самой глагольной формы и передачи на переводящем языке компонентов окружения данной формы, однако в отдельных случаях переводчик вынужден вводить в глагольное окружение новые уточнители, отсутствующие в тексте» [4, с. 35].

Теоретической базой настоящего исследования является положение о том, что «СГД/Aktionsart как

¹ Термин «морфемно (не)характеризованный» используется нами для обозначения «словообразовательно (не)маркированных глагольных лексем» различных СГД двух языков [2, с. 27].

типологическая категория² в русском и немецком языках образуют упорядоченные семантические общности, дифференцированные на 11 основных типов, подразделяющихся на различные по объему ряды подтипов в зависимости от характера объединяющих признаков, лежащих в основе аспектуальной категоризации действий, и демонстрирующих в отдельных случаях взаимосвязь на уровне лексического значения. Акциональная семантика типовых базовых действий в каждом из рассматриваемых языков формируется при участии глаголов с немаркированной словообразовательно акционсартностью, словообразовательно маркированных глаголов, аналитических конструкций и контекстуальных средств» [6, с. 4].

Такое понимание сущности СГД позволяет нам не ограничиваться лишь исследованием словообразовательных средств формирования акциональной семантики глагола в немецком языке, который, как известно, «не обладает достаточным количеством аффиксальных средств для выражения семантики всех типов СГД, выделяемых в русском языке. При этом в немецком языке есть суффиксы и приставки, которые позволяют отнести глагол к тому или иному способу действия» [7, с. 4–12; 8].

Расширив область исследования, в данной работе мы обратимся к рассмотрению состава приглагольных лексических средств экспликации значений различных способов действия русских префигированных глаголов, привлекаемых для их наиболее точного перевода на немецкий язык в случае отсутствия словообразовательно маркированного межъязыкового эквивалента. Предметом анализа выступают всевозможные переводческие добавки любого структурного типа (наречия, прилагательные и иные приглагольные маркеры определенного акционального значения, устойчивые глагольно-именные сочетания, редупликация и т.п.), выполняющие акциональную функцию. Исследование осуществлено с позиций разработанной в русистике классификации СГД, экстраполированной нами на систему СГД в немецком языке с учетом семантической общности характеристик протекания действия в границах следующих трех основных групп СГД и формирующих их типов и подтипов:

1. *Временные СГД*: 1) *начинательные СГД*; 2) *ограничительные СГД*; 3) *завершительные СГД*.
2. *Количественные СГД*: 1) *одноактные СГД*; 2) *многоактные СГД*.
3. *Специально-результативные СГД*: 1) *накопительно-суммарный СГД*; 2) *распределительный СГД*; 3) *интенсивно-результативные СГД*; 4) *отделительно-*

партитивный СГД; 5) *комплетивно-партитивные СГД*; 6) *мутативный СГД*.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие переводческие рекомендации.

1. В качестве приглагольных лексических средств экспликации акциональной семантики русских глаголов *временных СГД* при переводе на немецкий язык следует использовать:

1) для *начинательного СГД*:

– аналитические сочетания «фазисный глагол *anfangen/beginnen* + *zu* + *Infinitiv*»: *anfangen zu rauchen* ‘закурить’, *beginnen zu sprechen* ‘заговорить’, *anfangen zu summen* ‘зажужжать’³ и др.;

– сочетания «глагол с модальным значением + *(zu)* + *Infinitiv*»: *j-n stehen lassen* ‘пойти’, *trinken wollen* ‘захотеть пить’, *nach Hause wollen* ‘захотеть пойти домой’, *etw. fliegen lassen* ‘запустить что-л.’ (напр., бумажного змея), *das Glück zu erjagen suchen* ‘погнаться за счастьем’ и др.;

– сочетания «глагол *werden* + прилагательное/наречие»: *hitzig werden* ‘разгорячиться’, ‘вспылить’, *rege werden* ‘зарождаться’;

– устойчивые глагольно-именные сочетания (далее – УГИС)⁴ «глагол *geraten/ausbrechen/bekommen/kommen/setzen/verspüren/treten*/иной глагол + (предлог) + существительное»: *in Aufregung geraten* ‘взволноваться’, ‘разволноваться’, *in Vorwürfen [in Klagen] ausbrechen* ‘разразиться упреками [жалобами]’, *in Gelächter [in Lachen] ausbrechen* ‘засмеяться, рассмеяться’, *sich in Bewegung setzen* ‘поехать, тронуться’, *in Laufschrift fallen* ‘побежать’, *in Fahrten kommen* ‘разойтись’, *einen Hustenanfall bekommen* ‘закашляться’, *sich in seine vier Ecken verfügen* ‘пойти, отправиться домой’, *in Liebe zu j-m entbrennen* ‘воспылать любовью к кому-л.’, *auf Fahrt gehen* ‘поехать в путешествие’, *Feuer fangen* ‘загореться’, *wie ein Hahn hochgehen* ‘разойтись’, ‘распетушиться’ и др.;

2) для *ограничительного СГД*:

– временной детерминант и/или неопределенный артикль *ein (ganz klein) wenig, ein bisschen, ein paar, eine Zeitlang, kurzdauernd, kurz, eine Weile, einen Augenblick, einen Atemzug lang, einen Moment lang*, указывающий на непродолжительность ограниченного во времени действия, в сочетании с неопределенным имперфективными стательными глаголами, с глаголами конкретного делания, речи, чувствования, мыслительной деятельности, движения: *ein wenig zeichnen*

³ Здесь и далее в тексте статьи примеры приводятся по [3].

⁴ УГИС/Funktionsverbgefüge (FVG) – «устойчивые словосочетания с полным и частичным переосмыслением, состоящие из двух компонентов: отглагольного существительного в винительном или дательном падеже или в форме предложной группы и функционального глагола, теряющего в сочетании свое исходное, самостоятельное лексическое значение (иногда полностью, иногда в определенной степени) и выполняющего грамматическую функцию, напр., *den Anfang nehmen* ‘начать’. В УГИС главное значение носит существительное, которое становится его семантическим центром. Компоненты УГИС представляют собой одно целое на семантическом и синтаксическом уровнях» [9, с. 69].

² Под термином «типологическая категория» в контрастивной лингвистике понимают «обобщенную категорию, характерную для систем сравниваемых языков и обладающую рядом признаков: 1) межъязыковость (т.е. типологическая категория является общей для систем сравниваемых языков), 2) межуровневость (предполагается участие единиц различных уровней), 3) межразрядность (типологическое значение может быть передано различными лексико-грамматическими разрядами слов), 4) возможность межуровневой синонимии и межъязыковой эквивалентности» [5, с. 11].

‘порисовать’, *ein bisschen weinen* ‘поплакать’, *ein paar Paffe tun* ‘покурить’ (немного), *eine Zeitlang arbeiten* ‘поработать’, *einen Moment lang im Flüsterton sprechen* ‘пошептать’, *sich kurzdauernd mit etw. beschäftigen* ‘позаниматься чем-л.’, *kurz schweigen* ‘помолчать’, *einen Atemzug lang nachdenken* ‘поразмышлять’ (одно мгновение, секунду) и др.;

– УГИС, часто также в сочетании с наречием с семантикой ограниченной длительности: *in Schweiß kommen* ‘попотеть над чем-л.’, *zu Atem kommen* ‘передохнуть, перевести дух’, *sich (Dat.) die Zeit zur Ruhe nehmen [gönnen]* ‘передохнуть’, *das ganze Jahr über krank sein* ‘проболеть весь год’, *sich die Nacht um die Ohren schlagen* ‘прокутить всю ночь’, *dem lieben Gott den Tag abstehlen* ‘пробездельничать весь день’, *bis in den hellen Morgen hinein arbeiten* ‘проработать до самого утра’, *bis tief in die Nacht hinein reden* ‘проговорить до поздней ночи’;

3) для завершительного СГД:

– сочетания «фазисный глагол *aufhören/aufgeben* + инфинитив смыслового глагола»: *aufhören zu seihen* ‘отцедить’, *aufhören zu sein* ‘отжить свое’, *aufhören zu singen* ‘допеть’, *aufhören zu weinen* ‘перестать плакать’, *aufgeben zu streiten* ‘закончить спор’ и др.;

– УГИС: *zu Ende sprechen* ‘договорить’, *etw. zu Ende bringen* ‘доделать, закончить что-л.’, *seine Gedanken zu Ende denken* ‘додуматься, додумать мысль до конца’, *bis zu etw. fahren/kommen* ‘доехать, дойти до чего-л.’, *auf etw. kommen* ‘додуматься до чего-л.’, *etw. unter Dach und Fach bringen* ‘доделать, закончить какое-л. дело’, *in Flammen aufgegangen sein* ‘догореть’, *das Lesen beendet haben* ‘дочитать’, *eine Mahl einnehmen* ‘отобедать’ и др.

2. Приглагольными лексическими экспликаторами акциональных значений количественных СГД при переводе на немецкий язык выступают:

1) для одноактного СГД:

– сочетания «глагол + неопределенный артикль *ein/eine* (маркер однократного характера совершаемого действия) + существительное (с/без предлога)»: *einen Sprung tun* ‘прыгнуть’, *einen Schrei ausstoßen* ‘крикнуть’, *etw. auf einen Bissen hinunterschlingen* ‘проглотить разом что-л.’, *j-m eine Kugel nachjagen* ‘выстрелить кому-л. вслед’, *j-m eins hinter die Ohren hauen* ‘дать кому-л. в ухо’, *etw. auf einen Zug trinken* ‘выпить одним глотком’, *einen Pfiff ertönen lassen* ‘свистнуть’ и др.;

– сочетания «глагол физической активности, мыслительной деятельности + наречие-маркер однократности/мгновенности действия *einmal, zum ersten Mal, einmalig, im Augenblick, im Nu/in einem Nu, im Handumdrehen, in Sekundenschnelle, augenblicklich, blitzschnell, ratzfatz, rasch, hastig, sofort, auf einmal*»: *einmal niesen* ‘чихнуть’, *zum ersten Mal zucken* ‘вздрагнуть», *in Sekundenschnelle etw. verstehen* ‘смекнуть, сразу понять что-л.’ и др.;

– УГИС с полным и частичным переосмыслением: *j-m in den Weg laufen* ‘наткнуться на кого-л.’, *den Atem*

ausstoßen ‘вздыхнуть (облегченно)’, *zu Boden stürzen* ‘рухнуть (на землю)’, *j-n mit seinem Besuch überfallen* ‘нагрянуть в гости к кому-л.’ и др.;

2) для многоактных СГД:

многократный подтип:

– сочетания «непредельный имперфективный глагол + форма *Partizip I* мультипликатива»: *flackernd brennen* ‘мигать’, *wabernd glühen* ‘трепетать (о пламени)’;

– сочетания «непредельный имперфективный глагол + наречие-маркер неоднократности, повторяемости совершаемого действия *mehrmals, mehrmalig, mehrere Male, ein paar Mal, immer wieder, auf und ab, hin und her*»: *mehrere Male tauchen* ‘нырять много раз’, *immer wieder etw. sagen* ‘повторять что-л. снова и снова’, *hin und her laufen* ‘сновать, бегать туда-сюда’, *auf und ab gehen* ‘ходить туда-сюда’ и др.;

– редупликация непредельного имперфективного глагола: *rennen und rennen* ‘скакать без усталости’, *reden und reden* ‘повторять одно и то же’;

– УГИС: *durch die Länder ziehen* ‘ездить по странам’, *von einem Bein auf das andere treten* ‘переступать с ноги на ногу’, *immer den gleichen Faden spinnen* ‘твердить одно и то же’, *immer wieder das alte Lied [die alte Leier] anstimmen* ‘тянуть старую песню, твердить одно и то же’, *etw. unaufhörlich in Gedanken bewegen* ‘передумывать что-л. много раз’, *mehrere Kurven beschreiben* ‘кружить’ и др.;

смягчительный подтип:

– сочетания «глагол + наречие-маркер неполноты, низкой степени интенсивности действия *leicht, etwas, halb, ein wenig, ein bisschen*»: *leicht zuckern* ‘подсластить’, *sich etwas beruhigen* ‘поуспокоиться’, *halb öffnen* ‘приоткрыть’, *ein wenig tanzen* ‘потанцевать (немного)’, *ein bisschen durchhalten* ‘потерпеть (немного)’ и др.;

– УГИС с полным и частичным переосмыслением: *es mit der Wahrheit nicht so genau nehmen* ‘привирать’, *lange Ohren machen* ‘подслушивать’, *j-m etw. in die Ohren blasen* ‘нашептывать кому-л. что-л.’, *j-m einen Esel bohren* ‘насмехаться над кем-л.’, *ein Auge auf j-n haben* ‘присматривать за кем-л.’ и др.;

сопроводительный подтип:

– сочетания «непредельный имперфективный глагол + наречие *dabei* ‘при этом’»: *dabei etwas flüstern* ‘пришептывать’, *dabei etwas sagen* ‘приговаривать’, *dabei etwas singen* ‘припевать’;

– сочетания «непредельный имперфективный глагол движения + форма *Partizip I*»: *tänzelnd gehen* ‘идти, пританцовывая’;

– УГИС с полным и частичным переосмыслением: *j-m nach dem Munde reden* ‘поддакивать кому-л.’, *amen sägen* ‘поддакивать’, *j-s Echo sein* ‘подпевать’, ‘поддакивать’, *nach j-s Pfeife tanzen* ‘плясать под чью-л. дудку и др.’

интенсивно-процессный подтип:

– сочетания «глагол + прилагательное/наречие с семой интенсивности (*peinlich, mühsam, pausenlos*,

halb tot, brav, steif und fest, hart, eifrig, tüchtig, genau, scharf, lang und breit, groß, fuderweise, allzu viel, allzu weit, über und über)»: *j-n groß anschauen* ‘смотреть на кого-л. с большим удивлением’, *etwas steif und fest behaupten* ‘упорно утверждать что-л.’ и др.;

– сочетания «имперфективный глагол + предложно-субстантивный маркер интенсивности действия (*im Affentempo, in vollem Galopp, mit Hochdruck, aus aller Macht, aus vollem Halse, aus voller Lunge, mit aller Kraft, mit Müh und Not, Schritt für Schritt, Zeile für Zeile, Wort für Wort, Hals über Kopf, bis aufs Mark, durch Dreck und Speck, vom ganzen Herzen, mit vollen Bucken*)»: *mit vollen Bucken essen* ‘уплетать за обе щеки’, *Hals über Kopf laufen* ‘нестись’ и др.;

– сочетание «глагол движения + форма Partizip II глагола с семой интенсивности»: *angedampft kommen* ‘приближаться на всех парах’, *angedonnert kommen* ‘приходить с большим шумом’, *angestieft kommen* ‘приближаться большими шагами’ и др.;

– сочетание «наречие *ganz* + форма Partizip II наречия/прилагательное/существительное + (предлог) + глагол *sein*»: *ganz gespannt auf etw. sein* ‘с нетерпением ждать чего-то’, *ganz neugierig auf etw. sein* ‘испытывать большое любопытство по отношению к чему-л.’, *ganz Ohr sein* ‘обратиться вслух, напряженно слушать’, *ganz Auge sein* ‘напряженно смотреть’;

– УГИС: *in der Hitze braten* ‘изнывать от жары’, *den wilden Mann spielen* ‘неистовствовать, бушевать’, *aus vollem Hals heulen* ‘рыдать’, *die Ohren aufmachen* ‘внимательно слушать’, *wie ein Bär schnarchen* ‘храпеть как медведь’, *wie ein Ochs am Berge stehen* ‘уставиться как баран на новые ворота’ и др.;

интенсивно-кратный подтип:

– сочетания «имперфективный глагол + прилагательное/наречие»: *j-n lächerlich machen* ‘высмеивать кого-л.’, *j-n peinlich fragen* ‘выпытывать у кого-л. что-л.’, *j-n fertig machen* ‘спивать кого-л.’ и др.;

– УГИС: *in Büchern wälzen* ‘выискивать что-л. в книгах’, *j-m Pauke halten* ‘отчитывать кого-л.’, *j-n aufs Korn nehmen* ‘высмеивать кого-л.’;

длительно-взаимно-дистрибутивный подтип:

– сочетания «имперфективный возвратный/невозвратный глагол + эксплицитный показатель взаимонаправленности действия (прилагательное/наречие/взаимное местоимение *einander* ‘друг друга’ и его предложно-падежные формы): *gegenseitig etw. wünschen* ‘желать друг другу чего-л.’, *miteinander [untereinander] zanken* ‘браниться, ссориться друг с другом’, *(an) einander schreiben* ‘переписываться’, *aufeinander angewiesen sein* ‘поддерживать друг друга’ и др.;

– УГИС: *die Köpfe zusammenstecken* ‘шушукаться друг с другом’, *mit j-m im Briefwechsel stehen* ‘переписываться с кем-л.’, *einander in den Haaren liegen* ‘постоянно ссориться друг с другом’ и др.;

– конструкции «невозвратный глагол *tauschen* ‘обмениваться чем-л.’ + существительное, описы-

вающее ситуацию с участием нескольких субъектов и объектов, совершающих однотипные действия либо подвергающихся им»: *Blicke tauschen* ‘переглядываться’, *Gedanken tauschen* ‘обмениваться мыслями’, *Küsse tauschen* ‘целоваться’.

В качестве эквивалентов при переводе на немецкий язык русских глаголов *специально-результативных СГД*, выражающих исчерпанность, дистрибутивность, кумулятивность либо соотнесенность с нормой действия, доведенного до реального результата, следует применять:

1) для накопительно-суммарного СГД:

– сочетания «возвратный/невозвратный глагол + эксплицитный показатель пресыщения действием (прилагательное/наречие *satt, müde, voll, tot, tüchtig, ordentlich, krank*)»: *sich satt sehen* ‘насмотреться’, *tüchtig einheizen* ‘изрядно напиться’, *sich müde spielen* ‘наиграться’, *sich tot arbeiten* ‘наработаться до смерти’ и др.;

– сочетания «прилагательное + глагол *sein* ‘быть’»: *satt sein* ‘наестся досыта’, *blau sein* ‘напиться (пьяным)’;

– УГИС: *Unheil anrichten* ‘натворить (бед)’, *j-m etw. auf die Nase binden* ‘наврать с три короба’, *j-n mit vielen guten Ratschlägen bedenken* ‘надавать кому-л. много хороших советов’, *sich die Stimme ausschreien* ‘накричаться’, *sich die Sohlen abtanzen* ‘натанцеваться’, *j-n unter die Bank trinken* ‘напоить кого-л. (до бесчувствия)’, *zur Genüge sprechen* ‘наговориться всласть’ и др.;

2) для распределительного СГД:

– сочетания «глагол + эксплицитный маркер дистрибутивности (*Mann für Mann, nacheinander, hintereinander, kettenweise, einer nach dem anderen* ‘друг за другом, один за другим’)»: *Mann für Mann aufstehen* ‘повставать (один за другим)’, *hintereinander folgen* ‘идти (друг за другом)’, *nacheinander aufspringen* ‘повскакивать (один за другим)’, *alle Türen nacheinander schließen* ‘позакрывать все двери (одну за другой)’ и др.;

– УГИС: *alles kurz und klein schlagen* ‘перебить все вдребезги’, *ein Stück nach dem anderen werfen* ‘перебросать’, *Wasser in Gläser füllen* ‘разливать воду по стаканам’, *Wein in Flaschen füllen* ‘разливать вино по бутылкам’ и др.;

3) для интенсивно-результативного СГД:

– сочетания «глагол + прилагательное/наречие/форма Partizip II перфективного глагола»: *ausgepumpt sein* ‘измучиться’, *fix und fertig sein* ‘измотаться, выдохнуться’, *zu lange (da)sitzen/irgendwo alt werden* ‘засидеться где-л.’, *bärtig werden* ‘истрепаться’ (напр., об одежде), *bankrott gehen* ‘измучиться’, *allzulange warten* ‘зажидаться’, *etw. kreuz und quer laufen* ‘избегать все вдоль и поперек’ и др.;

– УГИС: *j-n zum Krüppel hauen* ‘избить кого-л. (до полусмерти), изувечить’, *sich in Lügen verstricken* ‘завраться’, *zum Umfallen müde sein* ‘измучиться’, *sich vor Eifer umbringen* ‘переусердствовать’, *ganz Deutschland abklappern* ‘изъездить всю Германию’, *sich durch das Land betteln* ‘исходить страну, прося милостыню’ и др.;

4) для отделительно-партитивного СГД:

– УГИС: *in einen Apfel beißen* ‘откусить’, *etw. zur Seite legen* ‘отложить что-л.’, *einen Schluck machen* ‘отпить глоток’, *j-n der Macht entkleiden* ‘отобрать власть у кого-л.’ и др.;

5) для комплетивно-партитивного СГД:

орнативный подтип:

– аналитические глагольно-предложно-именные конструкции *etw. mit etw. (Dat.) versehen*, *etw. mit etw. (Dat.) ausstatten*, *etw. mit etw. (Dat.) einrichten*, *etw. mit etw. (Dat.) ausrüsten*, *etw. mit etw. (Dat.) beliefern* в значении ‘снабжать кого-л. чем-л.’, *etw. mit etw. (Dat.) überziehen* в значении ‘покрывать что-л. чем-л.’: *etw. mit Gold überziehen* ‘покрыть что-л. золотом’, *das Zimmer mit Möbeln ausstatten* ‘обставить мебелью что-л.’ и др.;

редупликативный подтип:

– сочетания «глагол + эксплицитный показатель повторного совершения действия, аналогичного предыдущему *von neuem*, *nochmals*, *mal wieder*»: *etw. von neuem waschen* ‘перемывать что-л.’, *nochmals fragen* ‘переспросить’, *mal wieder prüfen* ‘перепроверить’ и др.;

6) для мутативного СГД:

– сочетания «глагол *werden/anlaufen* + прилагательное в положительной либо сравнительной степени, выражающее состояние субъекта предикатива»: *dick werden* ‘(по)толстеть’, *stärker werden* ‘(по)полнеть’, *schamrot werden* ‘(по)краснеть от стыда’, *blau anlaufen* ‘(по)синеть’ и др.;

– УГИС: *aus den Nähten gehen* ‘(по)толстеть’, *den Glanz verlieren* ‘(по)тускнеть’, *einen roten Kopf bekommen* ‘(по)краснеть’ и др.

Заключение. Способ глагольного действия как типологическая лексико-семантическая категория, представленная в русском и немецком языках, при переводе может быть реализован как минимум одной из следующих возможностей:

1) семантикой морфемно нехарактеризованного глагола;

2) словообразовательными средствами (глагольная суффиксация, глагольная префиксация и полупрефиксация, изменение корневого гласного, образование отыменных глаголов при одновременном присоединении префикса или полупрефикса, глагольное словосложение);

3) в составе аналитических конструкций приглагольными лексическими экспликаторами, в качестве которых чаще всего используются: наречие/прилагательное в положительной либо сравнительной степени, формы Partizip I, Partizip II, устойчивые глагольно-именные сочетания, глагольная редупликация.

Таким образом, различия в семантических структурах соотносительных русских и немецких глагольных лексем, обусловленные особенностями грамматического строя, количественными и качественными отличиями морфемных составов двух языков, не являются препятствием для экспликации всех информативно существенных аспектуально-акциональных значений при переводе.

Литература

1. Горбова, Е.В. Сопоставительный анализ категорий поля аспектуальности в русском и испанском языках и их речевой реализации (на материале переводов художественных текстов): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Горбова Елена Викторовна. – СПб., 1996. – 158 л.
2. Бондарко, А.В. Русский глагол: пособие для студентов и учителей / А.В. Бондарко, Л.Л. Буланин; под ред. Ю.С. Маслова. – Л.: Просвещение, 1967. – 190 с.
3. Новый большой немецко-русский словарь = Neues deutsch-russisches Großwörterbuch: ок. 500 000 лексич. единиц: в 3 т. / науч. ред.: Д.О. Добровольский, А.В. Шарандин, А. Баумгарт Вендт (Германия); под общ. рук. Д.О. Добровольского; при участии: О.К. Винокуровой, Г. Климонов (Германия) [и др.]; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова, Österreichische akademie der wissenschaften, AAC – Austrian Academy Corpus. – 9-е изд., стер. – М.: АСТ: Астрель, 2007–2009. – (Biblio). – 3 т.
4. Роганова, З.Е. Способы уточнения видовых значений русского глагола при переводе на немецкий язык / З.Е. Роганова // Вопросы языка и литературы. – М., 1959. – С. 31–53.
5. Введение в контрастивную лингвистику: метод. указания и контрол. вопросы для студ. спец. «Русский язык и литература в межнациональном общении» / Казан. гос. ун-т, филол. фак., каф. рус. яз. и лит. в нац. шк.; сост. Л.К. Байрамова. – 2-е изд., доп. и перераб. – Казань, 2005. – 16 с.
6. Алимпиева, Е.В. Способы глагольного действия в русском и немецком языках: система и функционирование: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Алимпиева Елена Викторовна. – Минск, 2022. – 29 с.
7. Flämig, W. Grammatik des Deutschen / W. Flämig. – Akademie Verlag, Berlin, 1991. – 641 S.
8. Алимпиева, Е.В. Способы глагольного действия и средства их репрезентации в современных русском и немецком языках / Е.В. Алимпиева // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сб. науч. тр. – Витебск, 2018. – Т. 26. – С. 149–155. – URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/16660> (дата обращения: 27.05.2024).
9. Helbig, G. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht / G. Helbig, J. Buscha. – Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1972. – 629 S.

Поступила в редакцию 03.09.2024

Способы достижения эквивалентности при переводе поэтических текстов (на материале русского, английского, немецкого и французского языков)

Бартош Ю.В., Алимпијева Е.В., Яковлева-Юрчак Е.Н.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

Данное исследование выполнено в русле современных направлений в лингвистике, литературоведении, теории и практике перевода, межкультурной коммуникации и посвящено изучению переводов поэтического текста как акта коммуникации.

Цель статьи – выявить основные способы достижения эквивалентности поэтических текстов исходного (ИЯ) и переводящих языков (ПЯ) на структурном, лексико-семантическом, прагматическом уровнях; охарактеризовать факторы возникновения трансформаций при переводе.

Материал и методы. Фактическим материалом для работы послужили стихотворение А. Блока «Незнакомка» и варианты его переводов на английский, немецкий и французский языки. В ходе исследования применялись сопоставительно-переводной, дескриптивный и количественный методы, компонентный анализ, приемы филологического анализа поэтического текста.

Результаты и их обсуждение. Стремление к повышению значимости эстетических характеристик художественного перевода определяет выбор адекватных языковых средств и приемов, способствующих сохранению и передаче содержательной и функционально-прагматической составляющих поэтического текста. Воспроизведение ритмико-интонационного рисунка исходного произведения, сходное членение на строфы и полустрофы, дословный перевод, применение переводческих трансформаций, прямые включения, обыгрывание многозначности исходных единиц и др. способствуют достижению эквивалентности поэтических текстов ИЯ и ПЯ на всех уровнях языковой системы.

Заключение. Использование различных видов переводческих приемов, наиболее частотными из которых являются лексико-семантические и лексико-грамматические трансформации, способствует достижению эквивалентности поэтических текстов ИЯ и ПЯ на всех уровнях языковой системы. Выявленные сходства и различия в способах передачи формальных лингвистических характеристик единиц ИЯ и ПЯ, такие как сохранение/потеря рифмы, звукописи и/или системы образов оригинала, незначительная диспропорция лексического состава и др., обусловлены как структурно-типологической организацией рассматриваемых языков, особенностями языкового сознания их носителей, жанрово-стилевыми особенностями исследуемых произведений, так и уровнем развития языковой личности и профессиональной компетенции переводчика.

Ключевые слова: переводческие трансформации, эквивалентность, прагматика перевода, поэтический текст, поэтический перевод.

(Ученые записки. – 2024. – Том 40. – С. 111–118)

Ways to Achieve Equivalence when Translating Poetic Texts (Based on the Material of Russian, English, German and French)

Bartosh Ju.V., Alimpiyeva E.V., Yakovleva-Yurchak E.N.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The research is carried out in line with modern trends in linguistics, literary studies, translation studies and practice, intercultural communication and deals with the study of translations of a poetic text as an act of communication.

The purpose of the article is to identify the main ways to achieve equivalence of poetic texts of the source and target languages at the structural, lexico-semantic, and pragmatic levels; to characterize the factors of transformation in translation.

Material and methods. The actual material of the study was A. Blok's poem "The Stranger" and variants of its translations into English, German and French. In the course of the study, comparative-translational, descriptive and quantitative methods, component analysis, and methods of philological analysis of a poetic text were used.

Findings and their discussion. The desire to increase the importance of the aesthetic characteristics of literary translation determines the choice of adequate linguistic means and techniques that contribute to the preservation and transmission of the meaningful and functional-pragmatic components of the text. Reproduction of the rhythmic-intonation pattern of the original work, similar division of the text into stanzas and half-verses, literal translation, the use of translation transformations, direct inclusions, language games based on the ambiguity of the original units, etc. They contribute to the achievement of equivalence of poetic texts at the structural, semantic, stylistic and pragmatic levels in the translation process.

Conclusion. The use of various types of translation transformations, the most frequent of which are lexico-semantic and lexico-grammatical ones, contributes to the achievement of equivalence of poetic texts of SL and TL at all levels of the language system. The similarities and differences revealed at all levels in the ways of transmitting the formal linguistic characteristics of the units of SL and TL, such as rhymed translation/loss of rhyme, phonetical expressive means and/or image systems of the original, a slight imbalance in lexical composition, etc., are due to both the structural and typological organization of the languages under consideration, the peculiarities of the linguistic consciousness of their speakers, genre and stylistic features of the studied texts, as well as the level of development of the linguistic personality and professional competence of the translator.

Key words: translation transformations, equivalence, translation pragmatics, poetic text, poetic translation.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 40. – P. 111–118)

Перевод поэтического текста является одним из самых сложных видов перевода, поскольку при его осуществлении необходимо учитывать различные компоненты организации поэтической речи: ритм, размер, тип рифмовки, мелодику стихотворения, авторский идиостиль, коннотации, образы и аллюзии, подчиненность формы эстетическому замыслу и др. Кроме того, «особенности восприятия поэтического текста во многом зависят от особенностей той культуры, к которой принадлежит этот текст» [1, с. 36].

В процессе работы со стихотворными текстами нередко прибегают к прозаическому переводу, однако наиболее часто используются поэтический перевод, при котором произведение исходного языка оформляется в стихотворение без рифмы, и стихотворный перевод, представляющий собой рифмованный текст на переводящем языке.

Поэтический текст и закономерности его перевода на разные языки уже не раз становились объектом рассмотрения ученых. Исследованию особенностей художественного перевода поэзии посвящены труды таких авторов, как М.М. Бахтин, И.Р. Гальперин, С.Ф. Гончаренко, Н.С. Гумилев, К.В. Кулемина, В.В. Левик, М.Л. Лозинский, С.Я. Маршак, С.Л. Сухарев, К.И. Чуковский и др., что свидетельствует об актуальности данной проблемы. Новые тенденции в лингвистике, литературоведении, теории и практике перевода, межкультурной коммуникации влекут за собой возникновение новых подходов: поэтический текст изучается как дискурс и как акт коммуникации, наблюдается стремление к повышению значимости эстетических характеристик художественного перевода по сравнению со значимостью информативности и др. Тем не менее выбор адекватных языковых средств и приемов, способствующих достижению эквивалентности при переводе поэтических текстов, по-прежнему сопряжен с рядом трудностей.

Несомненно, переводчик начинает работу с подстрочного перевода, который, по нашему мнению, является одним из промежуточных этапов процесса перевода поэтического текста: помимо дословной передачи текста следует отразить замысел поэта

и способы его воплощения: образы, тропы, ритмический рисунок, стилистические приемы и т.д. То есть при переводе учитывается как лингвистическая, так и эстетическая функция. Разумеется, один и тот же смысл можно выразить разными словами, однако при поэтическом переводе не все варианты приемлемы, поскольку задачей переводчика является не создать свою интерпретацию стихотворения на другом языке, а максимально сохранить и передать содержательную и функционально-прагматическую составляющие текста оригинала, фокусируясь на отборе адекватных грамматических конструкций, лексических, синтаксических и стилистических средств.

Думается, что стремление к достижению эквивалентности текстов исходного и переводящего языков позволяет отступать от дословной точности и в значительной степени определяет выбор языковой единицы при переводе, т.к. «в эквивалентном переводе воспроизводится та часть элементарных смыслов, которая релевантна для данного сообщения, кроме того, могут появиться дополнительные элементарные смыслы, обусловленные структурой переводящего языка» [2, с. 11]. Однако, если «поэтический перевод адекватен оригиналу только в смысловом (стилистическом, прагматическом) отношении, еще не следует, что он может рассматриваться как адекватный в целом. Общая адекватность определяется как оптимальный продукт прагматической, семантической и стилистической адекватности» [3, с. 17].

Цель данной статьи – выявить основные способы достижения эквивалентности поэтических текстов исходного и переводящих языков на структурном, лексико-семантическом, прагматическом уровнях; охарактеризовать факторы возникновения трансформаций при переводе.

Материал и методы. С целью выявления путей решения описанных выше проблем нами был осуществлен сопоставительный анализ стихотворения А. Блока «Незнакомка» и вариантов его переводов на английский, немецкий и французский языки, выполненных Вл. Набоковым, Д. Беляевой, A.S. Kline, A. Vagapov, R. Moreton, G.M. Young, а также группами

авторов P. France и J. Stallworthy, B. Deutsch и A. Yarmolinsky, I. Kutik и M. Denner (английский язык); Э. Бёрнером, А. Ласкавцевым (немецкий язык); П. Леном, С. Вантюрини (французский язык).

В ходе исследования применялись сопоставительные-переводной, дескриптивный и квантитативный методы, компонентный анализ, приемы филологического анализа поэтического текста, предложенные В.А. Масловой [1, с. 82–84] и предполагающие рассмотрение художественного текста в совокупности всех его сторон, компонентов и уровней.

Результаты и их обсуждение. Стихотворение А. Блока «Незнакомка», созданное в 1906 г. на основе жизненных впечатлений автора и впоследствии опубликованное в сборнике «Нечаянная радость», принадлежит к лучшим произведениям поэта. Являющееся рассказом в стихах и при этом обладающее мистическим налетом, оно повествует о двух несовместимых мирах – столкновении пошлости реального мира с идеалом, – что, вкупе с яркими средствами выразительности, глубокими образами и многочисленными символами, осложняет перевод данного стихотворения на другие языки.

Название, являющееся эстетическим структурообразующим элементом композиции, несет в себе не только информацию о теме стихотворного произведения, но и персонажах, времени, пространстве и даже ракурсе, с которого следует рассматривать стихотворение.

Анализируемое заглавие представлено персонажем – Незнакомка, что вызывает трудность перевода на английский язык, поскольку оно не только сообщает, что речь идет о незнакомой женщине, но и придает ей оттенок загадочности. Наиболее частотным переводом заглавия на английский язык оказался *The Stranger* (4 словоупотребления из 9). Следует отметить, что данная лексическая единица является гендерно нейтральной, что несколько изменяет смысл исходного заглавия. Среди отобранных нами вариантов перевода заглавия встречаются также *The Unknown Lady* (2 словоупотребления), *The Lady Unknown* (2 словоупотребления) и *Unknown Woman* (1 словоупотребление). В качестве заголовков анализируемых переводов на немецкий и французский языки в 100% случаев использованы субстантивированные прилагательные *Die Unbekannte* (нем.) и *L'Inconnue* (франц.), эквивалентные русскому существительному.

Композиция стихотворения на языке оригинала представлена двумя семантическими центрами: художественное описание жизни окраины Петербурга и образ Незнакомки. Произведение состоит из 52 строк, объединенных в 13 четверостиший, написанных четырехстопным ямбом с пиррихиями. Рифма в данных строфах перекрестная, в преобладающем большинстве случаев полная, что способствует созданию плавного ритма стиха и вкупе с другими языковыми средствами передает атмосферу неспешности, нечеткости, таинственности и загадочности.

Анализируемые переводы на английский и немецкий языки демонстрируют частичную эквивалентность на структурном уровне: при полном сохранении композиции и структуры текста оригинала в текстах ПЯ часто наблюдаются нарушения рифмы и размера стиха.

В частности, перекрестная рифмовка «Незнакомки» передана в переводах Р. Мортон, Д. Беляевой, коллектива переводчиков B. Deutsch и A. Yarmolinsky, а также А. Вагапова (однако следует отметить, что в последнем варианте не все рифмы точные). В переводе М. Янга рифмуются вторая и четвертая строки. У Р. France и J. Stallworthy рифма появляется не во всех строфах. Вл. Набоков, A.S. Kline, а также группа переводчиков A. Wachtel, I. Kutik и M. Denner прибегли к поэтическому переводу.

Дальнейший анализ текстов английского языка осуществлен нами на материале переводов Вл. Набокова, Р. Мортон и Д. Беляевой.

Благодаря выбранному размеру «Незнакомка» имеет сходство с балладной английской строфой. Перед переводчиком обычно стоит задача сохранить ритмико-интонационное подобие оригинального стихотворения, а не соблюсти формально-метрический строй оригинала. В переводе Вл. Набокова наблюдаются отклонения от ритмического образца, в то время как переводы Р. Мортон и Д. Беляевой достаточно схожи с «блоковским» текстом по ритмическому рисунку.

Вл. Набоков. *The Stranger*

*In the evenings, the sultry air above the restaurants
is both wild and torpid,
and drunken vociferations are governed
by the evil spirit of spring.*

Р. Мортон. *The Stranger*

*At evening time above the restaurants
There hangs a fetid muffled cloud,
With cries of rowdy drunk belligerence
Holds sway the vernal rotten crowd.*

Д. Беляева. *The Lady Unknown*

*At evening times above the restaurants
The sultry air's harsh and stale.
The spirit of the spring-time pestilence
Reigns over drunken muffled wails.*

Намерение переводчиков воссоздать ритмико-интонационный рисунок исходного произведения прослеживается и в анализируемых поэтических текстах немецкого языка: в 88% случаев в переводе А. Ласкавцева рифмопары расположены в конце четных/нечетных строк каждой строфы. В переводе Э. Бёрнера тождественность концевой перекрестной рифме текста оригинала наблюдается лишь в 50% случаев, вследствие чего звучность стиха уменьшается, и эквивалентность текстов ИЯ и ПЯ на структурном уровне достигается в основном за счет сохранения подобного членения текста на строфы и полустишия.

Э. Бёрнер. Die Unbekannte
Über den Restaurants, an den Abenden,
Schweben die Lüfte: heiß, wild und dumpf,
Steuert ein Frühlingshauch, ein belebender,
Trunkene Rufe im modernden Sumpf.

А. Ласкавцев. Die Unbekannte
Auf Gaststätten an Frühlings Abenden
Liegt heiße Luft, so dumpf und wild.
Und durch die Rufe der Betrunkenen
Verdorb'ner Geist nach oben quillt.

Структура и композиция двух переводов на французский язык повторяют текст оригинала, однако в них отсутствует рифма, а стихотворный размер изменен. Количество слогов в стихотворной строке варьируется от 6 до 9 в переводе П. Леона, от 7 до 10 у С. Вантюрины, тогда как у А. Блока последовательность слогов в строках следующая: 10–8–10–8. Таким образом, в франкоязычных текстах ритмический рисунок не прослеживается.

Звуковая организация анализируемых стихотворений также имеет свои особенности. На фонетическом уровне в тексте оригинала преобладают согласные (78%). Наиболее частотными гласными являются звуки [a] (*ресторанами, горячий, пьяными, загородных, дач, плач, шлагбаумами, заламывая, канав, дамами, скрипят, стаканы, страуса, пьяное* и т.п.) и [y] (*глух, дух, переулочной, уключины, приученный, мозгу*).

В англоязычных переводах Р. Мортон и Д. Беляевой эта тенденция частично отражена посредством многократного использования дифтонгов [au], [ai], тогда как перевод Вл. Набокова не обнаруживает преобладания каких-либо гласных звуков. В анализируемых немецкоязычных текстах фиксируются частые повторы гласных [a], [u], [ai], [au].

Обратим внимание на фрагмент исходного стихотворения: *Над озером скрипят уключины / И раздаётся женский визг, / А в небе, ко всему приученный, / Бессмысленно кривится диск*. Благодаря использованию звуков [с], [р], [р'], [к], [к'], [ц:] мы «слышим» скрип уключин. Проследим, как передали эту особенность переводчики. В трех вариантах перевода на английский язык присутствует аллитерация – повторение звуков [s], [z], [k], [r].

Вл. Набоков. The Stranger
From the lake comes the sound of creaking oar locks
and women are heard squealing,
while overhead, the round moon,
accustomed to everything, blankly mugs.

Р. Мортон. The Stranger
Above the lake the rowlocks tuneless
Resound as woman's screech rings out,
Familiar crescent hovers heedless,
Its darkling face appears to pout.

Д. Беляева. The Lady Unknown
Lakeside the creaky oars reverberate
To flirty squeals of lady folks,
And astral discus, dull and obdurate,
Squirms in the sky above it all.

В переводах на немецкий язык данная закономерность также нашла свое выражение через аллитерирование сонорных согласных [m], [l], [r], что в целом свидетельствует о стремлении к передаче звуко-образительного наполнения оригинала фонетическими средствами рассматриваемых языков при переводе. Звуковые повторы гласных и согласных в текстах ИЯ и ПЯ вступают в ассоциативные связи с семантикой содержащих их слов, передавая атмосферу теплого весеннего вечера, душного ресторана, шуршащие шелка и т.д.

Э. Бёрнер. Die Unbekannte
Über den Wellen des Sees knarren Dollen
Und ein Frauengekreische erschallt,
Während am Himmel, Beachtung nicht zollend,
Sinnlos die Scheibe des Mondgesichts schmolzt.

А. Ласкавцев. Die Unbekannte
Am nahen See die Ruderrolle stöhnt,
Ein Frauenschrei durchdringt die Nacht,
Am Himmel hat, an alles längst gewöhnt,
Der Mond sich zwecklos krumm gemacht.

Во французских переводах преобладание каких-либо гласных звуков не фиксируется. Часто повторяющиеся в русском тексте звуки [p], [p'], присутствующие в словах *вечерам, тлетворный, ресторанами, горячий, правит, окриками* и внушающие читателю чувство тревоги, также представлены в обоих переводах на французский язык:

П. Леон. L'Inconnue
Au-dessus des restaurants, le soir,
L'air est épais, sauvage et lourd,
Et règne sur les cris d'ivrognes
Un souffle de printemps malsain.

С. Вантюрины. L'Inconnue
Après le dîner, sur les restaurants,
L'air visqueux brûle, glauque, étouffant
Et le printanier esprit putrescent
Surnage des cris rauques de sôûlards.

Скрип уключин «слышен» в обоих переводах на французский язык благодаря удачно подобранным *grincent, sur, grimacer*, а женский визг воссоздается посредством сочетания [r] с гласными [э, i]: *retentit le cri strident des femmes*.

Оригинальное стихотворение оформлено в 15 предложений, включающих 219 слов. Из них: 63 – существительные, 42 – прилагательные, 27 – союзы, 20 – глаголы,

5 – наречия и т.д. Основную семантическую нагрузку несут существительные, прилагательные и сочинительные союзы, которые, взаимодействуя между собой, реализуют стремление автора вызвать определенные ассоциации, создать описательность, образность, придать оценочность происходящему. Высокочастотными и ключевыми при этом являются слова *вечер* (4 словоупотребления), *пьяный* и его производные (4 словоупотребления), *вино* (3 словоупотребления), *берег* (2 словоупотребления), *душа* (2 словоупотребления), *окно* (2 словоупотребления), *даль*, *дальний*, *туман*, *туманный* (по 1 словоупотреблению), союз *и* (24 словоупотребления). Большинство использованных автором глаголов (85%) употреблено в форме 3-го лица единственного и множественного числа настоящего времени и лишь три – в форме 1-го лица единственного числа (*смотрю*, *вижу*, *знаю*), что подчеркивает позицию поэта-стороннего наблюдателя за происходящим и создает определенное настроение у читателя. Повторы глаголов в анализируемом тексте не зафиксированы.

Что касается синтаксиса стихотворения, то у А. Блока он нормативен и характеризуется преобладанием сложносочиненных предложений с союзом *и*, что вкупе с использованием анафоры в начале третьей, пятой и седьмой строф стихотворения (тройной повтор словосочетания *и каждый вечер*) способствует созданию иллюзии цикличности, обыденности, бессмысленности бытия, безысходности и душевной опустошенности, однако вместе с тем усиливает предчувствие скорого выхода из духовного кризиса. Существительное *душа*, стоящее в сильной позиции – в последней строфе стихотворения, – в сочетании с заголовком транслирует мысль автора о том, «насколько самодостаточен человек, душа его открыта для чуда, она ждет другую душу (отголоски влияния философии В. Соловьева с его Мировой Душой). <...> Это стихи о том, что истинная мечта, истинная чистота живет в нашей душе. Она неприкосновенна. Ни пьяные крики, ни мещанская серость не могут заглушить зов души, стереть Идеал, каким является для поэта Женщина» [1, с. 124–125].

Выстраиванию музыкальности стиха и сбалансированности изображаемого автором мира способствует также использование кольцевой композиции, являющейся отличительной чертой идиостиля А. Блока: повтор последних строк первой и второй структурно-семантической части стихотворения призван акцентировать внимание на том, что «все взаимосвязано, все повторяется, так складывается земная гармония мира» [1, с. 109].

Стилистическая тональность оригинального стихотворения – нейтральная с небольшим использованием разговорной (*кривится*, *торчат*, *пьяницы*) и поэтической (*очи*, *стан* и др.) лексики.

В результате сопоставления текстов ИЯ и ПЯ установлено, что синтаксическое и стилистическое оформление англоязычных переводов в целом соответствует тексту оригинала. Количественная оценка лексической близости исследуемых текстов показала, что во

всех трех переводах на английский язык преобладают существительные (84 из 318; 88 из 298; 91 из 317), а также прилагательные с причастиями, являющиеся эпитетами в переводном тексте (29+17 из 318; 27+28 из 298; 34+16 из 317 соответственно). Увеличение количества существительных по сравнению с оригинальным стихотворением объясняется наличием атрибутивных существительных – существительных в функции левого определения, зачастую переводимых на русский язык прилагательными. Количество глаголов сопоставимо с источником (27/32/33). Расхождения обусловлены отсутствием глагола связки в настоящем времени в русском языке, в то время как структура английского предложения подразумевает наличие глагола *to be* в случае, когда лексическая нагрузка перераспределяется на прилагательное, причастие либо существительное. Количество союзов в текстах ИЯ и ПЯ коррелирует. При этом нами отмечено преобладание сочинительного союза *and* в переводных вариантах, в них также воспроизведено повторение словосочетание *every evening* с однократной вариацией *every night* у Д. Беляевой.

Переводы на немецкий язык, кроме того, демонстрируют сходную с текстом подлинника синтаксическую и лексико-стилистическую наполняемость. Преобладающие части речи в обоих текстах ПЯ – существительные (79 из 303; 73 из 293) и прилагательные (их соответственно 34/29). Некоторая количественная диспропорция существительных и прилагательных в рассматриваемых немецкоязычных переводных текстах по сравнению с текстом оригинала обусловлена, с одной стороны, широким использованием словосложения в системе способов словообразования и номинации немецкого языка, с другой – тенденцией к использованию в функции определения существительного в родительном или дательном падеже: рус. *детский плач* – нем. *Kinderweinen/das Plärren von Kindern*, рус. *женский визг* – нем. *Frauengekreische/Frauenschrei*, рус. *девичий стан* – *Frauenbild/das Bild einer Frau* и др. Количество глаголов и союзов в переводных текстах коррелирует с текстом оригинала. Временной план повествования при переводе сохранен. Повторы существительных, прилагательных, союзов и временного сочетания *и каждый вечер*, выполняющих важную семантическую функцию, в целом адекватно переданы при переводе.

В анализируемых переводах на французский язык также отмечается преобладание существительных (72 из 211; 77 из 239) и прилагательных (32/39). Несовпадение количества данных частей речи по сравнению с оригиналом обусловлено использованием повтора (рус. *И очи синие бездонные* – франц. *Et ces yeux bleus, ces yeux sans fond* ‘И эти глаза синие, эти глаза без дна’; рус. *Каждый вечер* – франц. *Soir après soir* ‘Вечер за вечером’); а также употреблением в качестве определения существительного с предлогом *de* (рус. *женский крик* – франц. *le cri des femmes* ‘крик женщин’).

Исследование количественной оценки лексической близости рассматриваемых текстов показало,

что в переводах на английский, немецкий и французский языки преобладают существительные и прилагательные. Отличия в количестве существительных и прилагательных относительно оригинального текста объясняются особенностями рассматриваемых языков и переводческими приемами. В целом союзы и глаголы в переводах коррелируют с оригиналом. Временной план повествования сохранен.

Несомненно, «Незнакомка» изобилует различными средствами выразительности. Самые частотные средства в создании художественной образности данного стихотворения – это эпитет и метафора. Рассмотрим некоторые из них. Так, эпитет *пьяные* употреблен А. Блоком дважды (*окриками пьяными* (пример 1), *пьяное чудовище* (пример 2)). Также поэт использует однокоренное субстантивированное прилагательное (*пройдя меж пьяными* (пример 3) и существительное (*пьяницы с глазами кроликов* (пример 4)). Проследим, как переданы данные слова при переводе:

– английский язык:

Вл. Набоков. *The Stranger*

- (1) *drunken vociferations*
- (2) *Those drunken brutes are right indeed*
- (3) *she makes her way among the drinkers*
- (4) *tipplers with the pink eyes of rabbits*

Р. Мортон. *The Stranger*

cries of rowdy drunk belligerence
O drunken sot, you have my measure!
slowly through the drinkers trending
And rabbit-eyed ... drunks

Д. Беляева. *The Lady Unknown*

drunken muffled wails
So right you are, grotesque inebriate
slowly moving through the drunken guests
drunkards with the rabbit-like red eyes

– немецкий язык:

Э. Бёрнер. *Die Unbekannte*

- (1) *Trunkene Rufe*
- (2) *Ja, du hast recht, versoffenes Scheusal,*
- (3) *... zwischen den Trinkern hindurch*
- (4) *Trinker mit Augen von weißen Kaninchen*

А. Ласкавцев. *Die Unbekannte*

die Rufe der Betrunkenen
Ja, du hast Recht, betrunken'ner Tunichtgut!
Und langsam durch Betrunkene sie geht
von Betrunkenen mit Kaninchenblick

– французский язык:

П. Леон. *L'Inconnue*

- (1) *les cris d'ivrognes*
- (2) *ivrogne*
- (3) *les ivrognes*
- (4) *Des ivrognes aux yeux de lapin*

С. Вантюрини. *L'Inconnue*
des cris rauques de souïards
monstre ivre-mort
les gens ivres

Quelques ivrognes aux yeux de lapins

Во французском переводе П. Леона для обозначения пьяного человека во всех четырех случаях используется одно и то же слово *ivrogne*. Перевод С. Вантюрини отличается оригинальностью: *окрики пьяные* он переводит как *des cris rauques de souïards* ‘глухие крики пьяниц’, заменяя общеупотребительное *ivrogne* на более редкое *souïards*, также использует словосочетание *les gens ivres* ‘пьяные люди’, а *пьяное чудовище* передано как *monstre ivre-mort* ‘мертвецки пьяный монстр’.

Из представленных фрагментов видно, что переводчики использовали различные модели, модифицируя исходную единицу. Обратим внимание также на обращение *Ты право, пьяное чудовище!* Р. Мортон и А. Ласкавцев воссоздали его полностью, отделив восклицательным знаком, тогда как Д. Беляева и Э. Бёрнер оставили обращение, выделяя его запятыми и не разрывая предложение. В переводе Вл. Набокова выражение подверглось лексико-грамматической трансформации (англ. *Those drunken brutes are right*), в переводе Э. Бёрнера – лексико-семантической (нем. разг. устаревшее *Tunichtgut* ‘бездельник, шалопай’).

Интересен также способ перевода метафоры *пьяницы с глазами кроликов*: для нивелирования разницы культурных кодов рассматриваемых языков в ряде случаев переводчики прибегли к приему добавления, уточнив цвет глаз. Показательно, что Вл. Набоков сохранил грамматическую структуру, добавив розовый цвет, Р. Мортон, не называя оттенок, использовал сложное прилагательное *кроликоглазый*, Л. Беляева в стремлении сохранить грамматическую структуру исходной фразы трансформировала метафору в *rabbit-like red* ‘по-кроличьи красные глаза’. При переводе на немецкий язык Э. Бёрнер, добавив в качестве определения к эквивалентному существительному *Kaninchen* ‘кролик’ прилагательное *weiß* ‘белый’, воссоздал тем самым в воображении читателя образ белого кролика, цвет глаз у которого, как известно, красный. В немецкоязычном переводе А. Ласкавцева метафора передана посредством простой подстановки семантически эквивалентных единиц ПЯ (*пьяные со взглядом кролика/кроличьим взглядом*). В анализируемых переводах на французский язык также используется прямой перевод анализируемой метафоры (*ivrognes aux yeux de lapin*).

Перевод данного фрагмента, с нашей точки зрения, важен, поскольку А. Блок делал отсылку к первоначальному значению латинской фразы: мужчины высокой степени опьянения говорят правду. Сама фраза в «Незнакомке» дается прямым включением, что эквивалентно отражено во всех анализируемых переводах. Однако глагол, предвещающий прямую речь, в ряде случаев отличается:

– английский язык:

Вл. Набоков. *The Stranger*
shout: In vino veritas!

Р. Мортон. *The Stranger*

«In vino veritas!» drunks shout.

Д. Беляева. *The Lady Unknown*

...Proclaim, «In vino veritas!»

– немецкий язык:

Э. Бёрнер. *Die Unbekannte*
Schreien: «In vino veritas!»

А. Ласкавцев. *Die Unbekannte*

«In vino veritas!» erschallt.

– французский язык:

П. Леон. *L'Inconnue*
Proclament: «In vino veritas!»

С. Вантюрины. *L'Inconnue*

braillent leur «In vino veritas!»

Так, Д. Беляева при переводе на английский язык не стала использовать глагол *shout* ‘кричать’, а выбрала *proclaim* ‘провозглашать’, сделав тем самым акцент не на выкрикивании и громком произношении, а на доведении до всеобщего сведения и публичном восхвалении.

В немецкоязычном переводе А. Ласкавцев вместо дословного эквивалента *schreien* ‘кричать’, представленного в переводе Э. Бёрнера, использовал глагол *erschallen* ‘звучать, раздаваться, слышаться’, эксплицирующий также добавочную семантику интенсивного характера осуществляемого действия – громко. П. Леон в французском переводе использует, так же, как и Д. Беляева, глагол *proclamer* ‘провозглашать’, тогда как С. Вантюрины – глагол *brailler* ‘реветь, вопить’, который выполняет эмфатическую функцию.

Вместе с тем отметим, что высказывание *In vino veritas!* является границей первой части стихотворения, после которой резко негативное отношение к происходящему сглаживается, что, в свою очередь, влияет и на отбор лексико-стилистических средств.

Еще одна метафора, на перевод которой нам видится необходимым обратить внимание, – *бессмысленно кривится диск*. Осложненная синекдохой (поскольку диск – часть светила) и олицетворением, она вызвала трудности при переводе:

– английский язык:

Вл. Набоков. *The Stranger*
the round moon... blankly mugs

Р. Мортон. *The Stranger*

crescent ...Its darkling face appears to pout.

Д. Беляева. *The Lady Unknown*
astral discus, dull and obdurate,
Squirms

– немецкий язык:

Э. Бёрнер. *Die Unbekannte*
Sinnlos die Scheibe des Mondgesichts schmolzt.

А. Ласкавцев. *Die Unbekannte*

Der Mond <hat> sich zwecklos krumm gemacht.

– французский язык:

П. Леон. *L'Inconnue*
Et, dans le ciel, on voit le disque,
Blasé, stupide, grimacer.

С. Вантюрины. *L'Inconnue*

La lune blasée là-haut dans le ciel
Fait grimacer son disque sans raison.

Вл. Набоков для разграничения значений *луна/месяц* добавил к существительному *moon* прилагательное *круглая*, а также усилил эффект персонификации посредством введения глагола *mug* ‘grimасничать’. Р. Мортон, напротив, предпочел существительное *crescent* ‘полумесяц, лунный серп, полукруг’, чье *лицо дуется, надувает губы*. Э. Бёрнер также сделал акцент на дифференциации понятий *месяц/луна* и олицетворении последней, описав ситуацию как *диск лунного лика* (нем. *die Scheibe des Mondgesichts*) *капризничает/надувает губы* (нем. *schmollen*). Вслед за автором использует слово *диск* Д. Беляева, однако добавляет к нему английское прилагательное *astral*. Примечательно, что диск *корчится* (англ. *squirm*). Выбранный глагол имеет и значение *смущенно поеживаться, корчиться от стыда*, что подчеркивает неодобрение происходящего вокруг. А. Ласкавцев использует существительное *der Mond* ‘луна/месяц’, употребляющееся в немецком языке в двух значениях, и практически дословно переводит глагол-сказуемое, однако изменяет при этом временной план высказывания: нем. *hat sich krumm gemacht* ‘искривилась’. В переводах на французский язык фраза *бессмысленно кривится диск* передается как *диск пресыщенный и глупый морщится* (П. Леон), то есть наречие *бессмысленный* было трансформировано в прилагательное *глупый* с модуляцией значения. С. Вантюрины, переводя это предложение, использует прием добавления: *измученная луна там, в небе, заставляет свой диск морщиться без причины*. Как видно из приведенных примеров, подходы переводчиков разнятся.

Вторая отсылка к латинскому изречению *Я знаю: истина в вине* также иллюстрирует разницу подходов, используемых в процессе перевода:

– английский язык:

Вл. Набоков. *The Stranger*
there is truth in wine...

Р. Мортон. The Stranger
The truth is found at wine's decree.

Д. Беляева. The Lady Unknown
I know, the truth resides in guilt.

– немецкий язык:
Э. Бёрнер. Die Unbekannte
Dass im Wein Wahrheit liegt, ist mir bekannt!

А. Ласкавцев. Die Unbekannte
Die Wahrheit sich im Wein befand.

– французский язык:
П. Леон. L'Inconnue
je sais: La vérité est dans le vin.

С. Вантюрины. L'Inconnue
Je sais – dans le vin est la vérité!

Вл. Набоков опускает грамматическую основу *я знаю* и отдает предпочтение структуре *there is*, аналога которой нет в русском языке, однако она достаточно точно передает авторский замысел. Р. Мортон модулирует исходную фразу, используя притяжательный падеж с неодушевленным предметом, добавляя существительное *decree* ‘указ, постановление, декрет, приказ’ и изменяя действительный залог на страдательный. Тем самым переводчик утверждает, что истину *находят по указу вина*. Так как концовка всегда является композиционно и по смыслу важным и сильным элементом, то можно предположить, что Р. Мортон решил передать ощущение от стихотворения, а не средства создания этого впечатления.

Опущение грамматической основы *я знаю* А. Ласкавцевым влечет за собой частичную потерю эквивалентности на семантическом уровне, однако не снижает уровень адекватности данного фрагмента за счет дословного перевода окончания фразы «истина находилась в вине», т.к. прагматический потенциал текста при этом сохраняется.

Согласно Д. Беляевой истина «*пребывает/находится в вине*», однако переводчик использует существительное *viná* (англ. *guilt*), а не *вино* (англ. *wine*), она также единственная дает сноску с пояснением, что в русском языке слова *viná* и *вино* могут быть омоформами, и утверждает, что в оригинале обыгрывается двусмысленность. Э. Бёрнер, сохраняя рифмопары в конце четных строк, достигает семантической эквивалентности подлиннику благодаря применению лексико-грамматических трансформаций: *То, что истина находится в вине, мне известно*. Во французском переводе П. Леона не используются приемы опущения и лексико-грамматические трансформации. С. Вантюрины прибегает к грамматической трансформации и меняет местами части предложения: *Я знаю: в вине правда*. С помощью перестановки

в тексте ПЯ удастся сохранить перекрестную рифму в последней строфе.

Таким образом, Вл. Набоков отдал предпочтение передаче смысла и оттенков значений, при этом не имитируя ритмический рисунок и рифмовку «Незнакомки». Р. Мортон, А. Ласкавцев и С. Вантюрины сфокусировались на коммуникативной и эстетической задачах, трансформируя исходный текст, а Д. Беляева, Э. Бёрнер и П. Леон постарались найти баланс между озвученными выше подходами.

Заключение. Сопоставление стихотворения А. Блока «Незнакомка» и его переводов на английский, немецкий и французский языки позволило выявить основные тенденции в использовании переводческих приемов, способствующих достижению эквивалентности поэтических текстов ИЯ и ПЯ на структурном, семантико-стилистическом и прагматическом уровнях:

– на структурном уровне эквивалентность достигается как за счет воспроизведения ритмико-интонационного рисунка исходного произведения, так и за счет сходного членения текста на строфы и полустихия;

– на семантико-стилистическом уровне близость оригиналу достигается при помощи дословного перевода, а также в результате применения различных видов переводческих трансформаций, наиболее частотными из которых являются лексико-семантические и лексико-грамматические;

– прагматический потенциал текста ИЯ сохраняется благодаря передаче декодированного переводчиком невербализованного содержания средствами сопоставляемых языков, то есть через переводческие трансформации различного уровня, прямые включения, обыгрывание многозначности исходных единиц и др.

Выявленные на всех уровнях сходства и различия в способах передачи формальных лингвистических характеристик единиц ИЯ и ПЯ, такие как сохранение/потеря рифмы, звукописи и/или системы образов оригинала, незначительная диспропорция лексического состава и др., обусловлены как структурно-типологической организацией рассматриваемых языков, особенностями языкового сознания их носителей, жанрово-стилевыми особенностями исследуемых произведений, так и уровнем развития языковой личности и профессиональной компетенции переводчика.

Литература

1. Маслова, В.А. Филологический анализ поэтического текста: монография / В.А. Маслова. – Минск, 1999. – 208 с.
2. Каргина, Е.М. Теория перевода: в 2 ч. / Е.М. Каргина. – Пенза: ПГУАС, 2014. – Ч. 2. Основы методологии и техники перевода: учеб. пособие по немецкому языку. – 156 с.
3. Гончаренко, С.Ф. Поэтический перевод и перевод поэзии: константы и вариативность / С.Ф. Гончаренко // Тетради переводчика. – Вып. 24. – М.: МГЛУ, 1999. – С. 107–122.

Поступила в редакцию 27.09.2024

Мастацкае адлюстраванне беларускай рэчаіснасці ў рамане І. Лажэчнікава “Унучка панцырнага баярына”

Гладкова Г.А.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”, Віцебск

Артыкул прысвечаны літаратуразнаўчаму даследаванню малавядомага рамана аднаго з прадстаўнікоў рускай гістарычнай прозы XIX стагоддзя І. Лажэчнікава “Унучка панцырнага баярына”. У творы аналізуецца мастацкае адлюстраванне беларускай рэчаіснасці. Актуальнасць даследавання выклікана наяўнасцю лакун пры вывучэнні мастацкай спадчыны пісьменніка, абумоўленых адмоўнымі ацэнкамі тагачаснай крытыкі і недастатковай літаратуразнаўчай увагай да мастацкага твора.

Мэта даследавання – на аснове рамана І. Лажэчнікава “Унучка панцырнага баярына” выявіць адметнасць аўтарскай рэцэпцыі беларускай рэчаіснасці і прыёмы яе трансляцыі ў мастацкім тэксце.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для літаратуразнаўчага аналізу стаў раман І. Лажэчнікава “Унучка панцырнага баярына” (1868). У цэнтры даследчыцкай увагі – прыёмы, выкарыстаныя аўтарам для мастацкага ўзнаўлення беларускай рэчаіснасці ў творы. Метадалогія даследавання абумоўлена выкарыстаннем агульнанавуковых метадаў аналізу і сінтэзу, а таксама прыёмаў канкрэтна-гістарычнага, біяграфічнага і герменеўтычнага метадаў.

Вынікі і іх абмеркаванне. Раман І. Лажэчнікава “Унучка панцырнага баярына” абавіраецца на гістарычныя падзеі XIX стагоддзя, звязаныя з “польскім пытаннем” (падзеі паўстання 1863 года на польскіх і беларускіх землях). Акрамя выразнай антыпольскай аўтарскай пазіцыі, абумоўленай стэрэатыпамі рускай нацыянальнай свядомасці, а таксама гістарычнымі падзеямі другой паловы XIX стагоддзя, раман дэманструе каштоўныя назіранні пісьменніка пра Віцебск (гісторыка-культурныя, геаграфічныя, прыродазнаўчыя, урбаністычныя, бытавыя дэталі), што дазваляе выявіць адметнасці аўтарскай рэцэпцыі беларускай рэчаіснасці. Асноўнымі прыёмамі стварэння мастацкага характару з’яўляюцца маўленне персанажаў, часам насычанае патэтыкай, яркія партрэтныя дэталі, псіхалагізм, які абумоўлівае наводзіны герояў.

Заклучэнне. Такім чынам, сацыяльна-псіхалагічны раман з гістарычнай асновай “Унучка панцырнага баярына” адлюстраванне не толькі погляд І. Лажэчнікава на палітычныя праблемы эпохі, але таксама выявіў пісьменніцкае ўспрыманне беларускай культурнай прасторы. Нягледзячы на гістарычную аснову твора, у яго цэнтры знаходзіцца маральна-этычная праблематыка. Лажэчнікаў стварыў шэраг ідэальных характараў, для якіх адхіленне ад высокіх маральных законаў немагчымае. Пісьменнік выступіў абаронцам расійскай пазіцыі на польскаму пытанню, надзяліў герояў-палякаў адмоўнымі характарыстыкамі, што бачыцца вынікам уплыву агульных нацыянальных стэрэатыпаў і ўласных назіранняў аўтара.

Ключавыя словы: паўстанне 1863 года, гістарычная проза, рэцэпцыя, жанр, мастацкі вобраз, ідэалізацыя, кампазіцыя, стыль.

(Ученые записки. – 2024. – Том 40. – С. 119–123)

Artistic Depiction of Belarusian Reality in I. Lazhechnikov's Novel “Granddaughter of the Armored Boyar”

Gladkova A.A.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article is concerned with the literary study of the little-known novel by one of the representatives of Russian historical prose of the 19th century, I. Lazhechnikov “The Granddaughter of the Armored Boyar”. The work analyzes the artistic depiction of Belarusian reality. The relevance of the research is determined by the presence of gaps in the study of the writer's artistic heritage, caused by the negative evaluations of contemporary critics and insufficient literary attention to the work of art.

The purpose of the research is to reveal the distinctiveness of the author's reception of the Belarusian reality and the methods of its translation in the artistic text, based on the novel by I. Lazhechnikov “Granddaughter of the Armored Boyar”.

Material and methods. The material for the literary analysis was I. Lazhechnikov's novel "The Granddaughter of the Armored Boyar" (1868). Techniques used by the author for the artistic reproduction of Belarusian reality in the work are in the center of research attention. The research methodology is determined by the use of general scientific methods of analysis and synthesis, as well as techniques of specific historical, biographical and hermeneutic methods.

Findings and their discussion. I. Lazhechnikov's novel "The Granddaughter of the Armored Boyar" is based on the historical events of the 19th century related to the "Polish question" (the events of the 1863 uprising on Polish and Belarusian lands). In addition to the clear anti-Polish author's position, conditioned by stereotypes of Russian national consciousness, as well as historical events of the second half of the 19th century, the novel demonstrates the writer's valuable observations about Vitebsk (historical, cultural, geographical, natural science, urban, household details), which allows us to reveal the peculiarities of the Belarusian perception of Belarusian reality. The main techniques of creating an artistic character are the speech of the characters, sometimes full of pathos, bright portrait details, psychologism, which determines the behavior of the characters.

Conclusion. Thus, the social and psychological novel with a historical basis "Granddaughter of the Armored Boyar" reflected not only the view of I. Lazhechnikov on the political problems of the era, but also revealed the writer's perception of the Belarusian cultural space. Despite the historical basis of the work, moral and ethical issues are at its center. Lazhechnikov created a number of ideal characters for whom deviation from high moral laws is impossible. The writer defended the Russian position on the Polish question, endowed the Polish heroes with negative characteristics, which can be seen as a result of the influence of general national stereotypes and the author's own observations.

Key words: uprising of 1863, historical prose, perception, genre, artistic image, idealization, composition, style.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 40. – P. 119–123)

Імя ўдзельніка Айчыннай вайны 1812 года, рускага пісьменніка, аднаго з заснавальнікаў гістарычнай прозы ў рускай літаратуры XIX стагоддзя Івана Іванавіча Лажэчнікава добра вядомае ў Віцебску. З кастрычніка 1853 па чэрвень 1854 года ён быў віцэ-губернатарам горада, знаходжанне ў якім дало матэрыял для твораў "Унучка панцырнага баярына" і "Уся бяда ад сораму". Лісты пісьменніка сведчаць пра стрыманае стаўленне Лажэчнікава да Віцебска, горад "дзействаваў на яго угнетаючым образом" [1, с. 367]. Як адзначыў В. Арсеньев, пісьменнік жыў у Віцебску насупраць Нікалаеўскага сабора, пасля віцебскага перыяду жыцця некаторы час працаваў цэнзарам. С. Венгераў лічыў вяршыняй творчасці І. Лажэчнікава раманы "Ледзяны дом", "Апошні Новік", "Басурман", менавіта гэтыя творы прыцягвалі першачарговую даследчыцкую ўвагу, нягледзячы на наяўнасць 12-томнага поўнага збору твораў пісьменніка, выдадзенага таварыствам М.В. Вольфа ў 1913 годзе. На сённяшні дзень творчасць І. Лажэчнікава даследавана недастаткова, асабліва гэта датычыць твораў, якія рэдка перадаваліся і сталі бібліяграфічнай рэдкасцю. Да такіх належыць раман "Некалькі гадоў таму", раскрытыкаваны адразу пасля публікацыі, ці, напрыклад, гістарычны раман "Унучка панцырнага баярына", які традыцыйна разглядаўся як рэакцыйны антыпольскі твор і не меў ґрунтоўнага літаратуразнаўчага даследавання.

У рускім літаратуразнаўстве мастацкая творчасць і мемуарная спадчына І. Лажэчнікава атрымала належную ўвагу ў працах С. Ісупавай [2; 3], К. Труніна [4], А. Чырковай [5]. Лінгвістычны аналіз твораў пісьменніка ажыццявілі Н. Ніколіна і А. Уразбекава [6]. Для айчыннага літаратуразнаўства творы І. Лажэчнікава могуць быць карыснымі пры вывучэнні рэцэпцыі беларускай рэчаіснасці пісьменнікамі-носьбітамі іншай славянскай (у прыватнасці,

рускай) культуры. Гэтым тлумачыцца актуальнасць вывучэння мастацкай спадчыны пісьменніка. Мэта даследавання – на аснове рамана І. Лажэчнікава "Унучка панцырнага баярына" выявіць адметнасць аўтарскай рэцэпцыі беларускай рэчаіснасці і прыёмы яе трансляцыі ў мастацкім тэксце.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для літаратуразнаўчага аналізу стаў раман І. Лажэчнікава "Унучка панцырнага баярына" (1868). У цэнтры даследчыцкай увагі – прыёмы, выкарыстаныя аўтарам для мастацкага ўзнаўлення беларускай рэчаіснасці ў творы. Метадалогія даследавання абумоўлена выкарыстаннем агульнанавуковых метадаў аналізу і сінтэзу, а таксама прыёмаў канкрэтна-гістарычнага, біяграфічнага і герменеўтычнага метадаў.

Вынікі і іх абмеркаванне. Адносна "паўгістарычнага рамана" "Унучка панцырнага баярына" (як вызначыў жанр уласнага твора І. Лажэчнікаў) С. Ісупава слухна заўважыла, што "історическим романом в полном смысле его назвать нельзя, так как проблема польского восстания не является в нём стержневой [...], среди главных героев нет ни одного исторического лица [...]. Правда, автор пытается разобраться в движущих силах восстания [...], передать атмосферу января 1863 года как в Польше, так и в России, но это ещё не даёт оснований считать роман историческим" [3, с. 15]. Даследчыца вызначыла жанр твора як сацыяльна-псіхалагічны раман на гістарычную тэму, дастаткова папулярны ў рускай прозе 1860-х гадоў. Адзначым, што менавіта ў гэты перыяд у творчасці Лажэчнікава назіраюцца рэалістычныя тэндэнцыі, пісьменнік адыходзіць ад экспрэсіўнай манеры пісьма, імкнецца да шматбаковага аналізу характараў. Адлюстроўваючы рэчаіснасць, літаратар стараецца быць аб'ектыўным, ён стварае рэалістычныя замалёўкі жыцця розных слаёў насельніцтва – збяднелых дваран, гандляроў, мяшчан, сялян, разглядае жыццё

чалавека ў шчыльнай сувязі з гісторыяй. І. Лажэчнікаў пазначае кароткую гістарычную інфармацыю ў зносках-тлумачэннях, што дапаўняе дакументальную аснову мастацкага твора.

Падзеі ў рамане пачынаюцца ў жніўні 1862 года і ахопліваюць некалькі гадоў. Асноўным гістарычным фонам выступае 1863 год, згадваецца “новая варфаламееўская ноч” з 10 на 11 студзеня, калі на рускія гарнізоны ў заходніх губернях былі здзейснены напады паўстанцаў. Кампазіцыйнай адметнасцю рамана “Унучка панцырнага баярына” з’яўляецца прыём рэтраспекцыі, які ў структуру мастацкага тэкста ўведзены дзякуючы ўстаўному фрагменту – рукапісу Міхала Ранеева, аднаго з дзеючых персанажаў твора. Гэты герой – шчыры патрыёт Расіі, у маладосці ажэнены з полькай Агнесай з роду Яскулкаў, дачкой панцырнага баярына (пагранічнага стражніка бліз мяжы Літвы з Расіяй, як адзначыў пісьменнік). На маладыя гады Ранеева прыйшлося польскае паўстанне 1831 г., некалькі эпизодаў з якога пададзены ў рукапісе героя.

Дачка Ранеева Лізавета – унучка панцырнага баярына. Невыпадкава яе імем названы раман, менавіта з гэтай гераіняй звязана асноўнае кола маральна-этычных праблем. Дзяўчына апынулася перад выбарам: асабістае шчасце ці вернасць абавязку рускай патрыёткі і дачкі, звязанай словам гонару. Лізавета пакахала паляка Уладзіслава Стаброўскага, кузена па мацярынскай лініі, які прымушаны па закліку маці пакінуць Маскву, дзе выходзіўся, і накіравацца на Беларусь, каб узначаліць паўстанцкі атрад. Паказальна, што і Уладзіслаў, і Лізавета робяць выбар на карысць святага абавязку дзяцей перад бацькамі. Амаль у традыцыі літаратуры класіцызму гераі ставяць на першае месца абавязкі перад радзімай і сям’ёй, а не асабістыя сардэчныя схільнасці. Рамантычная афарбоўка сюжэтных калізій таксама прысутнічае: яна адчуваецца ў высокім служэнні герояў сваім ідэалам, шчырым каханні, яркіх характарах галоўных персанажаў.

Паказальнае ў рамане ўскоснае супастаўленне Лізы Ранеевай і Жанны Д’Арк, выява якой знаходзіцца ў пакоі гераіні. Сэнс параўнання зразумелы: Лізавета марыць ахвяраваць сваім лёсам і шчасцем дзеля радзімы, як гэта зрабіла французская патрыётка.

Значнае месца ў рамане займаюць спрэчкі, а таксама выказванне аўтарскай пазіцыі па так званым “польскім пытанні”. Так, у першай частцы рамана меркаванні пісьменніка трансліруе герой Сурмін, які ў палеміцы з Уладзіславам абараняе “рускі” бок даўняга канфлікту дзвюх дзяржаў. Адзначым, што крытыка польскасці ў рамане не толькі адкрытая, агучаная ў выказваннях герояў, але і ўскосная, якая падаецца праз дэталі, апісанні, часам іранічную (і нават сатырычную) характарыстыку герояў-палякаў. Ранееў назваў палякаў вераломным народам, “вышколеным іезуітамі, ворагавым” рускаму чалавеку. Часам у тэксце рамана сустракаецца

зняважлівае слова “полячек”, ці заўважаецца, што палякі няўдзячна ставяцца да Расіі, нават калі яна становіцца для іх другой радзімай. Паказальна, што Ліза Ранеева бачыць розніцу паміж палякамі і беларусамі, але яе бацька лічыць іх аднолькавымі. Так, пра сваю жонку Ранееў кажа: “Святая жэніщина! Выродок из польской семьи! – Скажите лучше, папаша, из белорусской. – Ну, недалеко ушли друг от друга” [7, с. 19]. Меркаванне старога Ранеева на конт будучыні Польшчы адназначнае: яна загіне, калі не з’яднаецца з Расіяй.

Аўтар дае польскім героям складаныя для вымаўлення прозвішчы, відавочна, каб перадаць асаблівасць польскай фанетыкі (Жвірждоўскі, Пржшэдзілоўскі), выкарыстоўвае разгорнутыя параўнанні з адмоўным сэнсавым адценнем (“Сон его был крепок, как это бывает у иного преступника перед днём казни”).

Характарыстыка адмоўных персанажаў, як правіла, уключае апісанне партрэта з акцэнтам на вачах героя: “кошачий взгляд серо-жёлтых глаз”, “серокошачьи стеклянные глаза”, “жёлтые с крапинами косые глаза” (Кінававаў), польскі шляхціч “пузатенький господин” Судзіловіч мае “усики, как у таракана”, “отпятившееся брюшко”, шляхціч Воўк мае “дикообразную физиономию, которая смахивает на рыло”, і выгляд Каіна. Дапаўняе адмоўную сэнсавую нагрузку вобразаў палякаў лічба 13. Менавіта столькі ўдзельнікаў-змоўшчыкаў будучага паўстання збіраецца ў доме Уладзіслава. Пісьменнік дае зразумець, што палякі шукаюць грошы на паўстанне любымі спосабамі, нават карыстаюцца грашамі рускіх палюбоўніц, з доляй іроніі апісаны Лажэчнікавым чаканне палякамі дапамогі з Захаду і іх празмерныя амбіцыі.

Месца дзеяння ў рамане з разгортваннем сюжэтных ліній пераносіцца з Масквы на Беларусь. “Что за грустная сторона Белоруссия! [...] Тощая земля, тощие обитатели! [...] Печально и положение здешних крестьян, забитых, загнанных. Между тем бросьте в сердце этого народа благотворную искру, заставьте его на часок забыть панский [...] плен, и вы увидите, как этот мёртвый народ оживляется будто гальваническим током. Тогда появляются в деревенском кружке музыканты с волынкой и скрипкой, дивчатые пускаются в пляс...”, – такія ўласныя назіранні аўтара адлюстраваны ў творы [7, с. 134–135].

Як адзначала В.Ю. Бароўка, даследуючы вобраз Віцебска ў творах пісьменнікаў Беларусі XIX стагоддзя, гэты населены пункт “галоўным чынам паказваўся памежным полікультурным горадам з багатай гісторыяй” [8, с. 76]. Іншы погляд на Віцебск чытач сустракае ў рамане Лажэчнікава. Пісьменнік выкарыстаў выраз “горад над Дзвіной” для пазначэння месца дзеяння ў трэцяй частцы рамана. Безумоўна, аўтар меў на ўвазе добра вядомы Віцебск, тым больш, што ў творы згадваюцца

віцебскія атрады паўстанцаў, падрабязна апісваецца віцебскі край. Нягледзячы на дастаткова працяглае жыхарства ў Віцебску, пісьменнік выказаў стрыманае стаўленне да горада. У рамане чытаем: *“Скучнее і грустнее горада, куда приехали наши подруги, я не знаю. Когда я жил в нём, он мне казался местом заточения. Когда я в 1854 году, выпущенный из-за решётки его, въехал в Смоленск, я, казалось, готов был облобызать родную землю, на которую ступил, благовест русских колоколов радостно прозвучал в моём сердце... Не скажу, чтобы местность города на Двине была неприятна. Напротив того, по своему положению на этой реке он имел бы живописную физиономию, если б не накрыла его своим налётом польская и еврейская характеристика”* [7, с. 209]. Аўтарскае адступленне працягнулі назіранні над тым, што ў Літве і Беларусі для пабудовы храмавых комплексаў выбіраюць раўніны ці нізіны, а рускія любяць будаваць іх на высокай мясцовасці, бліжэй да неба. Лажэчнікаў заўважаў, што на ўскрайку Віцебска шмат пустыроў, мала садоў, што адрознівае гэты край ад Расіі. Станоўча ацэнены аўтарам рамана клімат Віцебшчыны, які абумоўлены мяккім уплывам Балтыкі. З раслін аўтару спадабаліся пірамідальныя таполі і каштаны, якія тут больш прызвычаеныя да прыродных умоў. Згадаў пісьменнік і жаўтаватыя воды Дзвіны, галоўнай ракі горада, па якой часам праплывалі гандлёвыя судны, плыты з лесам, рыбацкія лодкі.

Пасля апісання ўскраін горада Лажэчнікаў спыніў увагу на галоўнай вуліцы. На думку аўтара, каменных дамоў тут мала, архітэктура не вызначаецца эстэтыкай, каларыт вуліцы ствараюць некалькі рускіх цэркваў, касцёл, бальніца, астрог, драўляныя дамы яўрэяў. Літаратар часта піша пра непрыемны выгляд вуліц, заўважае брудныя анучы на вокнах. Заўвагі пісьменніка таксама датычаць насельніцтва Віцебска. Лажэчнікаў з насцярожанасцю ставіўся да яўрэяў, лічыў, што яны мала працуюць на зямлі, пазбягаюць цяжкай працы, затое выдатна гандлююць і не маюць канкурэнцыі сярод беларусаў (*“Вы ничего не купите на торгу у белорусского мужичка, если конкурент ваш – еврей”* [7, с. 210]).

На ўскрайку Віцебска вандроўніка зноў сустракае *“торговая площадь и примыкающие к ней жалкие домишки евреев”* [7, с. 211]. Нават алея старых таполяў перад губернатарскім будынкам не пакінула прыемнага ўражання на аўтара. Падсумоўваючы свае назіранні, Лажэчнікаў называе Віцебск пустынным, сумным горадам па прычыне адсутнасці тут грамадскіх сувязей паміж жыхарамі-прадстаўнікамі розных народнасцей. На Віцебшчыне здзівілі пісьменніка драўляныя крыжы на палях, што, на яго думку, не зусім да месца.

Такім чынам, адступленне аўтара можа разглядацца як самастойны з дакументальнай асновай кампазіцыйны фрагмент у межах рамана. Безумоўна, меркаванне Лажэчнікава вызначаецца суб’ектыў-

насцю і ў той жа момант можа быць карысным для высвятлення адметнасці Віцебска XIX стагоддзя і падабенства горада да іншых правінцыйных населеных пунктаў Расійскай імперыі. У той жа час меркаванне Лажэчнікава адпавядае агульнаму расійскаму ўспрымання грамадскай і духоўнай атмасферы на беларускіх землях. Як адзначаў Г.Э. Шагалоў, працяглы польска-каталіцкі ўплыў накладваў свой адбітак на Беларусь: *“Для российских чиновников, приезжавших сюда в этот период, край представлялся католическим и польским. Их официальные докладные записки и мемуары наглядно представляют, как поражало их на первых порах множество католических часовен, придорожных крестов и статуй, богатство и величие костёлов и бедность православных церквей, часто ветхих и тесных”* [9, с. 24].

У рамане апісана падрыхтоўка да паўстання на землях Віцебскай губерні. Менавіта тут маці Уладзіслава Стаброўскага назапашвала зброю для атрадаў. Згаданыя ў творы былыя сяляне Плятэраў, знанага шляхецкага роду з поўначы Віцебшчыны: *“Народ трезвый, фанатически преданный своей вере”* [5, с. 217]. З насцярогай ставіўся аўтар да мясцовага каталіцкага духавенства, неаднаразова ў творы выклад адпаведнай тэмы афарбаваны зняважлівым адценнем суправаджальных мастацкіх сродкаў (*“жалобно запищали колокола здешнего костёла”, “кёндз-фанатик”* і інш.).

Некалькі дзеючых асоб рамана – этнічныя беларусы, па паходжанні сяляне. Так, слуга пана Стаброўскага Кірыл, па вызначэнні пісьменніка, быў з ліку тых беларускіх слуг, якія спалучаюць прастамоўнае, грубаватае маўленне з бязмежнай адданасцю сваім гаспадарам. Ён ніколі не сядзеў без справы і лічыў ляноту вялікім грахам: *“На отдых Пан Бог дал человеку ночь. Человеку надо работать в поте лица шесть дней, а седьмой посвящать Богу”* [7, с. 39–40].

Падчас палемікі Сурміна і Стаброўскага аб польскай нацыянальнасці ў Беларусі выказаў сваё меркаванне Ранееў, параўнаўшы рускага і беларускага селяніна. Жыццё апошняга бачыцца героя значна цяжэйшым: *“Что ест этот несчастный, в чём одет, под какою кровлей живёт? И свет-то божий проходит у него со двора через крошечные отверстия вместо окошек, а не с улицы. Какой-то сочинитель писал, «что и собаки, увидав панскую бричку, с испуга бросаются в подворотни”* [7, с. 89]. Акрамя гэтага, героі-прадстаўнікі расійскай этнічнай свядомасці сцвярджаюць, што народ у заходніх губерніях не кансалідаваны, падкрэсліваюць слабую сфарміраванасць на беларускіх землях сярэдняга класа грамадства, які спрыяў бы сувязі шляхты і сялянства. Замест гэтага, з аднаго боку, неабмежаваная ўлада панства, з другога – маўклівае прыніжэнне і сялянская галечка. Папрокам польскаму апаненту гучыць меркаванне абаронцы рускай палітыкі і культуры пра заняўбанне праваслаўнай веры ў беларускім краі, дзе касцёл вядзе актыўную прапаганду. У той жа час Расійская

імперыя вылучаецца, на думку герояў (відавочна, што і аўтара), большай верацярпімасцю і роўнымі магчымасцямі для выхадцаў з заходніх зямель у сферы адукацыі і грамадскай службы.

Заклучэнне. Такім чынам, літаратуразнаўчы аналіз рамана І. Лажэчнікава “Унучка панцырнага баярына” дазваляе разглядаць твор як сацыяльна-псіхалагічны раман з гістарычнай асновай, не пазбаўлены рэзанёрства і антыпольскага настрою аўтара. Асноўнымі прыёмамі стварэння мастацкага характару з’яўляюцца маўленне персанажаў, часам насычанае патэтыкай, яркія партрэтныя дэталі, сярод якіх вылучаецца апісанне вачэй героя (ці выразу яго твару, манеры маўлення), псіхалагізм, які абумоўлівае паводзіны герояў. Нягледзячы на гістарычную аснову твора, у яго цэнтры знаходзіцца маральна-этычная праблематыка. Лажэчнікаў стварыў шэраг ідэальных характараў, для якіх адхіленне ад высокіх маральных законаў немагчымае. Пісьменнік выступіў абаронцам расійскай пазіцыі па польскаму пытанню, надзяліў герояў-палякаў адмоўнымі характарыстыкамі, што бачыцца вынікам уплыву агульных нацыянальных стэрэатыпаў і ўласных назіранняў аўтара.

Літаратура

1. Арсеньев, В.С. И.И. Лажечников в Витебске: [Сообщ. ... на очеред. заседании 3 дек. 1909 г.] / В.С. Арсеньев // Труды Витебской учёной архивной комиссии. – Кн. 1. – Витебск: Тип. насл. М.Б. Неймана, 1910. – С. 366–368.
2. Исупова, С.М. Становление реализма как способа художественного постижения действительности в прозе Лажечникова 1840–1860-х годов / С.М. Исупова // Научный диалог. – 2019. – № 11. – С. 144–154.
3. Исупова, С.М. Эволюция прозы И.И. Лажечникова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01/ Исупова Светлана Михайловна; Тверской гос. ун-т. – Тверь, 2000. – 18 с.
4. Трунин, К. Загоскин, Лажечников, Мельников-Печерский: Критика и анализ литературного наследия / К. Трунин. – Екатеринбург: Издательские решения, 2020. – 212 с.
5. Чиркова, А.В. Романы И.И. Лажечникова в историко-культурном контексте: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Чиркова Анна Валерьевна. – Коломна, 2006. – 134 л.
6. Николина, Н.А. Полонизмы в романе И.И. Лажечникова “Внучка панцирного боярина” / Н.А. Николина, А.А. Уразбекова // Преподаватель XXI век. – 2019. – № 4. – С. 407–417.
7. Лажечников, И.И. Внучка панцирного боярина / И.И. Лажечников. – М.: Патриот, 1994. – 285 с.
8. Бароўка, В.Ю. Віцебск у творах пісьменнікаў Беларусі XIX стагоддзя / В.Ю. Бароўка // Искусство и культура. – 2015. – № 3. – С. 70–76. – URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/6633> (дата звароту: 29.08.2023).
9. Щеглов, Г.Э. Год 1863. Забытые страницы / Г.Э. Щеглов. – Минск: Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске Минской епархии Белорусской Православной Церкви, 2007. – 98 с.

Паступіў у рэдакцыю 29.10.2024

Структурна-асацыятыўны аспект функцыянавання семантычнага поля 'Вада' ў беларускай паэзіі

Зіманскі В.Э.

Установа адукацыі "Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава", Віцебск

Лексема **вада** з'яўляецца адной з асноўных, што даволі часта ўжываюцца ў творах як народнай паэзіі, так і мастацкай літаратуры, фарміруючы вакол сябе разгалінаванае семантычнае поле. Актуальнасць даследавання абумоўлена неабходнасцю ўсебаковага вывучэння паэтычнай мовы як своеасаблівай лінгвакультурнай з'явы на ўсіх узроўнях яе структуры па выніках разгляду назваў аб'ектаў воднай прасторы ў межах семантычнага поля "Вада", сфарміраванага на базе паэтычных твораў беларускай літаратуры і фальклору. Даследаванне лексікі ў рамках полевага падыходу дазваляе выразней убачыць спецыфіку паэтычнай мовы ў плане яе сістэмнай арганізацыі і функцыянавання ў канкрэтных тэкстах, у прыватнасці – выявіць аснову фарміравання "воднай" лексікі ў мове сучаснай беларускай паэзіі, апісаць сістэмна-структурныя адносіны ў межах даследаваных мікрапалёў, раскрыць семантычны патэнцыял вылучаных лексем, вызначыць іх вобразна-выяўленчыя функцыі.

Мэта працы – выявіць асаблівасці будовы і этнакультурную спецыфіку семантычнага поля "Вада" ў народных і літаратурных паэтычных творах на аснове як мага поўнага апісання яго кампанентаў.

Матэрыял і метады. Матэрыялам даследавання паслужылі прыклады з паэтычных твораў беларускай мастацкай літаратуры і фальклору, якія змяшчаюць моўныя сродкі выражэння семантыкі вады. Метады даследавання вызначаны аб'ектам, прадметам, мэтай, задачамі і спецыфікай моўнага матэрыялу. Для рашэння пастаўленых праблем выкарыстоўваліся метады стылістычнага аналізу, апісальны, кантэкстуальны, параўнальна-супастаўляльны, статыстычны.

Вынікі і іх абмеркаванне. Яшчэ з першабытнасці вада займала ў жыцці людзей найважнейшае месца: вада была асноўным сродкам іх жыцця, па рэках праходзілі галоўныя гандлёвыя шляхі; вада здаўна ўвасабляе чалавечы пачатак: матухна, вадзіца, рэчанька, сцюдзёная, ключавая – гэта ўсё вада. Семантычнае поле "Вада" ўяўляе сабой сукупнасць разнастайных па значэнні мікрапалёў. Найбольш шматлікімі і структурна арганізаванымі сярод іх у беларускай паэтычнай мове з'яўляюцца наступныя: 1) вадаёмы і іх часткі; 2) водныя патокі; 3) формы існавання вады; 4) атмасферныя ападка; 5) прыкметы, звязаныя з вадой; 6) працэсы, звязаныя з вадой. Гэтыя мікрапалі з іх кампанентамі ўтвараюць цэнтральную зону семантычнага поля. Да перферыйнай зоны аднесены лексемы цэнтральных мікрапалёў, ужытыя ў пераносным (метафарычным, у якасці эпітэтаў, у якасці параўнанняў) значэнні.

Кампаненты семантычнага поля "Вада" з'яўляюцца асновай для стварэння такіх вобразных сродкаў, як метафары, эпітэты (у тым ліку метафарызаваныя), параўнанні. Дадзеныя сродкі мастацкай выразнасці надаюць вобразам са значэннем "воднай" семантыкі выразнасць і маляўнічасць, ствараюць нацыянальна-культурны каларыт, што робіць паэтычную мову больш экспрэсіўнай, прыгожай і насычае творы разнастайнымі мастацкімі тропамі, ствараючы непаўторнае аблічча кожнага твора.

Заклучэнне. Выяўлены корпус моўных сродкаў выражэння "воднай" семантыкі пацвярджае, што лексемы семантычнай групы "Вада" арганічна ўплываюцца ў канву беларускіх паэтычных твораў, паглыбляюць іх змест і ў залежнасці ад значэння насычаюць разнастайнасцю маляўнічых вобразаў. Нацыянальна-культурныя асаблівасці ўжывання структурных кампанентаў дадзенага семантычнага поля дазваляюць казаць пра наяўнасць моўных сродкаў, якія актуалізуюць семантыку вады ў мове беларускай паэзіі.

Ключавыя словы: семантычнае поле, мікраполе, структура, вобразнасць, метафара, эпітэт, параўнанне, нацыянальна-культурная адметнасць.

(Ученые записки. – 2024. – Том 40. – С. 124–136)

Structural and Association Aspect of Functioning of the Semantic Field of Water in Belarusian Poetry

Zimanski V.E.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The lexeme of water is one of the main ones, which is quite often used in works of both folk poetry and fiction, forming a branched semantic field around itself. The relevance of the study is determined by the need for a comprehensive study of the poetic language as a unique linguocultural phenomenon at all levels of its structure based on the study of the names of water space within the semantic field of water, formed on the basis of poetic works of Belarusian literature and folklore. The study of vocabulary within the field approach

allows us to more clearly see the specifics of the poetic language from the point of view of its systemic organization and functioning in specific texts, in particular - to identify the basis for the formation of water vocabulary in the language of modern Belarusian poetry, describe the systemic and structural relations within the studied microfields, reveal the semantic potential of the identified lexemes, determine their figurative and expressive functions.

The aim of the study is to identify the structural features and ethnocultural specificity of the semantic field of water in folk and literary poetic works based on the most complete description of its components.

Material and methods. The research material is examples from poetic works of Belarusian fiction and folklore, which contain linguistic means of expressing the semantics of water. The research methods are determined by the object, subject, purpose, objectives of the study and the specificity of the linguistic material. To solve the problems, the method of stylistic analysis, descriptive, contextual, comparative-contrastive, statistical methods were used.

Findings and their discussion. Since primitive times, water has occupied a key place in people's lives: water was the main means of their life, the main trade routes passed along the rivers; water has long been the personification of the human principle: mother, river, river, cold water, spring water- all this is water. The semantic field of water is a set of microfields of various meanings. Among them, the most numerous and structurally organized in the Belarusian poetic language are the following: 1) reservoirs and their parts; 2) water flows; 3) forms of water existence; 4) atmospheric precipitation; 5) adjectives formed from lexemes – names of water space; 6) processes associated with water. These microfields with their components form the central zone of the semantic field. The peripheral zone includes lexemes of the central microfields used in a figurative (metaphorical, as epithets, as comparisons) meaning.

The components of the semantic field of water are the basis for the creation of such figurative means as metaphors, epithets (including metaphorical ones), comparisons. These means of artistic expression give expressiveness and colorfulness to images with the meaning of water semantics, create a national and cultural flavor, which makes the poetic language more expressive, beautiful and saturates the works with various artistic techniques, creating a unique look for each work.

Conclusion. The identified corpus of linguistic means of expressing water semantics confirms that water lexemes are organically woven into the fabric of Belarusian poetic works, deepen their content and, depending on the meaning, fill them with a variety of colorful images. National and cultural features of the use of structural components of this semantic field allow us to speak about the presence of unique linguistic means that actualize the semantics of water in the language of Belarusian poetry.

Key words: semantic field, microfield, structure, imagery, metaphor, epithet, comparison, national and cultural identity.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 40. – P. 124–136)

Яшчэ з першабытнасці вада займала ў жыцці людзей найважнейшае месца. Як шмат стагоддзяў назад, так і цяпер плады працы земляроба залежаць ад ападкаў, паводак. Нездарма тагачасныя людзі сяліліся бліжэй да вадаёмаў. Са спрадвечных часоў у гісторыі чалавецтва водныя шляхі выкарыстоўваліся ў гаспадарчых мэтах, у тым ліку як шляхі зносін. Вада для людзей была асноўным сродкам жыцця, па рэках праходзілі галоўныя гандлёвыя шляхі; яшчэ ў глыбокай старажытнасці нашы продкі праходзілі водны шлях “з варагаў у грэкі” праз вярхоўе Ловаці па яе прытоку Усвячы ў Заходнюю Дзвіну, а потым праз яе левы прыток Каспію ў Днепр.

Вядома і тое, што ў розныя часы вадзе прыпісвалі лекавыя сілы. Нездарма існуюць такія выразы, як “гаючая вада”, “жывая вада”, “святая вада”. Вада здаўна ўвасабляе чалавечы пачатак: матухна, вадзіца, рэчанька, сцюдзёная, ключавая – гэта ўсё вада. Можна ўзгадаць і той факт, што з вадой было звязана чалавечае ачышчэнне; натуральна, што гэта стыхія з’яўляецца важным элементам у абрадзе хрышчэння і зараз.

Сімвалізм вады як пераходнага стану тлумачыць вялікая колькасць міфаў, у якіх водныя аб’екты падзяляюць свет жывых і мёртвых; а каб пазбавіцца ад нячыстай сілы, трэба пырснуць у яе вадой ці кінуць у вадаём [1, с. 122]. І таму зусім не выпадкова вада з’яўляецца адной з асноўных лексем, якія даволі часта ўжываюцца ў творах як народнай паэзіі, так і мастацкай літаратуры.

Актуальнасць даследавання абумоўлена неабходнасцю ўсебаковага вывучэння паэтычнай мовы як свое-

асаблівай лінгвакультурнай з’явы на ўсіх узроўнях яе структуры на аснове разгляду назваў аб’ектаў воднай прасторы ў межах семантычнага поля “Вада”, сфарміраванага на базе паэтычных твораў беларускай літаратуры і фальклору. Вывучэнне лексікі ў рамках полевага падыходу дазваляе выразней убачыць спецыфіку паэтычнай мовы ў плане яе сістэмнай арганізацыі і функцыянавання ў канкрэтных тэкстах, у прыватнасці – выявіць аснову фарміравання “воднай” лексікі ў мове сучаснай беларускай паэзіі, апісаць сістэмна-структурныя адносіны ў межах даследаваных мікрапалёў, раскрыць семантычны патэнцыял вылучаных лексем, вызначыць іх вобразна-выяўленчыя функцыі.

Мэта працы – выявіць асаблівасці будовы і этнакультурную спецыфіку семантычнага поля “Вада” ў народных і літаратурных паэтычных творах на аснове як мага поўнага апісання яго кампанентаў.

Матэрыял і метады. Даследаванне пабудавана на фактычным матэрыяле, выбраным з паэтычных твораў беларускай мастацкай літаратуры і фальклору. Базай даследавання паслужылі зафіксаваныя ў вершаваных творах лексемы са значэннем аб’ектаў воднай прасторы.

Для вылучэння моўных адзінак была выкарыстана наступная мастацкая літаратура: “Анталогія беларускай паэзіі” ў трох тамах; зборнікі “Маладыя гады: Выбранае” М. Багдановіча; “Руны Перуновы” Р. Бардуліна; “Дзень паэзіі. 1965–1984. Выбранае”, “Выбраныя вершы” Я. Коласа; “Паміж усмешкай і слязой” Н. Мацяш; “Выбраныя творы” Цёткі; “Збор твораў. Вершы 1963–1981 гг.” П. Панчанкі; “Выбраныя

творы. Вершы 1967–1977 гг.” А. Пысіна; “Пачынаецца ўсё з любові...” Я. Янішчыц. Адзінкі вусна-паэтычнай творчасці выбраны са зборніка “Беларускі фальклор: Хрэстаматыя”. У ходзе працы былі выкарыстаны метады кампанентнага аналізу, стылістычнага аналізу, апісальны, кантэкстуальны, статыстычны, параўнальна-супастаўляльны метады.

Вынікі і іх абмеркаванне. Семантычнае поле “Вада” ўяўляе сабой сукупнасць разнастайных па значэнні мікрапалёў. Найбольш шматлікімі і структурна арганізаванымі сярод іх у беларускай паэтычнай мове з’яўляюцца наступныя:

1) вадаёмы і іх часткі (*возера, мора, акіян, праліў, заліўчык, вадаём, люстрынь, балота / твань / багна / сажалка / трасіна, лужына / лужа*);

2) водныя патокі (*рака, ручай, струмень, крыніца, вадаспад / вадапад, вір, фантан*);

3) формы існавання вады (*кропля, хваля, лёдзінка*);

4) атмасферныя ападка (*дождж, лівень, снег, град, раса, іней*);

5) прыкметы, звязаныя з вадой (*ледзяны / лядзяны, снежны / снежавы, балотны, вадзяны, градавы, луневы, дажджавы, росны, рачны, акіяніскі, крынічны, марскі, азёрны*);

6) працэсы, звязаныя з вадой (*вірыцца / узвірацца, заінецць / з’інецць*).

Гэтыя мікрапалі з іх кампанентамі ўтвараюць цэнтральную зону семантычнага поля. Да перферыйнай зоны аднесены лексемы цэнтральных мікрапалёў, ужытыя ў пераносным (метафарычным, у якасці эпітэтаў, у якасці параўнанняў) значэнні.

Ядром семантычнага поля з’яўляецца лексема *вада*, якая аб’ядноўвае ўсе астатнія назвы аб’ектаў “воднай” семантыкі. Праз сваю мнагазначнасць лексема *вада* (*вадзіца, вадочка*) выкарыстоўваецца ў паэтычнай мове найбольш часта – 16% ад усіх выяўленых словаўжыванняў у складзе семантычнага поля. У большасці паэтычных твораў слова *вада* бытуе самастойна ў сваім асноўным значэнні ‘празрыстая бясколерная вадкасць, якая ўтварае рэкі, азёры, моры і з’яўляецца хімічным злучэннем кіслароду і вадароду’: *Ішла Надзечка з вядром на ваду, / Кінула вядро на буйны вецер, / А сама пайшла у новы гародчык, / У новы гародчык, у рутку зялёну* [2, с. 293]; *І трава сама па сабе расла, / І вада сама цякла без прынуці, / І ні ў кога неба не прасіла святла* [3, с. 240]; *Куды ні траплю – скрозь магу разлічваць / Калі не на свяцільнік – на лучынку, / Як не на белы хлеб – хоць на скарынку, / Як не на малако – хоць на ваду* [4, с. 176].

Адзерная лексема *вада* ўжываецца і ў значэнні ‘водная прастора, участак рэк, азёр, мора’: *На вадзе кругі, кругі, / Хваля плешча ў берагі* [5, с. 326]; *Сосны стромкія глядзяцца ў ваду / Пэўна, раяцца, адвесці як бяду* [6, с. 193]; *Яшчэ худзенькімі рукамі / Вязала, мокрая, вузлом. / Усмешка на вадзе блукала, / Хмурынкі возера вязло* [7, с. 131].

Лексема *вада* ўжываецца таксама ў значэнні ‘разводдзе, павадак’: *Калі б тут не сапраўдная бяда, /*

Дык можна б пастаяць і падзівіцца, / Але вада, / Страшэнная вада, / нялёгка часам да людзей прабіцца [6, с. 174]; *І лета ўсё на Беларусі / Воды было той цераз край. / І я аднойчы – прызнаюся – / Падумаў: згінуў ураджай* [6, с. 290]; *Вясна свайго нічога не згубіла, / Дзе адсвятціў лісток – успыхне два. / Вясна ваду на далягляд вяла / І мімаходзь крыніцу затпіла* [5, с. 69]. Сустрэўся выпадак, дзе лексема *вада* ўжываецца ў значэнні ‘пустыя, беззмястоўныя словы (прамежжавая зона поля): *Зараз нехта другі перад ёю варожыць, / Сыне золата мар, лье славесаў ваду... / Што паробіш. Была яна вельмі прыгожай. / За такімі і ў пекла мужчыны ідуць* [8, т. 3, с. 41].

Побач з лексмай *вада* (В. скл. *ваду*) ужываецца варыянт гэтага слова з націскам на корані – *воду*. Такіх прыкладаў няшмат, што тлумачыцца абмежаванасцю варыянта размоўна-дыялектнай гаворкай, якая перадае мясцовы каларыт і набліжае твор да фальклору: *Льецца Нёман паміж гораў, / Поўны сілы і красы, / У далёкія прасторы / Гоніць воду праз лясы* [9, с. 9]; *Бура – да Нямна хадзіла, / І чысту воду мучыла* [8, т. 1, с. 159].

Ужыванне формы множнага ліку *воды* сустракаецца ў 11% выпадкаў і перадае абагульненае значэнне лексемы *вада* – ‘водныя прасторы’: *Горы – высокі, воды – далёкі, / На абед не паспееш, / Прынясеш воды для сваёй бяды* [2, с. 211]. *Мы саўём вяночкі, мы саўём зялёныя, / Люлі, люлі, саўём зялёныя. / Пусцім мы вяночкі на чыстыя воды, / Люлі, люлі, на чыстыя воды* [2, с. 143]; *Прыязямся на парашутах, / Пагружамся ў цёмныя воды, / Вывучаем бусловы маршруты – / Набліжамся да прыроды* [6, с. 144]; *Воды збеглі з гор. / Расталі гурбы. / Я ў цёмны бор / Пайшла ў грыбы* [7, с. 281].

Форма творнага склону адзіночнага ліку з канчаткам *-ою* (*водою*) сустралася ў 7%, найперш у мове фальклору – праз сваю пывучасць і мілагучнасць: *Каліна, чья рута з вадой, каліна. / Каліна, зарасла лебядой, каліна* [2, с. 153]; *Ой, ясною, ой, вясною – за вадой...* [2, с. 124]; *А каліна-маліна, / Да не стой над вадой, / да не стой над вадой, / Не махай галіною* [2, с. 308]. Калі ў мове фальклору форма *вадою* невыпадковая з’ява, то ў мове мастацкай літаратуры ўжыванне гэтага слова падкрэслівае народны характар і надае творам распеўнасць і песеннасць: *Згіне змяя за змяёю, / Знікне з нябёс маладзік. / Доўга па іх пад вадой / Будзе ўздыхаць вадзянік* [10, с. 180]; *Над вадой адзіночка / Пахілілася вярбіна / Ные, бедная, ціхутка: / Ці ж то ёсць у ёй кручына?* [9, с. 72]; *Абцяўся свет быць вадой – / Звёўся да ненавольнай смагі. / Глухне сад лебядой. / З дзічкі зыркае расамаха* [4, с. 163]. Але найбольш ужывальным з’яўляецца варыянт з канчаткам *-ой* – *вадой*. Гэта форма бытуе і ў мастацкай, і ў народнай паэзіі. У прааналізаваных прыкладах яе доля складае 12,1%: *Вясна красна, вясна красна наступае, / Вадой лугі, вадой лугі залівае* [2, с. 124]; *Хвалілася каліначка за ракой: / – ніхто ж мяне не высячэць за вадой* [2, с. 285]; *Як стаяў над*

табой / Сын нядолі худы / І над цёмнай **вадой** / Спяваў песні нуды [8, т. 1, с. 496]; І панясла, і закружыла, / Адчуў я прыцягненне дня; / Калісь цыганка варажыла, / Што пад **вадой** мая труна [5, с. 238].

Сустрэкаюцца нешматлікія выпадкі ўжывання лексем **вада** ў складзе ўстойлівых спалучэнняў – фразеалагізмаў: *Клёкат горных арлоў, шлох стэлавых траў* – / *У напевах, што селі за братні абрус*. / *Ну а ты што маўчыш, як **вады ў рот набраў***, / *Чаму песні свае не пяеш, беларус?* [8, т. 2, 181]; *І лета ўсё на Беларусі* / ***Воды** было той **цераз край***. [6, с. 290]; ***Воды ў полі хоць заліся***, / *Шкада кабетам каласоў* [6, с. 290]; *Сінія Брады, Сінія Брады* – / *Цыбатаму буслу **на калена воды*** [11, с. 322].

У параўнанні са словам **вада**, якое пераважае ў сваім мікраполі (63,1%), яго дэрываты сустракаюцца радзей (11,6%): *Ай, у бару цецярук балбочыць, / А ён з бору ляцеці не хочыць, / Ай, у бору ягадкі салодкі, / У крыніцы **вадзіца** студзёна* [2, с. 197]; *Ой, стрэнуць мяне на вароцечках, / Ой, папшлюць мяне дыш на **вадзіцу***. / *Ой, папшлюць мяне на **вадзіцу**...* [2, с. 180]; *Як рыбачка без **вадзіцы**, А травіца без расіцы* [2, с. 317]; *Зірні ў вядзёрца / Ці ёсць **вадочка** / Свёкарку ўмыцца; / Зірні на кручок, / Ці ёсць рушнічок, / Свёкарку ўцярацьца* [2, с. 291]. Такія формы характэрныя пераважна мове фальклорна-паэтычных твораў.

Вадаёмы і іх часткі. Мікраполе “Вадаёмы і іх часткі” з’яўляецца разгалінаваным і складае 18% словаўжыванняў. Цэнтр мікраполя ўтварае лексема **вадаём** (8% у межах мікраполя) – “сталае або часовае ўтварэнне стаячай або з паніжаным сцёкам вады натуральных або штучных западзінах”: *З-пад куста высока скача, / На ляту хапае качак, / Не дае жыцця нікому. / Усе уцякаюць з **вадаёму*** [5, с. 303]. У склад мікраполя ўваходзяць лексемны акіян, мора, возера, лужына, сажалка, балота, ручай.

Акіяны заўсёды прываблівалі сваёй недасягальнасцю, нязведанасцю, таму невыпадковым з’яўляецца адлюстраванне вобраза акіяна ў беларускай паэзіі. У прааналізаваных творах лексема **акіян** “водная прастора паміж мацерыкамі” сустракаецца ў 10%: *Сто разоў сядай за вёслы / І адкрыеш, як і я, / Што сівому альбатросу / Больш знаёмы **акіян*** [11, с. 334]; *Арліць, клякоча ураган – / Ляціць далёка клёкат. / Бурліць, клякоча **Акіян**, / Пакуль хапае клёку* [7, с. 168]. Але ў большасці выпадкаў гэта лексема ўжываецца ў пераносным значэнні – “нешта вялікае, неабдымнае” – і адносіцца да перыферычнай зоны: *Я чакаю часіну сябрыні людской, / Але не згаджуся, што родныя мовы лускай / Былі на рыбіне чалавецтва, / Якая ў вечнасць плыве **акіянам** вечнасці* [11, с. 130]; *Прадчуванне вясны... / Ці тады яно пачалося, / калі ты мяне хваляй пясчанай несла ў **акіян** забыцця* [7, с. 71].

Мора заўсёды было аб’ектам адлюстравання мастацкіх творах, крыніцай натхнення для мастакоў і паэтаў. Яго любяць за прыгажосць, веліч, таямніцу, за радасць, якую мора дае чалавеку. Лексема **мора** ў паэтычнай мове ў межах мікраполя ўжываецца

ў 19% са значэннямі “частка акіяна, больш-менш адасобленая сушай, з гаркавата-салёнай вадой”; “умоўная назва некаторых вялікіх азёр ці вялікіх штучных вадаёмаў”: *Я не скажу, што бачыў свет, / Але на **моры** і на сушы / Жывых людзей жывыя душы / У маёй пакінулі свой след* [8, т. 2, с. 238]; *Я чую ўжо мора прыглушаны звон, / А вунь і яно – навалнічнаю хмараю* [6, с. 55]; *Бушуе ў **моры** шторм асенні, / А з Мурманска ў сцюдзёны змрок / Да марака на хісткі сейнер / Ляціць дзіцячы галасок...* [6, с. 35]; у пераносным значэнні “вялікая прастора чаго-небудзь”; “вялікая колькасць каго, чаго-небудзь (аб адцягнутых з’явах, прадметах, пачуццях)” лексема выходзіць у перыферычную зону поля: *Люблю я прыволле / Шырокіх палёў, / Зялёнае **мора** / Ржаных каласоў* [9, с. 76]; *Вадзіў мяне / У **мора** казкі, / Вадзіў мяне ў **мора** ласкі / І зноў вяртаў мяне ў прыстань* [8, т. 3, с. 33]. Гэтаксама ў пейзажных замалёўках калі мора адухаўляецца: *Сачу, як цвёрда і лагодна / Выводзіць **мора** штось кірыліцай* [4, с. 102]; *Даўно, даўно тое было – / Кругом зямлі **мора** лягло...* [2, с. 133]; *Мора хоча горы змыць* [12, с. 187].

Возера – “запоўненае вадой прыроднае паглыбленне сушы, замкнутае ў сваіх берагах”. Азёры – гэта “вочы” Беларусі. Нездарма нашу Радзіму называюць сінявокай краінай, тым самым параноўваючы родную старонку з прыгажуняй-дзяўчынай: *І памыліўся. / А вочы ўсе ўніз: / Дробных **азёраў** блакітная нізка...* [6, с. 216]; *А **возера**, як вока, поўнае / Глядзіць у сцішанасць маю. / Усё, што я люблю, што помню я, / Глыбока ў сэрцы прытаю* [4, с. 176]; *На сонца, на зоры, / На цёмныя пушчы глядзелі, / У лясныя **азёры** / Кідаліся з белай адмелі* [8, т. 2, с. 338]; *Рамонкавая вязь кіліма, / Паліны рой высокіх зор. / Тут і сляпы не пройдзе ліма / Ля гэтых пушчаў і **азёр*** [13, с. 133]. У праналізаваных творах у межах мікраполя лексема **возера** разам з варыянтамі ўжыта ў 18%. Сярод варыянтаў лексемны **возера** найчасцей сустракаюцца **азярына**, **азёрачка**, **азерца** (**азёрца**, **азярцо**), **азяро**. Такая разнастайнасць і варыянтнасць абумоўлена аўтарскай індывідуальнасцю словаўжывання і падкрэслівае беларускі нацыянальны каларыт: *Ой, на **азярыне** ды на сіненкай, / Вясна красна на ўвесь свет!* [2, с. 128]; *Акрыла плечы туманом, як хусткаю, / Заснула **азярына**... / Пахнуць ліпы... / Пайшоў бы ў неба срэбнай сцёжкай хісткаю / Ды ўсім Мядзведзіцам паціснуў лапы* [7, с. 74]; *Сіняе **азёрачка**, / Чаго затанула? / Як жа мне не тануці, / Наляцелі шэры гусі / Ёй беражкі абтапілі* [2, с. 180]; *Шапаціць крылом аеру, / Як падранак, **азяро**... / Хто не бачыў і не верыць – / Хай бы зайздрасцю ўзяло!* [8, т. 3, с. 384]; *Не назавём – само не назавецца / Ні **азярцо**, ні твар, ані вякі / ...Ці знаеш ты, як рыфма цяжка тчэцца, / Як рвецца песня – часта! – на шматкі* [13, с. 169]; *а ля блізкага стога / быццам бы што алень малады, / Месяц чысціў срабрыстыя рогі, / На **азерца** кідаў невады* [11, с. 11].

У творах беларускай паэзіі даволі часта (сумарна 37% у межах мікраполя) сустракаюцца назвы **балота**,

багна (багно), твань, трасіна. Гэта звязана з асабліва-сцямі прыроднага ландшафту нашай краіны, а таксама з актыўным выкарыстаннем балот у гаспадарчай дзейнасці.

Балоты (балота – ‘нізкае багністае месца, звычайна са стаячай вадой і вільгацелюбівай расліннасцю’) заўсёды з’яўляліся сведчаннем мінулага, таемнага, нават казачнага: *З-пад камлёў замізлых, / З-пад балот, палян / Сочыць вокам смелым / Грозны партызан* [9, с. 192]; *А ў балоце на калодзе / Мядзведзь боты шыць* [2, с. 134]; *А ўвосень кошыкі плялі / З ракіты на балотам / Або чмяліны мёд пілі / Саломінкамі з сотаў* [8, т. 3, с. 50]; *Край наш бедны, край наш родны! / Лес, балоты і пясок... / Чуць дзе крыху дуг прыгодны... / Хвойнік, мох ды верасок* [9, с. 4]; *Прыйду ў Святапольскі дрымучы лес / І ў балотцы, / Прапахлым дурніцай, багульнікам, / На замізлы прысяду пняк...* [8, т. 2, с. 247].

Сустрэкаецца шэраг лексем, якія з’яўляюцца сінонімамі да слова балота ці яго варыянтамі, абазначаючы гразкае, топкае месца: *багна (багно), твань, трасіна, балаціна*, а таксама характэрны для вуснай народнай творчасці варыянт *балоцечка*: *Спяшыць ён дайсці да трасіны. / Там – мяккія, цёмныя мхі, / А тут толькі плачуць асіны / Ды б’юцца галіны альхі* [10, с. 159]; *Кругло, мало балоцечка, / Хоць жэ яно кругло, мало, / Але жэ яно ўрадлівае...* [2, с. 177]; *І кволай балаціне, / І рэчачыцы малой, / Мужчыну і жанчыне, / Прыціснутым бядой...* [6, с. 343].

Багна – ‘нізкае топкае месца, гразкае балота; дрыгва’; ‘усё, што засмоктвае чалавека і цягне ў балота адсталасці і коснасці’ (гэта значэнне перыферыйнае): *Багны – / Бязлітасны акіяны, / Глынуць – / Не ўратае ні “SOS”, ні “Мама”* [6, с. 215]; *Цяпер даволі топкае багно: / Гніль сотні год збіраючы, яно / Смуроднай жываю згадавала / Цвятой расістых чыстую красу...* [10, с. 90].

Твань – ‘дрыгва, багністае месца’; ‘гразь’; ‘ціна’: *Глынуць бы квасу з дзежак / Як некалі з Брылём / Заблыталіся сцэжкі / То твань, то буралом* [6, с. 255]; *Няхай! Абы ты верыў пражна, / Няхай жуда, няхай адзін / Няхай каменне, твань і багна – А ты ідзі, А ты ідзі!* [11, с. 91].

Да лексем мікраполя “Вадаёмы і яго часткі” аднесены таксама словы *сажалка, люстрынь, праліў, заліўчык, лужына / лужа*: *Пад яго рукою схамянецца / Сажалка за пуняй майго дзеда...* [11, с. 365]; *Сопкі скончацца – і бераг / Перакуліцца ў праліў* [11, с. 333]; *А хлопец прысядзе на цёплай жарстве / З дзячынай, – / І ён зараўне: / Нахмурыцца раптам, / Як бык, узраве / І мірны заліўчык зруйнае* [6, с. 17].

Лужыны адносяцца да часовых вадаёмаў, якія ўзнікаюць увесну пры разлівах буйных рэк або пасля дажджу. Выкарыстанне ў паэтычнай мове лексемы *лужына* (8%) нагадвае нам пра дзяцінства – адразу ўспамінаецца радаснае, шчаслівае маленства: *Пасля дажджу шумяць яшчэ нябёсы, / Яшчэ ў паветры пругкі цень вады, / Спяшаецца па лужах хлопчык босы, / Вяснушкамі абліты* [5, с. 101]; *Дожджык сее*

бесперастанку; / Вецер свішча так, як звер... / Колькі лужыны каля ганку! / А гразі, гразі цяпер!.. [9, с. 93]; *А як светам восень завалодае, / Сонца ўсё накрыве / Цёплай пазалотай. / Нават лужыны – кавалачкі блакіту – / Клапатліва будуць ім прыкрыты...* [6, с. 39]. Дадзеныя лексемы ўжываюцца ў прамым значэнні і не выходзяць за межы цэнтральнай зоны поля.

Водныя патокі. Мікраполе “Водныя патокі” складае 17% і ўключае лексемы *рака, вір, вадаспад, крыніца, ручай, фантан, струмень (струменьчык)*. Найбольш шырока ў межах дадзенага мікраполя прадстаўлена ядзерная лексема *рака* (47% у межах мікраполя) у значэнні ‘прыродны вадаём, які пастаянна цячэ па пракладзеным вадой рэчышчы ад вытоку ўніз да вусця’ (цэнтральная зона поля): *Рэнулі рэкі, рэнулі / Аж да Ганначкі пад сені / Там збіраліся малойцы, / Складалі грошы на танцы* [2, с. 127]; *Ніхто не верне рэк дзіцячых, / Яны даўно ў марах жывуць. / А я ішодня іх чую, бачу: / Яны ў памяці плывуць* [6, с. 134]; *Хвалілася каліначка за ракой: / – Ніхто ж мяне не высачэць за вадой* [2, с. 285]. Часта ў паэтычных творах сустрэкаецца памяншальна-ласкавыя формы *рачулка, рэчка, рэчачка, рэчанька*: *Каля гасцей расчуленых / Ды каля песні ціхай / Плыве-плыве рачулкаю / Шчыруха-леснічыха* [7, с. 142]; *Дзе матуля і з дачушкай стаяла, / Там вырасла яблынька чудава, / Дзе матуля і з дачушкай рассталася, / Слязіла рэчка разлілася* [2, с. 140]; *Паслізнулася рачулка / На шэрай, абыякавай скале / І ўніз – грудзьмі ў бяздоннае правалле* [4, с. 40]; *І кволай балаціне, / І рэчачыцы малой, Мужчыну і жанчыне, / Прыціснутым бядой...* [6, с. 343]; *Бо сягоння ж праз рэчаньку Будзе плыці – ў чоўнічку / Дзяцюк – што смеў пахваліцца...* [8, т. 1, с. 160]; *Там, на рэчаньцы, там на быстранькай, / Святы вечар людзям добрым! / А захочам мы напіцца / Унізе рэчанька бруіцца* [5, с. 272].

Наступнай па частотнасці ўжывання ў гэтым мікраполі з’яўляецца лексема *крыніца* (30%) – ‘натуральны выхад вадзяных вод на паверхню зямлі’; ‘вадаём, які ўтвараецца на месцы падземных натуральных вод’: *Гэта ластавак ічабятанне, / Звон світалыны палескіх крыніц, / Сінь чабору і барвы зарніц, / І буслінае клекатанне* [8, т. 2, с. 516]; *Вось старая хатка. / Садзік невялічкі. / Малады алешнік / Па краях крынічкі* [9, с. 262]; *Ой, паілюць мяне па вадзіцу, / Ой, у шырокі бор, у крыніцу* [2, с. 180]; *Перамёрзла шэра перапёлка / Глыбока ў крыніцы, / У сцюдзёнай вадзіцы* [2, с. 192]. Часта слова *крыніца* ўжываецца ў пераносным значэнні – ‘тое, з чаго бярэцца, чэрпаецца штосьці’; ‘тое, што дае пачатак чаму-небудзь, служыць асновай для чаго-небудзь’, – выходзячы на перыферыю семантычнага поля: *Заўсёды трошкі таямніцай / Была ты для мяне і ёсць: / Чагосьці светлага крыніцай, / Перад якой я – толькі госьць* [8, т. 2, с. 62]; *Калі я засмягну ад спёкі, / дазволь мне табе пакланіцца, / крыніца – / роднае слова...* [8, т. 3, с. 108].

У якасці сіноніма лексемы *крыніца* ў беларускіх паэтычных творах сустракаецца назва штучнага

гідратэчнага збудавання ў выглядзе арашальнага канала ў краінах Сярэдняй Азіі – *арык* (арычок): *Ліўняў не ведаюць арыкі. / Просяць лісты-палахліўцы / Папіць у цябе з рукі* [7, с. 185]; *І ачысціла яна / Арычок зямны да дна. / І пабег струмень вады / У гарады і сады* [5, с. 279].

Невялікім водным патокам з’яўляецца ручай – ‘невялікі, утвораны выхадам на паверхню падземных вод або сцёкам снегавых ці дажджавых вод вадзяны паток’ (цэнтральная зона поля). Слова *ручай / ручэй* ужываецца ў прааналізаваных творах даволі рэдка (16% у межах мікраполя), але мае шырокую групу аднакаранёвых слоў: *ручаёчак, ручайка, ручайна, ручаёк: І не было яму калі / Унікаць у шумны век прагрэсу. / Такая музыка ў зямлі – / У ручая, у зор, у лесу* [13, с. 134]; *Ёсць паляна сіняя ў бары – / У глухім зялёным гушчары. / Чыстая, бліскачая, як люстра, / На паляну ручайнікі льюцца* [8, т. 2, с. 594]; У значэнні ‘любая вадкасць, якая моцна цячэ, струменіцца’ лексема выходзіць на перыферыю поля: *Пад агнём, пад вар’яцтвам металу / Сумна груша ўздыхала: – Жыві... / З майго бацькі жыццё выцякала / Ручайком пацямнелай крыві* [11, с. 56].

У 5% ужываецца лексема *вір* – ‘кругавы, лейкападобны рух вады, які ўзнікае ад сутыкнення сустрэчных плыней’; ‘месца ў рацэ, звычайна глыбокае, з ямай, дзе адбываецца завіхрэнне вадзяной плыні’. Ужыванне гэтай лексемы ў паэзіі і ў прамым, і ў пераносным значэнні звязана з чымсьці небяспечным для жыцця: *Ад крутых віроў глыбокіх / На пясчаны перакат / Прямністая ад спёкі / Выгінаецца рака* [8, т. 2, с. 181]; *У хвалях гуляць выпускае / З віру змяю за змяёй, / Вось іх грамада ўспывае, / Срэбнай ірдістай луской* [10, с. 180]; *Няма той рэчкі, што з вірамі, / Няма той пушчы са звярамі, / Няма русалак, лесуноў* [5, с. 75]; *Не, не выплыве сама, / Ў вір яе адносіць. / Ні саломінкі няма / На рыбацкім плёсе* [5, с. 318]; *Ад суму сохне, рассыхаецца / На беразе самотны човен, / І хваля ў роспачы кідаецца / У вір галавой ад цёмных змовін* [7, с. 325]; *Цячэ жыццё маё, цячэ. / І праз віры парогі носіць. / Дзе спёкай сэрца апячэ, / Дзе злоснай сцюжай прымарозіць* [11, с. 199]. Радзей лексема *вір* ужываецца са значэннем ‘бурлівы, імклівы рух чаго-небудзь’, пераходзячы ў перыферычную зону поля: *Заіскрылася сонца – вір агню... / Бураю спаліла з голямі!.. / Зніклі хмары... і пад чырванню / Усе прасторы сталі голямі* [8, т. 2, с. 38]; *І калі сівер мой завейны / Узніме вір халодных дум, / Іду я ў лес, нібы ў збавенне, – / Ад самага сябе іду...* [8, т. 2, с. 375].

Нешматлікай колькасцю ўжыванняў вызначаюцца лексемы *вадаспад* і *фантан* (сумарна 2% у межах мікраполя). *Вадаспад* – ‘патак вады, што спадае са стромага ўступу ў рэчышчы ракі’: *Б’юць вясёлкі / На асколкі / Вадаспады горныя / Зачаруюць, завіраюць / Вочы ноччу чорныя* [3, с. 21]; *Машыны, вадаспады, людзі – / Усе збіваліся з хады, / Але ўспаміналіся марудзе / І даравалі: – Паўбяды!* [8, т. 2, с. 291] – ужываецца часцей у метафарычным значэнні, пераходзячы ў перыферычную зону поля: *Мільгаюць звыкла*

месяцаў імёны: / Май, чэрвень, ліпень – лета ідзе на спад, / І не гарэжны ўжго, а задумёны / Бярозавы лісцявы вадаспад [11, с. 136]; *Хутчэй бы прыйшла вясна / З сонечнымі вадаспадамі, / З блакітнымі навальніцамі...* [6, с. 14]; *Іду штодня пад вадаспады лісця / Птушыную паслухаць талаку; / Ды абыходжу дрэва, што калісьці / Падпольчыка хістала на суку* [6, с. 224]; *Валасоў грывучы вадаспад / Заглушыў і водзукі і гукі. / Слова ўзнікалі неўпапад, / Думкі размяталіся, як рукі* [11, с. 193].

Фантан – ‘прыродная ці штучна створаная з’ява, якая праяўляецца выплескам вадкасці (звычайна вады) пад дзеяннем ціску ўгару ці ўбок’ у творах беларускай паэзіі таксама ўжываецца пераважна ў пераносным значэнні ‘моцны паток, які лісца з неба’ (перыферычная зона семантычнага поля): *А ў нас на дрэвах – срэбная луска: / Білі з хмары першыя фантаны. / Глоткі вуліц дождж прапаласкаў, / І яны рыкаюць апантана* [6, с. 10].

Струмень – ‘вузкі паток вады або якой-небудзь вадкасці’; ‘рух вады ў рэках і пад.; цячэнне’; ‘вузкі паток вады, якой-небудзь вадкасці, які сцякае ўніз’; ужываецца пераважна ў прамым значэнні (цэнтральная зона поля): *Струмень я піў, я слодыч піў, / Нібы чыё накіраванне. / Я так тады цябе любіў, – / Бы прадчуваючы расстанне* [8, т. 3, с. 236]; *Поўдзень. Сонца прыпякае. / А струмень – / Бруіць, бруіць... / Тут жа – / Медная, цяжкая / З гільзы конаўка стаіць* [11, с. 84]; *Гаманлівы віхрасты струмень / Пагасіла зялёная раска. / Да гусей сухапутных на мель / Тут не сыдзе дзіцячая казка* [5, с. 36]; *Ты з якога стагоддзя прабіўся, струмень? / Так утульна з табой у гушчэзным арэшніку...* [4, с. 52]; *Струменьчыкам нязвонкім, безупынным, / Што абмялеў далоняў жалабок. / Не ведае: куды яе мы кінем: / На быстрыню ці на сухі пясок?* [5, с. 229].

Формы існавання вады. Мікраполе “Формы існавання вады” ў беларускіх паэтычных творах адносна нешматлікае (11% словаўжыванняў). Да гэтага мікраполя намі аднесены лексемы *кропля* (кропелька), *лёд* (ільдзінка, лядок), *хваля*. *Кропля* – ‘маленькая акруглая часцінка якой-небудзь вадкасці’ (26% у межах мікраполя): *Хлынуў лівень ічодры, цёплы, / Мые дрэвы і кусты. / І зліліся хутка кроплі / У адзін паток густы* [5, с. 290]; *Туманамі апавіта / Даль разложная палёў: / Туга нейкая разліта / У дробных кропельках дажджоў* [9, с. 311].

Лексема *ільдзінка* ‘кавалачак лёду’ трапляецца пераважна ў пераносным значэнні ‘пазбаўленая надзеі на лепшае душа бліжняга’ і ўваходзіць у перыферычную зону поля: *Хай зафыржаюць фарысеі... / Не забойся душу загубіць – / цераз літару пераступіць – / калі грэх твой ільдзінку сагрэе.* [8, т. 2, с. 304]; ‘халоднае, непрыемнае пачуццё, стан апатыі’: *Прырода-маці, мы твая часцінка, / Ты нас да чалавечнасці ўзняла, / Расплаў ты абыякавасці лідзінікі, / Займей сумленне, што ты нам дала* [6, с. 223]; як параўнанне да слова *сон* (тое, што хутка растае) з адценнем чагосьці непрыемнага:

Нават сон благі – ўсяго **ільдзінка**, / Што паспее сёння ўжо растаць. / Добрай чалавечнасці галінка / У кожным слове хоча вырастаць [5, с. 79].

Да форм існавання вады адносіцца таксама хваля (24%): – ‘вадзяны вал, які ўтвараецца ад гайдання паверхні вады’ (цэнтральная зона поля): 3 узгорка ў лагчынку дарожка збягае. / Дубы паабапал стаяць. / А **хвалі** крынічныя – хто іх там знае – / Аб чымсьці, значь, важным шумяць [9, с. 329]; са значэннем ‘маса, плынь чаго-небудзь, што рухаецца адно за адным з пэўнымі інтэрваламі, перапынкамі’ лексема пераходзіць у перыферычную зону семантычнага поля: І мяне людская **хваля** / Падхапіла / І ў глыбокім віры / Моцна закруціла... [9, с. 267]; Месцам хваля стогнам рыкне [12, с. 187].

Стан водных аб’ектаў характарызуюць лексемы пара, лёд (31% сумарна ў межах мікраполя). Лексема пара ўжываецца ў якасці сіноніма да слова туман: На кустах і на траве / Серабрацца густа росы, / **Пара** белая плыве, / Засцілае луг і плёсы [5, с. 317]. Лёд – ‘вада, якая замерзла і перайшла ў цвёрды стан’; ‘вялікая колькасць ільдзін’: Сонца грэе, прыпякае; / **Лёд** на рэчцы затрашчаў. / Цёплы вецер павявае, / Хмар дажджлівых нам прыгнаў [9, с. 73]; Ой, прыйшла вясна красна, / Чужыя малодкі ткуць кросна. / А я маладзенька, не прала, / Пад **лёд** кудзелькі пускала [2, с. 125]; Загулі рэчкі, ляды паплылі, / Юр’я, Юр’я, **ляды** паплылі [2, с. 136]. Памяншальна-ласкальная форма лядок ужываюцца пераважна з мэтай паказаць аўтарскія адносіны да з’явы: Дымок, **лядок** і вербалоз у скрусе... / Не думаў я, сцюдзёная зямля, / Што я з табой не толькі паміруся – / Сардэчна пакахаю спакваля [8, т. 3, с. 102] або нясе дадатковую сэнсавую нагрузку (‘кволы, першы, ранні’): Цяпер на бацькоўшчыне ўжо марозы / Кладуць узор на ранішнім **лядку**. / Падаленыя восенню бярозы / Усцяж гараць на бальшаку [8, т. 2, с. 496]; А можа, пытанне замаяжам? / Дадзім адпачыць радку. / Далей ад кулацкіх замаяжак – / Па першым нясмелым **лядку** [6, с. 148]. Дадзеныя значэнні не выводзяць лексемы за межы цэнтральнай зоны поля.

Побач з лексэмай лёд і лядок ужываецца складае слова галалёд, якое абазначае паверхню зямлі, пакрытую ледзяной коркай без снегу: Бура вые. Лес гамоніць. / Як на сходзе дзе народ. / Вецер хмары так і гоніць; / Дождж, і гразь, і **галалёд** [9, с. 23].

Атмасферныя ападкі. У мікраполе “Атмасферныя ападкі” (17% словаўжыванняў) уваходзяць наступныя выяўленыя лексемы: дождж, лівень, снег (сняжынка), град, іней, раса (расінка). Лексема дождж ужываецца ў прамым значэнні ‘атмасферныя ападкі ў выглядзе кропелек вады’ (31% у межах мікраполя) і разам з выяўленымі варыянтамі ўтвараюць цэнтральную частку семантычнага поля: Хмурна ж наша, хмурна лета, / Сцелюць хмары валакно, / Сонцам поле не сагрэта, / Дробны **дождж** сячэ ў акно [9, с. 84]; **Дождж** трашчыць. / Прыгадаў я цябе, / Лес азёрнага краю, / Дзе, як быццам маршчынку

на лбе, / Сцежку кожную знаю [7, с. 16]; Стрымглаў ляцяць уніз **дажджы** рабыя, / Восень лісце замятае на парог. / Арабіны, арабіны, арабіны, / Як паходні каля выцвілых дарог [4, с. 26].

У прааналізаваных творах сустракаюцца і варыянты лексемы дождж – дожджык і дажджочак. Апошняя з іх мае фальклорна-народную афарбоўку і ў літаратурнай мове не ўжываецца: Вязець, вязець вясна, / Вязець, вязець красна / Ясныя дзянечкі, / Чыстыя **дажджочкі** [2, с. 122]. Лексема дожджык сустракаецца як у творах фальклору, так і ў мастацкай паэзіі: Апошні снег і першы **дожджык** / Сустрэлі ў гэтым гарадку. / А я іду к палітруку, / А палітрук таварыш Доўжык [5, с. 142]; Глядзіць і лес, і луг з мальбою. / Гадае, думае зямля, / Што хмарка **дажджыкам** слязою / Спадае – ажывіцца ралля... [9, с. 127]; Закурыўся ціхі, дробны дожджык... / Да па чыстаму полю, / Зажурыўся мой татачка родны / Па маёй горкай долі [2, с. 187]; Я пайду па залессейку, / Хмарачкай апушчуся, / **Дожджыкам** абліюся / І з месяцам разыдуся [2, с. 289]; Ой, першы госцік – яснае сонца, / А другі госцік – дробненькі **дажджык** [2, с. 98].

Побач з лексэмай дождж сустракаецца лексема лівень (7%), якая ўжываецца ў значэнні ‘моцны, праліўны дождж’ і падкрэслівае сілу, інтэнсіўнасць праяўлення гэтай прыроднай з’явы: А **ліўні** прыбавілі людзям работы: / Купаецца бульба ў свежых разорах [6, с. 186]; А **лівень** падае ў траву, / Твой лёгкі светлы след змывае. / А я адной табой жыву, / Адну, адну цябе кахаю [6, с. 334]; Хлынуў **лівень** шчодры, цёплы, / Мые дрэвы і кусты. / І зліліся хутка кроплі / У адзін паток густы [5, с. 290]; Сляпога **ліўня** кручаная плётка / Па іх галовах скораных – з пляча! / І ні табе збавення, ні палёгкі, / Ні права на абураны адчай [4, с. 22]; Цэлы вечар клапатліва / Хлеб і сала кроіў нож... / Я люблю **дажджы і ліўні**, / А тады збіраўся **дождж** [6, с. 238].

Нязначнай колькасцю ўжыванняў у межах мікраполя (3%) вызначаецца лексема град: Навальніца з **градам** / Каласы скруціла, / Ветрам паламана, / Дожджыкам прыбіта [9, с. 46].

Снег – ‘атмасферныя ападкі ў выглядзе крышталікаў лёду, а таксама суцэльная маса такіх ападкаў, што пакрывае зямлю’ (23%); ва ўзмоцненым праяўленні, пры суправаджэнні моцным ветрам, снежавыя ападкі ператвараюцца ў мяцеліцу (завіруху): **Снег** на ўсе дарогі лёг. / – Ёсць пасылка, Кавалёк! [5, с. 268]; Ліхаманіла шыбы ў вокнах, / Дробна дзверы, як зубы, ляскалі. / Ні зямлі, ні неба. Навокал / **Снег** ды бура, як над Аляскай [4, с. 28]; Зноў **снег**, зноў сіняя **мяцеліца**, / І вецер – недзе з-пад Грэнландыі – / Сіпіць застуджанымі гландамі, / Склікае духаў на аселіцу [4, с. 29]; Ад ночы трэцца вецер па завугаллю / І ліжа **снегу** шорсткую скарынку, / Дзе, як дзятва малюнкi чорным вугалём, / Уроскід – аблашаныя галінкі [4, с. 40]. Побач з нейтральнай лексэмай снег выкарыстоўваецца і яе памяншальна-ласкальная форма сняжок: У садзе ўсё лісце апала, / Адзін толькі дуб не пажоўк. / На плечы цяжкія

Купалы / Ўжо сееца першы **сняжок** [6, с. 147]; Рада навагодняму **сняжку**, / Зорная, заіненая холадам, / Узнялася ў серабрыстым кажущу / Ёлкаю касмічнаю над горадам [6, с. 89]; Святое Благовешчанне – жытцо рушыць, / Хоць пад **сняжком** – з божым душком... [2, с. 118]; А ўзімку хаджу, / **Сняжок** тапчу, / Сухую лазу грызу [2, с. 196]. Для народнай паэзіі гэта з’ява характэрная, яна надае твору песенную распеўнасць: Прыехала Каляда на белым кані. / Яе канёчак – ясен мясячык, / Яе дружачка – ясна зорачка, / Яе пужачка – ясна звёздачка, / Яе вазочак – з тоўстага лядку, / Яе кажущок – з белага **сняжку** [2, с. 95].

Лексема **сняжынка** ‘пушынка, крышталік снегу’ сустрэлася ў прааналізаваных творах як у прамым: Вось ціха **сняжынкi** ў адлігу лятаюць, / Нібы матылёчкі ў маі, / Падуць і растануць, навек прападаюць, / Як роска вясною ў гаі [9, с. 234], – так і ў пераносным значэнні (прамежжавая зона), у якасці параўнання: Нікнуць хмары, як **сняжынкi**, / Разганяюць іх вятры, / І тужліва пазіраюць / На палі гаспадары [9, с. 309].

Раса – ‘атмасферная вільгаць, якая пры ахаладжэнні асядае дробнымі вадзянымі кроплямі на паверхні раслін і розных наземных прадметаў’ (19%): Радоўку адбываць гатоў заўжды. / Ступаеш золкай, колкаю **расою** / Дымяцца ўсцяж зялёныя сляды [3, с. 24]; Бачыш слёзы ты людскія, / Як яны з **расою** льюцца, / А ў тумане думкі злыя / Горкім плачам аддаюцца... [9, с. 36]; Ой, пара нам дамоў, пара, / Сцюдзёная раса пала, / Цёмная ночка настала [2, с. 186]; Выпускай **расу** / на цёплае лета, / На буйнае жыта, / На ядраністае [2, с. 136]. Побач з лексмай **раса** ўжываюцца памяншальна-ласкальныя формы **роска**, **росачка**, **расіца**: Вось ціха **сняжынкi** ў адлігу лятаюць, / Нібы матылёчкі ў маі, / Падуць і растануць, навек прападаюць, / Як **роска** вясною ў гаі [9, с. 234]; Я ўлетку хаджу, / **Расіцу** тапчу, / Зялёную траву грызу [2, с. 196]; Як рыбачцы без вадзіцы, / А травіцы без **расіцы** [2, с. 317]; Маладзенькая дзевачка / Ды да сонца ўстала, / З ружы **росачку** брала [2, с. 176]. Усе формы ўжываюцца ў прамым значэнні і ўваходзяць у цэнтральную частку семантычнага поля.

Гэтаксама пераважна ў прамым значэнні – ‘кропелька расы’ – ужываецца лексема **расінка**: Тут столькі нечаканай радасці: / Расінка – сіні аганёк, / Асколачкам вясновай радугі / На сонцы блісне акунёк [6, с. 11]; І хочацца дзяўчыныцы / На памяць падарыць / **Расінку** на травінцы, / Агарачак зары... [6, с. 77]; Калі б усе навальніцы плакалі, – / Іхнія слёзы / Былі б драбнюткай **расінкай** / На вейцы тугі па Табе [7, с. 180]. Ды не дадзен рацыён: / Ні крупінкі, / Ні сцяблінкі, / Ані макавай расінкі [5, с. 263]. Сустрэўся варыянт ужывання лексемы **расінка** ў пераносным значэнні ‘момант, хвіліна’ (пераход у прамежжавую зону поля): Трэ берагчы нам праўду слоў, / Як бор сваіх дзятлоў, / Як удава апошнія сваё дзіця... / І даражу я кожнаю / **Расінкаю** жыцця [6, с. 288].

Да атмасферных ападкаў належыць **іней** – ‘тонкі слой ледзяных крышталікаў, якія ўтвараюцца дзякуючы

выпарэннем на ахалоджанай паверхні чаго-небудзь’ (18%): А ўчора ў нас мароз быў, / А сягонні **іней** паў / На свакроўкіну камору, / На Матрункіну пасцельку [2, с. 271]; Чыстым **інеем** накрыты / На гасцінцы беразняк, / Космы густа ім абвіты / У белым снезе маладняк [9, с. 57]; Варожаць над вядзерцам маляры, / І пэндзлем на сцяне праверыць трэба, / Чаго дадаць у фарбу – ці зары, / Ці **інею**, ці веснавога неба [7, с. 48]. Ужытая ў дадзеным значэнні, лексема належыць цэнтральнай частцы разгледжанага семантычнага поля.

Прыкметы, звязаныя з вадой. Нярэдка ў сваіх вершах паэты звяртаюцца да апісання сезонных з’яў прыроды, імкнучца паказаць, як **дажджавыя** кроплі стукаюць па даху, як **ліўневыя** сцены “валяцца” з неба на зямлю, як **градавы** грукат б’е па даху хаты і г.д. Мікраполе “Прыкметы, звязаныя з вадой” займае 14% семантычнага поля “Вада”: Як канаты абгарэлыя, у неба цягнуцца дрэвы, / **Ў дажджавую** яго сівізну, / Толькі ж ведаюць дрэвы, што за ёю дзесь дрэмле / Сіне-сонечны спеў пра вясну [4, с. 27]; Вось дарога – **дажджавыя** пырскі, / **Ўсё** зямное спее пад расой. / Вось аўтобус белы пасажырскі / З сіняй паласой [5, с. 19]; Світалі **дажджавыя** пугі / І секлі жыта. / А калі яснала – / З грукатам, з натугай / Камбайны па гразі паўзлі [6, с. 290]; **Дажджавое** памяло / Жоўтых лісцяў намяло: / Я іду па шумным лісці / У знаёмае сяло [6, с. 72]; З вясной мы ў **ліўневым** палоне, / Учужым пад’ездзе я стаю. / Прыкрыў манаханскай балонняй / Тут хлопец дзяўчыну сваю [6, с. 70]; І вось тугія **ліўневыя** ліны / Нас, як напаты ветразь, узнялі. / Сузор’яў спелых трапяткія бліскі / Трасіруюць халодны змрок шклянны [7, с. 146]; Ідзі ў чыстае ты поле / **Градавая** хмара, / і злітуйся над жытамі – / Над сялянскім дарам [9, с. 156].

Кампаненты дадзенага мікраполя складаюцца з прыметнікаў. Сярод прыметнікаў, утвораных ад назоўнікаў са значэннем воднай прасторы, вылучаюцца наступныя: **азёрны**, **марскі**, **снежны** / **снежавы**, **дажджавы**, **ліўневы**, **балотны**, **крынічны**, **рачны**, **ледзяны**, **росны**, **градавы** і **вадзяны**. Найбольш вялікую групу складаюць лексемы **азёрны** і **снежны** / **снежавы**.

Прыметнік **азёрны** ўжываецца для характарыстыкі адносін пэўных прадметаў рэчаіснасці да возера (усе зафіксаваныя словаўжыванні адносяцца да цэнтральнай зоны): Дакладнасць руху / Ім – / Лёгкім злучнікам нябёсаў і вады – / **Азёрным** чайкам волялюбным дадзена [4, с. 119]; Калі ж пад восень цераз луг / Дарогу месяц выштукуе срэбрам, / Я і з нябыту ўбачу: ты, мой друг... / Душ знітаванасць... / Хваль **азёрных** грэбні... [4, с. 67]; Пазбіраю ў жменю смутку зёрны, / І ў цыганкі добрай на вачах / Аднясу, шпурну на дно **азёрнае** / Свой былы і будучы адчай [4, с. 33]; Летні / Загрыміць пустымі жорнамі – / Вымалаўся летаціні ўраджай, / І па-над сузор’ямі **азёрнымі** / Выгнуцца вясёлкі з краю ў край [7, с. 45]; **Азёрныя** мае спагада-хвалі, / Тады ўтапіце іх на самым дне! – Былі б мы радыя, але прапаліць, / Смяротна да самога

дна пратне [4, с. 96]. Гэтая ж лексема ў спалучэнні з назоўнікамі *край*, *старана* выкарыстоўваецца пры абазначэнні Беларусі: *Што ім тыя пагоды паўднёвыя! / Што ім пышны платанавы рай, / Калі клічуць іх далі сасновыя. / І азёрны рабінавы край* [8, т. 3, с. 26]; *Мы пра ўсё вялі размову, / Чулі лесу кожны рух... / Пра азёрны край сасновы, / Дзе жыве наш добры друг...* [6, с. 238]; *Дождж трашчыць. / Прыгадаў я цябе, / Лес азёрнага краю, / Дзе, як быцам маршчынку на лбе, / Сцежку кожную знаю* [7, с. 16]; *Ну і каша! І нябеснай манне / Да яе далёка ў параўнанне: / Гэткую варыць – паверце мне – / Можна толькі на зямлі цаліннай, / Растае ў роце, як маліна / У маёй азёрнай старане* [3, с. 19].

Побач з прыметнікам *азёрны* зафіксавана і складае слова *азёрнавокі*, у якім значэнне метафарызуецца, лексема змяшчаецца на перыферыю поля: *Зямлянкі на грудзях маёй зямлі – / Азёрнавокай, гордай партызанкі, – / Як стужкі кулямётныя, ляглі* [3, с. 223].

У мастацкай літаратуры са значэннем ‘зроблены са снегу’ сустракаюцца прыметнікі *снежавы* і *снежны* (ва ўсіх зафіксаваных значэннях адносяцца да цэнтральнай зоны поля): *За снегам снег... Агляд пачні / Са дня забытай снежнай бабы: / І сцежка ў школу, і забавы, / І даўні бой перад вачмі* [5, с. 140]; *З відна відна палазня, як шлях, / На пухкай хусціне снежнай роўнядзі, / Рассыпаны просам Млечны шлях. / Пільнуйся слядоў капытоў і ў роў ня йдзі* [7, с. 51]. Прыметнік *снежны* можа выкарыстоўвацца ў значэнні ‘звязаны са снегам, падобны да снегу’: *Студзень – з казкамі снежных аблокаў, / Люты – шчодры на сіні мароз...* [6, с. 36]; *Ад холаду белы, курыцца / Ад снежнага полымя дым. / Агонь гарачэй не ўгарыца, / Не зойдзеца дымам густым...* [3, с. 173]; *Там, за ліўневымі, за снежнымі, / За вогненнымі вякамі, / Пэўна, будзем здавацца мы смешнымі, / Наіўнымі дзівакамі* [6, с. 64].

Лексема *снежавы* ўжываецца таксама ў значэнні ‘звязаны са снегам, пакрыты снегам, падобны да снегу’: *Над раўнінай снегавою / Чырванню пажару, / Як бы стужкай залатою, / Ззяла ў бляску хмара* [9, с. 269]; *Нізка звёлі над зямлёю / Хмары снежавыя, / Свішча вецер за сцяною, / У коміне вые* [9, с. 188]; *І снежавыя падушкі для Енісея / азяблымі пальцамі збівалі завеі. / А ў галавах ледзяной пасцелі / стаць разам ўсе маразы хацелі* [3, с. 148].

Прыметнікі *марскі* і *акіянскі* сустракаюцца радзей, што тлумачыцца геаграфічным становішчам Беларусі. Лексема *марскі* ўжываецца ў пазытыўнай мове з мэтай паказаць штосьці далёкае: *Шляхі марскія ўспамінаць не грэх... / Ды што з прыбоем – / Не магу я ўцяміць: / Ён выплеснуў на бераг негрыцянак, / Іх станы гнуткія і белазубы смех* [6, с. 13]; *Ціхай хвалі марскоў – / Пра патрэбу пшчоты / Са мной гаварыла яна...* [4, с. 124]. Лексема таксама ўжываецца для таго, каб падкрэсліць незвычайную глыбіню марскоў прасторы: *І кінуты ключ залаты ў ваду, / У горкую продань марскую. / І зманьвай не зманьвай цяпер – не прыйду, / Гукай не гукай –*

не пачую [4, с. 103]; *Яшчэ нямая / хвіліна адна... / Трал падымаюць / са дна марскога* [7, с. 160]; *І як бы нас туга ні сціскала – / Мы абжывём захмарныя вуглы. / А некалі ў гіганцкіх батыскафах / Мы спусцімся яшчэ ў марскую глыб* [6, с. 265]; *Гэта ныранне ў прасторы марскія, / Гэта палёты ў заўтрашні век. / Гэта здабыткі і мары людскія, / Крыўды і страты твае, чалавек...* [6, с. 198].

Слова *акіянскі* ўжываецца пераважна з мэтай паказаць нехарактэрнасць і экзатычнасць акіянскіх прастораў для нашай краіны, адлюстроўваючы іншаземныя рэаліі: *Потым гул ідзе... / З глыбін сусвету, / Грозны і бязмерны / Акіянскі гул* [6, с. 19]; *Ён любіць навінкі. / Ухопіць за бок / Падводную лодку “паларысы” / Ды возьме на свой акіянскі зубок, – І лодка ляжыць у паралюшы* [6, с. 17]; *Ён у канцлагеры паўгода здзекі зносіў, / Ён сніць начаі акіянскі гул. / І мінская спагадлівая восень / Залечвае чылійскую тугу* [6, с. 293]. Усе зафіксаваныя значэнні дадзеных лексем адносяцца іх да цэнтральнай зоны поля.

Наяўнасць у мове пазііў прыметнікаў *крынічны* і *рачны* падкрэслівае асаблівасці Беларусі, бо наша Радзіма спаласавана рэкамі, а лексема *крынічны* ўносіць у твор фальклорную, народную адметнасць, насычае думкамі аб Радзіме (лексемы ўваходзяць у цэнтральную зону): *...Наташу ўзяў на крыгаход / З адной умоваю катэгарычнай; / Каб самавольнай не было хады / Ні да наводкавай, ні да крынічнай / Прастуднай непадцепленай вады* [5, с. 216]; *Пачуццяў іншых абарваўшы прывязь, / Абавязкова вернецца сюды / Твая душа, / Як па жывіцу, прыйдзе / Да гэтае крынічнае вады...* [4, с. 73]; *Край крынічны, / Звонкі. / Лесавы [3, с. 267]; Спелы яблычны верасень, / Светлы кастрычнік / У празрыстасці чыстай, крынічнай...* [6, с. 36]; *Табе здаецца, незалежны ты, / Раз не са мной – недасягальны, значыць. / А я схілюся да рачной вады, / І ў ёй не мой, а твой адбітак бачу* [4, с. 74]; *Шукаюць вусны вуснаў – не натоляцца... / Здаецца, толькі мы ва ўсёй ваколіцы, / Неварушнай, нібы рачное дно, / Адзіна мы, ды зорачка-свавольніца...* [4, с. 232].

Якاسны прыметнік *росны* ўжываецца ў прамым (цэнтральная зона) і метафарычным (перыферыяная зона) значэннях: *Дождж. / А мне перапёлка крычыць, / Луг дыміцца над возерам, росны, / Песня роднага краю гучыць: / – Ой, бярозы ды сосны!* [7, с. 16]; *Паўторныя кругі / Поглядаў людскіх, святанняў росных, / Ісцін вечных, самых дарагіх...* [6, с. 245]. Тут хіпаваць ялінкі / На мох страшаюць росны звон. / Падсоўвае транзістар Глінку, / А дзеці ў крык: / – Няхай Кабзон! [6, с. 221]; *Тут свет, здаровы, росны, / І ў сіле спелых ніў, / Ё сенажацях, соснах / Мiane запаланіў* [6, с. 218].

Утвораны ад ядзернай лексемы *вада* прыметнік *вадзяны* ўжываецца рэдка як у прамым, так і ў пераносным значэннях: *Не растуць на вадзе палыны, / І таму не уяўляем сялібы, / Дзе былі вадзяныя млыны, / Дзе выбліскавалі цёмныя рыбы* [5, с. 36]; *Пішаце пра мора*

вы кантракты, / Слова ў іх галоўнае – “карма”, / А з народам **вадзяным** кантакту / Ўсё няма... / Ці мудрасці няма? [6, с. 252]. У першым выпадку спалучэнне **вадзяны млын** – збудаванне для абмалоту зерня, механізмы якога прыводзяцца ў рух сілаю вады (цэнтральная зона). У другім прыкладзе ў спалучэнне **вадзяны народ** укладзена значэнне ‘марская фаўна’ (перыферычная зона).

Прыметнік **балотны** таксама ўжываецца толькі ў сваім прамым значэнні ‘які адносіцца да балота’ (цэнтральная зона): *Не іду па вадзе, / А лячу над лядзянай, **балотнай** вадой* [4, с. 232]; *Як захлынуўся ад радасці жаўранак, / Славачы сонца вясновага дня. / Як па куп’і на **балотных** выжарынах / Мякка хрумсціць пад нагою сушняк...* [3, с. 6].

Прыметнік **ледзяны** мае два асноўныя значэнні: ‘зроблены з лёду’ і ‘вельмі халодны, марозны’ (цэнтральная зона). *Абплывалі хмары-горы / Белымі клубкамі, / Нібы крыгі **ледзяныя** / З меднымі краямі* [9, с. 202]. *Ведаю: / час раўнадушна імклівы, / Дзьмухне ў твар скразнячок **ледзяны**. / Лісце ў садах ападае маўкліва, / Зноўку ў кватэрах жанчыны адны* [6, с. 159].

Працэсы, звязаныя з вадой. Да працэсаў, якія звязаны з рухам вады, адносіцца шмат дзеясловаў, але ў нашым даследаванні звернута ўвага толькі на тыя лексемы, якія з’яўляюцца аднакаранёвымі да лексем са значэннем воднай прасторы. Таму мікраполе “Працэсы, звязаныя з вадой” у параўнанні з іншымі невялікае – 5%). Найбольш тыповыя – дзеясловы *ўзвіравацца, завірыць і аснежыць*.

Дзеяслоў *аснежыць* мае асноўнае значэнне ‘зрабіць снежным, зацярушыць’. Знойдзена два выпадкі ўжывання гэтай лексемы ў паэтычнай мове, і абодва прыклады падаюць гэта слова з метафарычным значэннем, што пераносіць яе ў перыферычную зону поля: *Зязюлямі гадоў пракукаваны, / Бог галавы маёй **аснежыш** ты / І ўладна пакладзеш на лоб круты / Зямныя ўпартыя мерыдыяны...* [3, с. 110]; *Шуміць за акном ліпоўнік, / Дзьмухаўцы **асцежылі** ганак. / Начуе зноў палюбоўнік / Ці лепей сказаць – каханак* [7, с. 251]. У першым выпадку дзеяслоў *аснежыць* абазначае ‘зрабіць сівым’, а ў другім – ‘пакрыць рэшткамі дзьмухаўца’.

Лексемы *ўзвіравацца і завірыць* ужываюцца ў значэнні “пайсці кругамі, вірам; кінуцца ў вір” (цэнтральная зона поля): *Зласліва кінеш камень у крыніцу – / І зразу скаламуціцца вада, / Знікае зоўны воблік таямніцы, / **Узвіраецца** ўсякая брыда* [4, с. 222]; *Б’юць вясёлкі / На асколкі / Вадаспады горныя. / Зачаруюць, завіруюць / Вочы ноччу чорныя* [3, с. 21].

Да гэтай групы намі аднесены таксама дзеепрыметнікі *заінены / з’інены*. Гэтыя словы абазначаюць прымету паводле дзеяння – ‘пакрыты інеем’ і ўваходзяць у цэнтральную зону поля: *Яшчэ **заіненыя**, стынуць прылаўкі. / На іх дагараюць пад стогн галубіны / і крону прадвесне, і прыпар рабіны* [7, с. 190]; *Алешнік? / А можа аленяў сумёты / Прыспалі? / **З’іненыя** рогі дрываць* [7, с. 194].

Вобразна-выяўленчы патэнцыял назваў аб’ектаў воднай прасторы. Вобразна-выяўленчыя сродкі – абавязковы атрыбут паэтычнай мовы, што робіць яе больш экспрэсіўнай, прыгожай і насычае творы разнастайнымі тропамі, якія, дзякуючы мастацкім дэталям і правільна падобраным моўным сродкам, ствараюць непаўторнае аблічча кожнага твора.

“Водныя” лексемы ў беларускай паэтычнай мове ўжываюцца як у прамым, так і ў пераносным значэннях. Лексемы, ужытыя ў прамым значэнні, пераважаюць (59% супраць 41% ужыванняў у пераносным значэнні). Менавіта гэтыя лексемы ствараюць цэнтральную зону семантычнага поля “Вада”: *Бо ты, зімачка, халодная, / Лугі, **балоты** памарозіла* [2, с. 122]; *А ўвосень кошыкі плялі / З ракіты на **балотах** / Або чмяліны мёд пілі / Саломінкамі з сотаў* [8, т. 3, с. 50]; *Дождж ізноў... / Якія лекі / Мне знайсці, каб сон прайшоў?* [6, с. 266] *Хутчэй бы прыйшла зіма, / Белая і маладая, / З малінавым маразамі, / Са званам канькоў на лёдзе* [6, с. 14]; *Вось старая хатка. / Садзік невялічкі. / Малады алешнік / Па краях **крынічкі*** [9, с. 262].

Значную цікавасць уяўляе разгляд асаблівасцей ужывання кампанентаў семантычнага поля “Вада” ў пераносным значэнні. Дадзеныя лексемы адносяцца да перыферычнай зоны семантычнага поля і з’яўляюцца асновай для стварэння такіх вобразных сродкаў, як метафары, эпітэты (у тым ліку метафарызаваныя), параўнанні.

Метафара – выкарыстанне слова ў пераносным значэнні, якое развіваецца на аснове падабенства двух прадметаў або з’яў у выніку ўвасаблення, апрадмечвання, абстрагавання. Як паказвае аналіз, назвы аб’ектаў воднай прасторы ў якасці метафар у творах беларускай паэзіі выкарыстоўваюцца даволі часта. Аналіз матэрыялу дазволіў вылучыць тры групы метафарычных эпітэтаў. Першая група выражаецца спалучэннем назоўнікаў: *Я чакаю часіну сябрыні людской, / Але не згаджуся, што родныя мовы луской / Былі на рабіне чалавецтва, / Якая ў вечнасць плыве **акіянам вечнасці*** [11, с. 130]; *Над сонмам глядачоў Вы светла панавалі, / Самотнаю душой, суперніца жыцця. / І захлыналі ўсіх **пяшчоты** Вашай **хвалі**, / І неслі ў **акіян святога забыцця*** [7, с. 314]; *А на планеце ўсім па ракеце / З пякельнай смерцю... Вось і жыві! / Мы ўжо старыя. А дзеці, дзеці... / Няўжо ім попел, **рэкі крыві**?* [6, с. 338]; *Прырода-маці, мы твае часцінкі, / Ты нас да чалавечнасці ўзняла, / Расплаў ты **абыякавасці ільдзінікі**, / Займей сумленне, што ты нам дала* [6, с. 223]; *Сумленныя мы ўсе, / Ды рэдка дружым з подзвігам. / **Рака жыцця** нясе / Зашмат струменяў подленькіх* [6, с. 58]; *Ірваліся **істужкі рэк** / Пад схвай апавночы / Былі на міг, а ці на век / Вадам адкрыты вочы* [13, с. 77]; *І шум дубровы, і стогн пушчы, / **І рэк усхліп**, і плач крыніц, / І немы змрок балотнай тлушчы / Нясуць мне вёсць пра чужаніц* [9, с. 196].

Найбольшую групу назоўнікавых метафар утвараюць спалучэнні з лексмай мора: *Я чую ўжо мора*

прыглушаны **звон**, / А вунь і яно – навальнічнаю хмарай [6, с. 55], – пераважна ў значэнні ‘вялікая прас-тора чагосыці’, ‘вялікая колькасць’: Быў май, жаночы голас плакаў / і, як па промню, плыў удал, / удал, дзе ззяе **мора макаў** / пад неба чыстым, бы крышталі [8, т. 3, с. 365]; Гняла пачварная прытуга / У **моры згадак і надзей**. / На ішчасце, песень, цвёрдасць духа / Я не згубіў між дробных дзей [8, т. 3, с. 337]; Без краю блішча **збожжжа мора**, / Цвітуць лугі, шумяць лясы... / Так многа ёсць паўсюль багацтва і красы, / А людзі нішчацца ў голадзе, у зморы [10, с. 210]; Упарта **сэрца мора** б’ецца, / У памяць – хвалю шызуу – ступі: / Разгубленасці ўзрост мінуў, здаецца – / Трывогам месца саступіў [4, с. 101]; Побач гасцінца – лясы, лугавіны, / **Мора** зялёнае **ніў**, / Срэбных рэчак разліў, / Лёгшы ўтульна пад зелены тынам [9, с. 202]; Люблю я прыволле / Шырокіх палёў, / Зялёнае **мора** / Ржаных **каласоў** [9, с. 51].

Другую групу ўтвараюць дзеяслоўныя метафары, у якіх метафарызуецца другі член сінтагмы (дзеяслоў): **Паслізнулася рачулка** / На ішрай, абыякавай скале / І ўніз – грудзмі ў бяздоннае правалле [4, с. 40]; Акрыла плечы туманом, як хусткаю, / **Заснула азярына**... / Пахнуць ліпы... / Пайшоў бы ў неба срэбнай сцёжкай хісткаю / Ды ўсім Мядзведзіцам паціснуў лапы [3, с. 74]; **Вадапад разгуляўся** – без зла / Можжа змыць нават камень пячорны. / Аж уздыгвае побач зямля – / Так вуркоцунь нясіцёртыя жорны [5, с. 36]; “Не адгаворвайце, – **рака прасіла** / Сваіх разумных, асцярожных сёстраў. – Я маю знаць, што там, за гэтым лесам / Я толькі гляну і назад вярнуся [4, с. 39]; **Аклян дрыжыць** / Пад наглядом сумным / Месяца і ў шумным / Гуле ішч бурліць [10, с. 132]; **Разбегваюцца рэкі** мае / На захад, на поўнач, на поўдзень. / Разлятаюцца дзеці мае – Хутка іхняга ценю не знойдзеш [6, с. 110]; ...**Лёд затрэскаў, закрэктаў, заныў**, / **Здрадзіў лёд** – і вада на прасторы [7, с. 213].

Трэцяя група – метафарычныя эпітэты. Тут метафарызуецца абодва кампаненты сінтагмы: І мяне **людская хваля** падхапіла, / І ў глыбокім віры / Моцна закруціла [9, с. 267]; Калі мова мая / Уліецца ў агульны **людскі акіян**, – / Пацячэ ў ім, стрыманая, / Цёплым Гальфстрымам [7, с. 116]; І снежавыя падушкі для Енісея / азяблымі пальцамі ўзбівалі завеі. / А ў галавах **ледзяной пасцелі** / стаць разам усе маразы хацелі [7, с. 148]; 3 вясной мы ў **ліўневым палоне**, / У чужым пад’ездзе я стаю. / Прыкрыў манаішаскай балонняй / Тут хлопец дзеўчыну сваю [6, с. 70]; Як кнаты абгарэлыя, у неба цягнуцца дрэвы, / **Ў дажджавую** яго **сівізну**. / Толькі ж ведаюць дрэвы, што за ёю дзесь дрэмле / Сіне-сонечны спеў пра вясну [4, с. 27]; Свісталі **дажджавыя пугі** / І секлі жыта. / А калі яснала – / З грукатам, з натугай / Камбайны па гразі паўзлі [6, с. 290]; **Дажджавое памяло** / Жоўтых лісцяў намяло. / Я іду па шумным лісці / У знаёмае сяло [6, с. 72]; Ён любіць навінкі. / Ухопіць за бок / Падводную лодку “паларысы” / Ды возьме на свой **акіянскі зубок**, – І лодка ляжыць у паралюшы

[6, с. 17]; **Алешнік?** / А можжа аленяў сумёты / **Прыспалі?** / З’інеल्या рогі дрыжачы [3, с. 194]; **Гадоў малечых зялёнае мора**, / Зялёнае ад неакрэсленай мары, / Зялёнае ад зялёнага сена, / Якім быў сяннік напханы [3, с. 199].

Метафарычныя выказванні ў мастацкім тэксце злучаны з выражэннем індывідуальнага ўспрымання навакольнага свету. З метафар сплятаецца літаратурная тканіна, якая стварае выявы, хвалюе нас эмацыйна, уздзеінічае на нас вобразамі мастацкага твора. Словы набываюць дадатковыя значэнні, стылістычную афарбоўку, ствараюць асаблівы свет, у які мы пранікаем, чытаючы мастацкую літаратуру. Мастацтва – гэта самавыяўленне асобы.

Эпітэт – слова ці цэлы выраз, якое дзякуючы сваёй структуры і адмысловай функцыі ў тэксце набывае некаторае новае значэнне ці сэнсавое адценне, вылучаючы ў характарыстыцы вобраза індывідуальныя, непаўторныя прыкметы і тым самым прымушаючы ацэньваць гэты вобраз з незвычайнага пункту гледжання. Выконваючы гэту функцыю, эпітэт выступае як выяўленчы прыём, які, узаемадзеінічаючы з асноўнымі тыпамі семантычных пераносаў – метафарай, метаніміяй, метамарфозай, аксюмаранам, гіпербалай і інш., – надае тэксту ў цэлым экспрэсіўную танальнасць.

У ходзе аналізу матэрыялу было вылучана дзве групы: 1) эпітэты-прыметнікі, утвораныя ад лексем са значэннем аб’ектаў воднай прасторы: **Паўторныя кругі** / Поглядаў людскіх, світанняў **росных**, / Ісцін вечных, самых дарагіх [6, с. 245]; Там, за **ліўневымі**, за **снежнымі**, / За вогненнымі вякамі, / Пэўна, будзем здавацца мы смешнымі, / Наіўнымі дзівакамі [6, с. 64]; Тут хіпаватыя ялінкі / На мох страсаюць **росны** звон. / Падсоўвае транзістар Глінку, / А дзеці ў крык: – Няхай Кабзон! [6, с. 221]; Спелы яблычны верасень, / Светлы кастрычнік / У празрыстасці чыстай, **крынічнай** [6, с. 36]; Зямлянкі на грудзях маёй зямлі – / **Азёрнавокай**, гордай партызанкі, – Як стужкі кулямётныя, ляглі [3, с. 223]; Ведаю: час раўнадушна імклівы, / Дзьмухне ў твар скразнячок **ледзяны**. / Лісце ў садах ападае маўкліва, / Зноўку ў кватэрах жанчыны адны [6, с. 159]; 2) эпітэты, якія характарызуюць аб’екты воднай прасторы: Б’е наводкай бяскрылая Пціч / Ці свавольнае **мора** наперадзе? / Ты над выспамі стань і пакліч: Хто на свеце жывы, на тым беразе! [5, с. 14]; За кожным імем – сэрца мне нарасхрыст, / Мой міласэрны **вір** жывой вады. / Я знаю, мець сяброў адданых проста: / Умеў бы толькі сам быць ішчодрым ты [4, с. 30]; Багны – базлітасны **акіян**, / Глынуць – не ўратуе ні “SOS”, ні “Мама” [6, с. 215]; Нясе вада, і толькі адварочвай / Шастом непаслухмяную **раку**, / Ўсю глыбіню ад выпачкі сірочай, / Ад жорсткага наждачнага пяску [5, с. 228]; Як па-над ярам пад ветравым падыхам / Вольха сухая рыпіць і рыпіць, / Як адвячоркам над соннымі **водамі** / Каня ніяк не дапросіцца піць [7, с. 6]; 3 непатульнай пакорна зямліцай / Заручыся, шлюб вечны вазьмі. / Разлівайся

люстранай **крыніцай** / Між даламі, арамі, людзьмі [8, т. 1, с. 299]; Сляпога **ліўня** кручаная плётка / Па іх галовах скораных – з пляча! / І ні табе збавення, ні палёгкі, / Ні права на абураны адчай [4, с. 22]; Як рана васількі завасільковелі! / Ці гэта я спазняюся? Няўжо / Мінулася вясна? Адна аскоміна / Перапрэлых, выгарклых **дажджоў** [4, с. 61]; Радоўку адбываць гатоў заўжды. / Ступаеш золкай, колкаю **расою** – / Дымяцца ўсцяж зялёныя сляды [3, с. 24]; І абмяклі пургі парывы, / І на ўздымлены **снег** упала, / Быццам ён на кудлаты загрывае / Руку ўладна світанне паклала [4, с. 28].

Рытмічная структура вершаванага тэксту патрабуе пэўнага размяшчэння эпітэтаў у рамках вершаваных радкоў, таму ў паэтычным тэксце часта сустракаецца інверсія эпітэта – ён знаходзіцца ў постпазіцыі да таго слова, якое вызначае: Там лістапады выпалі, / Там выплылі плыты / І зоры воды выпілі / З **азёраў** залатых [13, с. 27]; Журавін не сеюць, журавіны самі / Сеюцца ў **балоце** жураўліным... / Запрагаў каня буланага я ў сані, / Везлі мяне сані ў журавіны [11, с. 154]; **Струменьчыкам** нязвонкім, безупынным, / Што абмялеў далоняў жалабок. / Не ведае: куды яе мы кінем: / На быстрыню ці на сухі пясак? [5, с. 229]; Бурліць **крыніца** агнявая, / Бы нейкі грозны віхар-вір, / І бляскі-іскры разлівае, / Як залаты агністы жвір [9, с. 210].

Экспрэсіўная функцыя эпітэта становіцца асабліва выразнай у тых выпадках, калі эпітэты ўваходзяць у сінанімічны рад і кожнае слова рада ўносіць сваё ўнікальнае стылістычнае адценне значэння: **Прытульныя, усеачышчальныя, усёзагойлівыя воды** / Нашай любасці [4, с. 205].

Сярод назваў аб'ектаў воднай прасторы найбольш багатыя на эпітэты лексемы *рака і вада*: *рэкі крыва-выя, чароўныя рэчкі, звонкая рака, чырвоная рака, родная рэчка, задумная рэчка, рыжая рачулка, ціхая вада, салодкая вада, вогненная вада, ясныя воды*.

Мова прааналізаваных твораў паэтычная, таму наяўнасць разнастайных эпітэтаў тут невыпадковая. Мастацкія азначэнні надаюць вобразам экспрэсіўнасць і маляўнічасць.

Параўнанні. Параўнанне як мастацкі прыём робіць паэтычную мову больш яркай і надае твору асаблівы нацыянальны каларыт, перадае адносіны паэта да падзеі, да асобы ці вобраза, выкарыстанага ў творы. У межах прааналізаванага матэрыялу выяўлены лексемы са значэннем аб'ектаў воднай прасторы, якія ўваходзяць у склад параўнанняў. У асноўным гэта простыя параўнанні, дзе-нідзе ў спалучэнні з прыметнікам: *Шчаслівыя людзі – як хвалі, што ў моры: / Іх вецер уздыме – бягуць...* [9, с. 290]; *І, як замову, паўтараю зноў: / Без дружбы мне – як без вады і хлеба, / Як птушцы – без глыбінь высокіх неба, – / Мой просты дом не ведае замкоў!* [4, с. 28]; *Нікнуць хмары, як сняжынікі, / Разганяюць іх вятры, / І тужліва пазіраюць / На палі гаспадары* [9, с. 309]; *Я першы раз пачуў твой смех / На ціхай тапалінай сцежцы. / Бялюткі пух, як цёплы снег, / І цэлы свет – твая ўсмішка*

[6, с. 334]; *Як вадаспад, пясак сыпучы / Цурчыць струменем пад адхон... / Ён выбег з лесу, стаў над кручай / І так стаіць, усім відзён* [8, т. 2, с. 364]; *І крыху пацішэлая гаворка / Жавей, жавей, бы з горкі ручаёк. / – Наташа дзе? / Яна, нібы вавёрка, / За комінам схавалася ў куток* [5, с. 218]; *Мяняешся, нібы рака, ты: / То пацямнееш ад тугі, / То на крутыя перакаты / Узлятаеш ветразем тугім...* [11, с. 196]. *Кажуць, мова мая аджывае / Век свой ціхі: ёй знікнуць пара. / Для мяне ж яна вечна жывая, / Як раса, як сляза, як зара* [6, с. 36]; *Ірве мелодыю на часткі / Клыкамі белымі раяль. / І сум, як шэры дождж, зашастаў, / І падрабнела раптам даль* [6, с. 38]; *Будзь здароў, як крынічна вада, / Будзь вясёл, як хороша вясна, / Будзь багаты, як сырая зямля* [2, с. 143]; *Зірні перад сабою і пабачыш / Прасторы, неабдымныя, як мора...* [11, с. 395]; *Цёмныя цені даўжэй у лагчыне, / Птушкі прыстаўшай марудней палёт; / Сумна плыве маладзік бледна-сіні / У небе вячэрнім, зялёным, як лёд...* [10, с. 21]. Разам з простымі параўнаннямі ўжываюцца развітыя канструкцыі: *Зямля падзеямі аглушана: / Эпоха мае бас густы. / Мы мовападам зацяршаны, / Як снегам цёмныя кусты* [6, с. 35]; *І душна, і цесна, і сэрца самлела / Мне тут на чужыне, здалёк ад сваіх... / Як птушка на скрыдлах, ляцець бы ляцела, / Як хваля па моры, плыла бы да іх!* [12, с. 83].

Заклучэнне. Такім чынам, у дадзеным артыкуле на матэрыяле выбраных твораў беларускай літаратуры былі даследаваны лексічныя адзінкі семантычнага поля “Вада”. Апісанне праводзілася ў семантычным і вобразна-выяўленчым аспектах. Ядро семантычнага поля ўтварае лексема “вада”, абагульняльная для ўсіх абазначэнняў водных з’яў. Яна семантычна дыферэнцаваная і выкарыстоўваецца ў розных значэннях, сярод якіх пераважае прамое. Аналіз матэрыялу паказвае, што ў беларускіх паэтычных творах семантычнае поле “Вада” складаецца з шасці асноўных мікрапалёў. Усе ўжытыя ў прамым значэнні кампаненты выдзеленых мікрапалёў складаюць цэнтральную зону семантычнага поля “Вада”. Найбольш частотнымі паводле ўжывання з’яўляюцца мікраполе “Водныя патокі” з ядзернай лексмай “рака”, мікраполе “Вадаёмы і іх часткі” з ядзернай лексмай “возера”, мікраполе “Атмасферныя ападкі” з ядзернай лексмай “дождж”. Выкарыстанне лексем “рака” і “возера” ў мове паэзіі па колькасці словаўжыванняў амаль раўназначнае выкарыстанню лексемы “вада”. Гэта тлумачыцца нацыянальна-геаграфічнымі фактарамі: Беларусь традыцыйна – краіна рэк і азёраў, і паэты імкнуцца паэтызаваць вобраз возера і рэчкі, часта адухаўляючы іх у сваіх творах, а свочасовы дождж заўсёды лічыўся ў беларуса-селяніна першаасновай добрага ўраджая.

Значная частка лексем са значэннем аб'ектаў воднай прасторы рэалізуе пераносныя значэнні, утвараючы перыферычную зону семантычнага поля “Вада”. Вобразна-выяўленчы патэнцыял лексем семантычнага поля “Вада” рэалізуецца праз метафары (*рэкі крыві,*

сэрца мора, ільдзінкі абыякавасці, акіян вечнасці), эпітэты (росныя світанні, сляпы лівень, выгаркляя дажджы) і параўнанні (шчаслівыя людзі – як хвалі, што ў моры; хмары, як сняжынкi; сум, як шэры дождж), якія адыгрываюць важную ролю ў стварэнні паэтычных вобразаў. Разнастайнае выкарыстанне вобразных сродкаў для характарыстыкі назваў аб'ектаў воднай прасторы робіць гэтыя лексемы “жывымі” і маляўнічымі, насычаючы мову сакавітасцю і эмацыянальнай вобразнасцю.

Падагульняючы сказанае, можна зрабіць вывад, што лексемы семантычнай групы “Вада” з’яўляюцца неад’емнай часткай беларускай паэтычнай мовы. Ужытыя як у прамым, так і ў пераносным значэнні, “водныя” лексемы арганічна ўплятаюцца ў канву беларускіх паэтычных твораў, паглыбляюць іх змест і ў залежнасці ад значэння насычаюць разнастайнасцю маляўнічых вобразаў, ствараючы непаўторны нацыянальны каларыт.

Літаратура

- Дзядова, А.С. Мастацкі тэкст як крыніца лінгвакраіназнаўчай інфармацыі : манаграфія / М-ва адукацыі Рэспублікі Беларусь, Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”. – Віцебск: ВДУ імя П.М. Машэрава, 2022. – 154 с. – URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/32640>.
- Беларускі фальклор: Хрэстаматыя: Вучэб. дапаможнік для філал. фак. ВНУ / скл. К.П. Кабашнікаў і інш. – 4-е выд., перапрац. – Мінск: Выш. шк., 1996. – 856 с.
- Барадулін, Р.І. Руны Перуновы: выбр. творы / Р.І. Барадулін. – Мінск: Маст. літ., 2006. – 496 с.
- Мацяш, Н. Паміж усмешкай і слязой. Вершы і паэмы 1962–1992 гг. / Н. Мацяш. – Мінск: Маст. літ., 1993. – 301 с.
- Пысін, А. Выбраныя творы: у 2 т. / А. Пысін // Вершы 1967–1977 гг., паэмы, казкі. – Мінск: Маст. літ., 1980. – Т. 2. – 336 с.
- Панчанка, П. Збор твораў: у 4 т. / П. Панчанка. – Мінск: Маст. літ., 1982. – Т. 3. Вершы 1963–1981 гг. – 351 с.
- Барадулін, Р. Свята пчалы. Выбраныя вершы і паэмы / Р. Барадулін. – Мінск: Маст. літ., 1975. – 400 с.
- Анталогія беларускай паэзіі: у 3 т. / рэдкал.: Р. Барадулін [і інш.]; рэд. і аўтар прадм. Н. Гілевіч. – Мінск, 1993. – Т. 1. – 622 с.; Т. 2. – 623 с.; Т. 3. – 625 с.
- Колас, Я. Выбраныя вершы / Я. Колас // уклад. М. Лужанін. – Мінск: Маст. літ., 1980. – 240 с.
- Багдановіч, М. Маладыя гады: Выбранае / М. Багдановіч. – Мінск: Маст. літ., 2001. – 335 с.
- Дзень паэзіі. 1965–1984. Выбранае / склад. Я. Міклашэўскі, Б. Спрычан; рэдкал.: М. Танк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Маст. літ., 1984. – 406 с.
- Цётка. Выбраныя творы / Цётка. – Мінск, 2001. – 336 с.
- Янішчыц, Я. Пачынаецца ўсё з любові...: вершы, паэмы / Я. Янішчыц. – Мінск: Маст. літ., 2008. – 339 с.

Паступіў у рэдакцыю 11.11.2024

Быт человека как важнейшая составляющая культуры

Муратова Е.Ю., Малышева К.И.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

Культура имеет самые разные роли в человеческом обществе и затрагивает разные его сферы: это духовная культура, материальная, массовая, социальная, культура потребления, культура быта и т.д. Быт – особая сфера жизни и культуры общества.

Цель статьи – показать особую художественную роль бытовых деталей в творчестве Ю. Трифонова и Э. Елинек.

Материал и методы. Материалом исследования является творчество советского писателя Ю. Трифонова и австрийской писательницы Э. Елинек.

Использовались описательный, сравнительный методы и метод филологического анализа художественного текста.

Результаты и их обсуждение. В статье изучается специфика бытовой сферы в творчестве советского писателя Ю. Трифонова и австрийской писательницы Э. Елинек, представляющие в своих произведениях разные экономические, идеологические, социальные системы двух стран.

Кратко описываются особенности русской и австрийской литературы 1950–1990-х годов; значимость художественных произведений исследуемых авторов, сходство тематической наполняемости их произведений: проблематика семьи, рода, пола, болезни, бедности.

В работе анализируются сходства и различия микрополей «Еда и напитки»; «Домашняя обстановка»; «Кухонная утварь»; «Одежда», которые раскрывают внутреннюю социальную жизнь СССР и Австрии, а через нее вскрываются и описываются серьезные социальные проблемы (богатство, бедность, способность преодоления трудностей, традиции и под.).

Заключение. Таким образом, бытовой дискурс в исследуемых художественных произведениях позволяет раскрыть и понять очень многое в истории, жизни, культуре нации: бедность или богатство, материальную культуру, особенности национального питания, специфику отдыха, приверженность национальным традициям, которые формируют национальный характер русского и австрийца.

Ключевые слова: культура, быт, повседневность, СССР, Австрия, социальная жизнь, Ю. Трифонов, Э. Елинек.

(Ученые записки. – 2024. – Том 40. – С. 137–142)

Human Everyday Household Activities as a Most Important Component of Culture

Muratova E.Y., Malysheva K.I.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

Culture has a variety of roles in human society and affects its different spheres; they are spiritual culture, material culture, mass culture, social culture, consumer culture, culture of everyday life, etc. Household activities is a special sphere of life and culture of society.

The purpose of the article is to show the special artistic role of everyday details in the works of Y. Trifonov and E. Jelinek.

Material and methods. The material is the work of the Soviet writer Y. Trifonov and the Austrian writer E. Jelinek.

The descriptive, comparative methods and the method of philological analysis of the artistic text were used.

Findings and their discussion. The article studies the specificity of everyday life in the works of Soviet writer Y. Trifonov and Austrian writer E. Jelinek, who represent in their works different economic, ideological and social systems of the two countries.

The features of Russian and Austrian literature of the 1950–1990s are briefly described; the significance of the artistic works of the authors under study, the similarity of the thematic content of their works: the problems of family, kin, sex, illness, poverty.

The article analyzes the similarities and differences of the microfields "Food and drinks"; "Home furnishings"; "Kitchen utensils"; "Clothes", which reveal the internal social life of the USSR and Austria, and through which serious social problems are revealed and described (wealth, poverty, ability to overcome difficulties, traditions, etc.).

Conclusion. *Thus, everyday discourse in the studied fiction works allows to reveal and understand a lot of things in the history, life, culture of the nation: poverty or wealth, material culture, peculiarities of national food, specificity of recreation, adherence to national traditions that form the national character of Russian and Austrian.*

Key words: *culture, life, everyday life, USSR, Austria, social life, Y. Trifonov, E. Jelinek.*

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 40. – P. 137–142)

Если понимать под культурой «совокупность специфических человеческих способов деятельности и ее результатов» [1, с. 5], то становится понятным наш интерес к предметам быта как результату деятельности человека – его бытовым ценностям.

Понятие культуры очень широко и разнообразно в своих определениях. Даже между природным и культурным границы достаточно размыты и неустойчивы. Камень, лежащий на дороге, – явление чисто природное, не связанное с культурой человека, но тот же камень, положенный на могилу в качестве памятника, – уже явление человеческой культуры, ее простейший символ как круг или крест. Культура имеет самые разные роли в человеческом обществе и затрагивает разные его сферы: это духовная культура, материальная, массовая, социальная, культура потребления, бытовая культура и т.д.

Цель статьи – показать особую художественную роль бытовых деталей в творчестве Ю. Трифонова и Э. Елинек.

Материал и методы. Материалом статьи служит творчество советского писателя Ю. Трифонова и австрийской писательницы Э. Елинек. Использовались описательный, сравнительный методы и метод филологического анализа художественного текста.

Результаты и их обсуждение. Быт – особая сфера жизни и культуры общества. Это повседневный уклад жизни человека, в котором удовлетворяются его физиологические потребности, это его «вещный мир»: жилище, имущество, мебель, утварь, посуда; одежда, украшения и под. В свою очередь, вещь – это «ограниченный в пространстве и времени макро-объект, которому целенаправленной человеческой деятельностью придана определенная структурная организованность, внутренняя и внешняя форма. Вещь – это изготовленный человеком предмет, предназначенный удовлетворять те или иные человеческие потребности» [2, с. 105]. Но вещи – это не только предметы удовлетворения потребностей, это также и способ обращения с ними, и собственно сам состав «вещного мира». Так, в Древней Греции и Риме рабы считались вещами, в крепостной России крестьян продавали как вещи, в современных судебных процессах домашние животные определяются как имущество, а в самолетах и поездах их проезд оплачивается как багаж.

«Однако быт – это не только жизнь вещей, – как пишет Ю.М. Лотман, – это и обычаи, весь ритуал ежедневного поведения, тот строй жизни, который определяет распорядок дня, время различных занятий,

характер труда и досуга, формы отдыха, игры, любовный ритуал и ритуал похорон. Связь этой стороны быта с культурой не требует пояснений. Ведь именно в ней раскрываются те черты, по которым мы обычно узнаем своего и чужого, человека той или иной эпохи, англичанина или испанца» [3, с. 12].

Особую роль бытовые детали играют в художественной литературе, поскольку через них реально предстает жизнь и характер героев художественного произведения во всех их физических, психических, эмоциональных, пространственно-временных проявлениях. Кроме того, как подчеркивал У. Эко, внутри повседневности как знаковой системы бытийное объединено с бытовым, и в этой системе заключен культурный код семьи, группы, народа, страны [4, с. 66]. И это естественно, поскольку каждая нация зависит от очень многих и разных условий: исторической судьбы, географических и климатических условий, своей профессиональной ориентации (растит верблюдов, баранов, рис, бананы или добывает золото и уголь и под.), существует среди гор или долин, на севере или юге.

Но это, безусловно, не отменяет существования в бытовой сфере общечеловеческих традиций, имеющих общее предназначение, хотя и облеченных в национальные «одежды»: свадьба, рождение ребенка, похороны и под.

Особенно интересно проанализировать и сравнить художественную роль повседневности в разных лингвокультурах, в разных языках и социумах. На этот предмет мы проанализировали творчество советского писателя Ю. Трифонова и австрийской писательницы Э. Елинек, представляющие в своих произведениях разные экономические, идеологические, социальные системы двух стран. Но объединяет творчество этих писателей описываемое ими время (50–90-е годы XX века), литературные герои (в большинстве – простые деревенские и городские люди), внимание к бытовым деталям, точно и емко передающим свое время, дух эпохи, который был сложным и противоречивым как в Советском Союзе, так и в Австрии и во всей Европе.

Все это нашло отражение в произведениях художественной литературы многих авторов в СССР и Австрии.

Русская литература в 1950–1990-х годах развивалась неравномерно, чутко откликаясь на политическую ситуацию в стране. В 50-е годы в советской литературе сильнее всего был выражен героико-патриотический аспект. Писатели фронтового поколения (Г. Бакланов, В. Быков, В. Богомолов, Ю. Бондарев)

в своих произведениях отражали сложный трагический ход войны с предельной правдой, во всей трагедии.

После смерти Сталина стала медленно изменяться ситуация в стране, и как следствие – в культурной жизни государства. Это время характеризуется публикацией некоторых ранее запрещенных авторов; возникают новые литературные объединения, появляются новые молодые и талантливые поэты и писатели (Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Б. Ахмадулина, Б. Окуджава, Р. Рождественский и др.). Наблюдается относительная свобода творчества и заметная гуманизация литературы (интерес к личности, внутреннему миру человека, вечным вопросам), возникает новое поколение, называющее себя «шестидесятниками».

В начале 60-х годов возникло понятие «деревенская» проза. Через поэзию крестьянского труда писатели показывали естественный ход здоровой жизни, раскрывали внутренний мир человека, живущего в ладу и гармонии с природой.

В это же время появляется качественно иная литература. С середины 60-х годов начинают издаваться поэтические книги М. Цветаевой, Б. Пастернака, А. Ахматовой и др., публикации произведений мировой литературы XX в.

Специфика австрийской литературы 50–90-х годов связана с историей Австрии в первой половине XX века. Послевоенные темы и сюжеты австрийской прозы вначале были очень безысходные, а затем писатели стали поднимать вопросы о коллективной вине, о всенародном покаянии, о причинах австрийского антисемитизма и нацизма.

Для австрийской литературы 60-х гг. характерны такие темы, как жестокие принципы воспитания детей и подавления индивидуальности, бесправие и беспросветность существования наемных рабочих и батраков.

В 1970 году государство объявило о новой культурной политике и поддержке «живой» литературы, отражающей современные тенденции и реалии. Своеобразным признаком австрийского социума стал расцвет в 80-е годы женской литературы. На это время приходится и пик расцвета литературы о детях и детских годах, которая пытается разобраться, кто же они такие – австрийцы.

Исследование творчества Ю. Трифонова и Э. Елинек представляет несомненный научный интерес. Он обусловлен, во-первых, значимостью указанных произведений в мировой и национальной литературе: Юрий Валентинович Трифонов – родоначальник городской/московской прозы как литературного направления, лауреат Сталинской премии третьей степени (1951), претендент на Нобелевскую премию в области литературы.

Эльфрида Елинек – лауреат Нобелевской премии 2004 года по литературе, лауреат премии Генриха Бёлля, премии Георга Бюхнера, премии Генриха Гейне, чешской премии Франца Кафки.

Оба писателя имеют сходные черты: их творческая деятельность формировалась в общем историческом пространстве (послевоенное время), которое повлияло на становление и развитие идиостилей писателей. Ю. Трифонова и Э. Елинек объединяет социализм, базирующийся на вскрытии социальных проблем посредством изображения жизни простого человека, социально-психологический и духовно-нравственный поиск писателей.

Оба автора выражают особый взгляд на исторические, политические события поствоенного времени, соотносят злободневные вопросы, касающиеся конкретных реалий советской и австрийской жизни с общеполитическими проблемами, проблемами бытия, обнажают социальные и гендерные проблемы, рисуют бытовое пространство простых жителей своих стран. Похожа тематическая наполняемость их произведений: это проблематика семьи, рода, пола, болезни, бедности – центральная для всех произведений Ю. Трифонова и Э. Елинек (романы Ю. Трифонова «Дом на набережной», «Время и место», «Долгое прощание», у Э. Елинек – «Пианистка», «Перед закрытой дверью», «Похоть» и др.).

Художественное описание бытовых деталей играет смыслопорождающую и текстообразующую роль, вырисовывая уклад жизни, социальное устройство общества и национальные особенности народа. При помощи бытовых артефактов в произведениях Ю. Трифонова и Э. Елинек выявлены особенности культуры питания, одежды, мебели, отношение к быту у советских и австрийских людей в 50–90 гг. XX в., которые раскрывают внутреннюю социальную жизнь СССР и Австрии, а через нее вскрываются и описываются серьезные социальные проблемы (богатство, бедность, способность преодоления трудностей, традиции и под.).

Лексико-семантическое поле «Быт» в творчестве Ю. Трифонова включает 4 главных микрополя: «Еда и напитки»; «Домашняя обстановка»; «Кухонная утварь»; «Одежда». В творчестве Э. Елинек лексико-семантическое поле «Быт» включает 4 главных микрополя: «Еда и напитки», «Десерты», «Домашняя обстановка», «Одежда». Особую специфику в ее творчестве имеет лексико-семантическое микрополе «Заведение общественного питания и отдыха (кафе)».

В творчестве обоих писателей наблюдается почти полное совпадение по составу, характеру номинации, названиям, грамматическому оформлению микрополей «Домашняя обстановка», которые включают прежде всего мебель и мелкие предметы домашнего обихода. Объясняется такое сходство, на наш взгляд, одинаковой универсальной функцией мебели у всех цивилизованных народов: на чем спать, сидеть, куда вешать одежду, класть белье, ставить посуду и под. Многие названия предметов мебели в Европе являются французскими заимствованиями, а потому представлены одинаковыми лексемами во многих индоевропейских языках, в том числе в русском и немецком: *буфет, бюро, комод, кушетка, секретер,*

сервант, софа, табурет, трельяж, трюмо, туалет, этажерка и др. Конечно, у Ю. Трифонова встречаются чисто русские реалии, например, лавка, но в целом названия мебели у него и Э. Елинек совпадают. При этом наблюдается и грамматическое сходство: все названия домашней обстановки у писателей представлены конкретными существительными.

Домашняя обстановка в произведениях Ю. Трифонова представляет собой весьма разрозненные предметы мебели, что во многом зависело от состояния и положения человека в обществе, а также места жительства – города или деревни. Также весьма большое значение имело конкретное место проживания советской семьи: в бараках, коммуналке или в квартире в сталинском доме. В советские времена в разряд «средняков» можно отнести интеллигенцию (прослойку «между молотом и наковальней»), военных, чиновников среднего уровня, хорошо оплачиваемых инженеров и т.п.

Предметы мебели в среднем представляли собой раскладной стол, ореховую горку, овальный столик, стулья, этажерки, кресло, кровать, топчан, оттоманку, ковровую кушетку или тахту, секретер с откидной доской и др. В избе самое важное место занимала русская печь, печь-голландка, без которой жизнь в деревне, да и в городских деревянных постройках была немыслимой. Обстановка небогатого класса сводилась к скромной мебели компактного размещения, но жилье содержалось, как правило, в строгой чистоте.

Например, в романе Ю. Трифонова «Дом на набережной» через элементы мебели в доме профессора мы можем представить не только обстановку в квартире, но вкусы, материальное положение, предпочтения хозяина квартиры, его своеобразный классический консерватизм. В такой квартире, безусловно, есть богатая библиотека, картины, статуэтки, тяжелые шторы на окнах:

Глебов сел в кожаное темно-вишневое кресло, такое мягкое, что он сразу как будто провалился в яму и слегка испугался (Дом на набережной) [5, с. 323].

Глебов сидел в профессорском кабинете на диванчике с твердой гнутой спинкой из красного дерева – тогда такие диваны продавались, как дрова, в скупочных магазинах, а нынче попробуй найди за любые деньги [5, с. 331].

Пока Куник собирал бумаги, Глебов сидел на пуфике и оглядывал комнату [5, с. 406].

Он разлегся, как обычно в минуты усталости, на тахте, покрытой ковром [5, с. 427].

Сказали, что можно взять стол, пока еще неизвестно где, сие есть тайна, но указали концы – антикварный, с медальонами, как раз к стульям красного дерева [5, с. 285].

И наоборот, по деталям обстановки в другой ситуации мы легко угадываем экстравагантность и творческую индивидуальность хозяина:

И вот в детской, заставленной какой-то странной бамбуковой мебелью, с коврами на полу, с висящими

на стене велосипедными колесами и боксерскими перчатками, с огромным стеклянным глобусом, который вращался, когда внутри зажигалась лампочка, и со старинной подозрительной трубой на подоконнике, хорошо укрепленной на треноге для удобства наблюдений, – Левка сказал, что вечерами можно прекрасно проводить время [5, с. 305].

У Э. Елинек удивительное понимание женской психологии. Казалось бы, на единичном примере изрезанного кухонного передника и нежелания мужа иметь в доме швейную машинку она раскрывает всю сложность отношений между мужчиной и женщиной, мужем и женой, родителями и детьми, противоречивость социальных ролей в семье, достаточно унижительное положение женщины:

Сегодня, к примеру, такая вот ситуация: мама ищет у деток утешения, ведь отец только что нарочно искромсал ножницами новенький, с иголки, передник из премиленьких, в пестренький цветочек, лоскутков, остатков с распродажи: она собственными руками его сострочила на швейной машинке, купленной в рассрочку. Безо всякого таланта к шитью, но с большим тщанием. И с радостью, что делаешь что-то своими руками. Самодельное чаще всего более прилежно сработано и лучше по качеству, чем покупное, потому что ведь всегда знаешь и что, и где, и как, и чем, а в готовой вещи ничего не угадаешь. <...> Вот мамуля и сэкономила уйму денег благодаря своему трудолюбию, а папуля возьми да изрежь все, причем совершенно осознанно. Он, видите ли, принципиально против, чтобы в доме швейная машинка была [6, с. 45].

Второе микрополе, в чем-то совпадающее в произведениях Ю. Трифонова и Э. Елинек – это «Еда и напитки». Хотя совпадает очень немногое: хлеб, вода, пиво, ликер и нек. др. Если советские люди (особенно в послевоенное время и 50-е годы) не могли себе позволить есть мясо каждый день и даже раз в несколько дней, то кухня Австрии, как показывают романы Э. Елинек, всегда отличалась большим разнообразием блюд из овощей, мяса, рыбы, колбасных изделий, окороков, сарделек, сосисок.

Основные продукты питания в СССР в описываемый период, которые упоминает Ю. Трифонов: соленые огурцы, картошка в мундирах, винегрет, щи, окрошка, пироги с капустой, калачи и др. Еда и напитки в австрийской кухне: *die Fridatten-oder Leberknödelsuppe* (суп с фрикадельками из телячьей печени, суп с клецками), *das Kalbs-oder Schweinsschnitzel* (телячий или свиной шницель), *eine mit Kastanien und sonstigem angefüllte Ente* (утка, фаршированная каштанами и прочей начинкой) и др.

В России питание в описываемый период было в основном традиционно русским. Конечно, это был не XIX век, когда в реках и озерах было огромное количество разнообразной рыбы, а в лесах – множество зайцев, лис, кабанов, лосей и под. Но еще не наступил и XXI век с безжалостной вырубкой лесов

и исчезновением многих видов животных. Городские и особенно деревенские жители традиционно собирали грибы, ягоды, ловили рыбу. Делали на зиму многочисленные заготовки: сушили грибы, малину, сухари, варили варенье, солили огурцы, квасили капусту, терли чернику и смородину с сахаром. Названия еды в произведениях Ю. Трифонова показывают, с одной стороны, национальные предпочтения (для русских людей невозможно представить еду без соленых огурцов, квашеной капусты, щей и под.), но с другой стороны – это явно разный экономический, несопоставимый с австрийским уровень жизни: русских во многом всю жизнь кормила земля (картофель, капуста, щавель, грибы, рыба), у австрийцев, даже после войны пища была, как видим, гораздо более изысканна.

Особый интерес при нашем анализе играет семантическое поле австрийских кондитерских изделий. Австрийцы по праву гордятся своими десертами. Нигде в мире кондитерские изделия не играют такой важной роли в повседневной жизни, как у австрийцев.

Среди десертов выделяются *сливовый торт с лесным орехом*, *ванильная баба* и *штолен*. Разумеется, это также знаменитый *яблочный штрудель* (*der Apfelstrudel*). Казалось бы, незамысловатое и известное во всем мире блюдо, но оно занимает крайне важное место в австрийской кулинарии. Этот десерт также появляется на страницах романа «Пианистка» Э. Елинек: *“Im Palmen haus café wirdersich eine Melangeundeinen Apfelstrudeldazubestellen”* – (В кафе «Пальмовый домик» он закажет себе кофе со взбитыми сливками и яблочный штрудель – перевод А. Белобратова).

В своем повествовании Э. Елинек упоминает известнейший любому австрийцу *Линцкий торт* (нем. *Linzer Torte, Linzertorte*). Этот десерт знают и как *Линцкий торт*, *торт «Линц»*, *миндальный пирог*. Это австрийский торт или пирог с джемом, основу для теста которого составляет рассыпчатая мука и миндальное масло. Характерная особенность пирога – замена верха тонкой решеткой из теста.

Из австрийской выпечки Э. Елинек упоминает *Semmel* (булочки), *Kipferln* (ванильные полумесяцы, рогалики), *der Guglhupf* (кекс, баба – блюдо венской кухни) в романе «Любовницы», когда девушки старались у себя дома угостить своих ухажеров чем-либо вкусным, проявляя тем самым свои чувства и долг хорошей хозяйки.

Интерес читателя может вызвать слово *die Bonbonniere*, встречающееся в текстах Э. Елинек и означающее «конфетный набор», «красиво оформленная коробка конфет». Согласно словарю О.И. Москальской первое значение данного слова – «бонбоньерка» и второе – «фасон дамского чепца». Слово полностью заимствовано из французского языка (*bonbon* – конфета, сладости, *la bonbonnière* – вазочка для конфет, конфетница), следовательно, смысл слова *die Bonbonniere* автор передает как конфеты в вазочке, то есть, оформленные в конфетную композицию.

Однако следует отметить, что автор не воспользовалась ни одним синонимичным немецким словом вроде *die Schachtel Pralinen* либо *Konfektschachtel* (коробка шоколадных конфет).

Читатель не только узнает специфику приготовления австрийских блюд и напитков, но, самое главное, через описания и названия блюд, ситуацию – как, где, кем они готовятся, праздничные или будничные, Э. Елинек раскрывает, углубляет, делает по-настоящему живыми образы своих героев. Такой подход к анализу десертов и напитков традиционной австрийской кухни позволяет углубить и художественно достоверно помочь раскрыть образы героев через их привычки, бытовые мелочи, любимые блюда, точнее понять и сюжет произведений, и глубинный замысел автора.

В бытовом поле Э. Елинек выделяется особая лексико-семантической группа – кафе. Идея венской неторопливости находит выражение в многочисленных кафе-мороженох (*der Eissalon*), кофейнях (*das Kaffeehaus*), трактирах и харчевнях (*das Gasthaus, das Gasthof, die Gaststätte, das Wirtshaus*), дорожных рестораниках (*die Raststätte*), закусочных (*der Schnellimbiss*), кафе-ресторанах (*das Caférestaurant*), ресторанах в саду (*das Gartenlokal*) и на террасе (*das Terrassenrestaurant*), где обыватели сидят часами и никуда не торопятся.

Автор передает мысль о «приятном уюте привычного удовольствия», что является характерной чертой венских кафе и рестораников. Венская кофейня подчиняет повседневную жизнь австрийцев особому ритму, в котором все стремится к покою. Сюда приходят, чтобы не только поесть и выпить кофе, но и почитать, поиграть в мини-гольф, бильярд, вести неторопливый разговор и обсудить актуальные темы. При этом само кафе становится для многих австрийцев вторым домом. Например: *«„Gestalten IHRES Alters lagern in der schönen Ruhe der Gewohnheit vor Nierentischen mit gläsernen Kelchen, in denen lange Löffel wippen, diese Stengel kühler Blumen. Braun, gelb, rosa. Schoko, Vanille, Himbeer“* [7, с. 58] – *«Посетительницы одного с НЕЮ возраста, наслаждающиеся приятным уютом привычного удовольствия, восседают за овальными столиками перед стеклянными бокалами, в которых плавно покачиваются длинные ложечки, словно стебли замерзших цветов. Коричневое, желтое, розовое. Шоколадное, ванильное, малиновое – перевод А. Белобратова»* [8, с. 91].

Ничего подобного в Советском Союзе в это время не было ни в плане материального существования подобных кафе, ни в плане традиции их посещения и времяпровождения. В СССР функционировали столовые, в которых преобладал комплексный обед из трех блюд, и люди приходили в них именно поесть недорого, а не сидеть часами, тем более, что дешевая и часто не очень аккуратная обстановка в таких столовых не располагала к долгому сидению. В редкие и дорогие для простого советского человека рестораны попасть

было очень затруднительно, где каждый охранник и официант был начальником, поэтому и привычки, а тем более традиции так проводить время в кафе у советских людей не было.

Необходимо отметить разный подход к анализу бытовых деталей у Ю. Трифонова и Э. Елинек. Если учесть, что Ю. Трифонов описывает время, когда во всем Советском Союзе был дефицит всего, особенно после войны, то внимательный взгляд автора на, казалось бы, мелочи быта весьма объясним. Тарелки, стаканы, рюмки, подносы и под. «добывались» советскими людьми с большим трудом. Почти в каждой семье была специальная посуда для гостей к празднику, которой не пользовались в повседневной жизни, берегли. Для Э. Елинек бытовой дискурс в отношении посуды достаточно безразличен. Эта часть быта австрийцев, также как и одежда, имели для нее мало значения: в стране все было доступно (а, может быть, в силу личности автора), эта часть быта для Э. Елинек была малоинтересна.

Заключение. Таким образом, Ю. Трифонов и Э. Елинек открывают читателю два совершенно разных мира – советский и австрийский; чисто бытовые, конкретные детали жизни русских и австрийцев показывают огромную разницу между народами. Бытовой дискурс в художественных произведениях позволяет раскрыть и понять очень многое в истории, жизни,

культуре нации: бедность или богатство, материальную культуру, особенности национального питания, специфику отдыха, приверженность национальным традициям, которые формируют национальный характер русского и австрийца.

Литература

1. Бромлей, Ю.В. Этнос и этнография / Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1973. – 253 с.
2. Безмоздин, Л.Н. Культурно-социологический анализ вещи / Л.Н. Безмоздин // Вопросы социологии искусства. – М.: Наука, 1979. – С. 104–127.
3. Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство, 1994. – 399 с.
4. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с.
5. Трифонов, Ю.В. Рассказы. Повести. Роман. Воспоминания. Эссе. / Ю.В. Трифонов. – Екатеринбург: Изд-во «У-Фактория», 1999. – 752 с.
6. Елинек, Э. Перед закрытой дверью / Э. Елинек. – СПб.: Симпозиум, 2008. – 384 с.
7. Jelinek, E. Klavierspielerin / E. Jelinek. – Reinbek bei.: Hamburg: Rowohlt, 1986. – 285 S.
8. Елинек, Э. Пианистка / Э. Елинек. – СПб.: Симпозиум, 2004. – 448 с.

Поступила в редакцию 09.09.2024

Функционирование урбанонимов, отражающих информацию растительного кода культуры, в годонимиконе Юго-Западной Англии

Прищепа М.М.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Изучение вопроса об особенностях функционирования урбанонимов, эксплицирующих информацию растительного кода культуры, является актуальным для современной сравнительной ономастики. Проведенные исследования показали, что у многих народов в годонимиконах функционируют названия улиц, которые образованы от наименований растений. Но в то же время представительство этих названий различно и зависит от культурно-этнических особенностей страны или региона.

Цель статьи – выявить особенности функционирования названий улиц, соотносимых с названиями растительного мира, в годонимиконе Юго-Западной Англии.

Материал и методы. *Источником материала исследования послужили списки названий улиц английских городов (1788 единиц), полученные методом сплошной выборки из топонимических словарей, топографических карт и интернет-ресурсов. Использовались методы инвентаризации и систематизации ономастического материала, семантического описания и структурного анализа.*

Результаты и их обсуждение. *Анализ урбанонимикона Юго-Западной Англии свидетельствует, что наименования внутригородских линейных объектов, мотивированные названиями растительного мира, достаточно распространены. Общее количество фитогадонимов составляет 10,2% от всего годонимикона, в их основу положены названия 75 видов растений. Список наиболее часто употребляемых растений: дуб, сосна, орех, вереск, вишня, ясень, яблоня, ель, вяз, тополь, большинство из которых являются деревьями.*

Фитогадонимы подразделяются на три лексико-семантические группы. Они образованы от наименований: лесных и садовых массивов (22,5%), крупных таксономических групп растений (2,8%), видов растений (74,7%). Последняя группа гадонимов соотносится с названиями: деревьев (66,9%), кустарников (16,2%) и травянистых растений (16,9%).

Заключение. *Названия улиц, образованные от наименований растительного мира, составляют заметную часть английских гадонимов и представляют собой определенным образом организованную систему.*

Ключевые слова: *топоним, урбаноним, фитогадоним, растительный код культуры, Юго-Западная Англия.*

(Ученые записки. – 2024. – Том 40. – С. 143–148)

The Functioning of Urbanonyms Reflecting the Information of the Plant Code of Culture in the Godonymicon of Southwestern England

Pryshchepa M.M.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The study of the issue of the peculiarities of the functioning of urbanonyms that explicate the information of the plant code of culture is relevant for modern comparative onomastics. The conducted research has shown that many peoples have street names in their godonymicons, which are formed from the names of plants. At the same time, the representation of these names varies and depends on the cultural and ethnic characteristics of the country or region.

The purpose of the article is to identify the peculiarities of the functioning of street names correlated with the names of the flora in the godonymicon of Southwestern England.

Material and methods. *The source of the research material was lists of street names of English cities (1788 units) obtained by continuous sampling from toponymic dictionaries, topographic maps and Internet resources. Methods of inventory and systematization of onomastic material, semantic description and structural analysis were used.*

Findings and their discussion. *The analysis of urbanonymicons in Southwestern England shows that the names of inner-city linear objects motivated by flora names are quite common. The total number of phytonyms is 10.2% of the total annual list, they are*

based on the names of 75 plant species. The list of the most commonly used plants: oak, pine, walnut, heather, cherry, ash, apple tree, spruce, elm, poplar, most of which are trees.

Phytogonyms are divided into three lexical and semantic groups. They are formed from the names of: forest and garden areas (22.5%), large taxonomic groups of plants (2.8%), plant species (74.7%). The last group of godonyms correlates with the names of: trees (66.9%), shrubs (16.2%) and herbaceous plants (16.9%).

Conclusion. Street names formed from the names of the plant world make up a significant part of English place names and represent a certain organized system.

Key words: toponym, urbanonym, phytogodonym, plant culture code, South-West England.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 40. – P. 143–148)

Вопрос об особенностях функционирования урбанонимов, эксплицирующих информацию растительного кода культуры, является актуальным для современной сравнительной ономастики. Изучение фитоурбанонимов важно для получения биологических, географических и исторических сведений. Этот материал очень разнообразный, так как в качестве производящих основ используется большое количество элементов, связанных с повседневными ассоциациями (цветы, деревья, ягоды). Вместе с тем флористический урбанонимикон до настоящего времени изучен недостаточно.

Впервые термины фитохороним и фитоурбаноним ввели ономасты Н.В. Подольская [1] и А.В. Суперанская. Последняя отмечает, что объекты растительного мира могут быть географическими и топографическими ориентирами [2].

Проблемы формирования региональной фитотопонимии вызывают интерес у ономатологов, так как затрагивают вопросы взаимодействия имен собственных и апеллятивов, семантики и функционирования топонимов. Ядерные группы фитотопонимов относятся к гидронимам и ойконимам. Другие классы занимают периферийные положение. Самыми неизученными являются урбанонимы и эргонимы [3]. Г.С. Доржиева подтвердила это в своих работах, рассматривая топонимы Квебека, содержащие геоботанический термин.

В Республике Беларусь представителями научной школы А.М. Мезенко проведено исследование наименований растений в топонимиконе белорусов как составляющей традиционных знаний. Анализ материала свидетельствует, что современный белорусский топонимикон включает значительное количество единиц, образованных от наименований растений и сохраняющих в своих основах не только языковую, но и историческую информацию [4]. Кроме того, выявлены особенности функционирования восточнославянских названий улиц, соотносимых с именованиями растительного мира, их типологии и связи с символикой духовной культуры народа [5]. Как отмечает А.М. Мезенко, названия улиц, образованные от наименований растительного мира, существуют у большинства народов, набор же их – у каждого конкретного этноса свой. В связи с этим автором осуществлен анализ фитоурбанонимии городов Беларуси, Польши и Украины. Исследования выявили значительную разницу между показателями наборов

изучаемых названий в западнославянских и восточнославянских городах [5].

Подобные региональные исследования начинают проводиться ономастами и в других регионах и странах. Ю.Г. Пушкаревой рассмотрены фитогадонимы столицы Бурятии Улан-Уде [6]. Т.Н. Одинаев провел сравнительно-сопоставительный анализ урбанонимов, в том числе и фитогадонимов, белорусского города Гродно и узбекского города Термеза [7]. В исследовании В.П. Балашовой проведено сравнение фитоурбанонимов Пекина и Иркутска [8]. Изучением фитотопонимов и их функционированием на территории Казахстана, а также выявлением закономерностей ассоциативного восприятия фитотопонимов этносами данного региона занимается группа ономастов под руководством Р.О. Туксайтовой. Ими установлено, что фитотопонимы отражают разнообразие растительного покрова Казахстана в древнюю эпоху и на современном этапе [9].

Проведено сопоставление региональной фитотопонимии Великобритании (графство Шропшир) и США (штат Пенсильвания) [10]. Топонимы, связанные с природными явлениями, получили большее распространение в Англии. Наименования рек, поселений, связанные с названиями деревьев (ясень, бук, липы, дуба, ракитника, ольхи и ивы), диких травянистых растений (клевер, полевица) и культурных растений (лук-порей, чеснок), в графстве Шропшир встречаются в 10,7% случаев, с названиями животных – в 4,3% случаев, а характер ландшафта отражают 9,8% топонимов. В США, в штате Пенсильвания, географических названий такого типа значительно меньше: с названиями растений связаны только 2,2% топонимов, с названиями животных – 2,2%, а физические характеристики природного объекта отражают 4,3% [10]. Другой группой авторов [11] установлено, что США характеризуются необычайно богатой топонимикой, в которой фитотопонимы, отражающие объекты растительного мира, представлены достаточно широко и являются одним из источников обогащения языка как в лингвистическом, так в социокультурном и этнокультурном плане.

Е. Сундуевой [12] изучены фитотопонимы баргунто-северо-востока Китая. Автор рассматривает названия растений, функционирующие в роли главного компонента географических названий, представленных в топонимии новобаргутского Восточного,

новобаргутского Западного и старобаргутского хошунов городского округа Хулун-Буир, расположенного на северо-востоке автономного района Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики. Рассматривая внутреннюю структуру топонимов, автор приходит к выводу о том, что зрительное восприятие растений играет ведущую роль в процессе их обозначения. Так, ковыль и осока были названы благодаря торчащим и длинным стеблям, ива – благодаря кудрявой кроне, а карагана – за острые колочки. Установлено, что фитотопонимы в большинстве случаев обозначают лесные массивы или номинируют отдельно стоящие деревья, служащие объектами почитания.

Таким образом, в настоящее время ономастами различных стран исследуются отфитонимические топонимы и, в частности, урбанонимы, различные по лексико-семантическим и функционально-стилистическим характеристикам, являющиеся результатом многовекового развития. Они представляют интерес как для традиционных, так и для новых топонимических исследований, с широким применением методов интерпретации и сопоставительного анализа внутри языкового пространства различных стран.

Цель статьи – выявить особенности функционирования названий улиц, соотносимых с наименованиями растительного мира, в годонимиконе Юго-Западной Англии.

Материал и методы. Источником материала исследования послужили списки названий улиц 8 городов (1788 единиц) Юго-Западной Англии (Бристоль (Bristol), Борнмут (Bournemouth), Плимут (Plymouth), Суиндон (Swindon), Глостер (Gloucester), Торки (Torbay), Челтнем (Cheltenham), Эксетер (Exeter), полученные методом сплошной выборки из топонимических словарей, топографических карт и интернет-ресурсов, представленных в открытом доступе на официальном сайте Geographic.org/streefview.

Методологический инструментарий исследования сформирован методами: систематизации и инвентаризации ономастического материала, качественно-количественным анализом лексических единиц, сравнения, структурного анализа и семантического описания, дескриптивным, элементами статистического анализа.

Результаты и их обсуждение. Анализ урбанонимии Юго-Западной Англии свидетельствует о достаточной распространенности наименований внутригородских

линейных объектов, мотивированных названиями растительного мира. Общее количество таких улиц 182 единицы, что составляет 10,2% от всего годонимикона. Рассмотрим структурный состав фитогодонимов. При их анализе нами выделены следующие структурные типы: однословные – 4 единицы (2,2%), двухсловные – 163 единицы (89,6%) и многословные – 15 единиц (8,2%) наименования внутригородских объектов. В многословных названиях словосочетания имя существительное + имя существительное составляют 73,3%, а имя существительное + имя прилагательное – 26,7%.

Что касается использования географического термина в составе фитогодонимов, то при количественном анализе были получены следующие результаты частотности употребления: *Close* – 33 (15,6%), *Street* – 29 (15,3%), *Road* – 22 (31,6%), *Drive* – 13 (5,0%), *Way* – 12 (3,9%), *Avenue* – 9 (3,4%), *Garden* – 9 (2,6%) и т.д. Всего употребляются 18 видов географических терминов. Таким образом, структурный состав фитогодонимов не отличается от состава других видов годонимов в топонимической картине региона [13].

Отличия заключаются в количестве фитогодонимов в разных городах. В Плимуте, Челтнеме и Эксетере наблюдается их максимальное число, что объясняется длительной историей развития этих городов, а минимальное в Борнмуте и Суиндоне, что тоже вполне объяснимо, так как города молодые (около 200 лет) и развивались как промышленный и курортный центры (табл. 1). Общеизвестно, что флористические названия улиц были наиболее распространены в XVII–XVIII веках.

Как мы уже указывали, выявлено 182 урбанонима, мотивированные наименованиями растительного мира. В их основу положены названия 75 видов растений. Необходимо обратить внимание на показатели набора исследуемых названий в городах: рассмотреть частотность их применения и определить список наиболее популярных названий растений (табл. 2).

Список наиболее часто употребляемых в качестве основ при образовании годонимов названий растений выглядит следующим образом: дуб, сосна, орех, вереск, вишня, ясень, яблоня, ель, вяз, тополь. Девять растений из него являются деревьями, и лишь одно (вереск) – кустарником. Вероятно, этому можно найти объяснение в большой роли деревьев, которую они

Таблица 1

Количество фитогодонимов в городах Юго-Западной Англии

Города	Борнмут	Бристоль	Глостер	Плимут	Суиндон	Торки	Челтнем	Эксетер	Среднее
Фитогодонимы	5 (3,6)	39 (9,1)	4 (3,4)	38 (18,8)	6 (3,9)	28 (7,9)	22(15,1)	40(16,1)	182 (10,2)
Всего единиц	138	427	117	202	155	354	146	249	1788

играют в английской символике. Для примера рассмотрим наиболее часто употребляемые растения.

Дуб является самым частотным названием растения, используемого в качестве проприальной части английских топонимов Юго-Запада (7 топонимов). До сих пор многие известные дома Англии сохранили на своих гербах изображения дуба, дубовой ветви или желудя как символов могущества. Невероятные свойства дубу приписывали еще древние кельты, чем и обусловлена такая популярность этого дерева в качестве символа на Британских островах. В годовщину битвы при Вустере (1651) дубовый венок напоминает о том, что Карл II остался в живых благодаря этому дереву. Спасаясь от преследователей, будущий король спрятался в дупле дуба, который впоследствии назвали королевским (Royal Oak). В 2001 г. принц Чарльз, сейчас король Великобритании Карл III, посадил новый королевский дуб, поскольку его предшественник

(«Son of Royal Oak») сильно пострадал в грозу. Не изменяя традиции, молодой дуб вырастили из желудя «сына» [14; 15].

Сосна, орех и вереск – каждое из них послужило основой для образования пяти названий улиц в рассматриваемом регионе. *Сосна* является единственным аборигенным хвойным растением Великобритании. Это дерево традиционно было символом света, поскольку его смолистыми лучинами англичане в течение многих веков освещали свои жилища. Кроме того, поскольку сосны в темноте выглядят светлее остальных деревьев, кельты высаживали их вдоль дорог, чтобы ночью указывать направление движения путникам [16; 17]

Растением, символизирующим благополучие, является *орех*. Одарить им невесту в день бракосочетания в Англии означает гарантировать молодой семье благополучие. В сельских районах обильный урожай

Таблица 2

Количественный анализ фитотопонимов Юго-Запада Англии

Растения	Количество топонимов	Название улиц
Дуб	7	<i>Oak Street (2), Oak Park Avenue, Oak Hill Lane, Oak Avenue, Oak Ridge Road, Rose Oak Street</i>
Сосна, орех, вереск	5	<i>Pine Street (2), Pine Lane, King Pine Way, Little Pine Lane; Walnut Street, Walnut Close (2), Walnut Lane (2); Heath Rise, Moorland Avenue, Heather Close, Moore Lane, Heath Hill Street</i>
Вишня, вяз, ель, тополь, яблоня, ясень	4	<i>Cherry Street, Sherry Lane, Cherry Park Close, Cherry Tree Lane; Elm Street, Elmtree Close (2), Elmtree Way; Spruce Street (2), Spruce Court, Spruce Walk; Poplar Street, Poplar Terrace, Poplar Close (2); Apple Road, Apple Grove Street, Apple Orchard Street, Apple Hill Street; Ashwood Close, Ashcombe Crescent, Ashford Way, Ashcote Mews</i>
Ива, каштан, клен, лиственница, можжевельник, роза, примула	3	<i>Willow Avenue, Willow Close, Willow Street; Chestnut Avenue, Chestnut Street, Chestnut Way; Maple Walk, Maple Grove, Maple Street; Larch Road, Larchmere Grove Street, Larch Walk; Juniper Way, Juniper Lane, Juniper Street; Primrose Terrace, Primrose Lane, Primrose Close; Rose Petal Lane, Rosebery Street, Graham Street</i>
Береза, груша, жасмин, кедр, кипарис, клевер, лавр, лоза, миндаль, ольха, слива, шелковица	2	<i>Birch Street, Birch Road; Grushevoye Lane, Aylton Close; Jasmine Way, Jasmine Gardens Street; Cedar Street, Cedar Road; Cypress Close (2); Clover Lane, Cloverlea Road; Laurel Street, Laurel Lane; Vine Road, Vine Street; Almond Drive, Almond Close; Alder Street, Alder Close; Plum Street, Blaisdon Way; Mulberry Drive, Mulberry Close</i>

орехов всегда предвещал рост рождаемости. Удачу приносит орех с двумя ядрами: съешь одно и одновременно брось второе через левое плечо, загадав желание [15].

Вереск в Великобритании считается национальным цветком Шотландии. Он символизирует силу и выносливость шотландского народа; имеет особое значение и в кельтской культуре, где считается священным растением. Он символизирует мудрость, верность и стойкость. Это растение ассоциируется также с покровителями пастухов и животных, так как оно служит кормом для овец и коз. Цветущий вереск часто дарят тем людям, которые ищут поддержку и утешение [17; 18].

Следующие шесть растений (*вишня, ясень, яблоня, ель, вяз, тополь*) дали по 4 названия улицам в исследуемых годонимиконах. Как видим, вышеперечисленные растения представляют собой сложные и очень богатые по содержанию символы, чем и обеспечивается их привлекательность для использования в качестве базы при образовании названий внутригородских линейных объектов.

Анализ годонимов, образованных от наименований растительного мира, показал их деление на три лексико-семантические группы:

1) названия улиц, образованные от наименований лесных и садовых массивов – 41 единица, что составляет 22,5% от всех фито-годонимов (*Underwood Road, Forest Street, Higher Woodfield Road, Greenwood Park Road*). Подобные названия достаточно широко распространены во всех анализируемых населенных пунктах. И это вполне объяснимо: наличие на землях Англии больших массивов лесов, дубрав, рощ, которые активно использовались в хозяйственной деятельности, а также позднее парков, становилось основанием для наделения линейных объектов наименованиями, образованными от них;

2) названия улиц, образованные от наименований крупных таксономических групп растений (*Orchard Way, The Conifers, Blossom Lane*). Эта группа представлена наименьшим числом единиц – 5 единиц (2,8%) в анализируемых урбанонимиконах. Среди них выделяют урбанонимы, производящими основами для которых послужили такие названия, как цветы, фрукты, ягоды;

3) названия улиц, образованные от видовых наименований растений. Значительно более разнообразная лексико-семантическая группа – 136 единиц (74,7%). Для номинирования использованы названия 75 видов растений. Эта группа названий, включающая ряд подгрупп:

а) названия улиц, образованные от наименований деревьев (40 видов растений) – 91 единица (66,9%):

– хвойных – 17 годонимов (9,3%) представлены 6 видами растений (*Cedar Street, Larch Road, Juniper Way*);

– лиственных, которые представлены 34 видами растений (*Chestnut Street, Cypress Close, Maple*

Street). Эта подгруппа включает 74 урбанонима (40,7% от общего количества фитотопонимов), что позволяет расценивать ее как более распространенную в английских городах;

б) названия улиц, образованные от наименований кустарников. В подгруппе насчитывается 22 урбанонима (16,2%), которые представлены 16 видами кустарников (*Furzewood Road, Jasmine Way, Myrtle Street*). Последний годоним (*Myrtle Street*) получил название от растения *мирт*, которое было обязательным атрибутом торжества на церемониях бракосочетания английских королей. Традиция эта сохраняется и по сей день;

в) отдельную группу формируют названия улиц, образованные от наименований плодовых деревьев (9 видов) – *Hawthorn Park, Close Cherry, Street Aylton Close* – и плодовых кустарников (3 вида) – *Vinery Lane, Honeysuckle Close*. Группа годонимов представлена 20 единицами (11,0%);

г) названия улиц, образованные от наименований травянистых растений (*Periwinkle Drive, Hemlock Road, Holly Crescent*). В указанную подгруппу входят 23 единицы (16,9%), которые представлены 19 видами растений. Эта подгруппа не является самой многочисленной, несмотря на то, что человек издавна использует различные виды трав для бытовых и хозяйственных нужд. Их культивируют не только в пищевых (*Cornwood Road, Peasland Road, Wheatridge Lane*), но и в лечебных целях (*Celandine Garden, Marygold Lane*), а также в качестве корма для домашних животных (*Barley Creek, Clover Lane, Canefields Avenue*).

Заключение. Таким образом, названия улиц, образованные от наименований растительного мира, составляют заметную часть английских годонимов и представляют собой определенным образом организованную систему. В качестве образующих основ используются видовые наименования растений, а также наименования лесных и садовых массивов. Из всех деревьев при образовании названий улиц наиболее значимыми оказались дуб, сосна, орех, вишня, яблоня, из кустарников – вереск, роза, жасмин. Годонимы, образованные от наименований травянистых растений, распространены в списке названий внутригородских объектов в меньшей степени. Из флористических названий улиц частотными также оказались названия, образованные от наименований лесных и садовых массивов. Годонимы Юго-Западной Англии содержат лингвистические, культурные, мировоззренческие знания людей, населяющих регион.

Литература

1. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1998. – 192 с.
2. Суперанская, А. Имена: история и современность / А. Суперанская. – М.: Таус, 2007. – 272 с.
3. Доржиева, Г.С. Фитотопонимы Квебека: лингвокультурная характеристика / Г.С. Доржиева // Вестник Бурятского государственного университета: БГУ, 2011. – № 11. – С. 36–41.

4. Мезенко, А.М. Наименования растений в топонимике белорусов как составляющая традиционных знаний / А.М. Мезенко // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сб. науч. ст. – Витебск, 2018. – Т. 27. – С. 131–139.
5. Мезенко, А. Восточнославянские флористические названия улиц в сопоставительном аспекте / А. Мезенко. // Języki ruskie w rozwoju historycznym i kontaktach z polszczyzną: materiały konferencyjne, Białystok 14–15 września 2017 r. – Białystok: Wydawnictwo Prymat, 2018. – S. 223–233.
6. Пушкарева, Ю.Г. Принципы классификации названий внутригородских объектов / Ю.Г. Пушкарёва // Вестник Бурятского государственного университета: БГУ, 2010. – № 10. – С. 116–121.
7. Одинаев, Т.Н. Улицы г. Гродно (Республика Беларусь) и г. Термеза (Республика Узбекистан): принципы номинации / Т.Н. Одинаев // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2023. – Т. 68. – № 1. – С. 24–34.
8. Балашова, В.П. Годонимы китайского языка как объект изучения в современной топонимике / В.П. Балашова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 37. – С. 191–194. – URL: <http://e-koncept.ru/2017/771269.htm>.
9. Туксайтова, Р.О. Функционирование фитотопонимов на территории Казахстана / Р.О. Туксайтова, А.Ш. Альбекова, Г.Т. Омарова // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: от теории к практике: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Чебоксары, 19 янв. 2023. – Чебоксары: Среда, 2023. – С. 37–38.
10. Гусарова, Н.В. Мотивированность английских топонимов в историческом аспекте / Н.В. Гусарова. – СПб.: Контекст XXI века, 2012. – С. 51–56.
11. Ягумова, Н.Ш. Фитотопонимика как языковой фрагмент культуры англоязычных стран / Н.Ш. Ягумова // Язык и межкультурная коммуникация. Международный лингвистический журнал. – Майкоп, 2002. – Вып. 1. – С. 71–75.
12. Сундуева, Е.В. Фитотопонимы баргутов северо-востока Китая / Е.В. Сундуева // Вопросы ономастики. – 2019. – Т. 16. – № 4. – С. 202–211.
13. Прищепа, М.М. Мотивы и принципы номинации линейных объектов городов Юго-Западной Англии / М.М. Прищепа // Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»: сб. науч. ст. – Витебск, 2024. – Т. 38. – С. 151–155.
14. Абрамова, Е.И. Лингвокультурный потенциал дендронима oak и англо-кельтский символизм дуба / Е.И. Абрамова // Филология и человек. – 2019. – № 3. – С. 66–81.
15. Киреева, И.И. Фитонимическая символика в британской лингвокультуре / И.И. Киреева // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 1(26). – С. 70–75.
16. Агапкина, Т.А. Деревья в традиционной культуре славян: проблема системного описания / Т.А. Агапкина // Этнографическое обозрение. – 2012. – № 6. – С. 29–43.
17. Широкова, Н.С. Мифы кельтских народов / Н.С. Широкова. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 431 с.
18. Кельтская мифология: энциклопедия. – М.: Эксмо, 2002. – 266 с.

Поступила в редакцию 05.11.2024

Структурно-семантические особенности англоязычных терминов-эпонимов сферы искусственного интеллекта

Сергеева В.В.

Белорусский государственный университет, Минск

Сфера искусственного интеллекта является быстроразвивающейся, перспективной областью компьютерных наук, которая привлекает внимание исследователей всего мира. Необходимость качественной межкультурной профессиональной коммуникации в условиях глобализации требует детального изучения и систематизации терминологических единиц. Терминология сферы искусственного интеллекта представляет собой сложную динамическую систему, которая напрямую зависит от научно-технического прогресса, способствующего появлению обозначений новых понятий. Значительная роль в номинации объектов, процессов и технологий исследуемой сферы принадлежит терминам-эпонимам.

Цель данного исследования – выявление структурно-семантических особенностей терминов-эпонимов сферы искусственного интеллекта в современном английском языке.

Материал и методы. Материалом исследования послужили эпонимные термины, отобранные методом сплошной выборки из Международного словаря по искусственному интеллекту У.Дж. Рейнора («The International Dictionary of Artificial Intelligence» by William J. Raynor, Jr.), а также научного онлайн-журнала сферы искусственного интеллекта Almagazin.com. Основу методологии составили следующие методы: описательный, дефинитивный, сплошной выборки, компонентного анализа, структурного анализа.

Результаты и их обсуждение. Рассмотрено понятие термина-эпонима, представлены данные исследований, посвященных вопросам функционирования эпонимов в разных сферах человеческой деятельности, выявлены структурные и семантические особенности терминов-эпонимов сферы искусственного интеллекта. Установлено, что значительное количество эпонимических терминов продемонстрировано двухкомпонентными терминологическими сочетаниями, состоящими из опорного структурно-семантического элемента – нарицательного существительного с междисциплинарным или общенаучным значением (network, test, theory, effect, method, law, experiment, paradigm и др.), а также имени собственного (онима), которое служит для индивидуализации и выделения объекта из ряда подобных.

Заключение. Теоретическая значимость проведенного исследования состоит в обобщении и дополнении имеющихся данных об особенностях функционирования эпонимических терминов в современном английском языке. Практическая значимость заключается в возможности использования полученных результатов в дальнейших исследованиях терминологии сферы искусственного интеллекта.

Ключевые слова: термин, эпоним, эпонимный термин, оним, искусственный интеллект, межкультурная профессиональная коммуникация.

(Ученые записки. – 2024. – Том 40. – С. 149–152)

Structural and Semantic Features of English Terms-Eponyms of the Field of Artificial Intelligence

Sergeyeva V.V.

Belarusian State University, Minsk

The field of artificial intelligence is a rapidly developing, promising field of computer science that attracts the attention of researchers from all over the world. The need for high-quality intercultural professional communication in the context of globalization requires a detailed study and systematization of terminological units. The terminology of the field of artificial intelligence is a complex dynamic system that directly depends on scientific and technological progress, contributing to the emergence of designations of new concepts. Eponymous terms play a significant role in the nomination of objects, processes and technologies in the field under study.

The purpose of this study is to identify the structural and semantic features of eponymous terms of the field of artificial intelligence in modern English.

Адрес для корреспонденции: **e-mail: victoriasergeeva750@gmail.com** – В.В. Сергеева

Material and methods. The research material was eponymous terms identified by a continuous sampling method from “The International Dictionary of Artificial Intelligence” by William J. Raynor, Jr; as well as online scientific magazine in the field of artificial intelligence *Almagazin.com*. The methodology is based on descriptive, definitive methods, continuous sampling method, component analysis method and structural analysis method.

Findings and their discussion. The concept of the term-eponym is considered, research data on the functioning of eponyms in various spheres of human activity are presented, structural and semantic features of eponymous terms of the sphere of artificial intelligence are revealed. It is established that a significant number of eponymous terms are represented by two-component terminological combinations consisting of a basic structural and semantic element – a common noun with an interdisciplinary or general scientific meaning (network, test, theory, effect, method, law, experiment, paradigm, etc.), as well as a proper name (onym), which serves for individualization and selecting an object from a number of similar ones.

Conclusion. The theoretical significance of the study consists in generalizing and expanding the available data on the features of the functioning of eponymous terms in modern English. The practical significance lies in the possibility of using the obtained results in further studies of the terminology of the field of artificial intelligence.

Key words: term, eponym, eponymous term, onym, artificial intelligence, intercultural professional communication.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 40. – P. 149–152)

Традиция номинации на основе имен собственных уходит в далекое прошлое. В древнеримской и древнегреческой философии названия различных школ, направлений и учений получали имена их основателей. Приблизительно в XVII в. эпонимы начали пополнять терминосистему физики, а в XIX в. – химии. В настоящее время термины-эпонимы успешно функционируют в различных научных областях (математика, физика, медицина, химия, компьютерные технологии и т.д.).

Актуальность темы обусловлена недостаточной изученностью эпонимических наименований, которые составляют значительный пласт терминологической системы сферы искусственного интеллекта. Данное исследование помогает получить более широкое представление о средствах номинации на основе имен собственных, а также структурных и семантических особенностях терминов-эпонимов в современном английском языке.

Цель проводимого исследования заключается в выявлении и описании структурно-семантических особенностей англоязычных терминологических единиц сферы искусственного интеллекта, образованных посредством эпонимов.

Материал и методы. Материалом исследования послужили термины-эпонимы, отобранные методом сплошной выборки из Международного словаря по искусственному интеллекту («The International Dictionary of Artificial Intelligence», William J. Raynor, Jr.) [1], а также научного онлайн-журнала сферы искусственного интеллекта *Almagazin.com*.

Основу методологии составили следующие методы: описательный, дефинитивный, сплошной выборки, компонентного анализа, структурного анализа.

Результаты и их обсуждение. Эпонимический (эпонимный) термин/термин-эпоним/персоним обозначает специальное наименование какого-либо научного или профессионального предмета, явления, процесса и т.д. Термины-эпонимы являются результатом перехода имен собственных в имена нарицательные. Эпонимами также могут стать имена мифологических созданий и литературных персонажей, имена и фамилии ученых,

сделавших открытие, изобретение, имена научных деятелей в качестве признания их заслуг.

Термин-эпоним трактуется как «термин или понятие, образованное (по крайней мере, частично) по какому-либо имени собственному (фамилия или географическое название), – например, *хромосома Бальбиани* (*Balbani chromosome*)» [2, с. 186].

В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя предлагается следующее определение термина *эпоним*: «Эпоним (греч. *εponυτος* ‘дающий свое имя’) – лицо, от имени которого произведено название народа, местности. Например, *Америго Веспуччи* (ср. *Америка*), *Колумб* (ср. *Колумбия*), *Владимир*, *Ярославль*, *Калинин*, *Киров*, *Куйбышев*, *Горький*, *Вашингтон* (ср. названия городов)» [3, с. 354].

В.М. Лейчик в статье «Обсуждение проблем эпонимии в современной науке» [4] отмечает, что лексическая единица «эпоним» имеет два значения, которым соответствуют две эпохи ее применения в языке. Первое значение слова восходит к ранней истории, когда термин *эпоним* обозначал лицо, которое дало название какому-либо явлению, объекту или процессу; а также собственное имя (оним), которое перешло в имя нарицательное. Данное значение сохранялось до XIX–XX вв. Примерно с 60–80-х годов XX в. эпонимы начали применяться в различных языках для специальных целей, а также в качестве лингвистического термина. Он стал обозначать объект, на который перешло имя собственное (имя реального лица, божества или героя, географического объекта, название болезни или синдрома, название структуры, метода в абстрактной науке, изобретения в технике и т.д.).

Изучением имен собственных занимается ономастика. В данном разделе языкознания существует несколько разрядов имен собственных: *антропонимы* (имена людей), *топонимы* (географические названия), *космонимы* (названия галактик, созвездий), *астрономы* (имена небесных тел), *зоонимы* (имена (клички) зверей), *хрононимы* (имена собственные обозначающие отрезки времени), *анемонимы* (названия стихийных бедствий), *теонимы* или *мифонимы* (имена мифических созданий) и др. Необходимо отметить,

что чаще всего эпонимами становятся топонимы и антропонимы [5, с. 6].

Исследование терминов-эпонимов являлось объектом научной деятельности таких ученых, как В.М. Лейчик, С.Д. Шелов, В.М. Виноградов, Н.В. Васильева, В.А. Иконникова, Н.В. Новинская, Е.А. Лобач, Е.В. Варнавальская [6], Е.М. Какзанова [7], Л.Б. Ткачева, В.Д. Бондалетов, Ю.С. Елагина и др. Среди зарубежных исследователей эпонимов можно назвать работы М. Turska, Р. Kumar, F.Y. Schulman [8], В. Carpuccio [9] и др.

По определению Е.М. Какзановой, термин-эпоним – это термин, содержащий в своем составе имя собственное, представленное антропонимом, топонимом или мифонимом, или же образованный от имени собственного безаффиксным (при помощи метонимического переноса) или аффиксальным способом [10, с. 62].

Необходимо отметить, что некоторые специалисты предпочитают отказываться от эпонимов в пользу описательных наименований, обосновывая это тем, что эпонимические термины недостаточно раскрывают процесс научного открытия, в них отсутствует научная точность, и скорее отражено влияние политики, авторитета, языка или традиции.

В области искусственного интеллекта существует множество эпонимов, которые по праву заняли свое место в профессиональном научном дискурсе. Эти лексемы часто связаны с именами ученых, которые внесли потенциальный вклад в развитие этой области.

Анализ происхождения исследуемых терминов показал, что основными семантическими моделями эпонимической номинации в сфере искусственного интеллекта являются следующие:

1) наименование объекта, явления или процесса от имени или фамилии создателя, автора или первооткрывателя по модели «создатель – созданное» [11, с. 11]. Например, *Turing Test* ‘тест Тьюринга’ – тест, оценивающий способности машины проявлять интеллект, эквивалентный человеческому. Тест получил свое название в честь английского математика А. Тьюринга, который предложил его в 1950 году;

2) номинация объекта, явления или процесса от имени или фамилии человека, поспособствовавшего созданию нового понятия. Например, *Hopfield network* ‘нейронная сеть Хопфилда’ означает нейронную сеть с симметричной матрицей связей, которую можно использовать как фильтр или автоассоциативную память. Данная сетевая парадигма была названа в честь американского физика Дж. Хопфилда, который создал первую ассоциативную сеть в 1982 году;

3) наименование явления или предмета в честь выдающейся личности. Так, например, стохастическая нейронная сеть *Boltzmann machine* ‘машина Больцмана’, используемая для обучения представлениям, была изобретена в 1985 году Т. Сейновски и Дж. Хинтоном и названа в честь австрийского физика Л. Больцмана, одного из создателей статистической физики;

4) наименование явления или предмета по модели «топоним – созданное»: *Monte Carlo methods* ‘методы Монте-Карло’ – группа численных методов, которые используются для изучения случайных процессов. Дж. фон Нейман и С. Улам создали данный метод в 1940-х годах и назвали его в честь известного места азартных игр в Монако, так как случайные характеристики, которые используются в данных методах схожи с процессом игры в рулетку;

5) создание эпонима при помощи метафорического переноса от имен мифических персонажей. К данной модели можно отнести названия языков программирования, например, *Hermes*, *Mercury*, *Pandora* и др.

Среди основных функций эпонимов можно выделить следующие: индексальная, рекогнитивная, мемориальная, аксиологическая, функция признания приоритета авторства и др.

Структурный анализ исследуемых терминов показал, что значительное количество терминов-эпонимов представлено двухкомпонентными терминологическими сочетаниями, которые состоят из опорного структурно-семантического элемента, выраженного нарицательным существительным, и имени собственного (онима), которое служит для индивидуализации и выделения объекта из ряда подобных.

Как правило, опорными (апеллятивными) элементами являются термины с междисциплинарным или общенаучным значением. Наиболее частотными нарицательными существительными можно назвать, например, *network*, *test*, *theory*, *effect*, *method*, *law*, *experiment*, *paradox*, *paradigm* и некоторые другие. Менее частотными – *theorem*, *grid*, *space* и др.

Среди исследуемых эпонимических терминологических сочетаний встречаются следующие структурные модели: *Npr. + Ncom.*; *Npr.-Npr. + Ncom.* (+ *Ncom.*) и *Adj. + Ncom.* (+ *Ncom.*).

Из вышеперечисленных наиболее продуктивной является модель *Npr. + Ncom.*, где имена собственные (онимы) выполняют функцию препозитивного определения: *Williams Effect* ‘эффект Вильямса’ – явление, обнаруженное исследователями Марией и Джоном Вильямсами, которое демонстрирует, как предвзятости, присутствующие в исторических данных, могут воспроизводиться и усиливаться искусственным интеллектом; *Levenshtein algorithm* ‘алгоритм Левенштейна’ – метрика, которая измеряет разность между двумя последовательностями символов.

По модели *Npr.-Npr. + Ncom.* (+ *Ncom.*) образованы следующие терминоточетания: *Damerau – Levenshtein distance* ‘расстояние Дамерау – Левенштейна’ – редакционное расстояние, которое используется в автоматической обработке естественного языка. В. Левенштейн был автором способа измерения расстояний между словами, в то же время независимо от него Ф. Дамерау выделил несколько классов, в которые попадает большинство опечаток; *Lempel – Ziv – Welch (LZW)* ‘алгоритм Лемпеля – Зива – Велча’ – универсальный алгоритм, который используется в методах сжатия

и анализа данных, был назван в честь А. Лемпеля, Я. Зива и Т. Велчема. Он был опубликован Т. Велчем в 1984 году в качестве улучшенной реализации алгоритма LZ78, опубликованного А. Лемпелем и Я. Зивом в 1978 году.

Модель **Adj. + Ncom. (+ Ncom.)**, где первый (адъективный) компонент является морфологическим производным имени собственного используется, например, в терминологических сочетаниях *Bayesian method* ‘метод Бэя’ – статистический метод, названный в честь Т. Бэя, который применяется в различных алгоритмах искусственного интеллекта для обработки неопределенности; *Bayesian Terminology* ‘терминология Бэя’ – система терминов, связанных с вероятностными методами в сфере искусственного интеллекта, основанными на статистических принципах, предложенных Т. Бэем.

По модели **Npr. + Adj. + Ncom.** образовано, например, терминосочетание *Hamming Neural Network* ‘нейронная сеть Хэмминга’ – трехслойная нейронная сеть с обратной связью, предложенная Р. Липпманом в 1987 году. Сеть была названа в честь американского математика Х.Р. Уэсли, работы которого в сфере теории информации оказали значительное влияние на развитие компьютерных наук, телекоммуникаций и искусственного интеллекта.

Среди исследуемых эпонимических терминов выявлены также единичные случаи использования притяжательного падежа (*Gibrat's law*, *Arrow's paradox*, *Engel's Law* и др.).

Заключение. Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов.

В англоязычной терминологии сферы искусственного интеллекта эпонимические термины отличаются разноплановостью структурно-семантических компонентов. Наиболее продуктивными моделями образования эпонимических терминов в исследуемой сфере являются следующие: наименование объекта, явления или процесса от имени или фамилии создателя, автора или первооткрывателя; номинация объекта, явления или процесса от имени или фамилии человека, поспособствовавшего созданию нового понятия; наименование явления или предмета в честь выдающейся личности и некоторые другие.

Категориальный признак терминов-словосочетаний выражается, как правило, опорным элементом словосочетания (нарицательным существительным), а дифференциальный признак – именем собственным (онимом).

Среди исследуемых эпонимических терминологических сочетаний встречаются следующие структур-

ные модели: *Npr. + Ncom.*; *Npr.-Npr. + Ncom.* (+ *Ncom.*) и *Adj. + Ncom.* (+ *Ncom.*).

Из вышеперечисленных наиболее продуктивной является модель *Npr. + Ncom.*, где имена собственные (онимы) выполняют функцию препозитивного определения.

Литература

1. Raynor, W.J.Jr. The International Dictionary of Artificial Intelligence / W.J.Jr. Raynor. – URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/document?repid=rep1&type=pdf&doi=2a12f779da59eb4265c7803d7432025c39c23a97> (data of access: 03.09.2024).
2. Арефьев, В.А. Англо-русский толковый словарь генетических терминов / В.А. Арефьев. – М.: ВНИРО, 1995. – 407 с.
3. Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – 3-е изд. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
4. Лейчик, В.М. Обсуждение проблем эпонимии в современной науке / В.М. Лейчик. – URL: http://www.lingexpert.ru/conference/langlaw1/leitchik_eponyms.html (дата обращения: 11.09.2024).
5. Введенская, Л.А. От названий к именам / Л.А. Введенская. – Ростов н/Д: Феникс, 1995. – 255 с.
6. Варнавская, Е.В. Статус и функционирование эпонимов в медицинской терминологии испанского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Варнавская Елена Владимировна; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2009. – 212 с.
7. Какзанова, Е.М. Лингвокогнитивные и культурологические особенности научного дискурса: на материале математических и медицинских терминов-эпонимов: автореф. ... докт. филол. наук: 10.02.21 / Какзанова Евгения Михайловна; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2011. – 46 с.
8. Schulman, F.Y. Eponyms in science: A proposal to minimize their use / F.Y. Schulman, R. Daniel Rissi. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/03009858241252408> (data of access: 11.09.2024).
9. Cappuzzo, B. Eponyms or Descriptive Equivalent Terms? The Question of Scientific Accuracy in Medical Discourse / B. Cappuzzo. – URL: https://core.ac.uk/outputs/53253513/?utm_source=pdf&utm_medium=banner&utm_campaign=pdf-decoration-v1 (data of access: 10.09.2024).
10. Какзанова, Е.М. Философская картина мира в эпонимических интернационализмах / Е.М. Какзанова // Вестник Пермского университета. Серия: Философия. Психология. Социология. – 2013. – № 1(13). – С. 62–64.
11. Зюзина, Е.А. Эпонимические единицы в составе специальной авиационной лексики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Зюзина Екатерина Александровна; Кубанский гос. ун-т. – Краснодар, 2006. – 20 с.

Поступила в редакцию 25.11.2024

Семантическая эволюция глаголов приобретения в свое распоряжение (типа вербовать)

Никитенко Т.В.

Белорусский государственный университет, Минск

В статье рассматривается семантическая парадигма предиката вербовать, занимающего периферийное положение в группе глаголов приобретения в свое распоряжение, который в современном употреблении квалифицируется как оценочный. Цель работы заключается в исследовании процесса пейорации в ходе сложения семантической структуры вербовать и установлении уникальности vs. регулярности деривационного поведения глагола в сопоставлении с тематически близкими предикатами. Для выявления межъязыковых семантических аналогий рассмотрены глаголы английского языка со схожей семантикой.

Материал и методы. При проведении исследования использовались описательный метод, дистрибутивный анализ, историко-сопоставительный метод. Языковой материал извлечен из словарей и электронных корпусов текстов.

Результаты и их обсуждение. Вербовать является опосредованным немецким заимствованием начала XVIII в., однако в исторической перспективе оказывается сравнительно молодым и имеет ряд предшественников, которые в современном русском языке утрачены. На протяжении XIX в. и XX в. вербовать функционирует как многозначный глагол: 1) для привлечения несения воинской службы он является нейтральным; 2) для выполнения работ, имеющих временный характер, оценка глагола может варьироваться от отрицательной до нейтральной; 3) в ситуации вовлечения на свою сторону предикат имеет негативно-оценочную характеристику. В других глаголах приобретения с одушевленным объектом (брать, нанимать) не отмечают схожей с вербовать семантической парадигмы. Тем не менее показано, что семантическая структура глагола вербовать не уникальна.

Заключение. Оценочное значение вербовать является результатом семантической деривации, заключающейся в выдвигении presupposition исходного значения в область assertion, при этом происходит изменение тематического класса глагола. Межъязыковые соответствия recruit, enlist 'вербовать в военную службу' свидетельствуют о регулярности модели.

Ключевые слова: глагол приобретения, семантическая парадигма, модель семантической деривации, пейорация.

(Ученые записки. – 2024. – Том 40. – С. 153–157)

The Semantic Evolution of the Verbs for Obtaining an Object (Such as Verbovat)

Nikitenko T.V.

Belarusian State University, Minsk

The article examines the semantic paradigm of the verb verbovat 'to recruit' which occupies a peripheral position among the verbs for obtaining an object. In modern use, it is labelled as pejorative. The purpose of the article is to study the pejoration process as the semantic structure of the verb developed and as well as to determine uniqueness vs. regularity of its derivational behaviour in comparison with topically similar verbs. To identify interlanguage recurrent semantic shifts, the English verbs with similar meaning are considered.

Material and methods. To carry out the research, the following methods are employed: descriptive method, distributive analysis, historical and comparative method. The data is extracted from monolingual dictionaries and electronic text corpora.

Findings and their discussion. Verbovat is an indirect German borrowing of the early 18th century. From the historical perspective, it turns out to be relatively young and. There were a number of synonyms in Old Russian that have fallen out of use. Throughout the 19th and 20th centuries, verbovat functioned as a polysemous verb: 1) as neutral in the meaning to attract smb to join the army; 2) it can vary from negative to neutral in the meaning to perform a temporary job; 3) it is negative in the meaning to involve smb in an improper activity. The other verbs for obtaining which are followed by an animate object (employ, hire), don't exhibit the similar semantic paradigm. Nevertheless, it is shown that the semantic paradigm of verbovat is non-unique.

Conclusion. The pejorative meaning of verbovat is the result of semantic derivation which consists in pushing the original meaning of presupposition into assertion. This process goes along with the domain shift. The interlanguage correspondences such as recruit, enlist indicate the regularity of the semantic shift in question.

Key words: verb for obtaining an object, semantic paradigm, semantic shift, pejoration.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 40. – P. 153–157)

Семантическое развитие глагольной лексики находится в фокусе многочисленных современных исследований, выполненных как на материале одного языка, так и в сопоставительном аспекте с привлечением данных нескольких языков. Изучаются отдельные семантические переходы, реализующиеся в определенных глаголах или глагольных конструкциях, как например [1], либо целые тематические классы с целью установления семантических моделей, по которым развивается многозначность [2–4]. Вместе с тем работы, рассматривающие изменение семантики глагола, в результате которого происходит пейорация или мелиорация значения, немногочисленны. В настоящей статье предпринята попытка внести определенный вклад в решение данной проблемы.

В русском языке глаголы получения объекта в свое распоряжение представляют достаточно обширную группу с такими базовыми предикатами, как *брать (взять)*, *получать (получить)*, *приобретать (приобрести)*. Их типовая семантика представлена так: ‘получать что-л., приобретая, занимая, добываясь чего-л. различными способами; становиться обладателем чего-л.’ [5, с. 568]. Среди глаголов рассматриваемой группы выделяется несколько единиц, семантика которых предполагает наличие агентивного субъекта и одушевленного объекта, а также вводит в ситуацию вознаграждение, ожидаемое семантическим объектом со стороны субъекта – *брать (взять)*, *нанимать (нанять)*, *вербовать (завербовать)*¹. Иными словами, эти глаголы выражают значение найма, т.е. установление отношений между нанимателем и исполнителем на определенных условиях. В данной работе рассматривается семантическая парадигма предиката *вербовать*, занимающего периферийное положение в группе, который в современном употреблении квалифицируется как оценочный глагол.

Цель данной работы заключается в исследовании процесса пейорации в ходе сложения семантической структуры *вербовать* и установлении уникальности vs. регулярности деривационного поведения глагола в сопоставлении с тематически близкими предикатами. Для выявления межъязыковых семантических аналогий также рассмотрены предикатные единицы английского языка со схожей семантикой.

Материал и методы. При проведении исследования использовались описательный метод, дистрибутивный анализ, историко-сопоставительный метод, в рамках которого рассматривается динамика семантических изменений слова в литературном языке и диалектах в различные временные периоды. Особую ценность для данной работы представляет подход Московской семантической школы к описанию предикатов, а также идеи когнитивной лингвистики. Анализируемый языковой материал извлечен из словарей и электронных корпусов текстов.

¹ Очевидно, для глаголов получения в свое распоряжение канонический объект представляется неодушевленным, пр. *вернуть*, *выигрывать*, *выпрашивать*, *выторговывать*, *занимать*, *запатентовать* и др. Например, *вернуть книгу*, *долг*; *запатентовать изобретение*.

Результаты и их обсуждение. Переходный глагол несовершенного вида *вербовать* является опосредованным заимствованием немецкого глагола *werben*² ‘вербовать (солдат); привлекать, агитировать; добиваться, домогаться’, пришедшим в русский язык в начале XVIII в. (1704) через польское (*werbować*) и украинское (*вербовати*) посредничество [7, с. 265–266].

Анализ аспектуального поведения глаголов *вербовать* – *завербовать* показывает, что с точки зрения связи между семантикой глаголов и характером видовых пар они отличаются только наличием результата выражаемого действия.

В современном русском языке глагол *вербовать* представлен как многозначный. В словаре под ред. С.А. Кузнецова он отмечен такими значениями: 1) ‘нанимать, набирать для несения воинской службы или работы где-л.’ (*вербовать добровольцев*; *вербовать наемников*; *вербовать рабочих на стройку*); 2) (неодобр.) ‘привлекать на свою сторону’ (*вербовать агентов*; *вербовать сторонников, единомышленников*) [8]. Последнее значение классифицируется как неодобрительное и сопровождается оценочной пометой. В словаре Т.Ф. Ефремовой семантическая структура глагола представлена шире и включает три значения: 1) ‘набирать, нанимать на работу кого-л. (обычно на определенный срок, в отдаленные места и т.п.)’; 2) ‘набирать людей для несения военной службы, участия в военных действиях и т.п. (по найму или по повинности)’; 3) (разг.) ‘привлекать, склонять к участию в каком-л. деле (иногда противозаконном)’ [9]. Последнее значение является стилистически маркированным – отмечено пометой *разговорное*. Кроме того, в толкование вводится семантический компонент – ‘участие в противозаконном деле’, который свидетельствует о наличии в семантике негативного смысла. Можно подытожить, что в обоих словарях у рассматриваемой лексемы зафиксировано наличие негативно-оценочного значения, чаще всего реализуемое в разговорной речи, – ‘привлекать на свою сторону для участия в каком-л. неблагоприятном или противозаконном деле’.

Как пейоративный *вербовать* может противопоставляться другим сочетаниям, выражающим значение установления трудовых отношений, пр.: *Правда, в отличие от Семен Семеныча, его никто не собирается вербовать, он, собственно, уже завербован, хотя это ради благопристойности и именуется наймом на работу...* (А.А. Бушков. Ближе, бандерлоги!)³.

В исторической перспективе *вербовать* оказывается сравнительно молодым и имеет ряд предшественников. Для выражения смысла ‘нанимать, вербовать’ в древнерусском языке функционировал глагол *затягати*,

² Вызывает интерес направление смысловой деривации этимона *werben*, который восходит к среднеревеннемецкому *werben* от древневерхненемецкого *werban* и является рефлексом прагерманского **hwerb-a-* ‘поворачиваться’ [6, т. 1, с. 294]. Семантическую эволюцию глагола *werben* можно представить такими семантическими моделями: ‘крутиться, двигаться туда и сюда’ → ‘хлопотать, добиваться, свататься’ → ‘вербовать солдат’.

³ Здесь и далее примеры приводятся в авторской орфографии и пунктуации.

значение которого оформилось в результате метафорического переноса по аналогии между процессом физического воздействия на объект (тягать, тянуть) и отличалось широкозначностью – *‘вовлекать, заставлять принимать в чем-л. участие, втягивать, вербовать’* (1646). Также отмечен видовой коррелят *затягнуты*, функционировавший в более узком значении *‘завербовать, привлечь на службу’*, засвидетельствованный в письменных источниках раньше (1607) [10, т. 5, с. 329].

В древнерусском периоде засвидетельствован многозначный морфемный дериват *прибирати* (также *пребирати*), генетически связанный с глаголом приобретения *брати*. Значение, указанное словарем первым, отличается семантической нежесткостью, представляет несколько типизированных ситуаций – (1) подыскивать подходящее; (2) вербовать; (3) собирать: *прибирати ‘подбирать, подыскивать подходящее, нужное, соответствующее чему-л.’ || ‘набирать, вербовать (на военную службу, в крестьянство)’* (Воевода Виленской хотѣль противъ ихъ войско прибирати, 1596) || *‘собирать’* (XVII в.~XIV в.) [10, т. 19, с. 93–94].

Даже наличие контекста не всегда позволяет определить, какой именно семантический компонент реализуется. Ср.: *<...> по прежнимъ ево государевымъ грамотамъ вельно городки ставить и людей воинскихъ прибирати на Сибирского салтана, а нынѣ ево жъ государевъ указъ, что не вельно отпущати волкихъ атамановъ и казаковъ <...>* (Строгановская летопись по списку Спасского, 1630–1640). Можем предположить, что в подобной ситуации одновременно реализуются смыслы *‘набирать людей на военную службу’* и *‘собирать их в определенном месте’*.

В древнерусском периоде также зафиксирована пара возвратных коррелятов *прибиратися* 1. *‘набираться, вербоваться (на военную службу, в крестьянство)’*; 2. *‘присоединяться, приставать к кому-л.’* и *прибратися* 1. *‘завербоваться (на военную службу, в крестьянство)’*; 2. *‘присоединиться, пристать к кому-л.’* [10, т. 19, с. 99].

В современном русском литературном языке некоторые из этих глаголов продолжают существовать, однако, у *прибирати* семантические компоненты *‘набирать, вербовать (на военную службу)’*, *‘собирать’* утрачены, *‘подыскивать подходящее’* отмечен в толковых словарях с пометой *устаревшее* [9]. У форм *прибираться* и *прибратиться* значение *‘набираться, вербоваться’* также утрачено. Форма *затягивать* не фиксируется лексикографическими источниками.

Очевидно, переход к способу выражения значения найма на военную службу, принятому в современном языке, осуществлялся на протяжении XVIII в., когда был заимствован глагол *вербовать* и вышли из употребления (или изменили семантику) *затягати* (*затянуты*), *прибирати*.

При вхождении в русскую лексическую систему *вербовать* стал функционировать одновременно в нескольких значениях – *‘нанимать в военную службу’* и *‘привлекать, вовлекать’* [11].

(1) *Имѣют они <шведы> соизволение, дабы всякой капитан на свой корабль вербовать салдат.*

(2) *Со стула и на стул красоти вальсируют и свѣжих напрокат прыгунчиков вербуют.*

(3) *Слышу, что Шевалье Месанс вербует здѣсь Масонов.*

В примере (1) реализуется основное значение глагола *вербовать* – *‘нанимать в военную службу’*; в примерах (2), (3) – *‘привлекать на свою сторону’*.

Большинство контекстов, датируемых первой половиной XIX в., свидетельствуют о достаточно специализированном, лишенном прагматических смыслов значении глагола, связанном прежде всего с наймом для несения военной службы (4), (5).

(4) *Его поймали между ротозеями, которые вышли посмотреть на сражение, и теперь мы его вербуем в казаки* (Н.А. Бестужев. Русский в Париже 1814 года).

(5) *Но из этих невольников вербовалось храбрѣйшее в мире ополчение, захватившее в свои руки Египет как добычу <...>* (К.М. Базили. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношении).

Любопытно, как определяет *вербовать* В.И. Даль (предлагая целый словообразовательный ряд – *навербовать, повербовать, привербовать, довербовать*) – *‘нанимать, набирать охотников в солдаты или в матросы, по найму от правительства’* [12].

В XIX в. объект глагола расширяется: вербуют не только новобранцев, солдат, но и актеров, музыкантов, писателей и других представителей профессий, пр. (6).

(6) *Сусликову пришлось плохо, денег ни гроша; он уже задумывал было покончить с музыкою навсегда, да, к счастью, выручил содержатель другого театра, приехавший вербовать свежую труппу* (Д.В. Григорович. Капельмейстер Сусликов).

В середине XIX в. глагол отчетливо осознается носителями языка как лишенный резкой экспрессии, но в то же время негативно-оценочный, ср. (7), (8), (9).

(7) *<...>, во-вторых, вербовать последователей значит торговать, а торговать значит — набирать последователей* (В.Г. Белинский. Ответ «Москвитянину»).

(8) *Коноводы, видя неудачу привлечь к своему преступному делу лиц, более или менее положительных <...>, обратились вербовать для веса и численности своей шайки людей с именем, но ничтожных по способностям и характеру <...>* (И.П. Липранди. Несколько слов о книге «Восшествие на престол Императора Николая I»).

(9) *В XVII веке служилые люди ходили по Руси и вербовали народ в Сибирь, заманивая обещаниями разных льгот; сверх того, для перехода давались охотникам подможные деньги* (Н.И. Костомаров. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях).

В примерах выше наблюдаются эксплицитно или имплицитно выраженные негативные оценки. Так, если речь идет «о более или менее положительных лицах», то их *привлекают*, в случае с людьми «ничтожными

по способностям и характеру» – их *вербуют*. Если последователей *вербуют*, то можно усомниться в их идейности, если народ *вербуют*, то вербовщик скрывает от народа что-то неприглядное или подозрительное. Появляются контексты с *вербовать*, в которых глагол используется метафорически в негативно-оценочном значении ‘подтасовывать, совершать подлог’. Пр.: *Очевидно, министр вербует факты для отчета государю: теперь конец года* (А.В. Никитенко. Дневник).

На протяжении второй половины XIX в. и XX в. *вербовать* функционирует как многозначный глагол в нескольких значениях. В ситуации привлечения кого-л. для несения воинской службы он является нейтральным (10). Для выполнения работ, имеющих временный, сезонный характер, оценочный знак глагола может варьироваться от отрицательного (11) до нейтрального (12); положительные контексты слова в этом значении не зафиксированы. В ситуации вовлечения на свою сторону *вербовать* имеет негативно-оценочную характеристику (13).

(10) – *А может, с нами, в Семеновский? – спросил Рихард, пристально глядя Виталию в глаза. Виталий напрягся. <...> Не станут же лучшие асы курса просто так, от скуки или озорства, вербовать сокурсника в сослуживцы, причем даже до распределения и назначения по флотам?* (В. Васильев. Шуруп).

(11) *Вербовались рабочие задатками, причем получалась неуволнимая кабала* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Охонины брови).

(12) *В ту пору строили второй путь Транссибирской магистрали, прокладывали много новых железных дорог. <...>. Не хватало кессонщиков, монтажников, и всех уезжавших в отпуск просили вербовать людей* (А. Старков. Человек строит мост // «Огонек». № 2, 1959).

(13) *Вербуются они из подонков общества – из людей, нравственный уровень которых очень низок* (П.А. Кропоткин. Записки революционера).

Таким образом, семантическое развитие глагола *вербовать* на русской почве можно представить семантическими переходами: ‘вербовать солдат’ → ‘нанимать на (временную) работу’, ‘привлекать, вовлекать’ → ‘привлекать, вовлекать в какую-л. неблагоприятную деятельность’ → ‘подтасовывать’. Данная семантическая структура наглядно отражает развитие процесса пейорации слова.

Как известно, источником значения глагола является ситуация с набором обязательных и факультативных участников. В ассертивной части глаголов *брать* (*взять*), *нанимать* (*нанять*), *вербовать* (*завербовать*) акцентируется то, что некое лицо нанимает кого-л. на определенных условиях с какой-л. заработной платой.

У *вербовать* та часть ситуации, которая не входит в ассерцию, но, очевидно, известна говорящему и входит в пресуппозицию, предполагает активный поиск и настойчивое приглашение кандидатов на военную службу, часто путем широкой огласки процесса найма, уговоров. Пресуппозиция, связанная с широкой

оглаской и настойчивым приглашением, например, перемещается в ассертивную часть *werben*: в XIX в. у немецкого глагола развивается значение ‘рекламировать’, которое в настоящее время толковыми словарями определяется как основное.

В ходе развития полисемии на русской почве у *вербовать* в ассерцию возводится идея привлечения, втягивания, при этом референциальный сдвиг происходит и по линии объекта, который в исходном значении представлен достаточно «узко» – воин, военный человек; объект расширяется (*вербовать агентов, приверженцев, исполнителей, последователей, факты* и др.). Производные значения утрачивают специфичные признаки исходной ситуации, появляются новые признаки – вовлечение объекта к участию в каком-л. неблагоприятном деле, предполагающем вознаграждение. Сама по себе идея получения вознаграждения за оказанную услугу, работу оценивается нейтрально, но ситуация найма, связанная с заманиванием, уговорами и другими не совсем честными тактиками, воздействием на принятие решения объектом, может быть сопряжена с негативными последствиями, а этот факт однозначно воспринимается отрицательно.

Ответ на вопрос, могут ли модели семантической деривации *вербовать* иметь регулярный характер и реализовываться в других глаголах получения объекта в свое распоряжение, как видится, связан со стратегиями концептуализации рассматриваемых глаголов.

Так, современные толковые словари русского языка не отмечают семантической парадигмы у *брать*, *нанимать*, схожей с *вербовать*. Субъект и объект глаголов *брать*, *нанимать* находятся в центре коммуникативной ситуации, различие между глаголами происходит скорее по линии субъекта. У глагола *нанимать* семантический субъект часто является не учреждением, а частным лицом, у *брать* (обычно функционирует с существительным в предложно-падежной форме *брать на работу, в штат, на полставки*) он скорее предстает организацией или руководителем, наделенным полномочиями от лица организации. *Брать* (*взять*), *нанимать* (*нанять*) – генетически связанные формы (*нанять* – префиксальный дериват, образованный от исконного глагола **jęti* ‘взять’) [6, т. 3, с. 42]. У деривата *набирать*⁴, связанного отношениями производности с *брать*, отмечено одно из значений ‘принять, нанять, на вербовать’ (*набрать рабочих на завод*) || ‘вербуя, нанимая, образовывать, составить’ (*набрать армию, отряд добровольцев, бригаду*). Доминантный семантический признак глагола *набирать* ‘собрать в каком-л. количестве’ определяет его объект – чаще всего это не индивидуальный, а коллективный пациенс. Аналогичные модели семантической деривации при развитии полисемии у *набирать* и *вербовать* не зафиксированы.

Обращение к глаголам, которые выражали идею найма солдат, вербования в древнерусский период,

⁴ *Набирать* в рассматриваемом значении относится к глаголам собирания [5, с. 291].

позволяет обнаружить некоторую регулярность. Значение ‘набирать для несения воинской службы; привлекать’ являлось семантически производным, в котором актуализировалась идея одностороннего втягивания, вовлечения субъектом объекта действия. Ср. (в форме *затягнути* в начале XVII в.): *Да онъ же сказалъ: затегнулъ король восемьдесятъ ротмистровъ, а сколько съ ними людей и какіе люди, того не въдастъ; <...>* (Отписка из-под Смоленска воевод князя Дмитрия Черкасского и Афанасья Царевского об отсылке ими в Москву польских «языков» с расспросными их речами о количестве и состоянии польского войска и расспрос их в Москве). Схематично семантическая парадигма глагола может быть представлена так: ‘перемещать объект с определенным усилием к себе’ → ‘набирать для несения службы’ → ‘привлекать, вовлекать’ → ‘привлекать в опасную или неблагоприятную деятельность’⁵.

Вербовать, по сути, реализует подобное смысловое развитие. В оценочном производном значении предиката происходит изменение тематического класса: из глагола приобретения в свое распоряжение он становится глаголом социальных отношений, а именно глаголом влияния. Очевидно, по этой причине при переводе на английский язык среди соответствий *вербовать* чаще всего подбираются глаголы влияния или убеждения. Ср.: *Трое собеседников сменилось: двое первых пугали, последний вербовал грубо, но вполне убедительно.* – *The three interrogators took turns. First, two of them tried to confuse him, then the third crudely but convincingly tried to win him over to their side, to persuade him to become an informer* (Л. Улицкая. Зеленый шатер; пер. Bela Shayevech).

Схожие модели развития полисемии можно наблюдать в английском языке. Так, *вербовать* в значении ‘набирать для несения воинской службы или работы где-л.’ является соответствием английских *recruit, enlist*. Сочетаемость глаголов с существительными *an ally* ‘союзник’, *a spy* ‘шпион’, *a follower* ‘последователь’ и др. может подразумевать одностороннее вовлечение в деятельность, предполагающее вознаграждение, но не всегда благовидную; контексты это подтверждают (14), (15).

Someone has to recruit spies inside these organizations (‘Кто-то должен вербовать шпионов в этих организациях’) (*The Tobacco Wars* // 1996).

They use the offices to recruit followers from the large, illiterate and unemployed youth of the area, <...> (‘Они используют офисы для привлечения последователей из многочисленной, неграмотной и безработной молодежи этого района’) (*The New York Times* // 2006).

Заключение. Развитие полисемии глагола *вербовать* можно представить семантическими моделями: ‘вербовать солдат’ → ‘нанимать на (временную) работу’, ‘привлекать’ → ‘привлекать в какую-л. неблагоприятную

деятельность’ → ‘подтасовывать’. Данные модели не повторяются в других глаголах приобретения в свое распоряжение с одушевленным объектом (например, *брать, нанимать*).

Оценочное значение *вербовать* является результатом семантической деривации, заключающейся в выдвигании пресуппозиции исходного значения в область ассерции, при этом происходит изменение тематического класса глагола: он становится глаголом социальных отношений, в частности влияния.

Семантическая парадигма глагола *вербовать* не уникальна, а отличается определенной регулярностью. Межязыковые соответствия *recruit, enlist* ‘вербовать в военную службу’ допускают производное значение ‘привлекать в какую-л. деятельность, иногда неблагоприятную’.

Литература

1. Кривко, Р.Н. Искать → стараться, хотеть: конструкции, типология, источники / Р.Н. Кривко, К.В. Литвинцева // ЕВРика! Сборник статей о поисках и находках к юбилею Е.В. Рахилиной; под общ. ред. Д.А. Рыжовой [и др.]. – М.: Лабиринт, 2018. – С. 275–289.
2. Stolova, I. Natalya. Cognitive Linguistics and Lexical Change: Motion Verbs from Latin to Romance / Natalya I. Stolova. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2015. – 261 p.
3. Розина, Р.И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге / Р.И. Розина. – М.: Азбуковник, 2005. – 301 с.
4. Старычонак, В.Д. Мнагазначнасць слова ў беларускай мове: у 3 кн. / В.Д. Старычонак. – Мінск: Колорград, 2017. – Кн. 1. Асноўныя тыпы полісеміі, кірункі семантычнай дэрывацыі – 273 с.
5. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. – 704 с.
6. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986–1987. – Т. 4.
7. Аникин, А.Е. Русский этимологический словарь: в 17 вып. / А.Е. Аникин. – М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН; Новосибирск: Ин-т филологии Сибирского отделения РАН; СПб.: Нестор-История, 2007–2023. – Вып. 6: ВАЛ – ВЕРШОК. – 2012. – 369 с.
8. Новейший большой толковый словарь русского языка / [авт. и рук. проекта, гл. ред. С.А. Кузнецов]. – СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ классик, 2008. – 1536 с.
9. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. – Т. 1: А–О; Т. 2: П–Я.
10. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: Я.А. Пенькова (отв. ред.) [и др.]. – М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова, 1975–2023. – 32 вып.
11. Словарь русского языка XVIII века. – URL: <https://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 20.11.2024).
12. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – М.: Русский язык-Медиа, 2003. – (Репринт. воспр. 2-го изд. 1880–1882 гг.). – 4 т.

Поступила в редакцию 26.11.2024

⁵ Например, с современным употреблении *затягивать, затянуть* предполагают отрицательное влияние на объект воздействия, ср.: – *В секту, что ли, какую затянули?* – *Никуда его никто не затягивал.* Слишком хитрый (А. Мацанов. Бабник // «Ковчег», 2012).

Структурно-смысловая организация публикаций научного медицинского дискурса в свете задач прикладной лингвистики

Меньшенина И.А.

Учреждение образования «Витебский государственный медицинский университет», Витебск

Экспоненциальный рост количества научных публикаций в медицинской сфере препятствует их эффективной обработке и анализу специалистами, что может привести к упущению ценных результатов исследований. Решение задачи ускорения доступа к необходимой информации посредством автоматической системы смысловой компрессии требует выявления структурно-смысловой организации научных медицинских публикаций, что и является целью данной работы.

Материал и методы. Практическим материалом исследования послужили 100 научных статей, опубликованных в ведущих и наиболее цитируемых британских и американских научных медицинских журналах в период с 2017 по 2022 г.

В процессе работы были использованы такие лингвистические виды анализов и методы, как структурный, контекстуальный, когнитивно-семантический, сопоставительно-параметрический, дискурс-анализ, классификационный метод и метод тематического моделирования.

Результаты и их обсуждение. Анализ, проведенный на основе субъектно-ориентированного и когнитивно-информационного подходов, позволил выявить 4 иерархически действующих типа структур в англоязычных научных публикациях медицинского профиля. Установленные, они функционируют на поверхностном и глубинном уровнях организации текста, обеспечивая возможность получения прикладного результата: формализацию процесса смысловой компрессии.

Заключение. Полученные результаты позволяют решить прикладные задачи оперативного создания рефератов медицинских научных публикаций, необходимые специалистам медицинского профиля для оптимизации научного поиска.

Ключевые слова: научная медицинская статья, структурно-смысловая организация, субструктура, суперструктура, микроструктура, макроструктура.

(Ученые записки. – 2024. – Том 40. – С. 158–162)

The Structural and Semantic Organization of Scientific Medical Discourse Publications in View of Applied Linguistics Tasks

Menshenina I.A.

Education Establishment "Vitebsk State Medical University", Vitebsk

The exponential growth in the number of scientific publications in the medical field hinders their effective processing and analysis by specialists, which can lead to the loss of valuable research findings. Solving the problem of accelerating access to necessary information through an automatic semantic compression system requires identifying the structural and semantic organization of scientific medical publications, which is the purpose of this work.

Material and methods. The practical material of the study was 100 scientific articles published in the leading and most cited British and American scientific medical journals in the period from 2017 to 2022. In the course of the work, such linguistic methods as discourse analysis, structural, contextual, cognitive-semantic analysis, classification method, comparative parametric analysis, and thematic modeling method were used.

Findings and their discussion. The analysis carried out on the basis of subject-oriented and cognitive-informational approaches allowed us to identify 4 hierarchically acting types of structures in English-language scientific publications of the medical profile. They function at the surface and deep levels of text organization, providing the opportunity to obtain an applied result: formalization of the process of semantic compression.

Conclusion. The results obtained make it possible to solve applied problems of the operational creation of medical scientific publications abstracts necessary for specialists to optimize scientific research.

Key words: scientific medical article, structural and semantic organization, substructure, superstructure, microstructure, macrostructure.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 40. – P. 158–162)

Научная медицинская публикация представляет особую значимость для развития медицинской науки с целью поиска путей оказания качественной профессиональной помощи пациенту. Однако экспоненциальный рост количества публикуемых статей, а также сложность и времязатратность их обработки для иноязычного адресата-специалиста препятствуют использованию результатов новейших исследований в медицинской практике. Ускорение доступа специалистов к новейшей профессиональной информации возможно посредством разработки системы автоматической смысловой компрессии, обеспечивающей получение вторичного текста предельной точности и терминологической представленности без искажения смысла, заложенного адресантом, а также исчерпывающей полноты в изложении профессионально значимой информации, необходимой адресату, для ее безошибочной интерпретации.

Анализ текстов научных медицинских публикаций на основе субъектно-ориентированного и когнитивно-информационного подходов позволяет выявить элементы их структурно-смысловой организации, а также определить порядок иерархического взаимодействия выявленных типов структур, необходимых для реализации смысловой компрессии.

Материал и методы. Практическим материалом исследования послужили 100 научных статей, опубликованных в ведущих и наиболее цитируемых британских и американских научных медицинских журналах в период с 2017 по 2022 г.: «The Lancet», «The British Medical Journal (BMJ)», «The New England Journal of Medicine», «The Journal of the American Medical Association (JAMA)».

В процессе работы были использованы такие лингвистические виды анализов и методы, как структурный, контекстуальный, когнитивно-семантический, сопоставительно-параметрический, дискурс-анализ, классификационный метод и метод тематического моделирования.

Результаты и их обсуждение. Применение субъектно-ориентированного подхода позволяет проводить

когнитивный анализ внутреннего построения научной публикации с учетом заинтересованной включенности разных участников медицинского дискурса:

1) автора публикации, владеющего дискурсивными стратегиями передачи нового медицинского знания;

2) профессионального читателя статьи, заинтересованного в получении актуальной научной информации;

3) исследователя, обладающего лингвистическими методами структурно-семантического анализа текста и прикладным инструментарием для формализации его обработки, чтобы сжато излагать суть текста автоматическим способом. В результате изучения когнитивных аспектов порождения и понимания профессионального дискурса в медицинской сфере в сочетании с его лингвистическим анализом была выявлена структура организации смысла научной медицинской публикации, включающая 4 типа иерархически взаимодействующих друг с другом структур поверхностного и глубинного уровней (рис. 1).

1. Субструктура – инициальный выделенный исследователем элемент – представляет собой универсальную поверхностно-наблюдаемую схему научных медицинских статей, публикуемых в англоязычных журналах. С позиций ведущего для формализации признака функциональности разделов субструктура включает: реквизитные – используемые для формальной идентификации первичного документа, содержательные – представляющие информацию непосредственно по обсуждаемой проблеме, и акцессорные – являющиеся вспомогательно-справочным аппаратом публикации. Из них в качестве основных для выполнения автоматической смысловой компрессии выступают содержательные разделы, заключающие в себе смысл медицинской публикации: Introduction ‘Введение’, Methods ‘Методы’, Results ‘Результаты’, Discussion ‘Обсуждение’. Выделение субструктуры публикаций обеспечивает техническую возможность инициации в создании программного обеспечения для формализации условий первичной ориентации программы в имеющемся объеме научной информации статьи, а также служит основой

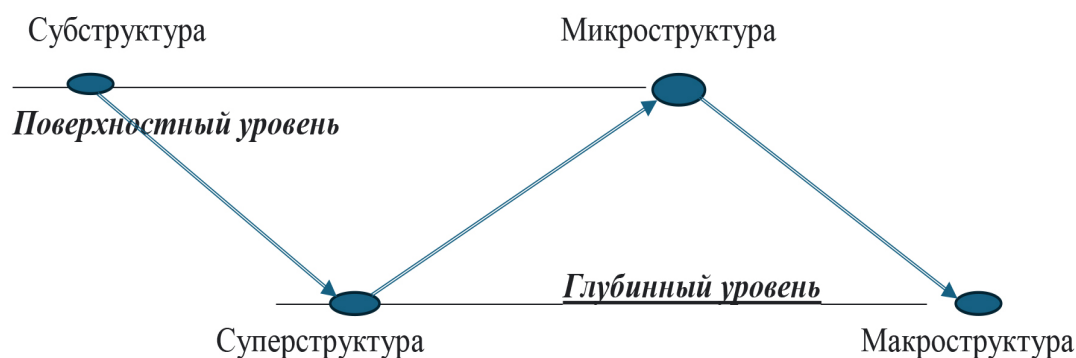

Рис. 1. Уровневая процедуральность реализации иерархически организованных типов структур англоязычных научно-медицинских публикаций при автоматическом выполнении их смысловой компрессии

для выявления следующего иерархического уровня – суперструктуры, которая поверхностно не наблюдается, поскольку глубинно связана с изложением сути публикации.

2. Суперструктура, выделенная исследователем на втором этапе анализа, представляет собой жанровую схему научной медицинской публикации, определяющую ее тематическую организацию, основным назначением которой является отражение универсальной смысловой модели профессиональных знаний адресата и адресанта.

Суперструктура состоит из 16 компонентов, которые распределяются по 3–5 на каждый из 4-х исходно выделенных содержательных разделов субструктуры:

1. Введение

- 1.1 Определение поля исследования.
- 1.2 Обзор опубликованных работ по теме.
- 1.3 Постановка проблемы.
- 1.4 Представление цели исследования.

2. Методы

- 2.1 Характеристика типа исследования.
- 2.2 Описание материала исследования.
- 2.3 Описание процедур.
- 2.4 Представление анализа эксперимента.

3. Результаты

- 3.1 Основные исходы исследования.
- 3.2 Дополнительные исходы исследования.
- 3.3 Нежелательные явления.

4. Обсуждение

- 4.1 Резюме основного результата.
- 4.2 Сравнение с другими исследованиями.
- 4.3 Ограничения исследования.
- 4.4 Внешняя валидность.
- 4.5 Перспективы исследования.

3. Каждый выделенный компонент суперструктуры воплощается в лексико-синтаксическом пространстве текста определенным лингвистическим инвентарем – элементами микроструктуры, маркирующими наиболее информативные отрезки текста статьи. Данные элементы представляют собой лексические единицы второстепенной смысловой значимости и определяются как дискурсивные маркеры. Невозможность формализации в целях автоматической компрессии единиц первостепенной смысловой значимости – терминологической медицинской лексики – объясняется тем, что анализу подвергаются статьи трех разных областей медицины: кардиологии, гастроэнтерологии, пульмонологии, каждая из которых имеет отличный от других профессионально-детерминированный языковой инвентарь. Кроме того, высокая количественная представленность терминологии в каждой области осложняется динамичностью ее состава: он постоянно меняется за счет устаревания одних терминов и появления новых.

Выполняя дейктическую функцию, дискурсивные маркеры повторяются в научных медицинских публикациях, указывая на содержание одного из компонентов

суперструктуры, каждый из которых включает ограниченное количество обеспечивающих его микроструктурных элементов.

4. Элементы микроструктуры эксплицируют смыслодерживающие фрагменты, передающие суть публикуемого медицинского исследования, и, таким образом, создают его макроструктуру, представляющую обобщенный смысл статьи, что составляет 4-й этап анализа текста (рис. 2).

Как видно на рисунке 2, суперструктурные компоненты раздела «Результаты», характерные для каждой научной медицинской публикации на английском языке, в случае обработки статьи «Effects of antiplatelet therapy after stroke due to intracerebral haemorrhage (RESTART): a randomised, open-label trial»¹, опубликованной в журнале The Lancet, отражаются в плане содержания элементами присущей исключительно ей макроструктуры. Основой для выделения данных элементов послужили дейктические единицы, маркирующие основное содержание каждого из компонентов суперструктуры раздела «Результаты»:

1) для компонента **Основные исходы исследования** – дискурсивный маркер *the primary outcome* ‘основной исход’;

2) для компонента **Дополнительные исходы исследования** – *the secondary outcome* ‘дополнительный исход’, *secondary outcomes* ‘дополнительные исходы’;

3) для компонента **Нежелательные явления** – *die* ‘умирать’, *deaths* ‘смерти’, *adverse events* ‘нежелательные явления’.

При анализе выделенных элементов макроструктуры были обнаружены фрагменты, не несущие существенной информации и затрудняющие интерпретацию текста адресатом. В приведенной статье к таким фрагментам эксперты отнесли:

1) в компоненте **Основные исходы исследования** – информацию, приведенную в скобках в первом предложении, а также второе и третье предложения целиком;

2) в компоненте **Дополнительные исходы исследования** – информацию, приведенную в скобках, за исключением данных, приводимых в процентах;

3) в компоненте **Нежелательные явления** – информацию, приведенную в скобках, и последнее предложение.

Таким образом, после дополнительного сжатия, в ходе которого были исключены фрагменты, отмеченные экспертами как несущественные для интерпретации, был получен следующий вторичный текст, представляющий собой реферат раздела «Результаты» данной публикации:

For the primary outcome, 12 (4%) of 268 participants allocated to start antiplatelet therapy had recurrences of intracerebral haemorrhage compared with 23 (9%) of 268 participants who did not start therapy.

¹ «Эффекты антиагрегантной терапии после инсульта, вызванного внутримозговым кровоизлиянием (RESTART): рандомизированное открытое исследование».

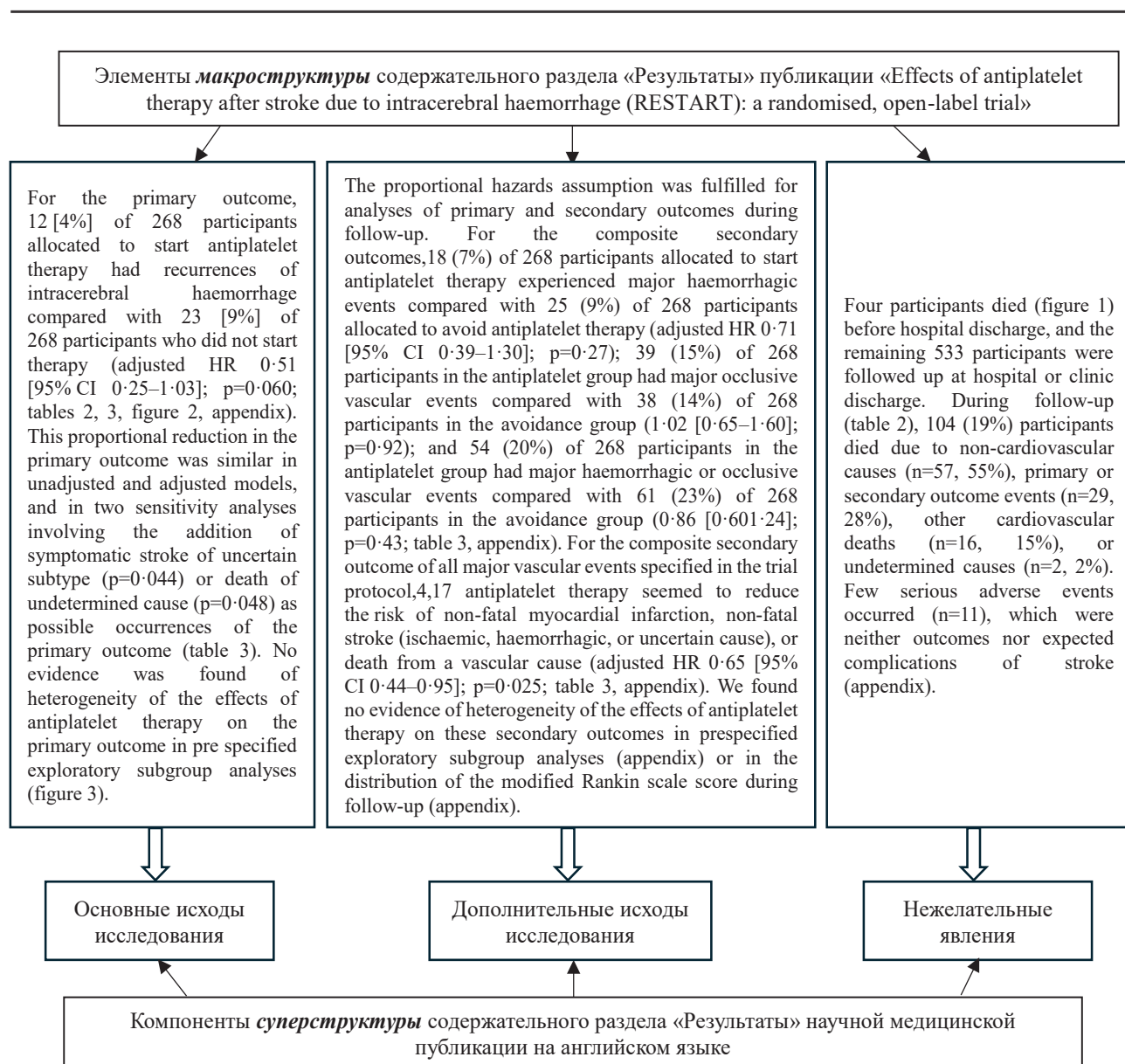

Рис. 2. Распределение макроструктурных элементов научной медицинской публикации на английском языке по компонентам суперструктуры содержательного раздела «Методы»

The proportional hazards assumption was fulfilled for analyses of **primary and secondary outcomes** during follow-up.

For the composite **secondary outcomes**, 18 (7%) of 268 participants allocated to start antiplatelet therapy experienced major haemorrhagic events compared with 25 (9%) of 268 participants allocated to avoid antiplatelet therapy, 39 (15%) of 268 participants in the antiplatelet group had major occlusive vascular events compared with 38 (14%) of 268 participants in the avoidance group, and 54 (20%) of 268 participants in the antiplatelet group had major haemorrhagic or occlusive vascular events compared with 61 (23%) of 268 participants in the avoidance group.

For the composite **secondary outcome** of all major vascular events specified in the trial protocol, antiplate-

let therapy seemed to reduce the risk of non-fatal myocardial infarction, non-fatal stroke, or death from a vascular cause.

Four participants **died** before hospital discharge, and the remaining 533 participants were followed up at hospital or clinic discharge.

During follow-up, 104 (19%) participants **died** due to non-cardiovascular causes ($n=57$, 55%), **primary or secondary outcome** events ($n=29$, 28%), other cardiovascular **deaths** ($n=16$, 15%), or undetermined causes ($n=2$, 2%).

Что касается **первичного результата**, то у 12 (4%) из 268 участников, которым была назначена антитромбоцитарная терапия, наблюдались рецидивы внутри-мозгового кровоизлияния по сравнению с 23 (9%) из 268 участников, которые не начинали терапию.

Предположение о пропорциональности рисков было выполнено при анализе *первичных и вторичных исходов* в ходе последующего наблюдения.

Что касается комбинированных *вторичных исходов*, то у 18 (7%) из 268 участников, которым была назначена антитромбоцитарная терапия, наблюдались серьезные геморрагические явления по сравнению с 25 (9%) из 268 участников, которым было рекомендовано избежать антитромбоцитарной терапии, у 39 (15%) из 268 участников в группе антитромбоцитарных препаратов наблюдались серьезные сосудистые осложнения по сравнению с 38 (14%) из 268 участников в группе, не принимавшей тромбоциты, и у 54 (20%) из 268 участников в группе, принимавшей антитромбоцитарные препараты, были серьезные геморрагические или окклюзионные сосудистые осложнения по сравнению с 61 (23%) из 268 участников в группе, не принимавшей тромбоциты.

Что касается комплексного *вторичного исхода* всех основных сосудистых событий, указанных в протоколе исследования, то антитромбоцитарная терапия, предположительно, снижала риск нефатального инфаркта миокарда, нефатального инсульта или смерти от сосудистой причины.

Четверо участников **умерли** до выписки из больницы, а остальные 533 участника находились под наблюдением после выписки из больницы или клиники.

За время наблюдения 104 (19%) участника **умерли** от причин, не связанных с сердечно-сосудистыми заболеваниями (n=57, 55%), *первичных или вторичных исходов* (n=29, 28%), других сердечно-сосудистых *смертей* (n=16, 15%) или от неустановленных причин (n=2, 2%) .

Исходный текст раздела «Результаты» включает 1024 слова, в то время как полученный реферат данного раздела – 255 слов. Таким образом, выделе-

ние макроструктуры текста публикации при помощи дискурсивных маркеров и последующее применение дополнительных условий сжатия привели к уменьшению объема текста в 4 раза, сохранив его смысл.

Заключение. Последовательное иерархическое взаимодействие структур поверхностного и глубинного уровней являются основой реализации смысловой компрессии текстов. Выявленные исследователем в ходе анализа элементы субструктуры, суперструктуры и микроструктуры взаимодействуют для создания макроструктуры – эмерджентного образования нового уровня организации, содержащим проекцию целостного смыслового представления текста. Полученные результаты обеспечили возможность создания инструмента смысловой компрессии научных медицинских публикаций – автоматической компьютерной программы Medical Compression (АКП MedCompress), которая предоставляет возможность получения машинного, текстового, информативного, общего или запросного, ориентированного на предметную область медицины реферата, а также составления лексического минимума узких областей медицины.

Литература

1. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: сб. работ / Т.А. ван Дейк; сост. В.В. Петров; пер. с англ.; под ред. В.И. Герасимова; вступ. ст.: Ю.Н. Караулов, В.В. Петров. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.
2. Карпилович, Т.П. Когнитивно-коммуникативная модель смысловой компрессии научного текста: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19; 10.02.21 / Карпилович Татьяна Павловна; Мин. гос. лингв. ун-т. – Минск, 2005. – 223 л.
3. Effects of antiplatelet therapy after stroke due to intracerebral haemorrhage (RESTART): a randomised, open-label trial / R. Al-Shahi Salman [et al.] // Lancet. – 2019. – Vol. 393. – P. 2613–2623.

Поступила в редакцию 29.11.2024

Дискурсивно-контекстуальное осмысление лексемы peace в современном медиатексте (на материале британской прессы)

Зайцева И.П., Степанов Д.А.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

Статья посвящена рассмотрению контекстуального осмысления лексемы peace авторами-журналистами одного из наиболее популярных британских средств массовой коммуникации – ежедневной газеты «The Guardian».

Цель статьи – выявить лексическо-семантические варианты лексемы peace, функционирующие в отобранных медиатекстах, установить их контекстуальные (речевые) значения, проанализировав их в соотносённости со значениями языковыми.

Материал и методы. В качестве материала анализа привлечены публикации 2023 года газеты «The Guardian», объединённые в тематический блок «Освещение внутривнутриполитических событий Великобритании». При проведении исследования был использован ряд общенаучных методов, а также методы толкования словарных дефиниций, контекстологического анализа, интерпретационный метод.

Результаты и их обсуждение. В ходе проведённых наблюдений установлено, что включение данной лексемы в медиатексты политической тематики является достаточно частотным; при этом слово peace, как правило, определённым образом трансформирует свойственную ему в языковой системе семантику. Трансформация семантики лексико-семантических вариантов рассматриваемой лексемы нередко предопределяется её морфологическими, синтаксическими и иными характеристиками, что обуславливает при анализе целесообразность комплексного подхода.

Заключение. Реализованный подход позволил установить особенности контекстуального осмысления рассматриваемых речевых единиц, в частности – формирование у них под влиянием контекстного окружения дополнительных смысловых оттенков, а также образных элементов значения.

Ключевые слова: медиатекст, лексема peace, лексико-семантический вариант, контекстуальное окружение, информирующая функция.

(Ученые записки. – 2024. – Том 40. – С. 163–167)

Discourse and Context Comprehension of the Lexeme of Peace in Modern Mediatext (Based on the Material of the British Press)

Zaitseva I.P. , Stepanov D.A.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The article is concerned with the contextual understanding of the lexeme of peace by journalistic authors of one of the most popular British mass communication media – the daily newspaper 'The Guardian'.

The purpose of the article is to identify lexical-semantic variants of the lexeme of peace which function in the selected media texts, to establish their contextual (speech) meanings by analysing them in correlation with linguistic meanings.

Material and methods. The Guardian 2023 publications, united in the thematic block 'Coverage of domestic political events in Great Britain', were used as the material for the analysis. A number of general scientific methods were used in the research, as well as the method of interpretation of dictionary definitions, the method of contextological analysis, and the interpretative method.

Findings and their discussion. In the course of the conducted observations it was established that the inclusion of this lexeme in media texts of political subjects is quite frequent; at the same time, the word peace, as a rule, transforms its inherent semantics in the linguistic system in a certain way. The transformation of the semantics of lexical and semantic variants of the lexeme in question is often predetermined by its morphological, syntactic and other characteristics, which makes it advisable to take a comprehensive approach to the analysis.

Conclusion. The implemented approach allowed us to establish the peculiarities of the contextual comprehension of the speech units under consideration, in particular, the formation of additional semantic shades and figurative elements of meaning under the influence of the contextual environment.

Key words: media text, the lexeme of peace, lexical-semantic variant, contextual environment, informative function.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 40. – P. 163–167)

К числу приоритетных направлений языковедческих и многих «стыковых» с языкознанием наук сегодня, безусловно, принадлежит исследование различных жанрово-стилистических форм *медиадискурса*, которое уже оформилось в автономную междисциплинарную область с ведущим лингвистическим компонентом – **медиалингвистику**. Согласно определению Л.Р. Дускаевой, медиалингвистика – это «самостоятельное научное направление, в котором поливекторно анализируется лингвистическая архитектура речевой деятельности в медиакоммуникации» [1], ее ключевыми теоретическими понятиями являются «медiateкст» (или «текст массовой информации») и «медиадискурс».

В англоязычной исследовательской литературе работы Т. Ван Дейка [2], А. Белла [3], Н. Фэйрклафа [4], посвящённые изучению языка средств массовой коммуникации (далее – СМК), преимущественно печатные, появляются начиная с 70-х годов XX в. Термин «медиалингвистика», который объединил в себе ряд междисциплинарных исследований языка СМК, в 1995 году Дж. Корнер вводит в статье «Documentary television: the scope for media linguistics» [5]. В русскоязычной академической науке этот термин впервые встречается в 2000 году в работе Т.Г. Добросклонской «Вопросы изучения медiateкстов. Опыт исследования современной английской медиаречи», где также отмечены следующие методы, используемые в медиалингвистике для изучения её основного объекта – языка СМК: дискурс-анализ, когнитивный подход, критическая лингвистика, контент-анализ [6].

Несомненно, медиалингвистика как самостоятельная научная область сформировалась на довольно «прочной» основе, заложенной множеством исследований публицистической сферы человеческой деятельности, начиная ещё с конца XIX – начала XX в., но преимущественно появившихся во второй половине XX столетия. Так, уже в 1925 г. известный советский лингвист и литературовед Г.О. Винокур, рассматривая особенности газетно-журнального языка в книге «Культура языка», отмечает, что в газете действует *установка на сообщение*, а потому важнейшей чертой языка печати как своеобразной разновидности языка является её *информирующий характер* и, как следствие, свойственный языку прессы речевой стандарт. В связи с этим он относится к языку газеты как к особому феномену национальной речевой культуры, требующем выработки специфических лингвистических подходов для анализа и оценки [7].

Медиадискурс как объект медиалингвистики изучается в различных структурных, функциональных и иного рода проявлениях: от связанных на тех или иных основаниях высказываний до цельных текстов и совокупностей текстов; тип институционального дискурса, объективирующего в медиаречи журналистики, рекламы и PR-деятельности, ориентированные на массовое воздействие через передачу информации.

Через геополитических конфликтов, происходящих в настоящее время, в значительной степени формирует новостную повестку как международных, так

и национальных СМК. Помимо оперативного освещения событий из зон конфликтов, в публикациях данной тематической направленности в рамках обозначенной повестки нередко затрагиваются и аспекты урегулирования существующих конфликтов (призывы к их мирному разрешению и под.). Разноаспектное изучение медiateкстов, в которых с различных позиций освещаются означенные события, безусловно, представляет одну из **актуальных** проблем политической медиалингвистики.

Вербальные средства, включаемые в публикации данной тематики, могут использоваться как в значениях, свойственных им в языке, так и в трансформированном виде, подвергаясь различного рода изменениям – под влиянием, в первую очередь, контекстного окружения, но также и других факторов. Представляется, что к языковым средствам такого характера, бесспорно, принадлежит лексема *peace*, употребляющаяся в современном английском языке в нескольких значениях.

Цель исследования – выявить лексическо-семантические варианты лексемы *peace*, функционирующие в отобранных медiateкстах, установить их контекстуальные (речевые) значения, проанализировать последнее в соотносённости со значениями языковыми.

Материал и методы. Материалом в данном случае послужили тексты 6 публикаций политической тематики, помещённых в ежедневной британской газете «*The Guardian*» за 2023 год, из которых методом *сплошной выборки* были отобраны контексты, включающие слово *peace*. Данные тексты с учётом их конкретного содержания составляют тематический блок, который условно можно обозначить как «освещение внутриполитических событий Великобритании». Основным событием, освещаемым в этой группе публикаций, является 25-я годовщина подписания Белфастского соглашения о политическом урегулировании конфликта в Северной Ирландии.

При проведении исследования были использованы как **общенаучные** методы: *наблюдения, систематизации, сопоставления и обобщения*, так и специальные лингвистические методы: *толкования словарных дефиниций, контекстологического анализа, интерпретационный метод*.

Результаты и их обсуждение. Несмотря на стремительное сокращение доли газет на бумажном носителе, их популярность и значимость прежде всего как источника новостей остаётся неизменной с момента появления этой разновидности СМК. Согласно отдельным статистическим отчётам, в частности – по проекту Media Influence Matrix (Матрица влияния средств массовой коммуникации), опубликованному в 2021 году, около 2,5 миллиардов людей по всему миру ежедневно получают новости из газет, такому количеству, в том числе, способствует их перевод в электронный (цифровой) формат. Среди прочего, в отчёте приводится пример результатов референдума по «Брекситу», проведённого в 2016 году. Во время кампании лидеры обеих основных политических партий поддерживали вариант «Остаться в составе Евросоюза». С другой стороны, три самых

важных национальных газетных издательства – DMG Media, News UK и Telegraph Media Group и их издания – *The Mail*, *The Sun*, *The Telegraph* и *The Times* – все поддержали вариант «Выйти из состава Евросоюза». В итоге победу одержал последний [8].

Приведённые сведения демонстрируют постоянное внимание печатных СМК к событиям политической жизни общества, при освещении которых, учитывая сложившуюся в последние годы в мире ситуацию, журналисты весьма активно среди прочих словесных средств используют лексику *peace* в свойственных ей различных значениях. Это подтверждают приводимые далее фрагменты публикаций, при отборе которых авторы ориентировались преимущественно на такие типы контекстов, которые определяются как *развёрнутый* (в рамках предложения (высказывания) и *расширенный* (в объёме текстовых фрагментов – сверхфразовых единств, абзацев, строф, типов речи); в единичных случаях слово *peace* рассматривалось в *минимальном* контексте – в рамках словосочетания, отражающего грамматические связи лексической единицы [9]. В корпус анализируемых контекстов первого из выделенных блоков (*освещение внутривнутриполитических событий Великобритании*) *peace*, вошли:

1) *«Labour's task is to restore hope to our politics», she will say. The hope that lets us face the future with confidence, with a new era of economic security, because there is no hope without security. You cannot dream big if you cannot sleep in peace at night. The peace that comes from knowing you have enough to put aside for a rainy day and the knowledge that, when you need them, strong public services will be there for you and your family* (рус. «Задача лейбористов – вернуть надежду нашей политике», – скажет она сегодня. Надежду, которая позволяет нам с уверенностью смотреть в будущее, в новую эру экономической безопасности, потому что нет надежды без безопасности. Вы не можете мечтать о большем, если не можете спокойно спать по ночам. Спокойствие, которое приходит от осознания того, что у вас достаточно денег, чтобы отложить на черный день, и того, что, когда они вам понадобятся, вы и ваша семья сможете положиться на сильную государственную поддержку») [*Labour to claw back lost billions through Covid corruption chief*] – рус. «Лейбористы намереваются вернуть потерянные миллиарды с помощью главы комитета по расследованию коррупционных схем в период COVID»; 09.10.2023];

2) *«Further delay is likely to enrage Conservative MPs on the right of the party, who are strongly pushing for ministers to enact legislative blocks on the ECHR and UN Refugee Convention in UK law, a move that would alarm centrist Tories and have implications for the Northern Ireland peace process»* (рус. «Дальнейшая задержка, вероятно, вызовет ярость у крайне правых депутатов-консерваторов, которые решительно настаивают на том, чтобы министры внесли блоки законопроекта по ЕКПЧ и Конвенции ООН о беженцах в законодательство Великобритании, что вызовет озабоченность у центристского крыла тори и будет иметь последствия для мирного процесса

в Северной Ирландии») [*Sunak puts reputation on line to push through Rwanda deportation scheme*] – рус. «Сунак рискует репутацией во имя продвижения законопроекта по депортации из Руанды»; 16.11.2023];

3) *«The meeting between Blair and Trimble, the then leader of the Ulster Unionist party, took place in Belfast as the British prime minister and Ireland's then taoiseach, Bertie Ahern, met all the Northern Irish parties to discuss the steps that needed to be taken to implement the peace accord»* (рус. «Встреча между Блэром и Тримблом, тогдашним лидером Ольстерской юнионистской партии, состоялась в Белфасте, когда премьер-министр Великобритании и тогдашний премьер-министр Ирландии Берти Ахерн встретились со всеми североирландскими партиями, чтобы обсудить шаги, которые необходимо предпринять для реализации мирного соглашения») [*Trimble 'extraordinarily rude' to Blair in Good Friday talks, archive reveals*] – рус. «Архивные источники: Тримбл был "чрезвычайно груб" с Блэром на переговорах в Страстную пятницу»; 27.12.2023];

4) *«The Good Friday agreement should only be changed with cross-community consent in Northern Ireland, Tony Blair has said, amid calls to amend the peace deal to prevent political parties collapsing power sharing in the province. While the peace deal largely ended violence in Northern Ireland, the former Labour leader acknowledged there was more to do to achieve true reconciliation. "And I think it just takes time, it takes quite a lot of time. I think there's still a lot of reconciliation to happen. But at least if there's peace and, if we get back to some form of political stability, I think you've got the right circumstances for that reconciliation"»* (рус. «Соглашение Страстной пятницы может быть изменено только с согласия всех общин в Северной Ирландии», – заявил Тони Блэр на фоне призывов внести поправки в мирное соглашение, чтобы сохранить принцип разделения власти между политическими партиями в провинции. Хотя мирное соглашение в значительной степени положило конец насилию в Северной Ирландии, бывший лидер лейбористов признал, что для достижения истинного примирения нужно сделать больше. "И я думаю, что для этого нужно время, довольно много времени. Я думаю, что ещё многое предстоит сделать для примирения. Но, по крайней мере, если будет мир, и вернувшись к той или иной форме политической стабильности, мне кажется, у вас будут необходимые условия для этого примирения») [*Change Good Friday deal only with cross-community consent, says Blair*] – «Блэр: «Изменение соглашения Страстной пятницы возможно только с согласия всех общин»; 03.04.2023];

5) *«The current representative deficit at Stormont shows that the agreement is not perfect. But in a world of flux and uncertainty, the agreement delivered a hard-won but increasingly fragile peace... To do this, we must ensure that our current representatives understand that the institutions that delivered the peace of the last 25 years have to be nurtured and restored to fully functioning health»* (рус. «Скудное количество представительных лиц, присутствующих сегодня в Стормонте, свидетельствует о неидеальности

соглашения. Но в эпоху постоянной изменчивости и неопределённости соглашение обеспечило с трудом завоёванный, но крайне хрупкий мир... Чтобы сделать это, мы должны гарантировать, что наши нынешние представители понимают, что институты, обеспечивавшие мир последние 25 лет, должны быть возвращены и восстановлены до полностью работоспособного состояния») [*The Good Friday agreement's fragile peace* – «Хрупкий мир соглашения Страстной пятницы»; 07.04.2023];

6) *«The Good Friday agreement was “based on compromise” that should be the defining message for the next chapter in Northern Ireland’s future, Rishi Sunak has said ahead of the peace deal’s 25th anniversary. “We must use the spirit and the trust built by the architects of the Good Friday agreement to push us forward to another 25 years of peace and prosperity,” he said. Hain, who brokered the St Andrews agreement, which restored power sharing in 2007, said: “Dogmatic adherence to Brexit ideology and nativism continues to threaten this delicate peace, and it is essential the government recognises the risks to the Good Friday agreement if they force the UK out of the ECHR or blindly scrap important legislation»* (рус. ««Соглашение Страстной пятницы было “основано на компромиссе”, который должен стать определяющим посланием для следующей главы в будущем Северной Ирландии», – сказал Риши Сунак в преддверии 25-й годовщины мирного соглашения. “Мы должны использовать принципы и доверие, заложенные архитекторами соглашения Страстной пятницы, чтобы прожить следующие 25 лет в мире и процветании”, – подчеркнул он. Хейн, посредник в соглашении Сент-Эндрюс, которое восстановило принцип разделения власти в 2007 году, сказал: “Догматическая приверженность идеологии Brexit и нативизму продолжает угрожать этому зыбкому миру, и крайне важно, чтобы правительство осознало риски для соглашения Страстной пятницы, если оно заставит Великобританию выйти из ЕКПЧ или будет слепо отменять важные законы”») [*Honour the spirit of compromise to restore Stormont, Sunak tells leaders* – рус. «Сунак обращается к лидерам: “Уважайте дух компромисса во имя возрождения Стормонта”»]; 10.07.2023).

Предваряя анализ приведённых текстовых фрагментов, целесообразно рассмотреть комплекс значений, которые свойственны рассматриваемой лексической единице в системе современного языка. Интересующая нас лексема включена во все основные толковые словари современного английского языка, среди которых: «Cambridge International Dictionary of English» (1995) [10], «Chambers 21st Century Dictionary» (5-е изд., 2007) [11], «Collins Complete and Unabridged Dictionary» (6-е изд., 2003) [12], «Longman Dictionary of Contemporary English» (5-е изд., 2009 г.) [13], «Oxford English Dictionary» (2-е изд., том 11, 1989) [14]. В словарях, ориентированных прежде всего на изучающих английский язык как иностранный: «Cambridge International English Dictionary» и «Longman Dictionary of Contemporary English», – в описание значений данной лексемы включены лишь самые распространённые и, соответственно, наиболее частот-

ные для практического пользования языком значения. Наиболее подробно её семантика представлена в 20-томном словаре «Oxford English Dictionary», где содержатся сведения, часть из которых приводится далее (приведены 6 первых из помещённых в словаре 15 значений, расположенных в соответствии с их значимостью в системе языка): «**peace** ... **I. 1. a.** Freedom from, absence of, or cessation of war or hostilities; the condition or state of a nation or community in which it is not at war with another. ... **b.** ... (With article.) A ratification or treaty of peace between two powers previously at war. ... **2.** Freedom from civil commotion and disorder; public order and security. ... **3. a.** Freedom from disturbance or perturbation (esp. as a condition in which an individual person is); quiet, tranquillity, undisturbed state. Also emphasized as *peace and quiet (ness)*. **b.** In and after Biblical use, in various expressions of well-wishing or salutation. ... **4.** Freedom from quarrels or dissension between individuals; a state of friendliness; concord, amity. ... **5.** Freedom from mental or spiritual disturbance or conflict arising from passion, sense of guilt, etc.; calmness; *peace of mind, soul, or conscience*. ... **6.** Absence of noise, movement, or activity; stillness, quiet; inertness» [14]. Помимо собственно толкований значений словарная статья снабжена обширным иллюстративным материалом, извлечённым как из источников современных, так и из текстов, значительно отдалённых по времени создания от настоящего времени. В отдельном блоке словарной статьи приведены устойчивые словосочетания с компонентом *peace* с объяснением их семантики: *peace at any price, peace with honor, king’s peace, kiss of peace, to keep the peace, break the peace, breach of the peace, bound or holden to the peace; to swear the peace against (anyone), commission of the peace, precept of the peace, sessions of the peace*.

Значения, реализуемые лексемой *peace* в приведённых фрагментах медиадискурсов, целесообразно рассматривать комплексно – с учётом грамматических, морфологических и синтаксических характеристик слова, поскольку, как будет продемонстрировано далее, это играет определённую роль в их контекстуальной квалификации.

Исходно лексема *peace* принадлежит к именам существительным (*noun*); при сохранении такой частеречной принадлежности её лексико-семантический вариант в рассматриваемых контекстах нередко употребляется в словосочетаниях с именами прилагательными (*adjective*), определяющими данное слово: *increasingly fragile peace* (5); *continues to threaten this delicate peace* (6); *the institutions that delivered the peace of the last 25 years* (6).

В приведённых примерах лексема *peace* реализует в контекстах первое либо второе из отмеченных словарём значений (‘freedom from, absence of, or cessation of war or hostilities; the condition or state of a nation or community in which it is not at war with another’; ‘freedom from civil commotion and disorder; public order and security’), которое дополняется образными элементами в результате соединения с качественными прилагательными: *fragile* (‘хрупкий’) и *delicate* (‘зыбкий, неустойчивый’).

Однако отобранные контексты также демонстрируют, что при введении в медиатексты слово *peace* нередко меняет исходную частеречную принадлежность, функционируя в значении имени прилагательного (*adjective*). В этих случаях оно выполняет синтаксическую функцию *определения* и, как правило, обозначает признаковость, сформировавшуюся на основе первого из помещённых в словаре значений ('freedom from, absence of, or cessation of war or hostilities; the condition or state of a nation or community in which it is not at war with another'):

for the Northern Ireland peace process (2); *implement the peace accord* (3); *amend the peace deal* (4); *while the peace deal largely ended* (4); *peace deal's 25th anniversary* (6).

Приведённые примеры свидетельствуют, что в значении имени прилагательного слово *peace* реализует в анализируемых медиатекстах смысл, заключённый в отмеченном значении, без каких-либо образно-оценочных семантических элементов, перенося тем самым основной акцент на информирующую функцию опубличкованного материала.

Помимо рассмотренных примеров, слово *peace* функционирует в отобранных медиатекстовых фрагментах ещё в нескольких контекстах – иного характера:

– *You cannot dream big if you cannot sleep in peace at night. The peace that comes from knowing you have enough to put aside* (1);

– *if there's peace* (4);

– *25 years of peace and prosperity* (6).

Первый из приведённых примеров представляет собой *интертекстуальный* элемент – это часть цитаты из выступления депутата Британского парламента, который в своей публичной речи использует (что для выступления политика вполне естественно) образные средства; в данном случае в число образных средств включается и выражение со словом *peace* (*you cannot sleep in peace at night*), где реализуется прежде всего второе из помещённых в привлечённом словаре значений ('freedom from civil commotion and disorder; public order and security'), а также – отчасти – третье ('freedom from disturbance or perturbation (esp. as a condition in which an individual person is); quiet, tranquillity, undisturbed state'). Кроме того, слово *peace* в составе языковой метафоры, также образного средства (*peace that comes*), присутствует в сопряжённой с уже приведённым предложением (1) фразе, выполняющая также и функцию *связи* в тексте отдельных его элементов (предложений).

В двух других примерах, гораздо более лаконичных контекстах, слово *peace* используется преимущественно в первом из помещённых в словаре значений, хотя при интерпретировании полного медиатекста, с учётом полной картины всех текстовых связей, возможно также привлечение второго и третьего значений.

Заключение. Проанализированные фрагменты медиатекстов, опубликованных в британской газете «The Guardian» в 2023 г., в которых освещается внутриполитическая жизнь страны, позволяют сделать вывод

о том, что лексема *peace* используется в них в различных лексико-семантических вариантах. Однако при этом также очевидно, что авторы-журналисты при обращении к данной лексеме отдают предпочтение такому значению, как 'freedom from, absence of, or cessation of war or hostilities; the condition or state of a nation or community in which it is not at war with another' – ключевому для системы современного английского языка в его британском варианте. Функционируя в приведённых контекстах, лексико-семантические варианты лексемы *peace*, в результате взаимодействия с контекстуальным окружением, иногда дополнительно приобретают образные элементы и / или дополнительные смысловые оттенки, формирующиеся в результате их включённости в текстовую структуру.

Одним из объяснений этого, с нашей точки зрения, является приоритетная ориентированность медиатекстов данного жанра и обозначенной тематики прежде всего на воплощение в них *информирующей* функции, в то время как элементам безусловно присутствующей в медиатекстах *воздействующей* функции в данном случае в выражении вложенного в эти публикации содержания отводится сопутствующая роль.

Литература

1. Дускаева, Л.Р. Медиалингвистика / Л.Р. Дускаева // Медиалингвистика в терминах понятий: словарь-справочник. – М.: Флинта; Наука, 2018. – С. 61.
2. Dijk, T.A. van. News as discourse / T.A. van Dijk. – Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., 1988. – 200 p.
3. Bell, A. The Language of News Media / A. Bell. – Oxford: Basil Blackwell Ltd., 1991. – 277 p.
4. Fairclough, N. Media discourse / N. Fairclough. – London: Arnold, 1995. – 211 p.
5. Corner, J. Documentary television: the scope for media linguistics / J. Corner // AILA Review, 1995–1996. – No. 12 – P. 62–67.
6. Добросклонская, Т.Г. Вопросы изучения медиа текстов. Опыт исследования современной английской медиаречи / Т.Г. Добросклонская. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – 288 с.
7. Винокур, Г.О. Культура языка. Очерки лингвистической технологии / Г.О. Винокур. – М.: Работник просвещения, 1925. – 216 с.
8. Media Influence Matrix. United Kingdom – Central European University. Center for Media, Data and Society. – Hungary, 2021. – 258 p.
9. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов и понятий. – Изд. 6-е, испр. и доп. / Т.В. Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2016. – 610 с.
10. Cambridge International Dictionary of English. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 1773 p.
11. Chambers 21st Century Dictionary. – Edinburgh: Chambers Harrap Publishers Ltd, 2007. – 1654 p.
12. Collins Complete and Unabridged Dictionary. – Glasgow: Harper Collins Publishers, 2003. – 1872 p.
13. Longman Dictionary of Contemporary English. – Harlow: Pearson Education Limited, 2009. – 2080 p.
14. Oxford English Dictionary: in 20 vol. – Oxford: Clarendon Press, 1989. – Vol. 11: Ow – Poissant. – 1989. – 1153 p.

Поступила в редакцию 09.11.2024

Новая модель коммуникативных стратегий

Мунир А.С.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В статье рассматриваются популярные научные теории, используемые для понимания коммуникативных стратегий в рекламном дискурсе, определяющие это языковое явление. Автор анализирует ключевые коммуникативные стратегии, их специфику и применение, что приводит к разработке новой модели под названием «Новая модель коммуникативных стратегий» (НМКС). В основе модели лежат три группы коммуникативных стратегий: стратегии позиционирования бренда, стратегии оптимизации и «применение языковых стратегий». Подчеркивается важность НМКС в понимании распределения информации между вербальными и невербальными каналами. В публикации утверждается, что использование множественных стратегий повышает эффективность рекламной коммуникации. Актуальность работы заключается в предложении НМКС для улучшения понимания коммуникативных стратегий и создания убедительного рекламного дискурса.

Цель исследования – создание понятной и эффективной модели коммуникационных стратегий для рекламы на основе существующих методов.

Материал и методы. Настоящая работа основана на предыдущих исследованиях, проведенных российскими лингвистами, в которых рассматриваются рекламные стратегии, используемые в коммуникативной деятельности, и их практическое применение с лингвистической точки зрения.

Результаты и их обсуждение. В статье устанавливается модель невербальных коммуникационных стратегий, основанная на категоризации коммуникационных стратегий, называемой «ПЯС». Интеграция невербальных факторов в рекламные стратегии обогащает наше понимание убеждающей коммуникации.

Заключение. Концепции и категоризация коммуникационных стратегий, введенные автором, который назвал их «ПЯС», могут быть использованы для категоризации большинства сообщений, связанных с рекламой. В результате изучение различных типов стратегий, применяемых в рекламном дискурсе, позволяет нам моделировать процесс выбора различных средств коммуникации и их взаимодействие в убеждающих сообщениях, а также лучше понимать специфику убеждающей коммуникации. Таким образом, в работе структурирована новая модель коммуникационных стратегий.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, речевая стратегия, стратегия позиционирования бренда, стратегия оптимизации, стратегия убеждения, рекламный дискурс, коммуникативная цель.

(Ученые записки. – 2024. – Том 40. – С. 168–175)

New Model of Communication Strategies

Mounir A.S.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

This article examines popular scientific theories used to understand communicative strategies in advertising discourse, defining this linguistic phenomenon. The author analyses key communication strategies, their specifics, and applications, leading to the development of a new model called (NMCS). This model reclassifies communication strategies into three groups: brand positioning strategies, optimizing strategies, and 'applying linguistic strategies'. The importance of ALS is emphasized in understanding information distribution between verbal and non-verbal channels. The article argues that using multiple strategies enhances the effectiveness of advertising communication. Its relevance lies in proposing the NMCS to improve understanding of communication strategies and create persuasive advertising discourse.

The aim of the study is to create a clear and effective model of communication strategies for advertising based on existing methods.

Material and methods. The present study is grounded in prior research conducted by Russian linguists, which explores the advertising strategies employed in communicative activities and their practical applications from a linguistic lens.

Findings and discussion. This study establishes the Non-Verbal Communication Strategies Model based on the categorization of communication strategies termed "ALS." The integration of non-verbal factors into advertising strategies enriches our understanding of persuasive communication.

Conclusion. The concepts and categorization of communication strategies introduced by the author, who called them "ALS", can be used to categorize most of the messages related to advertising. As a result, the study of different types of strategies used in advertising discourse allows us to model the process of choosing different communication media and their interaction in persuasive messages, as well as to better understand the specifics of persuasive communication. Consequently, a New Model of Communication Strategies is structured.

Key words: communicative strategy, speech strategy, brand positioning strategy, optimizing strategy, persuasion strategy, advertising discourse, communicative goal.

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 40. – P. 168–175)

Стратегии, используемые в рекламной коммуникации, представляют большой интерес для лингвистов во всем мире. Изучение рекламы через систематическое описание речевых намерений, речевых актов и коммуникативных стратегий и тактик можно охарактеризовать как перспективное направление в рамках лингвистической прагматики [1].

Эффективность рекламного сообщения во многом определяется характером взаимодействия вербальных и невербальных компонентов. Следовательно, важно изучить, как информация распределяется между вербальными и невербальными каналами передачи информации, и знать, в какой степени эти два компонента сообщения согласуются друг с другом. Соответственно, для достижения основных целей рекламной коммуникации следует проводить определенные стратегии в отношении рекламы, чтобы эффективно общаться и взаимодействовать с аудиторией «потребителей». Эти стратегии работают вместе или по отдельности для продвижения товара или услуги «объекта». В предыдущих работах Т.А. ван Дейка, Ю.К. Пирогова, О.С. Иссерс, А.А. Горячева, связанных со стратегиями коммуникации, мы столкнулись с некой неоднозначностью и сложностью, которая была основной и главной причиной продолжения этого исследования.

Нашей целью было на основе уже известных стратегий коммуникации реконструировать новую модель стратегий коммуникации, которая не содержит неоднозначности, тем самым повысить эффективность стратегий рекламной коммуникации. Для этого автор попытался выявить неоднозначность и сложность в предыдущих работах по коммуникационным стратегиям. Чтобы решить эту проблему, мы проанализировали предыдущие работы, выделив все сильные и слабые стороны. Кроме того, предложив новую модель стратегий коммуникации (НМКС), мы рекомендуем разделить стратегии коммуникации на три категории: стратегии позиционирования бренда, стратегии оптимизации и третью категорию, которую автор назвал «применение языковых стратегий».

Актуальность этой статьи обусловлена тем, что она является первой, разработавшей и предложившей новую модель коммуникационных стратегий, которая поможет нам лучше понять коммуникационные стратегии и создать наиболее убедительный рекламный дискурс. Мы уверены, что рассмотрение «ПЯС» имеет решающее значение при определении того, как информация распределяется между вербальными и невербальными каналами. Утверждаем, что использование более двух стратегий повысит эффективность и результативность стратегий рекламной коммуникации. Кроме того, термины «коммуникативная» и «речевая стратегия» сталкиваются в лингвистике. Идея коммуникативной стратегии является фундаментальной и более всеобъемлющей, поскольку она охватывает как вербальные, так и невербальные методы [2]. Однако некоторые лингвисты предлагают использовать их взаимозаменяемо и не проводить различий.

Основная задача коммуникационных стратегий – отличить продукт от конкурирующих продуктов, подчеркнуть его качества, привлекательные для целевой аудитории, и повысить эффективность, с которой реклама достигает получателей. Исследование коммуникационных стратегий имеет решающее значение, но переработка и улучшение предыдущих классификаций гораздо важнее. Мы выбрали упомянутые выше исследования за их значительный вклад. Однако у них имеются существенные неточности. Так, классификация Ю.К. Пироговой была спорной и не имела предпосылок для основательного анализа [3]. Классификация О.С. Иссерс не основывалась на четко определенных принципах, что делало ее неполной и неоднозначной [4, с. 106].

А.А. Горячев классифицировал коммуникационные стратегии на две группы, назвав первую «Информационно-формирующие стратегии», связанную с информационным воздействием и формированием ментального образа. Он сосредоточился только на когнитивной классификации и не рассматривал лингвистические факторы. По нашему мнению, А.А. Горячев не предоставил четкого, всеобъемлющего или эффективного анализа своей методологии для изложения своих результатов и выводов относительно первой группы [5]. Следовательно, отсутствие информации затрудняет оценку строгости его методологии. Предыдущие работы не давали надежного подхода к коммуникационным стратегиям, используемым в рекламном дискурсе, что приводило к неоднозначности и сложности без всестороннего понимания рекламно-коммуникационных стратегий. Кроме того, важность коммуникационных стратегий в рекламе заключается в повышении читабельности, связности и полноты для рекламодателей и лингвистов. Поэтому мы провели научное исследование, чтобы изучить, проанализировать и идентифицировать эту область в рекламной коммуникации. Структурировали нашу новую модель коммуникационной стратегии (НМКС) на основе предыдущих исследований, избегая при этом недостатков путем анализа различных рекламных материалов и учета паралингвистических и металингвистических факторов.

Это исследование привело к выявлению новой стратегии, мы назвали ее «применение языковых стратегий», в которой уделяли больше внимания невербальным факторам, которые могут быть «иногда» лучшим, эффективным и действенным фактором в представлении сообщения собеседника получателю. Важность данной стратегии заключается в различных языковых стилях – простых или противоречивых – используемых рекламодателями для взаимодействия с получателями. Более того, паралингвистические, металингвистические или социалингвистические факторы коммуникации, такие как выражения лица, движения глаз, жесты рук и т.д. иногда могут быть даже эффективнее вербальных факторов.

В настоящей статье сосредоточимся на паралингвистических факторах, таких как «движение головы»,

«зрительный контакт» и «выражение лица». Кроме того, мы стремимся ответить на следующие вопросы:

1. Может ли невербальное общение быть более эффективным, чем вербальное общение?
2. Могут ли движения глаз работать как индикатор внимания при обработке рекламы?
3. Могут ли невербальные сигналы передавать отношение и эмоции?
4. Можно ли использовать невербальное поведение для подчеркивания слов или фраз?

Выводы, к которым мы пришли, показали, что это возможно. В результате собеседники не могут игнорировать важность невербальных сигналов, поскольку они иногда полагаются на эти сигналы для реализации своих коммуникативных стратегий.

Материал и методы. Это исследование основано на работе российских лингвистов, изучающих рекламные стратегии через лингвистическую призму. Автор в данной статье проанализировал коммуникативные стратегии, используя количественный, когнитивный, а также общий аналитический метод для определения теоретических компонентов исследования.

Результаты и их обсуждение. Как упоминали ранее, существует огромное количество определений коммуникативной стратегии. Мы можем разделить их на несколько категорий на основе используемого подхода, будь то когнитивный, прагматический или психологический.

Основываясь на вышесказанном, определим коммуникативную стратегию, как задачи речевого воздействия планируются и выполняются в желаемом направлении говорящего с использованием различных речевых жестов, движений и тактик, представленных как вербальными, так и невербальными сигналами: с целью выявления коммуникативного поведения получателя, стремящегося продвигать этот товар, услугу или освещать ту либо иную социальную проблему.

Стратегии коммуникации в рекламе. О.С. Иссерс разделила коммуникативные стратегии на основные и вспомогательные на основе общности целей. Основная стратегия должна учитывать, как она повлияет на точку зрения, убеждения и т.д. получателя. Вспомогательные стратегии помогают структурировать речевые взаимодействия и оказывают значительное влияние на получателей. Она утверждала, что «с функциональной точки зрения мы можем выделить основные (семантические, когнитивные) и вспомогательные стратегии» [4, с. 106]. По ее словам, можно выделить основную стратегию, которая является наиболее важной на определенном этапе коммуникации. Ученый заявляет, что вспомогательные стратегии способствуют идеальному влиянию на получателей.

О.С. Иссерс классифицирует семантические стратегии как относящиеся к прямым целям воздействия, в то время как другие стратегии решают дополнительные цели. Мы считаем, что тактики первой группы соответствуют ее использованию «вспомогательных». Разработка рекламного образа может быть достигнута

с помощью нескольких стратегий, некоторые из них могут быть основными, а остальные вспомогательными. С нашей точки зрения, категоризация стратегий на прагматические, диалогические и риторические при оценке рекламного дискурса не совсем уместна.

Следовательно, оценка О.С. Иссерс не соответствует критериям для представления веских аргументов в пользу коммуникационных стратегий.

По мнению Ю.К. Пироговой, рекламная коммуникация – это сообщение, призванное направлять потенциальных клиентов и достигать целей рекламодателя. Реклама укрепляет товарные представления в сознании получателя, сообщает о выгодах для рекламодателя и влияет на выбор продукта. Ю.К. Пирогова определила стратегии позиционирования и коммуникации, которые повышают эффективность рекламного сообщения, опираясь на различные рекламные тактики, основанные на коммуникационных намерениях и целях. Второй тип стремится максимизировать воздействие рекламного сообщения, в то время как первый формирует мнение о рекламируемом товаре. Она утверждает, что стратегии дифференциации продуктов, фокусировки на ценностях и оценки рыночной стоимости являются стратегиями позиционирования. Оптимизирующие стратегии включают в себя убедительные аргументы и распределение данных [3, с. 543–553]. Ее категоризация учитывает цели рекламного дискурса, психографические черты адресата, предполагаемые каналы распространения и обстоятельства восприятия информации, а также предпочтения в отношении обманчивой или неманипулятивной коммуникации. Коммуникационные стратегии также влияют на качество рекламных сообщений в определенных языковых, когнитивных и психологических условиях. Коммуникация воздействует на знания, отношения, желания, действия и намерения получателя. В рекламе «коммуникативное воздействие» достигается путем убеждения получателей с помощью аргументов или предложений, как вербальных, так и невербальных [3]. Термин «стратегии коммуникативного воздействия» относится к приемам структурирования рекламных сообщений о рекламируемом объекте. Чтобы создать тщательную классификацию стратегий коммуникационного воздействия в рекламе, необходимо учитывать несколько факторов, включая коммуникативные и отличительные цели рекламного дискурса, тип продукта, социальные и ментальные черты получателя и предпочтения в отношении манипулятивного или неманипулятивного взаимодействия. Можно различать интерактивные тактики получателей на основе достижения результатов. Различные подходы к рекламе определяются различными целями и задачами. Таким образом, мы считаем, что основная цель коммуникационных стратегий в рекламном дискурсе – выделить продукт среди конкурентов и подчеркнуть его привлекательные характеристики. Необходимо провести различие между стратегическими интерактивными целями и другими коммуникативными целями.

Стратегии позиционирования фокусируются на том, чтобы выделить бренд среди конкурентов, и мы определили ее цель, которая заключается во «влиянии на восприятие потребителя посредством эффективной коммуникации конкурентного преимущества бренда в рекламе». Эта стратегия включает три вторичные стратегии. Термин «позиционирование» был впервые использован А. Рисом, Дж. Траутом, и расширен в их книге «Позиционирование» [6]. Ю.К. Пирогова разделяет стратегии позиционирования на 1) стратегии дифференциации; 2) стратегии, ориентированные на ценность; 3) стратегии оценки. Разделение Ю.К. Пироговой тактик позиционирования оспаривается. Можно различать товары или создавать так называемые принципы бренда, используя принципы оценки. Данная категоризация разделяет каждую из этих категорий стратегий, однако кажется, что критерии, используемые для этого, не являются твердо установленными, и ее анализу не хватает полноты в отношении стратегий, которые напрямую влияют на продукт. Для ясности мы определим следующие тактики: 1) стратегия ценообразования для продукта: ассоциирование продукта с конкурентоспособной ценой; 2) стратегия качества продукта: позиционирование продуктов воспринимаемого или фактического более высокого качества, особенно на рынке предметов роскоши; 3) стратегия конкурентного позиционирования: сравнение продуктов, чтобы показать, чем ваш отличается или превосходит другие. Ю.К. Пирогова также определила стратегии оптимизации для разрешения сложных обстоятельств взаимодействия и максимизации рекламного воздействия. Для построения эффективного рекламного сообщения в целом принципиально важно использовать оба типа стратегий из вышеупомянутых, не избегая вторичных стратегий – «субстратегий». На фундаментальном уровне они могут быть включены в одно рекламное предложение. Мы можем выделить следующие стратегии для:

- Координации языка
- Повышения узнаваемости рекламы
- Повышения читабельности сообщения
- Повышения запоминаемости сообщения
- Аргументативности стратегии
- Распространения важности информации

Мы считаем, что категоризация стратегий оптимизации имеет некоторые недостатки по разным причинам. Например, группы (C) и (D) связаны друг с другом, их возможно объединить в одну категорию. Группы (B) и (E) позволяют получателю связать сообщение с продвигаемым товаром и понять его основную направленность. Предполагаем, что аргументативная стратегия попадает в категорию стратегий позиционирования. А также стандарты категоризации стратегий и критерии их выбора и идентификации недостаточно прояснены. Однако идея, выдвинутая Ю.К. Пироговой, о категоризации стратегий на «позиционирование» и «оптимизацию» кажется блестящей. Что касается первой стратегии, можно выделить

основные критерии для рекламного текста, которые включают стратегии представления цели рекламы, в частности сообщения, передаваемого адресату в любом рекламном тексте относительно фактических или символических характеристик продукта, в терминах «стратегия ценообразования», «отличает качество продукта», а также «стратегия конкурентного позиционирования» и т.д.

А.А. Горячев классифицировал коммуникационные стратегии на две группы: «стратегии формирования информации», направленные на создание эффективного представления рекламируемого товара, и «стратегии оптимизации», которые способствуют эффективной коммуникации, но не конструируют образ рекламируемого объекта. По нашему мнению, в классификации А.А. Горячева отсутствует методологическая детализация: он не дает подробного описания методологии, используемой для анализа. Как выбирались коммуникационные стратегии? Как коммуникационные стратегии были идентифицированы и классифицированы? Отсутствие информации затрудняет оценку строгости методологии. Мы считаем, что классификации О.С. Иссерс, Ю.К. Пироговой и А.А. Горячева либо не имеют методологии, либо являются двусмысленными. Также авторами не рассмотрены «ПЯС».

Наш подход: предпримем попытку создать собственную классификацию коммуникационных стратегий, основываясь на наших вышеупомянутых выводах об отсутствии, неоднозначности и ограниченной обобщаемости предыдущих классификаций, в результате чего мы не можем классифицировать все категории коммуникационных стратегий на три категории, как предыдущие классификации. Следовательно, мы классифицируем их на три группы (рис.) в соответствии с нашим полученным выводом:

1. Стратегии позиционирования бренда: стратегии делают среду благоприятной для взаимодействия, направленного на формирование определенного понимания рекламируемого товара.

2. Стратегии оптимизации: для создания эффективного рекламного сообщения они, тем не менее, стремятся повысить эффективность маркетингового сообщения и обойти сложные коммуникационные обстоятельства. Эти тактики не имеют ничего общего с созданием положительного восприятия рекламируемого продукта.

3. Применение языковых стратегий «ПЯС»: поскольку мы считаем, что для наличия эффективного и действенного рекламного сообщения, как правило, определяется взаимодействие вербальных и невербальных компонентов. Мы считаем, что «ПЯС» имеет решающее значение в том, как информация распределяется между вербальными и невербальными компонентами. Поэтому акцентируем внимание на паралингвистических инструментах, которые включают акцент, мимику, движения глаз, жесты рук, интонацию, дыхание (например, вздох), голосовую паузу, жесты и кинесический или любой физический контакт

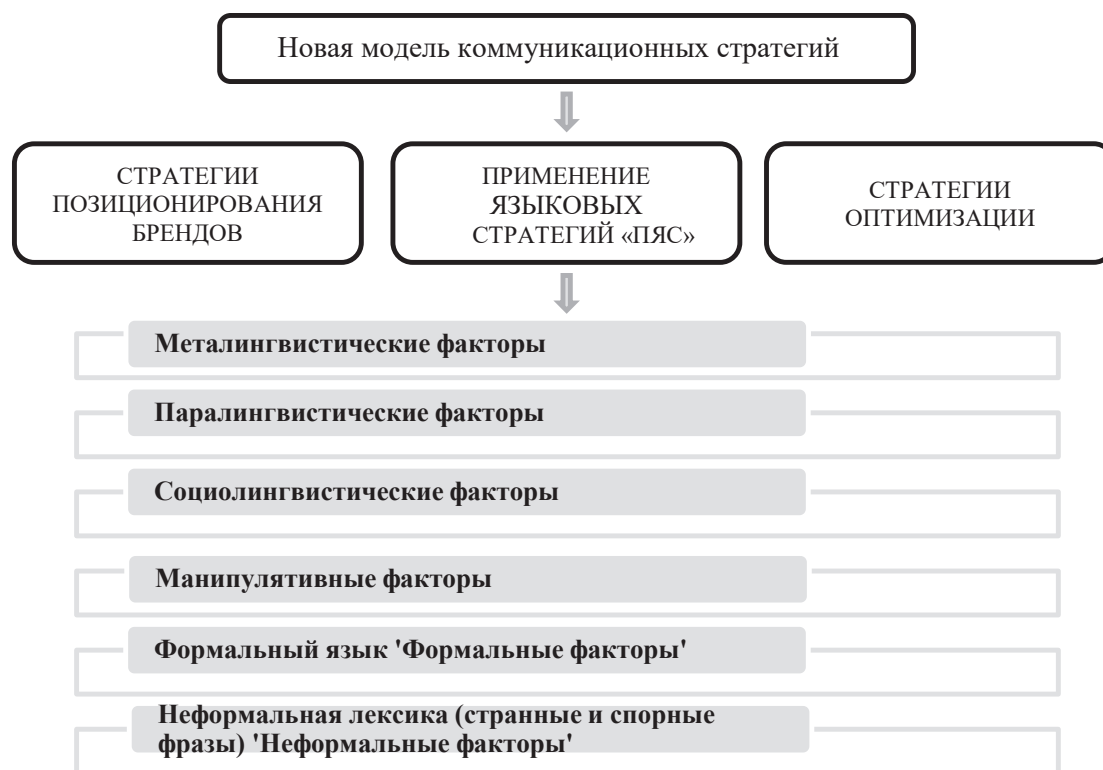

Рис. Классификация новой модели коммуникационных стратегий

собеседников. Кроме того, мы выделяем металингвистические факторы, которые включают фонологические, семантические, синтаксические и прагматические. Собеседники иногда используют социалингвистические факторы, такие как этническая принадлежность, социальный класс, пол, культурные нормы и т.д., чтобы взаимодействовать с получателем. Более того, в одних случаях они используют необычные и спорные фразы, в других – простой, естественный, понятный язык, а в отдельных ситуациях – манипулятивный язык или изменяют значения слов, чтобы оказать своего рода воздействие на аудиторию или адресата. Собеседники изменяют правила языка, чтобы оказать воздействие на получателя. Более того, они употребляют некоторые слова вне контекста или создают новые слова из того же языка или из иностранного языка. По нашему мнению, эта классификация даст точную, релевантную и уместную классификацию и лучшее понимание коммуникационных стратегий.

Таким образом, мы утверждаем, что для создания более эффективной и действенной коммуникации в рекламе можно применять более двух стратегий. «Стратегии позиционирования бренда» будут служить основной стратегией, а «стратегии оптимизации» будут действовать как вспомогательные стратегии, в то время как «применение лингвистических стратегий» будет функционировать как вспомогательная стратегия.

Предполагаем, что в рекламном дискурсе распространено одновременное использование этих

стратегий. Мы определяем «ПЯС» как «стратегии, направленные на повышение эффективности и действенности объекта рекламы, формирование определенного образа этого объекта с использованием лингвистических и нелингвистических факторов в целях лучшего воздействия на действия, намерения и поступки адресата».

Основная цель рекламной коммуникации – убедить зрителей покупать товары и услуги, поэтому собеседник рекламодателя должен эффективно общаться, чтобы побуждать к действиям, таким как покупка продукта. Рекламодатели также используют паралингвистические компоненты, такие как акцент, выражение лица, движения глаз, жесты, ориентация тела, громкость, высота тона, скорость, интонация, пространство, расстояние, обонятельные, цветовые, хронемические или временные сигналы, в дополнение к языку, который они используют для убеждения потребителей. Эти компоненты имеют важное значение для определения общего тона и эффективности рекламы.

Д. Диксон, О. Харджи рекомендовали использовать невербальную коммуникацию для «дополнения или полной замены» вербальной коммуникации в ситуациях, когда разговор может быть «непрактичным или неуместным» [7]. В нашей статье рассматриваются некоторые из этих параметров для определения задействованных стратегий невербальной коммуникации. Важность невербальной коммуникации в рекламе побудила нас исследовать такие стратегии, как «зрительный контакт», «выражение лица» и «движение

головы» и их вклад в достоверность источника. Каждый невербальный сигнал раскрывает отношение и чувства человека. Даже с этими сигналами мы часто пропускаем сигналы, которые другие получают от наших тел или голоса, и реагируем, не задумываясь о том, как наши действия меняют сообщения.

1. Выражение лица: данное выражение используется для передачи эмоций; оно помогает визуализировать мнение коммуникатора. Предыдущие исследования показали, что одни черты лица более эффективны для демонстрации нашего эмоционального состояния, чем другие. Глаза, например, способны передавать удивление, грусть или счастье. Например, улыбка может подразумевать дружелюбие и т.д. В результате мы можем считывать выражение лица говорящего при передаче сообщения кому-то другому, потому что они являются лучшим индикатором смысла сообщения, чем его слова. Согласно П. Уайнбергу, Ф.-Дж. Конерту, мы пришли к выводу, что можно классифицировать определенные эмоции, используя стандарты для выражений лица в рекламе [8]. Более того, Г. Изабелла, В.А. Виейра, заметили, как люди оценивают продукт, зависит от выражения лица модели [9]. Они также представили доказательства связи между выражением лица модели и синхронизацией мимики. В-третьих, они показали, что искренние улыбки оказывают более сильное влияние на оценку продукта, чем фальшивые улыбки. Это важное открытие расширяет изучение искренних улыбок, включая фальшивые улыбки. Недавние исследования в области маркетинговых коммуникаций, использование рекламодателя с улыбкой на лице увеличивает намерение покупки, и положительное отношение к рекламе и бренду [10]. Л. Сяо, М. Динь описывают взаимодействие между лицами и категориями продуктов, в котором одни лица лучше подходят для рекламы продуктов определенной категории (например, пива), чем (а) другие лица и (б) лицо подходит для представления бренда в другой категории продуктов (например, одеколона) [11]. Таким образом, мы можем сделать вывод, что «выражение лица» как паралингвистический параметр может работать как стратегия, в которой собеседники или

«говорящие» используют его в случаях, когда вербальные сигналы будут мешать.

Гипотеза 1: невербальное общение может быть очень эффективным, когда языковые барьеры делают вербальное общение неэффективным. Кроме того, зрительный контакт имеет решающее значение для передачи честности во время общения (табл. 1).

2. Зрительный контакт: движения глаз, особенно зрительный контакт, являются еще одним подходом к взаимодействию. Окулесика – это невербальная область исследований, которая изучает поведение глаз. В центре внимания коммуникации находятся лицо и глаза, которые являются местом, где мы получаем большую часть коммуникационной информации от окружающих. Когда речь идет об управлении коммуникацией, мы используем зрительный контакт, чтобы дать другим людям знать, когда мы собираемся говорить, или побудить их начать общение. Фактически, отслеживание глаз дает точные данные о том, насколько хорошо ваша реклама, привлекает и вовлекает зрителей. Кроме того, предлагаются сведения о фактическом вовлечении аудитории, которых нет в традиционных показателях эффективности. Движения глаз чувствительны к свойствам стимула и их отличительным особенностям. В некоторых культурах зрительный контакт или отведенный взгляд могут указывать на слушание [12]. Чтобы быть убедительным, поддерживайте устойчивый взгляд и избегайте чрезмерного моргания или трепетания глаз. Зрительный контакт показывает заботу и внимание в социальных взаимодействиях [13]. Глаза, известные как «зеркало души», иногда посылают важные сообщения осознанно, а иногда и бессознательно. Мы считаем, что другие значимые невербальные коммуникации включают в себя пристальный взгляд, моргание и взгляд. Частота моргания и размер зрачков людей увеличиваются, когда они сталкиваются с людьми или вещами, которые им нравятся. Взгляд на кого-то другого может передавать различные эмоции, включая враждебность, интерес и влечение. Таким образом, чтобы передать идеи, показать, что вы обращаете внимание, или удержать чье-то внимание, должны установить зрительный

Таблица 1

Зрительный контакт как эффективное невербальное средство коммуникации

Выражение	Уважение	Нравится	Враждебность	Бедствие	Обман
Выражение лица	Открыто экспрессивный	Улыбка	Хмурый взгляд	Огорченное выражение	Асимметричное выражение
	Нежная улыбка	Радостно удивлен	Наглядный	Быстрое глотание	
		Увлажнение губ	Оскаленные зубы		
			Сжатые зубы		

контакт. Установление зрительного контакта будет способствовать более гладкому разговору и обеспечит ситуационную простоту.

Гипотеза 2: движения глаз являются ключевыми индикаторами внимания как в межличностном общении, так и в рекламе, влияя на выбор и вовлеченность потребителей (табл. 2) [14].

3. Движения головы и поза: обычно мы поворачиваем голову, чтобы проявить интерес к тому, что говорят другие. Кивок головой означает согласие в большинстве культур. Поэтому, когда кто-то не кивает, это может выражать несогласие. Р. Питерс, М. Ведел показали, что едва заметные движения головы вперед-назад влияют на цели потребителей и запоминаемость бренда, предполагая, что язык тела может усиливать запоминаемость бренда [15]. На самом деле, мы поворачиваем голову, чтобы проявить интерес; поднятая голова означает заинтересованное или нейтральное отношение, в то время как наклон головы выражает

отрицательное отношение. А также те, кто хочет говорить первым, могут кивать чаще, приближаться к говорящему, издавать дружелюбные звуки или поднимать руку для привлечения внимания. Четыре обычных положения человека – стоя, сидя, на корточках и лежа – различаются по значению в сочетании с другими невербальными сигналами. Обычно мы разговариваем стоя или сидя. Положение стоя с руками на бедрах в качестве невербальных сигналов демонстрирует силу, и все же поднятые локти сигнализируют о готовности действовать или доминировании, в то время как сидение верхом на стуле указывает на доминирование. Ваша поза, походка или движение влияют на то, как вас воспринимают другие. Таким образом, ваша поза и движение головы многое о вас говорят.

Гипотеза 3: «движения головы и поза» гораздо тоньше и менее определены, чем считалось ранее. Эти невербальные сигналы могут передавать отношение и эмоции (табл. 3).

Таблица 2

Движения глаз как средство невербального общения

Выражение	Уважение	Нравится	Враждебность	Бедствие	Обман
Выражение глаз	Отводить взгляд «отвести глаза»	Расширенные зрачки	Сузить взгляд	Быстрое моргание глаз	Быстрое моргание глаз
		С широкими глазами	Глядя на «сужение»	Метание взгляда	Расширение зрачков
			Отвести глаза	Опущенные глаза	Отведенный взгляд «отвести взгляд»
			Отвергнутый взгляд		

Таблица 3

Движения головы и поза как невербальные сигналы передачи отношений

Выражение	С уважением	Нравится	Анимозиция	Дистресс	Обман
Движение головы	Наклонить голову	Быстрое кивание головой	Упор челюсти вперед	Тряска головой	Кивок головой вверх и вниз в знак «нет»
		Наклонить голову	Наклон	Наклон головы	Встряхивание головой в знак «да»
			Резкое покачивание головой (в знак неодобрения)		
Осанка	Изгиб тела	Удобный	Жёсткий	Наклонился	Заметный
	Стоять смирно «военная выправка»	Имитирующий «Реакция Гаучей»	Пожать плечами. Поднятые плечи	Шея выгнута вперед и вниз	

Заключение. Концепции и категоризация коммуникационных стратегий, введенные автором, который назвал их «ПЯС», могут быть использованы для категоризации большинства сообщений, связанных с рекламой. В результате изучения разных типов стратегий, используемых в рекламном дискурсе, позволяет нам моделировать процесс выбора различных средств коммуникации и их взаимодействие в убеждающих сообщениях, а также лучше понимать специфику убеждающей коммуникации. Следовательно, структурирована новая модель коммуникационных стратегий.

Соответственно, автор уделит внимание невербальным факторам, которые мы определили и выделили, чего не хватало в более ранних исследованиях. Автор сосредоточился на стратегических паралингвистических факторах коммуникации «движение головы, зрительный контакт, акцент и выражения лица».

Помимо формирования предположений о чертах личности собеседников, невербальные сигналы также раскрывают намерения собеседников в отношении социальной и культурной коммуникации. На основании результатов и выводов мы можем выделить следующие моменты:

1. Невербальное общение может быть очень эффективным, когда языковые барьеры делают вербальное общение неэффективным.

2. Мы можем сказать, что функция движений глаз как индикаторов внимания при обработке рекламы и потребительского выбора хорошо изучена.

3. Движения головы и поза гораздо тоньше и менее определены, чем считалось ранее.

4. Для подчеркивания слов или фраз можно использовать многочисленные невербальные формы поведения.

Литература

1. Пели, Е. Коммуникативно-прагматический анализ коммерческих газетных/журнальных реклам: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Пели Ева. – Москва, 2003. – 157 л.
2. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.
3. Пирогова, Ю.К. Стратегии коммуникативного воздействия и их отражение в рекламном тексте / Ю.К. Пирогова // Текст. Интертекст. Культура: сб. материалов Междунар. научн. конф., 2001. – 256 с.
4. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография / О.С. Иссерс. – 5-е изд. – М.: Ред., 2008. – 288 с.
5. Горячев, А.А. Моделирование речевого воздействия в рекламной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Горячев Алексей Александрович. – СПб., 2010. – 296 л.
6. Рис, А. Позиционирование: битва за ваш разум / А. Рис, Дж. Траут. – New York: McGraw-Hill, 1981. – 320 с.
7. Диксон, Д. Умелая межличностная коммуникация: исследования, теория и практика / Д. Диксон, О. Харджи. – Лондон: Routledge, 2003. – 629 с.
8. Уайнберг, П. Эмоциональные лицевые выражения в рекламе / П. Уайнберг, Ф.-Дж. Конерт. – Прово, ИУТ: Ассоциация исследований потребителей, 1984. – Т. 11. – С. 607–611.
9. Изабелла, Г. Влияние лицевого выражения на эмоциональное заражение и оценку продукта в печатной рекламе / Г. Изабелла, В.А. Виейра // RAUSP Management Journal. – 2020. – Vol. 55, № 3. – P. 375–391. – DOI:10.1108/rausp-03-2019-0038.
10. Иличич, Дж. Как улыбка может изменить ситуацию: усиление убедительности знаменитых endorsers / Дж. Иличич, А. Кульчиньски, С.М. Бакстер // Journal of Advertising Research. – 2018. – Vol. 58, № 1. – P. 51–64. – DOI:10.2501/jar-2016-003.
11. Сяо, Л. Только лица: исследование влияния лицевых черт в печатной рекламе / Л. Сяо, М. Динь // Marketing Science. – 2014. – Vol. 33, № 3. – P. 338–352. – DOI:10.1287/mksc.2013.0837.
12. Акселл, Р. Жесты: что можно и нельзя делать с языком тела по всему миру / Р. Акселл. – Нью-Йорк: John Wiley & Sons, 1998. – 256 с.
13. Альфорке, К. Глаз вас убедит: исследование использования зрительного контакта филиппинскими студентами колледжа для убеждения / К. Альфорке [и др.]. – Журнал языка, литературы, социальных и культурных исследований. – 2023. – № 1(2). – С. 71–81. – URL: <https://doi.org/10.58881/jllscs.v1i2.54>.
14. Оркин, Дж.Л. Внимание и выбор: обзор движений глаз в процессе принятия решений / Дж.Л. Оркин, С. Мюллер Луз // Acta Psychologica. – 2013. – Vol. 144, № 1. – P. 190–206. – DOI:10.1016/j.actpsy.2013.06.003.
15. Питерс, Р. Внимание вверх: движения головы во время показа рекламы отвечают на цели потребителей и предсказывают запоминание бренда / Р. Питерс, М. Ведел // Journal of Business Research. – 2020. – Vol. 111. – P. 281–289. – DOI:10.1016/j.jbusres.2018.11.031.

Поступила в редакцию 30.12.2024

**Рецензия
на книгу В.А. Воронцова
«Фундаментальная система языка и ее
использование в семантических исследованиях» /
В.А. Воронцов. – Казань: Логос-Пресс, 2024. – 200 с.**

В последние десятилетия лингвистика превратилась в область чисто прикладных профессиональных занятий. Сегодня ни эрудиция, ни широта кругозора, ни воображение не востребованы в научной лингвистической литературе. Профессор И. Сандомирская справедливо отметила: «В течение последних десятилетий лингвистика почти покинула круг интересов интеллектуалов и превратилась в область чисто прикладных профессиональных занятий...» (И. Сандомирская. Возвращение поэтов, или похвала словоблудию... // Поэтика исканий, или поиск поэтики. М., 2004, с. 199.).

Рецензируемая работа В.А. Воронцова как раз демонстрирует эти редкие качества: широту кругозора и воображение авторов. Что особенно импонирует в данной книге, так это само направление мысли – двигаться от непосредственной образной данности жеста. Исходной, первичной формой, по мнению автора, выступают руки матери: «Посредством жестов матери традиционно и предельно демонстративно придают смысл невидимым звуковым оболочкам в ходе приобщения детей к звуковому языку» (с. 9). В качестве эпиграфа к книге взяты слова Я. Полонского: «*И задрожит в руке твоей / Первоначальной жизни слово*».

Говоря о достоинствах книги, нужно отметить смелость и новые повороты в рассмотрении традиционных вопросов глоттогенеза. Так, автор утверждает, что жестам свойственна многозначность, которая объясняет причину звукового сходства, казалось бы, далеких слов: «Рука (man) может одновременно мять содержимое ладони, манить, а также мнить из себя сверх всякой меры, демонстрируя большой палец» (с. 10). Отсюда родственность слов *мну, маню, мню, мания*.

В рецензируемой работе мы наблюдаем еще одну важную особенность современной науки, которую называем интегративностью, Е.С. Кубрякова – экспансионизмом лингвистики и т.д., – это привлечение данных других наук, занимающихся проблемой первоязыка, – теории познания, семиотики, психологии, культурологии и даже математики.

Работа посвящена широкому кругу вопросов – от понимания протосемьи и ее роли в глоттогенезе, до мифологизированного сознания и математики, ибо через жесты, по мнению автора, ребенок приобщается к математике, что в конце концов позволяет ему интерпретировать басню, миф, сказку. Очень поддерживает авторскую концепцию тот факт, что объясняется связь между жестом и числом, жестом и космосом.

Логика автора здесь такова. Исходный (протоязык) язык не просто Дар Божий, а Бог, поскольку само Слово (по Библии) – Бог. Поскольку люди созданы по образу и подобию Бога, Бог не может быть невидимым звуком. В сказках и мифах Слово всемогуще. Оно творит изначальный мир, в котором мы изначально обитаем, самые разные вещи, которыми мы пользуемся, а также самых разных говорящих и поучающих животных. Нет оснований полагать, что звуковое Слово способно породить чудесный рукотворный мир, в котором изначально обитает младенец. Факты свидетельствуют, что практика первична, что жизненная, актуальная практика, актуальное приобщение к этой практике невозможны без использования и осмысления соответствующих движений, жестов. Этими жестами пользуются все люди на земле, включая слепых и глухих. Попытки приобщить обезьян

к звуковому языку не увенчались успехом, поскольку он противоестественен. Между тем они язык от Бога не только усваивают, но и передают по наследству.

В своей книге автор показывает, что истоки человеческого сознания неразрывно связаны с измерением, счетом, производимых руками, поэтому слова *считать* и *думать* во многих языках являются синонимами. Действовать, померив, соизмерив, намеренно, значит действовать сознательно. Автор показывает, что руки позволяют демонстрировать процесс мышления: измерение, счет, соизмерение. Именно ручное мышление лежит у истоков мышления в филогенезе и онтогенезе.

Автор проанализировал целый ряд слов с использованием своей фундаментальной системы. Он показал, что эта система легко усваивается даже младенцами.

Вы доказываете, что основой звуковых языков служит фундаментальная система жестовых репрезентаций. Но звуковые ассоциации и соответствия очень важны именно для русской лингвокультуры, поэтому большинство русских пословиц и поговорок основаны на звуковых объяснениях: *Кто в мае женится – век будет маяться* и т.д. Вся наивная этимология также опирается на звуковые соответствия. Таких случайностей не бывает. В этом мы видим некоторые полемические преувеличения. Есть и отдельные примеры, с которыми трудно согласиться. Например, там, где Вы корень *каз* связываете со сказкой, потом идете к Бояну и т.д. Но КАЗ – это расстояние между глазами, а глаза – это власть, отсюда *казаки*, *наказ*, *приказ* и пр., все имеет связь с завоеваниями и т.д.

Но это мелочи, а более важно, как нам кажется, то, что Вы не связываете жесты с сознанием. А ведь в основе всей содержательной деятельности психики человека лежат те же механизмы, что и в языке – метафора, прагматические расширения и т.д.

Таким образом, в рецензируемой монографии представлена последовательная, логичная, непротиворечивая концепция, имеющая право на жизнь. Это делает книгу нужной и интересной не только для лингвистов, но и философов, психологов, культурологов и представителей всех наук, объектом которых является человек.

Сказанное позволяет заключить, что рецензируемая книга представляет интерес как для профессиональных лингвистов, так и для преподавателей, студентов и аспирантов, интересующихся проблемами глоттогенеза.

Маслова Валентина Авраамовна – доктор филологических наук, профессор, профессор Витебского государственного университета имени П.М. Машерова

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛИМПШЕВА Елена Викторовна – доцент кафедры мировых языков учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат филологических наук.

БАРТОШ Юлия Васильевна – доцент кафедры мировых языков учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат филологических наук.

БУБЕНЬКО Татьяна Станиславовна – кандидат исторических наук, доцент.

ГЛАДКОВА Анна Александровна – доцент кафедры белорусской и русской филологии учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат филологических наук, доцент.

ГОЛУБЕВ Вячеслав Андреевич – преподаватель кафедры философии и социальных наук учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», магистр исторических наук.

ДАВЛЯТОВА Елена Валентиновна – старший научный сотрудник отдела исследований глобализации регионализации и социокультурного сотрудничества государственного научного учреждения «Институт философии Национальной академии наук Беларуси», кандидат исторических наук, доцент.

ДАЛИМАЕВА Евгения Олеговна – старший преподаватель кафедры философии и социальных наук учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

ДУБРОВКО Елена Николаевна – заместитель декана по учебной работе факультета истории и межкультурных коммуникаций учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», кандидат исторических наук, доцент.

ДУЛОВ Анатолий Николаевич – заведующий кафедрой истории и культурного наследия учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат исторических наук, доцент.

ЖУРАВСКАЯ Ольга Сергеевна – доцент кафедры международных отношений Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук.

ЗАЙЦЕВА Ирина Павловна – заведующий кафедрой мировых языков учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», доктор филологических наук, профессор.

ЗИМАНСКИЙ Вадим Элдорович – доцент кафедры белорусской и русской филологии учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат филологических наук, доцент.

КЕЖА Юрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, докторант Белорусского государственного университета.

КУИМОВА Надежда Александровна – старший преподаватель кафедры истории Беларуси и славянских народов, учреждения образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», магистр.

КУТУЗОВА Наталия Александровна – заведующий отделом исследований глобализации регионализации и социокультурного сотрудничества, государственного научного учреждения.

МАЛЫШЕВА Ксения Игоревна – старший преподаватель кафедры мировых языков учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», магистр.

МАЦЕВИЧ Матвей Викторович – студент 2 курса факультета международных отношений Белорусского государственного университета.

МЕЗЕНКО Анна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, почетный профессор учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

МЕНЬШЕНИНА Ирина Александровна – старший преподаватель кафедры иностранных языков учреждения образования «Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет».

МУНИР Антониус Самир – аспирант кафедры германской филологии учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

МУРАТОВА Елена Юрьевна – профессор кафедры белорусской и русской филологии учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», доктор филологических наук, профессор.

НЕКРАШЕВИЧ Филипп Анатольевич – доцент кафедры философии и идеологической работы учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат исторических наук, доцент.

НИКИТЕНКО Татьяна Васильевна – заведующий кафедрой теории и практики перевода Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент.

НИКИФОРОВИЧ Максим Александрович – магистрант учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

ПРИЩЕПА Максим Михайлович – преподаватель-стажер кафедры германской филологии учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

РОСТОВСКАЯ Ольга Михайловна – заведующий кафедрой философии и социальных наук учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат философских наук, доцент.

РУДКО Елена Антоновна – доцент кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» учреждения образования «Витебский государственный технологический университет», кандидат философских наук, доцент.

СЕРГЕЕВА Виктория Владимировна – доцент кафедры теории и практики перевода Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук.

СТЕПАНОВ Дмитрий Анатольевич – аспирант кафедры мировых языков учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», магистр педагогических наук.

ШКИРАНДО Федор Иванович – независимый исследователь.

ШРАМУК Елизавета Петровна – аспирант кафедры истории и культурного наследия учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», магистр исторических наук.

ЯКОВЛЕВА-ЮРЧАК Елена Николаевна – старший преподаватель кафедры мировых языков учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ALIMPIYEVA Elena Viktorovna – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of World Languages, PhD (Philology).

BARTOSH Julia Vasilyevna – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of World Languages, PhD (Philology).

BUBENKO Tatyana Stanislavovna – PhD (History), Assistant Professor.

GLADKOVA Anna Aleksandrovna – Department of Literature Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University, PhD (Philology), Assistant Professor.

GOLUBEV Viacheslav Andreyevich – teacher of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Philosophy and Social Sciences, Master of History.

DAVLIATOVA Yelena Valentinovna – Senior Researcher of Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus Department of Globalization, Regionalization and Social and Cultural Cooperation Research, PhD (History), Assistant Professor.

DALIMAYEVA Yevgeniya Olegovna – Senior Lecturer of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Philosophy and Social Sciences.

DUBROVKO Elena Nikolayevna – Academic Deputy Dean of Gomel State Francisk Skoryna University Faculty of History and Cross-Cultural Communications, PhD (History), Assistant Professor.

DULOV Anatoli Nikolayevich – Head of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of History and Cultural Heritage, PhD (History), Assistant Professor.

ZHURAVSKAYA Olga Sergeyevna – Assistant Professor of Belarusian State University Department of International Relations, PhD (History).

ZAITSEVA Irina Pavlovna – Head of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of World Languages, Dr.Sc. (Philology), Professor.

ZIMANSKI Vadim Eldarovich – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Belarusian and Russian Philology, PhD (Philology), Assistant Professor.

KEZHA Yuri Nikolayevich – PhD (History), Associate Professor, Doctoral Student of Belarusian State University.

KUIMOVA Nadezhda Aleksandrovna – Senior Lecturer of Maxim Tank BSPU Department of History of Belarus and Slavonic Nations, Master of Science.

KUTUZOVA Nataliya Aleksandrovna – Head of Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus Department of Globalization, Regionalization and Social and Cultural Cooperation Research, PhD (Philosophy), Assistant Professor.

MALYSHEVA Kseniya Igorevna – Senior Lecturer of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of World Languages, Master of Education.

MATSKEVICH Matvei Viktorovich – 2nd year student of Belarusian State University Faculty of International Relations.

MEZENKO Anna Mikhailovna – Dr.Sc. (Philology), Professor, Vitebsk State P.M. Masherov University Honorable Professor.

MENSHENINA Irina Aleksandrovna – Senior Lecturer of Vitebsk State Order of Peoples' Friendship Medical University Department of Foreign Languages.

MOUNIR Antonius Samir – postgraduate student of Vitebsk State P.M. Masherov University of Department Germanic Philology.

MURATOVA Elena Yuryevna – Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Belarusian and Russian Philology Professor, Dr.Sc. (Philology), Professor.

NEKRASHEVICH Philip Anatolyevich – Assistant Professor of Academy of MIA of the Republic of Belarus Department of Philosophy and Ideological Work, PhD (History), Assistant Professor.

NIKITENKO Tatsiana Vasilyevna – PhD (Linguistics), Associate Professor, Head of Belarusian State University Department of Translation Theory and Practice.

NIKIFOROVICH Maksim Aleksandrovich – master student of Vitebsk State P.M. Masherov University.

PRISHCHEPA Maksim Mikhailovich – trainee teacher of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Germanic Philology.

ROSTOVSKAYA Olga Mikhailovna – Head of Department of Philosophy and Social Sciences of Vitebsk State P.M. Masherov University, PhD (Philosophy), Assistant Professor.

RUDKO Elena Antonovna – Assistant Professor of Vitebsk State Technological University Department of Social and Humanitarian Disciplines, PhD (Philosophy), Assistant Professor.

SERGEYEVA Viktoriya Vladimirovna – Assistant Professor of Belarusian State University Department of Theory and Practice of Translation, PhD (Philology).

STEPANOV Dmitri Anatolyevich – postgraduate student of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of World Languages, Master of Education.

SHKIRANDO Feodor Ivanovich – independent researcher.

SHRAMUK Yelizaveta Petrovna – postgraduate student of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of History and Cultural Heritage, Master of History.

YAKOVLEVA-YURCHAK Elena Nikolayevna – Senior Lecturer of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of World Languages.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим, филологическим и философским наукам. Основными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. Вне очереди публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языках.
2. Каждая статья должна содержать следующие элементы: *индекс УДК; название статьи; фамилия и инициалы автора (авторов); организация, которую он (они) представляет (-ют); введение; раздел «Материал и методы»; раздел «Результаты и их обсуждение»; заключение; список использованной литературы.*
3. Название статьи должно отражать ее содержание, быть по возможности лаконичным, вмещать ключевые слова, что позволит индексировать статью.
4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на заграничные публикации.
5. Раздел «Материал и методы» включает описание методики, технических средств, объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами).
6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен сделать выводы с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.
7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.
8. Список литературы должен включать не более 12 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа – 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.
9. Статьи сдаются в редакцию в двух экземплярах объемом не менее 0,35 авторского листа (14000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Количество рисунков не должно превышать трех. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Фотографии в печать не принимаются. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows. Используется следующий формат страницы: красная строка – 0,5 см; поля: сверху – 2,5 см, снизу – 2,5 см, слева – 2 см, справа – 2 см.
10. Иллюстрации, формулы, уравнения, которые встречаются в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования в тексте. К каждому экземпляру статьи нужно приложить по одному экземпляру иллюстрации. Копии рисунков для другого экземпляра статьи должны содержать все необходимые буквенные и цифровые надписи. Подписи к рисункам, схемам и таблицам печатаются через один интервал. В названиях таблиц и рисунков не должно быть сокращений.
11. Размерность всех величин, которые используются в тексте, должна соответствовать Международной системе единиц измерения (СИ).
12. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Электронная версия сдается на дискетах, дисках или пересылается на адрес электронной почты университета (*nauka@vsu.by*).
13. К статье прилагаются следующие материалы (на отдельных листах):
 - *реферат (100–150 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи, и ключевые слова на языке оригинала;*
 - *название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;*
 - *номер телефона, адрес электронной почты;*
 - *рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;*
 - *экспертное заключение о возможности публикации материалов к печати.*
14. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.
15. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

GUIDELINES FOR AUTHORS

The List of scientific publications “Scientific notes of Educational Establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masherov»” is included in the list of the scientific editions of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation researches in philological, historical and philosophical sciences. The main criterion for the publication is novelty and specificity of the article. The priority for publication is given to scientific articles by postgraduates in their last year (including their articles written with co-authors) on condition these articles correspond the requirements for scientific articles of the journal.

Guidelines for the layout of a publication:

1. Articles are to be in Belarusian, Russian or English.
2. Each article is to include the following elements: *UDK index; title of the article; name and initial of the author (authors); institution he (she) represents; introduction; “Material and methods” section; “Findings and their discussion” section; conclusion; list of applied literature.*
3. The title of the article should reflect its contents, be laconic and contain key words which will make it possible to classify the article.
4. The introduction should contain a brief review of the literature on the problem. It should indicate not yet solved problems. It should formulate the aim; give references to the recent articles of other authors including foreign publications.
5. “Material and methods” section includes the description of the method, technical aids, objects and contents of the author’s (authors’) research.
6. “Findings and their discussion” section the author should draw conclusions from the point of view of their scientific novelty and compare them with the corresponding well-known data. This section can be divided into sub-sections with explanatory subtitles.
7. The conclusion should contain a brief review of the findings, indicating the achievement of this goal, their novelty and possibility of practical application.
8. The list of literature shouldn’t include more than 12 references. The references are to be numerated in the order of their citation in the text. The order number of a reference is given in square brackets e.g. [1], [2]. The layout of the literature list layout is to correspond State Standard (GOST)– 7.1-2003. References to articles and theses which were not published earlier are not permitted. A complete name of the author’s certificate and the deposited copy is indicated as well as the institution which presented the copy for depositing.
9. Two copies of at least 0,35 of an author sheet size (14000 printing symbols with blanks, punctuation marks, numbers etc.), interval 1, Times New Roman 11 are sent to the editorial office. This size includes the text, charts and list of literature. Not more than three pictures are allowed. Pictures and schemes are to be presented in individual jpg-files. Photos are not allowed. Articles should be typed in Microsoft Word. The page layout is the following: new paragraph – 0,5 cm; margins: top – 2,5 cm, bottom – 2,5 cm, left – 2 cm, right – 2 cm.
10. Illustrations, formulas, equations, if any, are to be numbered in accordance with their appearance in the text. One copy of illustrations should be attached to each copy of the article. Picture copies for the second copy of the article should contain all the required letter and number titles. Titles of the pictures, charts and tables are to be typed in one interval. Titles of tables and pictures should not be abbreviated.
11. All dimensions used in the text should correspond the International measurement unit system (SI).
12. The electronic version should be attached to the paper copy of the article submitted to the editorial board. The electronic and the paper copies of the article should be identical. The electronic version is presented on a diskette or diskettes or is sent by e-mail (the university e-mail address is nauka@vsu.by).
13. Following materials (on separate sheets) are attached to the article:
 - *summary (100–150 words), which should precisely present the contents of the article, should be liable for being published in magazine summaries separately from the article as well as the key words in the language of the original;*
 - *title of the article, surname, first and second names of the author (without being shortened), place of work, summary and key words in English;*
 - *telephone number; e-mail address;*
 - *recommendation of the department (scientific laboratory) to publish the article;*
 - *expert conclusion on the feasibility of the publication.*
14. On the decision of the editorial board the article is sent for a review, and then it is signed by the members of the editorial board. If the article is sent back to the author for improvement it doesn’t mean that it has been accepted for publication. The improved variant of the article is reconsidered by the editorial board. The article is considered to be accepted on the day when the editorial office receives the final variant.
15. Earlier published articles as well as articles accepted for publication in other editions are not admitted.

Научное издание

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
УО «ВГУ имени П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

Том 40

Компьютерный дизайн Л.В. Рудницкая
Корректор Т.В. Образова

Подписано в печать 31.12.2024. Формат 60х84¹/₈. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 21,39. Уч.-изд. л. 20,20. Тираж 50 экз. Заказ 202.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.